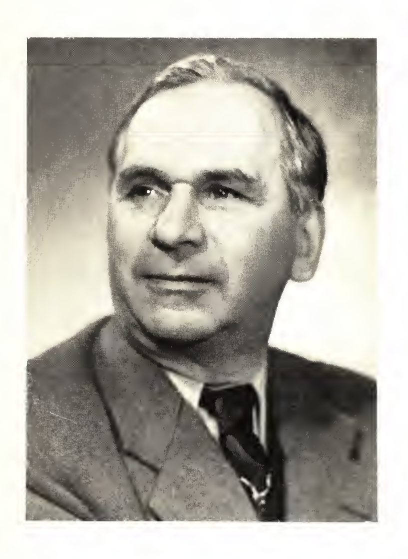
Е. Габрилович

КНИГА СЦЕНАРИЕВ

Е. Габрилович

КНИГА СЦЕНАРИЕВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
•ИСКУССТВО•
Москва • 1959

ЕВГЕНИЙ ГАБРИЛОВИЧ

Стаж литератора Евгения Габриловича много больше стажа Габриловича-кинематографиста. В середине тридцатых годов, когда появился его первый фильм, писатель был уже признан. Но его приход в кинематографию не стал одним из тех снисходительных визитов, которые обычно кончаются взаимным неудовольствием гостя и хозяина. Габрилович с первых дней своей работы для экрана возненавидел дилетантизм, неуважительную легкость, с которой именитые писатели соглашаются порой попробовать силы в сценарном деле. Он стремился к подлинному мастерству в новой для него профессии, он был полон высокого уважения к ее требованиям и законам.

Готовый узнавать и учиться, Габрилович нес в киноискусство большой и сложный литературный опыт. В кинематографию Габрилович пришел художником отстоявшимся, перебродившим. Он был уже взрослым в искусстве, был свободен от юношеских метаний. В мягкой, ровной, неброской манере автора «Последней ночи» уже не узнаешь руки Габриловича-юноши, задиристо-неразборчивый почерк одного из участников помеченного двадцать первым годом сборника «Экспрессионисты».

Сборник был тощенький и программный. В нем шестнадцать страниц, четыре автора; в нем мальчишеская самоуверенность сокрушителей эстетических основ, ажиотаж новаторства. Издательство, выпустившее эту книжку, называлось пышно и задумчиво: «Сад Академа». Такое название обязывает к стильной строгости печати, к благородно-шершавой, плотноватой бумаге, но

сборник отпечатан на газетном «обрыве», желтеющем и хрупком, не способном сколько-нибудь прочно держать типографскую краску. Буквы экспрессионистских строк осыпаются, словно их прикрепили наспех, на живую нитку. На обороте синей бумажной обложки — перечень произведений участников книги. Против фамилии Евгения Габриловича в этом списке одно заглавие: «Возвещение о благе» с пометкой в скобках: «готовится».

Начинался новый писатель. Судьба его налаживалась не сразу, не легко. По первому его выступлению в этом самом сборнике «Экспрессионисты», по «Второй, лирической» главе рассказа «Аат», которой Габрилович дебютировал, вероятно, никто бы не взялся предсказать, что дальнейшая дорога писателя станет дорогой убежденного реалиста чеховской школы. Мир юношеских рассказов Габриловича нервозен и невнятен. В том повинна и мальчишеская литературная поза и неподдельная растерянность поколения интеллигенции, к которому принадлежал автор. В этой ранней прозе есть ощущение ушедшей из-под ног почвы, потерянной исторической реальности. Мир, возникающий в первых новеллах Габриловича, причудлив и полон неосознанной угрозы. Четкость и крепость каких-то частных подробностей, зафиксированных повествователем, усиливает впечатление странной зыбкости целого. Трудно уловить, что происходит в рассказе: этого-то впечатления неясности автор, впрочем, как раз и добивался; в утверждении неуловимости и нелогичности мира — его позиция. Он находит прием, вызывающий у читателя почти физическое головокружение, — прием монтажа несовместимостей. Каждая фраза в отдельности явственна, весома и понятна; соединяясь одна с другой, они смыкаются в цепь алогичностей.

В «Визерландских рассказах», последовавших за дебютом в сборнике «Экспрессионисты», отысканный Габриловичем прием доведен до крайности. Он уже соприкасается с чистым литературным озорством.

«Визерландские рассказы» появились в сборнике «Остров Дружбы», изданном «Московским Парнасом» в 1923 году. Книжке предпослан манифест, подписанный «парнасцами»; желание уединиться на туманном острове поэзии, еще не захлестнутом морем социальных треволнений, слышно здесь отчетливо и надсадно.

Визерландия предлагала своего рода убежище от современности и ее бурь. Но визерландское убежище легко могло стать ловушкой. Отсиживание в садах Академа и на невысоком московском Парнасе не могло длиться, не становясь смешным либо враждебным советской действительности. На искусственных островах дружбы Габриловичу просто нечего было делать.

Живой мир окружал очень молодого писателя. Визерландия осыпалась, тускнела елочной мишурой, ее марево было прорвано, как театральный тюль, и в прорыв виднелся контур настоящего времени. Виднелся мир — не улегшийся после октябрьской бури, трудный, великолепный, простой и дающий стократные поводы для удивлений, а однажды открывшись писателю, этот мир оказывается неисчерпаемым.

Из Визерландии, из вневременного и внепространственного литературного мира, молодого Габриловича тянет в самую гущу «сегодня», «здесь», в круговорот реальных дел Советской страны. Теснились двадцатые годы. Ломка прошлого и строительство будущего осознавались и осуществлялись в конкретнейших и обыденных даже событиях. Пофыркивающие фордзоны брали с места рывком, волочили плуги через отмененные межи. Над тихими уездными городами оседала розовая пыль взрывов, неохотно рушилась добросовестная кирпичная кладка церковных сводов, и Соборная площадь меняла название в кумачовом и медном веселии митингов. Прошлое было сокрушено, смерть его была подписана и скреплена печатью декретов и постановлений, приговоров чека и распоряжений коммунхозов... Его не успевали разбирать, его взрывали. Будущее торопилось; оно начиналось на площадках, еще не расчищённых от развалин. Оно не было лучезарным, туманным, мечтательно безымянным: оно обсуждалось в прениях до утра, оно носило имя Днепростроя и Магнитки, Хибиногорска и Кузнецкстроя, оно было потным, рабочим... Оно требовало рабочих рук. Оно объявляло набор поэтов, как объявляло набор рабочей силы.

Габрилович — писатель этого набора. В двадцатые годы были заложены глубинные черты его литературного существа. Здесь он находит не только своих героев, но и самого себя. Здесь приходит к нему особая зоркость к движущемуся времени, здесь учится он умению рас-

сказать об эпохе, рассказав о неповторимо своеобразных людях, этой эпохой отформованных.

Немыслимо перенести события и героев рассказов Габриловича в иное время, кроме названного автором. Габрилович поистине историчен в создаваемых им портретах, хотя пишет он людей, застигнутых, казалось бы, в совершенно случайный момент их жизни, запарившихся, охрипших в спорах, ни внешне, ни внутренне не успевших прихорошиться перед литературным объективом. Так, в новелле «Весна» зарисовывает он «табор людей первой пятилетки», заночевавших в битком набитой районной гостиничке. Здесь уполномоченные в огромных бараньих тулупах, с карманами, где умещаются газеты, носки, заварка чаю, сахар, стакан и даже ботинки — на смену промокшим. Здесь журналисты, пишущие, прижав блокнот к стене,— к столу невозможно протолкаться. Здесь мужики, принесшие с собой запах овчин и махры — запах многодумных крестьянских сходов. Здесь доктора, приехавшие из глубинных мест, одетые в армяки, с саквояжиками, набитыми хиной, борной кислотой, содой, всеми правдами и неправдами, добытыми в аптекоуправлении...

Габрилович настороженно внимателен к приметам времени — не только к общим знамениям эпохи, но и просто к характерным подробностям данного года, данной исторической секунды. Он счастливо зорок в выразительных деталях — вспомним хотя бы его зарисовки Москвы восемнадцатого года в «Коммунисте», Москвы, повернутой своей неожиданной бытовой стороной. Маленькие одновагонные трамвайчики, задыхающиеся от пассажиров; начальник строительства, прибывший в столицу по вызову Кремля, удачно всаживается в трамвай, отвоевав место на подножке... Булыжная Каланчовская площадь... Учреждения молодой республики, расселившиеся кое-где: в бывшем ресторане, в молочной Чичкина, в часовне с неистребимым запахом ладана... В зимнем саду какого-то барского особняка еще стоят пальмы, но уже трещат бодрые ундервуды, и над роялем розового дерева повешен плакатик: «Рукопожатия отменяются».

Свое острое чувство времени, чувство «исторической секунды», прозаик Габрилович принес с собой в кинематограф. Он начал с исторической темы в «Последней

ночи» и вновь вернулся к ней в своих недавних работах — в «Коммунисте» и в «Последней осени». Но историзм свойствен не только этим сценариям. Историзм остается целью Габриловича и тогда, когда он берется рассказать нам не слишком замысловатую лирическую повесть о Машеньке или разобраться в перипетиях судеб обитателей меблированных комнат «Мечта».

В сценариях Габриловича по мере возмужания его таланта все явственнее вкус к анализу обыденного,— на первый взгляд неприметного,— к такому анализу, при котором общие исторические и социальные закономерности обнаруживаются в сложном, неповторимо индивидуальном преломлении.

Габрилович склонен в прозе, как и в сценариях, к раздумьям о больших, глубинных вопросах времени. Но он не старается отыскать в жизненном материале исчерпывающе ясные, сильные своей наглядностью подтверждения заранее выработанной социально-исторической концепции. Он исследует материал с тем, чтобы самому отыскать там отгадку.

Габриловичу просто неинтересно было бы работать, если бы психологический анализ в его сценариях должен был выполнять ту примерно роль, что опыты во время школьных занятий. Исход их заранее известен преподавателю, они служат не для открытия истины, а для ее наглядного подтверждения. Габрилович обращается к жизненному материалу с благородным любопытством исследователя.

Его герои — всегда лица, а не олицетворения. Таково одно из существеннейших для творчества Габриловича эстетических требований, которое еще только намечается, но намечается достаточно четко уже в «Последней ночи». Его герои не дают «расшифровать» себя, про них не скажешь: «олицетворением матери-родины становится в фильме мать революционеров Захаркиных». Вся система образов сценария иная, не допускающая подобного прямого прочтения. «Олицетворение»... Ну разве так скажешь про коротенькую, по-старушечьи мягкую Максимовну с ее баулом, с ее бутылкой молока и оладьями, которые она запасливо прихватывает, идя на поиски своих домочадцев, отправившихся делать революцию не поевши...

Но сказанное вовсе не означает, будто Габрилович

не ищет обобщения, ограничивается своего рода портретной эмпирикой. Он ищет свою дорогу к обобщению, к раскрытию исторической значимости простого, «рядового» человека. Он глубочайшим образом убежден, что и Максимовна, и ее сыновья, и тихая телеграфистка Машенька, и чернорабочие со строительства первой советской электростанции в «Коммунисте» суть лица исторические. И конкретнейший, лирически вдумчивый, «теплый» анализ их внутреннего мира, предпринимаемый художником, как раз имеет своей целью распознание характеров, как характеров, в которых отразилась эпоха, как характеров, через которые может быть понята она, эта сформировавшая их эпоха.

К каждому из своих героев Габрилович полон неподдельного, восхищенного и сдержанного интереса. И этот интерес бывает щедро вознагражден.

Такой наградой стало неожиданно углубленное,— рискнем сказать — глубоко историческое звучание «Машеньки». Ведь этот сценарий строился, казалось бы, всего лишь как повесть одной любви, а стал чем-то несравнимо большим. «Машенька», по существу,— рассказ о становлении современного героического характера.

«Машенька» вышла на экраны в годы Отечественной войны. Раздумчиво и интимно рассказанная Евгением Габриловичем и Юлием Райзманом история маленькой девушки из приморского почтового отделения воспринималась зрителем как развернутая бытовая предыстория тех подвигов, которые совершали на фронтах люди ее поколения.

Деталь. Деталь. Еще какая-то будто незначащая деталь, вроде той реплики, которую укоризненно бросает телеграфистка клиенту, подающему телеграмму о недовыполнении плана. Не скажешь точно, которая именно из бесчисленных подробностей вдруг становится ключом, отпирающим душевный секрет Машеньки. Думается, ключом оказываются именно все они вместе, все эти бесчисленные простейшие сведения о девушке, которой в год начала второй мировой войны исполнилось восемнадцать...

Если искать слово, которое всего полнее определит героиню сценария Габриловича, то это должно быть слово — антитеза «равнодушию». Машенька живет в мире,

все голоса которого слышны и внятны ей, на все голоса которого она отвечает честно, бескомпромиссно, от всей чистой души. У Машеньки необыкновенно высокий спрос с себя, как и с людей, к ней близких. И пусть это душевное свойство раскрывается пока только в сфере лирической; пусть можно улыбнуться ее детской ригористичности; все равно — непредвзятый психологический анализ, предпринятый сценаристом, вознагражден поистине чудесными открытиями. В характере комсомолки-служащей распознаны те элементы, которые — в присутствии какого-то сильного катализатора — способны дать неожиданное и прекрасное соединение. Характер, рассмотренный в его «домашних» проявлениях, в его не мобилизованных покуда возможностях, был узнан сценаристом как характер, готовый к подвигу, как характер исторический.

Габрилович умеет и хочет раскрывать глубину и многосложность простого, нестандартность и прелесть «обыкновенного». Нужны были все блуждания молодого прозаика с его обостренным вниманием к усложненным, непростым характерам, повернутым к писателю в сломанных, странных ракурсах; нужен был весь этот повышенный интерес к психологическим структурам, изучаемым по срезам, по надломам, чтобы прийти затем к пониманию простого, к умению исследовать его с той мерой проницательности, которая дана Габриловичу сегодня. Простота открывается писателю как высшая сложность, требующая для своего анализа всей полноты мастерства психолога. Габриловича влечет диалектика характера, раскрываемая именно в единстве противоречий, в цельности натуры.

Несложна и житейская обстановка, в которой раскрываются герои Габриловича. Так, в «Машеньке» сценарист ведет нас в почтовое отделение; в тесноватую комнату мужского общежития и на кухню, где взволнованные праздничные девушки колдуют над винегретом; ведет домой к героине, не давши Машеньке хотя бы затереть следы от промокших туфель на полу, спрятать бедный жакетик, сохнущий на распялочке... Даже взявшись за материал, непосредственно связанный с Октябрем, Габрилович избирает своим объектом не Дворцовую площадь, а ничем не примечательное здание гимназии Босс в Москве, и герои его идут на штурм не под

великолепным тройным разворотом арки Генерального штаба — к Зимнему, а просто через булыжный, простреливаемый перекресток, с оклеенной афишами тумбой на углу...

Обыкновенные люди в далеко не чрезвычайной обстановке... Но сказать про Габриловича, что его программа — описывать повседневность,— значит, сказать меньше чем полуправду.

Сценарист Габрилович — вовсе не тот милый, лиричный, теплый бытописатель, каким он может показаться поверхностному взгляду.

Быт для него материал, но не тема. Его сценарии философичны.

Мысль должна быть значимей непосредственного материала, извлекаемая художником скрытая суть явлений должна быть значительней самих явлений — таковы творческие установки, реализуемые Евгением Габриловичем. Габрилович предпочтет, чтобы его упрекнули в незначительности фактов, попавших в сферу его наблюдений, но он гарантирован от иного упрека: пусть его мысли тесновато в «комнате», это для него лучше, чем обратное положение, когда маленькой мысли просторно в «масштабной», посвященной крупнейшим событиям картине, точно усохшему ядрышку, тарахтящему в скорлупе...

Габрилович знает цену бытовой достоверности и дорожит ею.

Так возникает в его сценарии Машенькина комната, где юношеское безденежье соединилось с воинственным, еще не ставшим историей комсомольским аскетизмом тридцатых годов...

Так возникает фешенебельный доходный дом, на который с почтением поглядывает панна Ванда, когда на него как на свое жилище показывает явившийся по газетному объявлению долгожданный жених,— фешенебельный дом с глухим загаженным двором, с паршивым черным ходом, по которому бежит вверх после скандала с женихом Ванда, бежит, с каждым этажом теряя остатки надежды, задыхаясь от крутых ступенек и отчаяния. И вот оно, обиталище великолепного пана Станислава Комаровского: чердачная каморка, скошенный потолок, распухшие, словно ревматические суставы канализационных труб, тазик на табуретке, в котором хозяин этого нищего жилья

стирает свою манишку, а в углу — обернутый в целлофан, отглаженный и отчищенный, с тросточкой, с котелком, с модными штиблетами — надетый на манекен костюм «жениха».

Высокомерный манекен гораздо больше похож на лощеного пана, чем оторвавшийся от своей постирушки растерянный чердачный жилец...

Так возникает в «Жене» безалаберный и милый студенческий быт с его предэкзаменационной горячкой, с шалой и хмельной искренностью объяснений на лестнице или в прихожей в поздний час вечеринок, с предчувствием того, что ты живешь накануне главного дня твоей жизни, — завтра встанешь, и вот он, этот главный день...

Быт в сценариях Габриловича — это то стоячий, вязкий, тошный быт жалких меблирашек «Мечты», то горячий, суматошный, неустроенный быт строителей в «Жене», то суровый, голодный, изнутри озаренный быт «Коммуниста»...

Но правда быта, всегда так точно схваченная в его сценариях, для Габриловича не главное, это лишь вспомогательное средство для раскрытия правды эпохи, правды жизни.

Правда жизни для Габриловича — это прежде всего правда ее диалектичности, ее диалектической сложности и неупрощенности.

Сценарии Габриловича воспитывают в зрителе душевную тонкость, отучают от ленивой сортировки человечества на положительных и отрицательных персонажей, от скудной безапелляционности суждений. Габрилович учит зрителя понимать и думать — прекрасный урок. Люди в его фильмах — люди, не укладывающиеся в одно определение. Так легко, например, сказать о владелице пансиона «Мечта»: мещанка, не желающая знать ничего, кроме своих злотых и своего покоя... Оно так и есть. Конечно. Но почему, чем дальше идет фильм «Мечта», тем меньше хватает нам тех определений, которыми мы запаслись заранее?.. Не потому, что злой человек вдруг оказывается тайным благотворителем, а мещанка обнаруживает душевную тонкость. Ничего не происходит такого, что противоречило бы первому впечатлению,— просто нам мало общего впечатления, автор заставляет нас искать понимания.

Но, оказывается, для того, чтобы понять эту пожилую хозяйку скверного пансиона, польскую еврейку Розу Скороход, с гордостью бывшей прачки носящую свои приличные шляпки, умеющую ладить и подлаживаться, сносить оскорбления и заставлять уважать себя за свои деньги, содержащую своего безработного сына-инженера и ненавидимую им; для того, чтобы понять Розу Скороход, самодовольную, несчастную, деловитую, нужно понять очень многое и очень многих. Нужно понять и ее сына, измученного надеждами неудачника Лазаря, и ее постоялицу Ганку, выполняющую в доме обязанности прислуги «за все», нужно понять связь между людьми, понять самую жизнь, которая свела их в этих непрезентабельных меблирашках, которая сделала их тем, чем они стали теперь.

И вот этому пониманию, вкусу к этому пониманию учила картина Евгения Габриловича и Михаила Ромма.

Габрилович — писатель со своей темой, со своей индивидуальной манерой, со своим кругом интересующих его проблем.

Но, давно и счастливо нашедший себя, Габрилович не боится «уходов от себя». Он в поисках.

Фильмы «Коммунист» и «Последняя осень» — вехи на пути этих поисков.

Тема «рядового истории», исподволь слышавшаяся в лучших произведениях сценариста, в «Коммунисте» становится темой основной, ведущей. Если до сих пор Габриловича интересовала прежде всего предыстория подвига, тайны формирования характера, готового к героическому свершению,— сейчас сценарист доводит анализ до естественно завершающей его точки, дерзает на непосредственное изображение подвига.

Расширение авторского задания, естественно, расширяет и авторские средства выразительности. В сценарии много «габриловического», узнаваемого и в зарисовках деревни, где сахар, предложенный в уплату за ночлег, пробуют на зуб, как золотую монету,— точно ли сахар, нет ли «обману»; и в описании партийного собрания в избе, когда за пологом непрестанно и надсадно заливается криком младенец, которого устало и безразлично укачивает мать: «А-а-а-а-а...»; и в картине базара в прифронтовом городке, где пальба не может заглушить яростного спора торгующихся, где можно купить реши-

тельно все — от страусовых перьев до пулеметов и вареной пшенной каши; и в самом начале фильма, когда на безымянном полустанке с облепленного мешочниками поезда спрыгивают пассажиры, и в этой толпе людей в солдатских гимнастерках и разбитых сапогах не отыщешь будущего центрального героя картины, в числе прочих шагающего по истоптанному в прах большаку к Загоре, на первую стройку, начатую Республикой.

«Это была всего лишь первая стройка, совсем небольшая, совсем еще неумелая.

Но это была первая стройка, и о делах ее сложены песни, как сложены они о пулях, тачанках, дорогах гражданской войны».

Для сдержанной, непатетичной обычной манеры Габриловича неожиданны эти лирически-откровенные строки «от автора», предпосланные киноповести. Но в «Коммунисте» они обязательны. Раздавшись уже в начале, эта поэтическая нота не глохнет, она становится камертоном всего повествования, как бы оно ни было сурово, грубо, трудно.

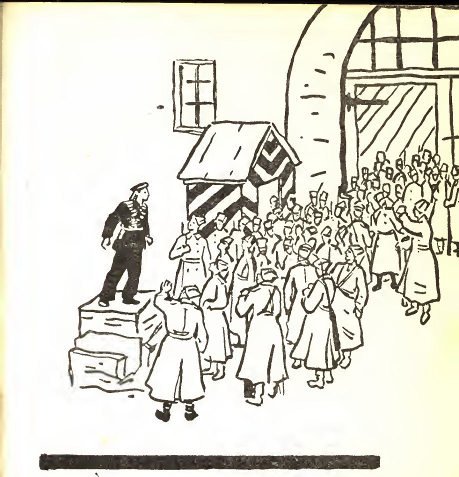
Габрилович не приукрашивает дни юности Советского государства — он полон ощущения их истинной красоты, и ему не нужно никаких дополнительных розовых и голубых мазков. Быт, с характерной для Габриловича честной точностью воссозданный в сценарии, груб и труден. Но изнутри (и в этом принципиальная новизна «Коммуниста» для автора его) все больше нарастает, крепнет в звучании, жарким светом сквозь оболочку обычной для Габриловича художнической сдержанности просвечивает поэтическая и гражданская страстность писателя. Искусство Габриловича приобретает здесь силу и откровенность, которой мы прежде не угадывали в нем.

Сцены, когда Василий Губанов рубит лес для паровозной топки, решены так, что, будь они показаны нам в отдельности, мы, быть может, и не узнали бы руку Габриловича. Но эта неожиданная неузнаваемость художника в кульминационный момент фильма сродни той неузнаваемости простого человека в момент наивысшего героического напряжения его сил, о котором повествуют эти кадры. Здесь не измена художника себе — пред нами лишь выявление его неизвестных прежде ни нам, ни ему самому, быть может, творческих возможностей, напряженная и естественная самомобилизация.

«Последняя осень» — из той же чреды новых проб, экспериментов, поисков, что и «Коммунист». И пусть результаты этого опыта менее удачны, дорог сам дух эксперимента, дух творческой неуспокоенности. Нынешнее время для Габриловича — пора зрелости, но зрелости ищущей, по-хорошему тревожной. Обещающим дарованием принято называть начинающих. Зрелый и много совершивший мастер Габрилович едва ли будет в обиде, если и о нем будет сказано так: он — талант, обещающий многое, талант в пути.

И статья о нем, естественно, остается без завершающей точки.

И. Соловьева

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Сценарий написан в 1936 году совместно с режиссером Ю. Я. Райзманом. Новая редакция для настоящего сборника выполнена

Е. Габриловичем.

1

Медленно вертится афишный столб. И перед нами проходят афиши. Первая из них:

«Электротеатр «М о д е р н»
Сегодня, 27 октября 1917 года,
«ЖИЗНИ НЕМЫЕ УЗОРЫ»
Драма в пяти частях,
с участием балерины Большого театра
В. А. Каралли»

Вторая:

Театр Я. Ю ж н о г о
«ДОН ПОМЕРАНЦО И ДОН ПОМИДОРО»
На все спектакли до 15 ноября 1917 года билеты проданы»

Среди афиш мелькнул прямоугольный листок, набранный жирным, строгим шрифтом:

«ОТ ШТАБА МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО СОВЕТА

Вчера в Москве циркулировали слухи об аресте большевиками в Петрограде представителей Временного правительства. По имеющимся точным сведениям, эти слухи вымышлены и совершенно не соответствуют действительности.

Командующий войсками Московского
военного округа
Рябцев»

И наконец афиша, на которой изображена женщина, танцующая канкан: каскад кружевных юбок, черные чулки. Надпись:

«ЛЕТОМ И В ЗИМУ СПЕШИТЕ К МАКСИМУ»

Октябрь. Сеет мелкий дождичек. Вечер, тусклые огни. Группа веселых, смеющихся гимназистов стоит перед афишным столбом. По-видимому, они только что выбежали из дверей гимназии: перед нами обширное здание, на фронтоне которого значится: «Мужская гимназия В. К. Босс». В окнах видны тени танцующих.

Один из гимназистов срывает афишу «Максима» и начинает танцевать, прижав к себе изображение бумажной женщины в черных чулках.

Громче и громче музыка. Большой зал гимназии с лепными нимфами и виноградными гирляндами во вкусе начала века. Тапер играет на пианино. Зал битком набит. Однако еще веселее в буфете. За одним из столиков сидит компания — это, так сказать, золотая молодежь: гимназисты с кольцами на мизинцах, с браслетками под манжетами. На столике бутылка клюквенного кваса завода Калинкина, но гимназисты украдкой подмешивают спирт в стаканы с клюквенным квасом.

Красивая девушка лет шестнадцати сидит на столике, болтая ногами и хохоча. Высокий прапорщик нашептывает ей что-то на ухо.

Вихрастый, небольшого роста гимназистик стоит поодаль, возле дверей, глядя на девушку восхищенным взором. Он некрасив, в веснушках, одет очень бедно, но старенькие брюки его старательно отглажены. Это — Кузьма Захаркин.

Один из компании, наиболее хлыщеватый, окликает Кузьму:

— Захаркин! Пойди-ка сюда!

Кузьма нерешительно подходит. Хлыщ говорит, указывая на девушку:

— Моя сестра, Лена Леонтьева. Познакомься.

Кузьма неловко кланяется, шаркнув ногой.

Компания улыбается. Улыбается и Лена.

— Хочешь ситро? — спрашивает брат Лены, Шурка Леонтьев.

Захаркин нерешительно кивает головой. Шурка под столом наливает стакан спирта, слегка разбавляет его для подкраски клюквенным квасом и протягивает Кузьме.

Не сводя с Лены глаз, тот лихо, залпом выпивает спирт и долго не может перевести дыхания. Вероятно, это очень смешно, потому что компания хохочет.

Кузьма наконец отдышался. Гнев вскипает на мгновение в его глазах, но он видит смеющуюся Лену и сам начинает смеяться.

— Вы танцуете? — спрашивает девушка.

Юный Захаркин пожимает плечами; это, впрочем, может означать и то, что он умеет танцевать.

Лена протягивает ему руки и спрыгивает со стола. Быстро оправив на форменной куртке ремень, он ведет девушку в зал. Компания, пересмеиваясь, проталкивается сквозь толпу вслед за ними: всем интересно, как будет танцевать Захаркин.

Танцует он очень плохо, хотя старается изо всех сил: ведь он танцует с самой Леной Леонтьевой, той самой красавицей, о которой шумят в курилках и в которую влюблена вся гимназия. Влюблен в нее и Кузьма. И вот он танцует, ничего не видя и не слыша вокруг. Он неуклюже плетет ногами, толкаясь и спотыкаясь.

Очевидно, и это смешно: человек не умеет танцевать и упоен танцем!

Смех растет. Смеется даже сам господин директор.

Ох, до чего же смешон этот потный танцор, у которого сияют любовью глаза и высунут от усердия язык!

Особенно этот язык! Кажется, что смеются даже окна и люстры.

И вдруг — орудийный удар, далекий, глухой, неясный, как будто заворчали недра земли.

Смех обрывается. Застывают танцующие. Даже Захаркин остановился.

А новый далекий орудийный удар сотрясает подвески на люстрах.

2

Идет поезд. Вагоны полны, всюду, даже в проходах, сидят и лежат пассажиры.

Слышны обрывки разговоров:

— У нас в Петрограде по осьмушке хлеба дают. А как в Москве?

— В Москве — по полпуда да сена вволю! Ешь — не хочу!

— Хо-хо! Насмешил человек!

— Ах ты, напасгь! Осьмой час круг Москвы поезд ходить, а пройти не можеть.

— Значит, в Москве непорядки. О господи, царица небесная!

В одном из купе вагона стоит Семихватов, невзрачный человек в шляпе-котелке. Он горячо ораторствует, обращаясь к сидящим и лежащим на полках людям:

— Я человек деловой, мадам, и против всех политических партий! Но не могу не выразить возмущения большевиками. Прийти на готовенькое нетрудно, мадам. Нет, вы создайте промышленность своими руками, как это сделали Рябушинский или Леонтьев! Вы разрушаете. А проявите себя, как созидательное начало! Докажите, что вы государственность! Тогда, может быть, даже мы пойдем за вами. Правильно я говорю, молодой человек?

Он обратился с этим вопросом к невысокому человеку в затрапезном пальто и картузе, сидящему на верхней полке. Тот неопределенно качает головой, пожимает плечами и, порывшись в кармане, вынимает портсигар. Другой человек, сидящий на противоположной верхней полке, тоже белокурый, тоже в пальто, но в шляпе, говорит:

— Дозвольте?

Человек в картузе протягивает портсигар. Человек в шляпе смотрит — портсигар золотой.

— Любительский портсигар! — резюмирует он.

— Хозяйский подарок, — откликается картуз.

— Вот как? А где работать изволите? — спрашивает шляпа.

— Приказчик. По мануфактурному делу. А вы?

— Мы по москательному ударяем. Спички есть?

Они закуривают.

Какой-то парень вбегает, крича:

— Ребята, под лавку! Осмотр документов!

Переполох. Все роются в карманах пальто и пиджа-

ков, иные действительно лезут под лавку. Патруль — офицер и два солдата — входит в купе.

Человек в шляпе и человек в картузе вручают свои документы. Офицер пристально вглядывается в их лица, сверяясь с фотографиями. Документы в порядке. Суетясь, Семихватов вручает свой засаленный паспорт.

— Профессия? — спрашивает его офицер.

— Коммивояжер.

— Свидетельство об отсрочке призыва?

— Позвольте, господин офицер. Мне шестьдесят пять лет.

— До выяснения задержать!

— Помилуйте, какая отсрочка? Я не могу воевать!

— Задержать!

Патруль берет Семихватова под мышки. Коммивояжер едва успевает схватить из группы чемоданов, стоящих на полке, небольшой чемоданчик, похожий, как близнец, на другой чемодан, находящийся рядом с ним. Семихватова выводят.

3

Осенний вечер. Дома, блокгаузы, огни, вагоны. Поезд подходит к Москве.

Часовая стрелка вокзальных часов показывает 10 часов 12 минут.

...Комендантская комната на вокзале. Семихватов стоит перед комендантом. Тот открывает его чемодан.

— Ваша фамилия?

— Виссарион Семихватов.

— Что у вас здесь? — кивает на чемодан.

— Образцы товаров.

Комендант, заглянув в чемодан, говорит:

— Сколько у вас товаров подобного образца?

Семихватов с привычной готовностью коммивояжера отвечает:

— Можно — вагон, можно — два... Сколько хотите.

— М-м-да! — мычит комендант и медленно поворачивает чемодан.

Теперь мы видим, что там гранаты, патроны, листовки питерского военно-революционного комитета.

— Это не мой чемодан!! — в ужасе кричит Семихватов.

4

Московская улица. Рядом, бок о бок, шагают двое: человек в шляпе и человек в картузе. У каждого в руках по чемодану.

Крики газетчиков:

— «Русское слово»!..

— Восстание в Одессе!

— Керенский в Гатчине!

— Декрет большевиков о земле!

— Сто тысяч фронтовиков на стороне порядка!..

На улицах чувствуется какое-то неясное беспокойство. Проходят вооруженные солдаты. Прогремела по мостовой на рысях батарея. Но еще сияют огни электротеатров, еще стоят у ресторанов лихачи.

Какая-то девушка, с виду горничная, быстро перебегает мостовую. Человек в шляпе, присвистнув, пытается ее поймать. Пискнув, девушка исчезает в воротах. Человек в шляпе смеется, подталкивает локтем человека в картузе:

— Как, брат, насчет блондинок?

Голоса газетчиков:

— Сибирь против большевиков!

— Ленин в дортуарах Смольного института!

— Бесчинства в Киеве!

— Инциденты в Самаре!

— Газета «Утро России»!

— «Русские ведомости»!

Их голоса переплетаются с голосами папиросников:

— А вот рассыпные! Давай — налетай!

На углу картуз и шляпа останавливаются.

— Вам направо? — спрашивает шляпа.

— Нет, прямо, — отвечает картуз.

Рукопожатие.

— Значит, по мануфактурной части? — говорит шляпа.

— По мануфактурной, — откликается картуз.

Жмут любезно друг другу руки. Неожиданно шляпа быстро наклоняется к картузу и говорит тихо, но отчетливо:

— Врешь, мудрец!

Пауза.

Человек в шляпе поворачивается и быстро уходит.

5

Темная невзрачная комнатенка московского рабочего. Низенький, закопченный потолок. Русская печь. На стене охотничья берданка. Горит семилинейная лампа. Ужинают двое: отец и сын. Отец невелик ростом, с усами и бородкой; сын худой, изможденный, с виду чахоточный.

Знакомый нам человек в шляпе идет по двору. Вбегает по узкой шатающейся лестнице, тихо входит в комнату. Спрашивает:

— Захаркины будете?

Старик отвечает, вглядываясь в темноту:

— Ну, будем!

— А коли будете, принимайте!

Человек снимает шляпу, нахлобученную на лоб. Сбрасывает пальто. Он в бушлате матроса.

— Никак Петр! — восклицает, поднимаясь, старик. — Он! Петрушка! Ты это как сюда? — бормочет он в изумлении.

Петр осторожно кладет на кухонный стол чемодан, как две капли воды напоминающий семихватовский. Объятия.

Петр легонько и ласково приподымает старика, целует, говорит, смеясь:

— Чтой-то ты полегчал, отец. А? Стареешь?

— Это я без сапог,— отвечает старик, утирая усы.

Оба смеются. Петр обнимает чахоточного брата Илью. Оглядывается:

— А где мать? Где Кузьма?

— Мать за картошкой стоит. А Кузька в гимназии. Танцы у них...

Петр хмурится.

— Нашел время! Танцы! Гляди, старик, вырастишь барского холуя. Сегодня он с ними польки танцует, а завтра будет с ними в рабочих стрелять.

— Но-но! — отвечает старик. — Ты того... Парень умный, хороший.

— Хороший!.. Про Питер слыхал?

— Краем слыхал...

— Краем! Вот так Москва! В Питере революция! — говорит Петр. — Понял? Рабочая власть. По всей стране революция... А вы тут танцуете. И не стыдно тебе?

Седой ведь, перья на подбородке, а тоже в кадриль! Тьфу!

— Ты чего плюешь? — начинает сердиться старик. — Ты это с кем говоришь? Где тебя научили так с отцом разговаривать?

— Ладно, потом доругаемся. — Петр обращается к Илье. — Рассказывай, что у вас тут?

Илья садится рядом с ним и тихо говорит:

— В нашем районе сбор к десяти. Вчера была стрельба на Тверской. Как во флоте?

— У нас что? — говорит Петр. — Мы свое дело сделали. Теперь к вам на подмогу.

Маленькая обтрепанная старушка с кошелкой в руке входит во двор. Внезапно она в испуге и недоумении останавливается — в дверях ее комнатенки толпится народ. Пошлепывая калошами, старуха бежит по двору.

— Что там такое? — кричит она. — Что случилось?

— Сын твой приехал, Максимовна, — отвечают ей из толпы. — Из Петрограда. От большевиков, слышь.

Старушка вбегает в комнату. Здесь уйма народу — собрались послушать, что расскажет о петроградских событиях Петр. Старушка бросается к сыну. Маленькая и худенькая, она обнимает, целует его. Петр тоже нежно целует мать, а потом осторожно отстраняет ее от себя.

— Спешить надо, мать... Нам спешить надо...

Оглянувшись, она видит людей, стоящих вокруг, и своего старика с берданкой в руке, в сапогах.

— Куда это вы? — тревожно спрашивает она.

— Пройтиться маленько, Максимовна, — бормочет старик.

— Что это, на ночь-то глядя?

— Подышать перед сном, — откликается Петр, — чтой-то в грудях сперло.

— А зачем берданку берете?

— Берданку? — растерянно отвечает старик. — Берданку действительно можно оставить.

Он кладет ружье на постель, переминается с ноги на ногу. Петр тихо подзывает Илью, передает ему чемодан.

— Возьми, — шепчет он, — но осторожней — гранаты... — И ласково обращается к матери, указывая на

отца. — Канитель тебе с этим, а? С берданкой гулять идет! Ну и ну!..

Выходит с Ильей. Старик идет за ними вслед, останавливается у дверей, оборачивается к старухе, сморкается.

— Ну, прощай, мать,— внезапно бормочет он.

— Чего — прощай? Да что это вы, вроде далеко собрались?

Старик отвечает, утирая усы:

— Какое!.. Мы до угла. До булочной Севастьянова. Вмиг обернемся.

Жена крестит его. Он выходит. Старуха уже подошла к плите и возится со сковородками, когда слышит вдруг скрип дверей. Оборачивается — в комнату тихо вошел Илья, ее он не видит из-за плиты. А она видит его: Илья берет с кровати берданку и осторожно удаляется из комнаты.

6

Дверь. Кто-то стучит. Тишина и снова стук.

Кухня великолепной барской квартиры. Горничная, кухарка и старый лакей испуганно прислушиваются к стуку. Стук все решительней.

— Кто там? — опасливо спрашивает лакей.

— Откройте.

— Кто?

— Да откройте же!

Лакей открывает дверь. Входит знакомый нам человек в картузе. Горничная, кухарка, лакей испуганно отбегают. Человек решительным шагом направляется в коридор.

— Батюшки! — восклицает вдруг старый слуга. — Алексей Петрович!

Ни слова не говоря, не снимая пальто и кепки, Алексей проходит в столовую. Старик лакей семенит за ним.

— Дома отец? — спрашивает Алексей.

— Никак нет, Алексей Петрович. Все ездиют, ездиют, ездиют... Алексей Петрович... Ваше благородие!.. Что же это делается-то?! Антихрист грядет! Мир повернулся!

Резкий звонок.

— Барин приехал! — шепчет старый лакей и бежит открывать.

Алексей быстро снимает пальто и кепку, приглаживает волосы и одергивает костюм. Он в офицерском кителе, но без погон.

...Плотный высокий старик — фабрикант Леонтьев — взбегает по широкой мраморной лестнице. Гулко стучат его каблуки.

Старик входит в столовую. Видит сына, останавливается как вкопанный.

— Ты? Почему в Москве?

Алексей отвечает поспешно:

— Насилу, папенька, выбрался. Переодеться пришлось... В Петрограде большевики.

— Знаю!! Нет ли чего поновей? — И, закипая, начинает кричать. — Ну что ж, спасибо вам! Просвистали Россию! Офицеры, черт вас всех подери!..

— Я, папенька, дрался с большевиками.

В волнении он вынимает свой золотой портсигар, а старик продолжает:

— Дрался! Где погоны?!.. Говори — где погоны?! Погончики снял, а портсигар золотой привез! И это — Леонтьев! Я тебе покажу портсигар!

Вырвав золотой портсигар из рук сына, он изо всей силы ударяет им Алексея по лицу.

Алексей бледен, кровь на губах, он бормочет:

— Папенька!..

Но старик, не слушая, гремит:

— Вон отсюда! В штаб!! К юнкерам! Я не позволю тут прятаться! Задушу, если струсишь!! Понял?

Бросает лакею:

— Где дети?

— В гимназии, Петр Ларионович. На балу-с.

— Что еще за балы! Кто позволил?!

И он выбегает из комнаты, громко хлопнув дверью. Алексей, стоя в углу, вытирает рассеченную губу. Старый лакей на цыпочках медленно направляется к выходу. Тишина... Внезапно за дверью раздается громкий окрик Леонтьева:

— Трофим!

Вздрогнув, старый Трофим все также на цыпочках бежит к дверям.

7

Двор районного Совета битком набит людьми. Костры. Пулеметы у ворот и у входа в здание.

Шапки, фуражки, папахи. Старик Захаркин и его сыновья пробираются сквозь толпу.

— Где здесь ребята с леонтьевской фабрики? — озабоченно спрашивает старик.

Ему отвечают:

— Небось там, на лестнице...

— А кто их, брат, разберет... Мы с «Каучука»...

...Особняк, занятый Советом рабочих депутатов. Люди облепили все лесенки, приступочки и подоконники. Шум.

— Где тут главный? — спрашивает Петр.

— Нету главного.

— За ружьями главный уехал!

— А вы чего сидите без дела? — говорит старик Захаркин.

— Как так без дела? Вот курим...

Старик недовольно передразнивает:

— «Курим!»

— А куды же без винтовок-то?! — отвечает кто-то из толпы и вынимает кисет с табаком.

...Площадка. Через дверь виден огромный зал, где идет бесконечный митинг. Вдали размахивает руками оратор-рабочий. Петр протискивается вперед.

— А я вот этак скажу, — говорит оратор-рабочий. — Тут меньшевик говорил. И то говорил и это... А по-моему, братцы, надо по совести. Вот я про себя скажу...

Старик Захаркин стоит у двери на цыпочках, стараясь разглядеть людей в зале.

— Вертелся у нас все лето вот такой же один, — продолжает рабочий, указывая на стоящего рядом меньшевика. — Может, эсер, может, и не эсер... Не знаю, не буду на душу греха брать... Погодим, говорит, бастовать, пока немцев побьем. Ладно, думаем, погодим. А потом пришел большевик... Мы на фабрике Жиро, в Теплом переулке...

Старик Захаркин громко кричит, прерывая оратора:
— Эй, леонтьевские здесь?

Все оборачиваются. Хохот из зала, крики:

— Захаркин! Здесь мы. Вали сюда!

— Цыц ты! Чего шумишь?

— Ладно, ладно,— улыбается Захаркин, — это я так, для порядку.

Рабочий-оратор, смутившись от неожиданного шума, говорит в замешательстве:

— Чего ж он орет, товарищи? Ну вот... сбили меня...

На эстраду вспрыгивает Петр, хлопает рабочего по плечу.

— Ладно, брат, я доскажу! — Подходит к краю эстрады.— Товарищи, я привез вам от петроградского пролетариата наш братский большевистский привет!

Мгновенная тишина. Все глядят на Петра. Потом крики «ура» прорезают воздух.

Старик Захаркин, стоящий у дверей, взволнованно машет Илье рукой:

— Илюша, Илюша! Петька наш говорит, ей-богу!

Протискивается в зал.

— В среду мы взяли Зимний дворец, — продолжает Петр. — Геройский пролетариат Петрограда...

Меньшевик, на которого в своей речи указывал рабочий, кричит:

— Не геройский, а обманутый пролетариат Петрограда!..

Зал зашумел.

Петр остановился, покосился на меньшевика. Потом продолжает:

— Расскажу, товарищи, по порядку. Приходим мы в Смольный, делегацией из Кронштадта. Ведут нас к товарищу Ленину. Входим. Видим — лысый, в жилетке, бородка... Вот... — Петр оглядывает зал. — Вон... вроде того солдата.

Общее движение, смех. Все смотрят на солдата.

Чей-то голос вдалеке:

— Эй ты, покажись!

Солдат растерян:

— Чего там!.. Подите вы!..

— Вы не кричите, а слушайте! — сердито продолжает Петр. — Рост малый, буквы «ре» не выговаривает. «Как у вас, спрашивает, с офицерами?» — «Офицеров,

говорим, товарищ Ленин, мы еще в понедельник по каютам, и на замок.» — «Правильно!» — говорит.

— Нет, неправильно! — снова кричит меньшевик. — Неправильно уже потому, что многие офицеры преданы революции, живут ею, любят ее!

— Любят?! Как тебя жена любит! Любить — любит, а с другим гуляет! — проговорил Петр.

Взрыв смеха, аплодисменты. Захлебываясь от отцовской гордости, старик Захаркин подталкивает соседа:

— Ох, орел! Это Петька, мой сын!.. Вот отбрил!.. А?..

— Офицеры, товарищи, на сегодняшний день — те же буржуи, — кричит Петр, — они с меньшевиками, кадетами и эсерами революцию предают.

— Это вы предаете революцию... — кричит меньшевик.

Петр резко поворачивается в его сторону:

— Слышь ты, заткнись!

Но меньшевик заканчивает фразу:

— ...вместе с вашим Лениным!

— Что?!..

Матрос Захаркин соскакивает с эстрады и, выхватив из кобуры пистолет, бросается за меньшевиком, который поспешно пробирается к выходу. В зале хохот, свист. Вслед меньшевику летят пустые консервные банки, жестяные кружки.

По лестнице особняка поднимается председатель революционного комитета Михайлов. Мимо него стрелой пробегает меньшевик, затем Петр.

Михайлов задерживает матроса:

— Стой! В чем дело?

Тяжело дыша, тот вырывает руку:

— А ты кто такой?

Михайлов спокойно говорит:

— Я председатель районного революционного комитета. Фамилия моя Михайлов.

Петр на мгновение остолбенел... Широко улыбнулся.

— А я к вам. Из Питера. На подмогу.

Достав из кармана письмо, передает его Михайлову.

— Пойдем-ка! — предлагает сурово Михайлов.

Они поднимаются по лестнице. Входят в дверь, на которой кнопкой приколота бумажка: «Военно-революционный комитет». Пропустив Петра, Михайлов закрывает за собой дверь.

— Откуда ты взялся? — Михайлов по-прежнему строг и суров.

— С корабля. В Москву на подмогу. Пятьсот пятьдесят человек отправил Балтийский флот по губерниям.

— Посиди-ка, остынь.

Указывает на стул. Петр садится. Михайлов оглядывает людей, стоящих в комнате, и, улыбнувшись, сдвигает шляпу на затылок.

— Ну, с праздником, товарищи! — говорит он. — Начали! Рабочие занимают вокзалы. В Замоскворечье и на Симоновке бои. А мы тут меньшевиков слушаем! — вдруг недовольно и резко продолжает он и подходит к столу. — Вот что, друзья мои, оружие я достал. Постройте народ, выделите командиров.

Обращается к рабочему в кожанке:

— Александр Иванович! Назначь людей для раздачи оружия.

— Сейчас, Михаил Степанович.

— Да позови ко мне Глухова.

Рабочий в кожанке выходит. Слышен его голос:

— Глухов!

Петр, желая загладить плохое впечатление, видимо, произведенное им на Михайлова, тоже кричит в зал во всю мощь своих легких:

— Глухов!

Входит Глухов.

— Я, Михаил Степанович.

— Люди из депо пришли?

— Пришли.

— Сколько их?

— Двести двадцать два человека.

— Раздели на два отряда. Один — в Ростовский переулок, другой — в Неопалимовский, ближе к Плющихе. Понял?

— Понятно.

— Иди.

Оборачивается к Петру:

— Остыл, матрос?

— Остыл.

— Ты что же тут цирк устраиваешь? А?

— Погорячился малость, товарищ Михайлов, — виновато бормочет Петр.— Шесть месяцев я с ними, с меньшевиками, вожусь, объелся. Ненавижу... с души воротит!

Дочитывая письмо, которое привез Петр, Михайлов говорит:

— Ненавидеть надо, а вот горячиться не надо... Командовать можешь?

— А как же!

— Смотри сюда, — наклоняется над картой. — Вот это Александровское училище.

Петр. Так...

Михайлов. Здесь штаб юнкеров.

Петр. Так, так...

Михайлов. Вот это вокзал.

Петр. Так...

Михайлов. Тоже их.

Петр. Их?..

Михайлов. Их. Отсюда они к утру ждут подкреплений с фронта. Что нам важно?

Петр. Что?

Михайлов. Отрезать вокзал от города. Чтобы их подкрепления не прошли в центр. Так, что ли?

Петр. Так.

Михайлов. Возьмешь отряд, пройдешь к Смоленской площади и займешь гимназию Босс.

Петр. Босс...

Михайлов. Перекроешь с вокзала путь в город. Понятно?

Рука ставит крестик, показывая, что здание гимназии Босс перерезает дорогу с вокзала в город.

8

Дощатый стол под висячей лампой. Краюха хлеба, тарелка, стакан с молоком. Стучат ходики. Облокотясь на стол, одиноко дремлет старуха Захаркина.

— Мамаша!

Старуха, вздрогнув; открывает глаза. В дверях стоит Кузьма.

— Сынок! — бормочет она. — Где же ты пропадал? Заждалась я тебя, ясынька ты моя. Ну, садись, садись...

Суетится, бежит к плите, разжигает керосинку.

Кузьма садится за стол, снимает фуражку и бросает ее на небольшой письменный столик.

Поджаривая оладьи, старуха спрашивает:

— Ну как, наплясался?

— Танцевал... — небрежно бросает Кузьма.

Жует хлеб. Видит шляпу на подоконнике.

— Чья это?

— Петруша приехал.

— Петр? Ну! Где же он?

— Вышел.

— С отцом и с Ильей?

Старуха неопределенно кивает головой. Вносит сковородку с оладьями.

— Вот и оладушки. Кушай, сынок!

Кузьма не слышит, задумался. Потом идет к вешалке, надевает шинель.

— Ты куда?

— Сейчас вернусь...

Старуха бросается к нему, пытается его удержать, бормочет:

— Не пущу, сынок, не ходи!.. Отец там, братья там, вся слобода там!..

Кузьма порывается к двери, старуха удерживает его.

— Ну, ну, скинь шинельку, я тебе еще оладушков напеку. Справятся без тебя, не твое это дело. Ты ученый, и жизнь у тебя другая...

Кузьма мягко отстраняет мать и выбегает. Старуха сердито кричит ему вслед:

— Вернись, я тебе говорю!

Но Кузьма уже бежит по лестнице.

Далекий орудийный выстрел.

Старуха в ужасе опускается на колени и крестится. Дверь остается раскрытой.

Ветер листает страницы книги, шевелит волосы коленопреклоненной старухи.

Снова далекий, глухой орудийный выстрел.

9

Грозная, тревожная улица. Среди прохожих, спешащих домой, попадаются отдельные невзрачно одетые люди с ручными гранатами за поясом, с винтовками. Несколько человек проносят пулемет.

Но жива еще инерция обычной ночной жизни большого города. Парочки. Извозчики. Проститутки.

Чей-то голос гнусит:

Но в мою душу вы загляните,
В ней кроме смеха слезы есть...

Временами доносятся отдельные далекие пулеметные очереди, ружейные выстрелы.

Идут по улице Шурка и Лена Леонтьевы. Они возвращаются с бала из гимназии Босс. Шурка идет впереди, Лена позади. Видимо, они поссорились.

— Вот я папе скажу, что ты куришь и пьешь, — говорит Лена.

— А я скажу, что ты с юнкером целовалась. Дура!

— Хам!

— Ах, так?

Шурка поворачивается и быстрым шагом уходит от Лены.

Лена кричит:

— Александр!

Он идет, не поворачиваясь.

Лена, уже испуганно:

— Шурка!

Шурка исчезает в переулке. Лена идет одна.

Орудийный выстрел совсем близко. Лена в испуге бежит по переулку.

Новый выстрел. Дрожат стекла. В своем кабинете старик Леонтьев отпрянул от окна, выбежал в столовую.

— Что с детьми? — кричит он. — Где дети? Лошадей!

У подъезда стоит рысак. Распахивается парадная дверь. Застегивая на ходу пальто, выбегает Леонтьев.

— В гимназию Босс! — кричит он кучеру.

Рысак рванул, постепенно набирает ход. Мелькают дома, магазины...

Площадь. Костер. Патруль у костра.

— Стой!

— Пошел! — пригнувшись, кричит Леонтьев.

Рысак мчится. Мелькают окна, вывески...

— Сто-о-ой! — протяжно доносится издалека.

Но рысак мчится.

10

По совершенно пустой улице с накрепко запертыми воротами и темными подъездами шагает Кузьма.

Навстречу идет красногвардейский патруль, конвоирующий бездокументных и подозрительных: проституток, отставного генерала, какого-то чиновника.

— Егоркин! — слышит вдруг Кузьма. Останавливается.

Среди арестованных он видит Лену Леонтьеву, с которой часа три назад танцевал на балу.

— Егоркин!

— Я Захаркин, а не Егоркин, — говорит он, стоя на тротуаре.

— Захаркин... Спасите меня, Захаркин!

Кузьма подходит к начальнику патруля, маленькому солдатику в рваной, грязной шинельке.

— Пустите ее.

— Проходи!

Кузьма хватает солдатика за рукав:

— Пустите ее. Я ее знаю. Это Леонтьева, гимназистка.

— А ты-то сам кто такой? И где у ней документ? Где документ?

Близкая стрельба. Отряд останавливается. Какая-то женщина в испуге начинает плакать.

Захаркин, отчаянно:

— Дома у ней документ. Пусти, тебе говорят!.. У меня брат большевик. Кронштадтский матрос, честное слово!

— О черт!.. Отцепись, тебе говорят!

Стрельба еще ближе. Красногвардейцы ложатся на мостовую, щелкая затворами винтовок. Кузьма хватает Лену за руку и стремглав бежит с ней в переулок. Они бегут долго, не оглядываясь. Наконец, запыхавшись, останавливаются.

Прижавшись к Кузьме, Лена всхлипывает:

— Спасибо, Егоркин!

— Я Захаркин...

— Спасибо, Захаркин. Можно мне вас поцеловать?

Целует его в щеку. Потом, немного подумав, в губы. Некоторое время они стоят неподвижно, затем снова идут.

— Как вас зовут?

— Аркадий... — врет Кузьма.

— Мне страшно, Аркаша. Мне очень страшно!

— Не бойтесь, Леночка. Вы со мной.

Они выходят на большую магистральную улицу. Четко шагает отряд — юнкера, офицеры, студенты, гимназисты. Кто-то кричит Кузьме:

— Эй, гимназист!

Кузьма и Лена останавливаются. Снова окрик:

— Гимназист! Сюда! К нам! Наши здесь!

Как бы очнувшись, Кузьма оглядывается вокруг и неожиданно говорит:

— Прощайте, Леночка. Я должен идти.

— С ними? — она указывает на удаляющийся отряд.

— Нет, нет... с другими. Там мой отец, мои братья. Прощайте, Лена! Мы скоро увидимся!

— Я не хочу, чтобы вы уходили! Сейчас же вернитесь! Я боюсь, понимаете, я боюсь!.. — кричит Лена в отчаянии.

— Нет, нет, — бормочет он в полном смятении. — Я должен идти. Я скоро вернусь. Не бойтесь, большевики вас не тронут.

И скрывается за углом, крикнув:

— Я вам за это ручаюсь.

11

Рысак останавливается у подъезда гимназии Босс. Леонтьев соскакивает с пролетки, быстро подходит к двери, звонит.

Раздевалка гимназии. У швейцара, открывающего дверь, трясутся руки. В темных углах прихожей стоят вооруженные люди. Кто-то поспешно гасит свет.

Леонтьев входит в совершенно темную прихожую. У захлопнувшейся за ним двери становится вооруженный человек.

— Стой!

— Вперед!

Вошедшего подталкивают прикладом. Зажигается свет. Теперь мы видим, что Леонтьев окружен отрядом красногвардейцев. У дверей, заслоняя выход винтовкой, стоит старик Захаркин. Он обомлел, увидев хозяина.

— Батюшки! Петр Ларионович! — бормочет он. — Как вы-то сюда попали?

— Захаркин, ты? Ты что тут делаешь?

— Да мы... — старик бормочет переминаясь. — Вот... заняли, так сказать.

— А где мои дети?

— Деток ваших тут нету, Петр Ларионович.

— Так! — Леонтьев идет обратно к выходным дверям. Старик Захаркин загораживает ему дорогу.

— Нельзя, Петр Ларионович. Не могу пустить, извиняюсь.

— Да ты в своем уме?

— Пройдите к начальству, Петр Ларионович,— вздыхает Захаркин.

Тот резко поворачивается.

— Где начальство?

И взбегает по лестнице, окруженный красногвардейцами. Захаркин, вспотевший от этого разговора, бежит впереди.

...Коридоры, классы. Еще недавно здесь — мы это видели — звучала музыка, еще валяется на полу бальный сор: конфетти, серпантин.

По площадке парадной лестницы уныло бродит инспектор гимназии, тоже задержанный красногвардейцами. Леонтьев набрасывается на него.

— Что это у вас делается? Как вы допустили?

— Петр Ларионович, — шепчет инспектор,— боже мой, боже мой! Помогите нам. Оградите гимназию от подобных налетов.

Класс. На одной из парт стоит неизменный чемодан Петра. Петр, собранный, энергичный, приказывает:

— Забаррикадировать нижний этаж! Пулемет — в гимнастический зал! — Увидев старика Захаркина, резко поворачивается к нему:

— Что скажешь, старик?

Запыхавшись, отец шепчет ему на ухо:

— Петрушка!.. Петруша!.. Дело какое вышло!

— Ну?

— Леонтьев, сам Петр Ларионович Леонтьев сюда приехал. Вот он.

— Ну? — небрежно бросает Петр.

— Ты что — в уме?! Леонтьев!.. Хозяин наш... Господи Исусе! Сердитый, ногами топает!

Петр смерил Леонтьева глазами и спросил его:

— Фамилия?

— Да что ты, — бормочет отец, — да это же Леонтьев, я тебе говорю...

— Профессия? — продолжает допрос Петр.

— Петруша!..

— Товарищ Захаркин, возвратитесь на свой пост! — Петр стукнул кулаком по парте. — Я тебе где быть приказывал?!

Захаркин, пятясь, отходит.

— Юнкера! — кричит, вбегая, Илья.

Петр быстро идет к дверям.

— К бою готовьсь! Арестованных не выпускать!

Выбегает. Старик Захаркин, не расслышав приказа, спрашивает Леонтьева:

— А? Что? Что он сказал? А? Петр Ларионович?

Леонтьев гневно машет рукой.

12

Спокойно, в ногу, шагает отряд. Впереди Алексей Леонтьев. За ним вперемежку юнкера, штатские, студенты, гимназисты... Тут и Шурка Леонтьев. Поодаль, отдельно от них спешит куда-то Кузьма, видимо, разыскивая отца и братьев.

Площадь перед гимназией Босс. Одинокий фонарь. Отряд юнкеров выходит на площадь. Резкий, мерный шаг.

Из гимназии Босс гремит ружейный залп. Отряд рассыпается.

— Ложись!

Второй залп. Юнкера, студенты расползаются в разные стороны. Среди них, спасаясь от выстрелов, оказывается и Кузьма. Кто-то прикладом разбивает зеркальное окно музыкального магазина Циммермана, находящегося напротив гимназии. Юнкера вползают сквозь разбитую витрину в магазин.

Один из них хватает за руку растерявшегося Кузьму и тащит его за собой:

— Чего рот разинул, дурак! Убьют!

Вталкивает Кузьму внутрь магазина. Кузьма пытается выбежать обратно.

— Сдурел? Там красные. Где винтовка? Потерял винтовку? Разиня! — кричит юнкер.

Одинокий керосиновый фонарь слабо освещает пустую площадь. Красногвардеец выходит, оглядываясь, из дверей гимназии. Видимо, ему поручено выяснить, далеко ли отошли юнкера. Это — Илья. Тихонько пробирается он вдоль стены. Остановился, прислушивается... Выстрел. Пуля пробивает окно над его головой. Согнувшись, Илья нырнул в дверь гимназии.

Алексей у телефона в магазине Циммермана.

— Штаб?.. Полковника Рябцева!

...У телефона полковник Рябцев — командующий Московским военным округом и всеми частями, борющимися против большевиков. Он утомлен, люди облепили его со всех сторон.

Обширный кабинет в Александровском училище. Штатские с бородами присяжных поверенных, офицеры, чиновники, священники...

...Алексей сообщает по телефону:

— Говорит поручик Леонтьев.

— Ну-с!

— Пробраться к вокзалу для встречи эшелона с фронта не могу. Красные захватили гимназию Босс и обстреляли нас. Мы заняли музыкальный магазин Циммермана. Нужны подкрепления.

— А где же я вам возьму их, милейший поручик? — отвечает полковник. — Я восьмой приказ рассылаю в войска, но ни один полк не двинулся с места. Большевики проникли в казармы, митингуют, а мы...

Стоящий сзади меньшевик возмущенно откликается:

— Мы только что с митинга, гражданин полковник. Чего вы еще хотите?

— Вот что! — кричит Рябцев в трубку.— Подброшу вам юнкеров... Выбить большевиков из гимназии! А потом в казармы сорокового полка. Он — наш: только что прибыли сюда оттуда. Выступить с этим полком на вокзал к приходу фронтовых подкреплений. Поняли?

...— Понял, ваше высокоблагородие,— отвечает Алексей.

И, положив трубку на рычаг, он сердито говорит:

— Понять-то понял!..

Внезапный шум на площади. Юнкера в магазине Циммермана хватаются за винтовки.

Тот же шум слышен и в гимназии Босс. Старик Захаркин и другие красногвардейцы подбегают с ружьями к окнам.

Площадь. Фонарь, афишный столб. По площади едет свадьба. Извозчики, пугливо оглядываясь, нахлестывают лошадей. Стоят в пролетках шафера. Один из них, сильно подвыпивший, поет во все горло:

Возьмите шаль мою, пропейте,
Да только милого не бейте.

— Эх и ночка!..

Проехала свадьба. И вновь тишина. Захаркин отходит от окна, снова садится за парту рядом со стариком Леонтьевым, продолжает начатый разговор.

— Я ведь еще твою свадьбу помню, Петр Ларионович, — говорит он, — знатная свадьба была! И матушку вашу, покойницу, помню. Все мне ваше семейство знакомо.

— А чем тебе плохо было, Захаркин? Служил ты у меня двадцать лет. Ел-пил. Сын у тебя в гимназии учится. Мой сын учится, и твой сын учится. В одной гимназии, с одними учителями.

— Учится, учится... Это ты верно сказал. И педагоги одни...

Дверь распахивается, входит Петр. Старик Захаркин пулей отскакивает от Леонтьева, притворяется, что вовсе и не говорил с ним, что скручивает цигарку.

— Юнкера заняли магазин напротив, — говорит Петр. — Следить!

— Следим! — лихо рапортует старик Захаркин.

Петр уходит. Леонтьев знаками подзывает старика.

— Егор!

— Ась! — говорит старик, приближаясь и оглядываясь по сторонам.

Вновь усевшись на парту, они начинают шептаться.

— Значит, и семью мою знаешь? — спрашивает старый Леонтьев.

— А как же... Знамо дело, известны...

— И матушку мою помнишь?

— Ну как же, хе-хе...

— Значит, выходит, мы с тобой вроде как бы люди свои.

— Еще бы! Хе-хе...

Леонтьев пододвигается к старику.

— Так ты вот что, Захаркин, — шепчет он, — выпусти ты меня, бога ради, отсюда. Сделай, брат, милость.

Захаркин пугается.

— Как так? Нет, этого не могу.

— Почему?

— Никак не могу!

— Да почему же, боже мой?

— Не могу, Петр Ларионович. Нынче мы с тобой вроде как бы это... Вроде как бы сказать... деремся. Либо я тебя, либо ты меня...

— Зачем нам драться, Егор? Мы с тобой старики, о смерти нам думать, а не о драке. Чего уж теперь нам драться? Правда?

— Правда-то правда... А не могу я с тобой не драться, Петр Ларионович, извиняюсь душевно, — разводит руками старик. — Давил ты меня всю жизнь, прости меня за мои слова, ради бога! Подумал ли ты — надо бы, мол, и Захаркину жизни да свету? Думал? Эвона! Ну и вскипел я теперь и желаю драться с тобой, не серчай на меня, сделай милость!

Захаркин бросает со всего размаху на пол «козью ножку», сердито растирает ее.

Проходит по классу, говорит красногвардейцам строго, начальственно:

— Ребята, глядеть!

Покосился на Леонтьева:

— В оба глядеть, ребята!

13

Комната Захаркиных. Старуха, одетая в платок и в пальтишко, видимо, собравшаяся уходить, стоя у стола, переливает в бутылку молоко, недопитое Кузь-

мой. Затем складывает в платочек оладьи, которые Кузьма не успел доесть, завязывает в узелок, прикручивает лампу и выходит.

14

Музыкальный магазин Циммермана.

Юнкера ожидают подкреплений.

На баррикадах, построенных из ящиков и пианино, лежат, всматриваясь в темную площадь, дозорные.

За баррикадой среди прилавков дремлют юнкера.

Студентик тихонько наигрывает на пианино:

Родина, родина, поля и леса,
Гулкие рощи, росистые зори...

— Родина! — говорит Алексей, играя знакомым нам портсигаром. — Нашу росистую родину следует время от времени бить дубиной по заду, чтобы расшевелить и двинуть вперед. Большевики это делают, и отлично!

Кто-то, сердясь, возражает ему:

— Почему же, в таком случае, вы боретесь с большевиками?

— Да потому, что они бьют дубиной Россию за мой счет, — Алексей снова стряхивает пепел. — А мы, Леонтьевы, не из тех, у кого можно что-нибудь взять без спроса. Мы не отдадим без драки не только заводы, но даже этого портсигара.

Офицер по фамилии Соскин — он с двумя юнкерами играет в карты на деке рояля — бросает туза.

Соскин. Чушь, я борюсь за Россию!

Алексей. Вы, Соскин? Да для вас же Россия — это ваш завод минеральных вод на Зацепе и стихи Блока о том, что Россию нельзя понять. Или это из Тютчева? А, молодой человек? — внезапно обращается он к Кузьме.

От неожиданности Кузьма чуть не падает с ящика, на котором сидит.

— Не знаю, — лепечет он.

— А что вы знаете?

Кузьма, совершенно смешавшись, бормочет:

— Ничего.

Смех.

— Отлично! А кто ваш отец?

— Рабочий.

Недоумение.

— А где он работает?

— На заводе Леонтьева.

— Так там же все сплошь большевики! — восклицает кто-то.

Студентик, наигрывая на рояле, тихонько поет:

Только я лишь один понимаю тебя,
Родина милая, милые взоры...

Обрывает мелодию, прислушивается. Все оборачиваются, глядя на Кузьму.

— А как вы сюда попали? — спрашивает Алексей.

— Я шел из гимназии... — отвечает, смутившись, Кузьма. — Шел, а потом...

— Уж не шпион ли он, господа? — высказывает кто-то догадку.

— А ну, подойди сюда!

— Это Захаркин, — вступает в разговор Шурка Леонтьев. — Он из нашего класса. Его отец слесарь на нашем заводе, а мать кухаркой была. А брат его большевик, в Петрограде. Он сам мне это говорил.

Мгновенная пауза. Какой-то юнкер подходит к Кузьме.

— Почему вы тут?

Он больно выворачивает Кузьме руку. Кузьма свободной рукой изо всех сил отталкивает юнкера.

— Оставьте меня!

Юнкер в свою очередь толкает Кузьму. Тот падает навзничь, споткнувшись о контрабас.

Общий смех.

Кузьма поднимается. Его лицо разбито.

— Перестаньте смеяться! — в ярости кричит он.

Смех усиливается. Кузьма внезапно хватается за чью-то прислоненную к дверям винтовку.

На мгновение смех обрывается. Кто-то сильным ударом выбивает винтовку из его рук.

Дуя на разбитую руку, Кузьма кричит:

— Я ненавижу вас! Да, моя мать кухарка! Понятно? И я горжусь этим! Горжусь! Ну и что же?

Шурка хватает его за шинель. Вне себя Кузьма отталкивает его:

— А мой отец слесарь!.. А мои братья — большевики... И я большевик. Вот вам, собаки!

Он хватает подвернувшийся под руку футляр от инструмента и швыряет его в юнкеров. Разлетаются осколки разбитой лампы. Кузьма выбегает.

Кто-то кричит ему вслед:

— Ах ты, падаль!

Но он уже сбегает с лестницы.

Пустынная площадь. Одинокий фонарь. Кузьма бежит по площади к гимназии.

Дозорные красногвардейцы в гимназии увидели его, взяли ружья наизготовку.

— Ух ты, вот дает ходу! — говорит старик Захаркин, глядя на эту сцену из окна.

Кузьма бежит изо всех сил — одинокая точка среди огромной площади.

— Гимназист! — отмечает один из дозорных.

Крохотная фигурка приблизилась к фонарю. Неясный свет, озаряющий ее, становится ярче.

Фигурка пробегает мимо фонаря.

В дверях гимназии стоят Петр и Илья. Илья хватается за ручку двери, Петр отталкивает его.

— Назад! Подстрелят, как курицу!

Они глядят сквозь дверное оконце, но не узнают Кузьму. А тот приближается. Вот он уже совсем близко от гимназии.

Старик Захаркин, наблюдающий за этой сценой из окна, тоже не узнает в гимназисте сына:

— Ишь ты, как скачет!

— Добежит! — говорит Петр, все еще стоящий вместе с Ильей у дверей.

Одиночный выстрел из музыкального магазина Циммермана. Кузьма падает.

— Пусти! — говорит Илья, задыхаясь: — Никак, это Кузьма...

— Кузьма? Откуда?.. Сдурел!

Петр прижался к стеклу, стараясь разглядеть черты лежащего гимназиста.

По лестнице сходит старик Захаркин, спрашивает:

— Видать, убили?

— Да уж не без того...

— Мальчонка-то молодой?

— Молодой.

Старик, крестясь, бормочет:

— Эх, царствие ему небесное!

— Что ты тут ходишь, старик! — вне себя кричит Петр.— Что ты все ходишь? Где твое место? Отвечай!

И старик испуганно бежит по лестнице наверх.

15

Старуха Захаркина пробирается вдоль стен. Баррикада. Несколько красногвардейцев греются у костра. Вдалеке грохочут пушки. В кругу красногвардейцев на ящике сидит Лена. Подле нее высокий солдат с вихром, выпущенным из-под фуражки. Лена болтает с солдатом, смеется.

— Кто идет?

— Старуха идет.

Из темноты показывается старуха Захаркина, останавливается у костра.

— Гимназиста моего не видали?

Рабочий в драном пальтишке отвечает:

— Какого такого гимназиста? Это, мать, ты не здесь гимназистов ищешь. Гимназисты, они вон оттуда в нас стреляют.

— Нет, мой гимназист другой.

— Другого не видели. Вот гимназистка, действительно, имеется, — рабочий шутливо указывает на Лену.

Старуха подходит к Лене поближе.

— Эй, мужчины, — сварливо говорит она, — чего барышню обступили? Посторонитесь.

Солдат с вихром посмеивается.

— Она, мать, голодная, а мы сами два дня не евши...

— Бабушка, я кушать хочу, — говорит Лена.

— Ах ты, сладкая ты моя. Ну-ну, иди сюда, я тебя накормлю. Мужу и сыновьям оладьев несу, они голодные воевать ушли.

Она развязывает узелок. В нем краюха хлеба, оладьи и молоко — все, что взяла старуха с собой из дома.

Лена весело ест.

Внезапно совсем близко раздается стрельба: вступает пулемет. Красногвардейцы поспешно расходятся по своим местам

— Бабушка,— шепчет Лена, испуганно прижимаясь к старухе, — не уходи! Я с тобой...

Стрельба усиливается.

Горячась и срываясь, трещат пулеметы.

— Надо полагать, юнкера гимназию атакуют, — обеспокоенно говорит рабочий.

Стрельба все громче, все яростней.

Бой в гимназии Босс. Юнкера, получив подкрепление, атаковали отряд Петра Захаркина.

Все стекла нижнего этажа разбиты. Стены рассечены пулями.

Юнкера уже ворвались в гимназию. Красные удерживают площадку второго этажа.

По лестнице старик Захаркин и два красногвардейца спешно проводят на третий этаж пленных: Леонтьева и инспектора.

— Именем Комитета общественной безопасности предлагаю сдаться! — кричит снизу Алексей.

Ему отвечают залпом.

Юнкера бросаются в атаку. На лестнице, в классах, в рисовальном зале, в физическом кабинете второго этажа идет рукопашный бой. Падают колбы, гипсовые Аполлоны, аппараты для добывания кислорода. Силы неравны, красногвардейцы постепенно отступают.

16

Снова баррикады. Красногвардейцы прислушиваются к выстрелам, доносящимся со стороны гимназии. Отдельные шальные пули врезаются в стены домов. Обломок штукатурки падает на Лену, та вскрикивает.

— Эй, старая! — говорит обеспокоенно рабочий. — Бери девку да иди домой. Неровен час — убьют.

— Куда я теперь пойду? Ишь что делается! — отвечает старуха.

17

Дверь с табличкой «IV класс». Остатки красногвардейского отряда во главе с Петром пробиваются к этой

двери, единственной, которая обеспечивает им отступление.

Пробились. Юнкера на мгновение оттеснены. Красногвардейцы врываются в класс, захлопывают за собой двери, сдвигают к дверям парты, устраивая баррикаду.

— Гранаты! — кричит Петр.

Илья подает Петру чемодан. Петр пытается открыть его ключом.

Чемодан не отпирается. Надломанная дверь уже дрожит под ударами белых.

Баррикада ходит ходуном. Тогда Петр, раскровянив пальцы, отдирает замок чемодана.

Новый натиск. Дверь готова рухнуть.

Петр раскрывает наконец чемодан. В нем — нашитые на картонку образцы пуговиц, гребенок, две гири для утренней гимнастики по системе Мюллера и металлическая табличка, выгравированная на внутренней стенке чемодана: «Л. И. Семихватов, коммивояжер». Петр остолбенел, ничего не понимает.

Новый залп приводит его в себя.

— А, дьявол! — кричит он.

Изо всей силы ударяет чемоданом в оконное стекло. Стекло разлетается вдребезги. На площадь вместе с осколками стекла падает чемодан. Пуговицы и гребенки разлетаются во все стороны.

Цепочка красногвардейцев с Петром и Ильей лезет через разбитое окно по пожарной лестнице.

Вот цепочка под самой крышей.

Юнкера вваливаются в класс. Он пуст. На классной доске мелом написано:

«ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!»

Красные покинули гимназию. Только на темном чердаке сидит старик Захаркин с двумя красногвардейцами и с двумя пленными — Леонтьевым и инспектором.

— Обыскать помещение! — отдает приказ Алексей.

Юнкера расходятся по классам.

18

Рука с бокалом.

Звучит торжественная речь:

— Итак, дорогие друзья... (орудийный выстрел) не

может быть счастья супружества без любви. Дорогой мой зять Ваня... Встань, Ваня!

Орудийный залп.

Мы попали на свадьбу, которую видели проезжающей по площади. Теперь все ее участники сидят за столом: жених, невеста, шафера, приглашенные. То и дело звучат орудийные выстрелы, и каждый раз гости и новобрачные вздрагивают и тревожно смотрят на темные окна.

Тост произносит отец невесты:

— Дорогая дочь Катя... Встань, Катя! Дети мои, пусть счастье, которое, словно птица-феникс...

Громкий стук в дверь. Все вскакивают со своих мест. Стук повторяется.

Кто-то бросается в прихожую открывать дверь.

Отец невесты бормочет:

—...которое будто феникс...

В столовую входят Петр, Илья, красногвардейцы — все те, кто выбрался из гимназии. Они запачканы, грязны, одежда их порвана.

Среди гостей суматоха.

— Где телефон? — спрашивает Петр.

Старик отец лепечет, стоя с бокалом в руках:

— Здесь свадьба!

— Где телефон?!

— Сюда, сюда, батюшка,— шепелявит какая-то старушка.

Петр с красногвардейцами проходит к телефону, берет трубку.

19

Комната военно-революционного комитета. По-прежнему толкотня, усталые люди.

Телефонный звонок. Михайлов поднимает трубку.

— Да!.. Ну я, Михайлов... Захаркин?.. Это матрос, что ли! Так... так... Ну, как у тебя дела в гимназии?.. Что?

Петр прикрывает обеими руками трубку, старается говорить как можно тише, чтобы скрыть свои слова от гостей.

— К юнкерам подошло подкрепление, товарищ Михайлов... Пришлось гимназию... Гимназию пришлось...

сдать, — дует в трубку, смущенно переминается, косясь на гостей. — Я говорю — отступить пришлось!..

— Как это отступить? — вскипает Михайлов. — А ты что же раньше молчал?! Почему не просил у нас помощи?

Петр, совсем уничтоженный, внезапно кричит на гостей:

— Выдьте отсюда!

Гости, толпясь, толкая друг друга, протискиваются в коридор.

Снова в трубку:

— Самолюбие не позволило, товарищ Михайлов... Полагал, отобьемся сами.

— Чего?.. чего?

— Самолюбие, говорю...

— А тебя партия форсить назначила или командовать? А? — в гневе кричит Михайлов. — «Самолюбие»! Слышали вы! Ты понимаешь, что ты наделал? Отвечай, понимаешь?

Петр тяжело вздыхает, оглядывается на гостей, снова заглядывающих в дверь, и в бешенстве кричит:

— Разойдись! Кому говорят?!

Дверь с треском захлопывается.

Петр тихо говорит в трубку:

— Понимаю, товарищ Михайлов.

Михайлов с трубкой в руках близоруко шарит по столу, ища карандаш. Нашел.

— Эх ты! — бросает он в трубку. — А говорил еще, что командовать умеешь!.. Ну, вот что. Ошибку надо исправлять. Ты дорогу белым на вокзал открыл? Открыл! Так теперь отправляйся в казармы сорокового полка, подымай его и занимай вокзал к приходу белого эшелона. Понял?

— Понял, понял! — отвечает Петр обрадованно. — Ты уж не сердись, Михайло Степаныч, что вышло так... Я ведь так думал, что...

— Ну, ладно, ладно! — перебивает его Михайлов. — «Думал»! Поздно затылок чесать! Вали!

Михайлов кладет трубку и выходит на балкон.

С высоты балкона видны рабочие и солдаты, пришедшие к зданию Совета, чтобы принять участие в начав-

шихся боях. Море фуражек, озаренных отблесками костров.

Михайлов начинает речь:

— Товарищи! Восставший народ вступил в решительный бой за рабоче-крестьянскую власть, за мир и за землю...

На фоне этих издалека доносящихся слов Михайлова виден стол для регистрации прибывающих рабочих отрядов. За столом рабочий. Его помощник солдат выкликает:

— Завод «Сокол» — сто сорок шесть человек!

Рабочий записывает.

Солдат. Фабрика «Штамп» — четыреста двадцать человек!

Рабочий записывает.

Солдат. Артель плотников — двадцать два человека!

Рабочий (*записывая*). Двадцать два человека...

Солдат. Самокатчики — двести человек!

Рабочий (*записывая*). Самокатчики... двести человек.

Солдат. Завод «Металл» — четыреста восемьдесят пять человек!

Рабочий записывает.

Солдат. Повара и официанты — шестнадцать человек!

Рабочий записывает.

20

Площадь перед гимназией Босс. Фонарь теперь не горит, он разбит.

Старуха Захаркина и Лена пробираются по площади. Они уже около гимназии. Здание гимназии темно, светится только одно окошко наверху, на чердаке.

Сигнальная ракета внезапно озаряет площадь, афишный столб, труп Кузьмы, лежащий около фонаря, разбитые, зияющие стекла гимназии. Старуха видит разбитые стекла.

— О господи! —шепчет она. — Свят, свят....

Ракета погасла... Снова тьма...

Старуха спотыкается обо что-то. Нагибается, шарит руками. Чемодан — пустой, раскрытый.

— Батюшки, никак, Петрушин чемодан! — бормочет она.

Недоуменно рассматривает его и торопливо кладет в чемодан узелок с провизией, который все время носила с собой.

Теперь уже старый Захаркин, захваченный юнкерами, стоит перед Алексеем Леонтьевым на чердаке.

— Фамилия?

— Захаркин фамилия.

Алексей внимательно оглядывает старика.

— Захаркин... — задумчиво произносит он. Улыбка появляется на лице Алексея, он вспоминает о Кузьме. — Имя?

Захаркин утирает с лица пот, облизывает пересохшие губы.

Леонтьев-отец *(насмешливо)*. Что, жарко?

Захаркин. Беда!

Леонтьев-отец. Лимонаду не хочешь ли?

— Давай лимонаду,— отвечает Захаркин, понимая издевку.

— Может, мороженого?

— Тащи мороженое.

Сразу переменившись в лице, побледнев, Леонтьев-отец в ярости кричит:

— Ну что, сукин сын? Против меня пошел? А? Думал — заводики у него отберем, дома оттяпаем. Так, что ли? Думал?

— Думал.

— Врешь, брат, поработать придется! Я тебя, сукина сына, двадцать лет гнул и еще двадцать гнуть буду. Понял?

— Нет, барин, боле меня не согнешь. Я теперь разогнулся.

Захаркин выпрямляется, раздвигает руки, выпячивает грудь колесом.

— О! Видишь, какой! — говорит он не то в шутку, не то серьезно.

— Не согну?

— Не согнешь!

Леонтьев берет со стола наган Алексея.

— Не согну?

— Эх, Петр Ларионович,— спокойно отвечает Захаркин, — мужчина ты видный, в летах, а кричишь, ровно баба. Нехорошо. Конешно, обидно тебе, всю жизнь грабил, а в одну ночь все отдай! Ничего не попишешь, барин. Кричи, не кричи, а отдать придется.

Леонтьев прицеливается:

— Придется?

— Придется...

— Молись, прохвост!

Старик Захаркин начинает вдруг рыться в кармане. Вынимает листок печатной бумаги, разворачивает его. Табак и хлебные крошки сыплются из сгиба бумаги.

Старик передает листок пленному красногвардейцу, который неподвижно стоит у стены:

— А ну, прочти-ка, парень, молитву. Только не торопись, поскладней.

Запинаясь, красногвардеец читает по слогам:

— «То-ва-ри-щи ра-бо-чие, сол-даты, кре-стья-не! Между.... междунар... международная... бур-буржу...».

— Эх, сынок, — удрученно качает головой Захаркин,— жалко, плохо ты грамотный. Больно уж правильный там всем им акафист,— он указывает на Леонтьевых и юнкеров.

Леонтьев подбегает к Захаркину. Схватив за горло, начинает трясти старика.

— Ты что? Шутить со мной вздумал?

Лица их на секунду сблизились.

Задыхаясь, собрав последние силы, Захаркин говорит громко и внятно:

— Нет, барин, я теперь отшутился.

Леонтьев поднял револьвер. Старик Захаркин, рывком раздвинув на груди пиджачок, говорит:

— Ну, стреляй! Стреляй в рабочего человека!

Выстрел. Раскинув руки, Захаркин какое-то мгновение покачивается у стены, потом падает.

Стоя на площади, старуха Захаркина с Леной слышат этот выстрел. В испуге старуха кинулась в сторону. В руке у нее чемодан, брошенный Петром.

Лена бежит за ней.

— Бабушка! Я боюсь! Бабушка!

Они бегут по площади.

21

Высокая казарменная стена. Петр и Илья перед закрытыми воротами казармы. Петр стучит в калитку.

— Отвори!

Молчание.

— Именем революционного комитета! Отвори!

Часовой открывает калитку.

— Куда?

— В полковой комитет.

Подходит офицер.

— Вам куда, господа?

— В полковой комитет, господин поручик.

К калитке подходит несколько других офицеров и фельдфебелей. Поручик продолжает расспрашивать:

— Зачем?

— Надобно по делам.

— Идите за мной! — говорит офицер.

...Идут по широкому казарменному плацу: Петр, Илья, офицер, фельдфебель.

Темные окна. Полосатые будки. Офицеры в полном обмундировании стоят у дверей казарм. Казармы, видимо, неспокойны...

Какой-то солдат выходит вдруг из дверей.

Офицер, сопровождающий Петра и Илью, выхватывает револьвер.

— Куда? Назад! Кто разрешил?

Солдат ныряет обратно. Илья и Петр переглянулись.

...Петр, Илья, офицер, фельдьфебель входят в одну из казарм, идут по длинным пустынным и гулким коридорам, спускаются по лестнице. Подвал, темный и мокрый. Внезапно Петр, поняв, что попал в засаду, останавливается и кричит:

— Назад, Илья!

Оттолкнув офицера, он поворачивается, чтобы бежать. Его хватают. Сбивают с ног. Начинается жестокое избиение.

Звон запираемого замка. Петр и Илья в крохотной камере гауптвахты, дверь с решеткой. Братья лежат с разбитыми лицами, с распухшими губами.

В полной тишине далекий звук горна призывает солдат к сбору. Петр с трудом приподнимается, прислушивается.

— Сбор трубят, Илюшка. Слышишь?

Илья молчит, Петр подползает к нему.

— Илья, жив?

Илья приподнимается, сидит на полу, прислонившись спиной к стене.

Далекая команда:

— Становись!

Петр бросается к двери, с трудом, ослабевшими руками трясет ее, кричит:

— Эй! Есть кто-нибудь?

Тишина. Слышны только далекие голоса на плацу.

Плац казармы. Группа офицеров. В центре Алексей. Офицеры о чем-то оживленно беседуют.

Из всех дверей выбегают солдаты. Голоса фельдфебелей, подбадривающих себя своим собственным криком:

— Ста-но-вись!

Не очень уверенно топчутся солдаты.

Заспанные, они подтягивают штаны, застегивают ремни, запахивают шинели.

— Рав-няйсь!

— Смирно!

Алексей влезает на ящик, отдает честь полку.

— Братцы! — говорит он.— Наша великая родина в опасности! Кучка бунтовщиков посягает на власть народную. Может ли армия, присягавшая свободе, спокойно смотреть на это? Можем ли мы допустить, чтобы погибла Россия и революция?

Чулан. Далекие звуки одинокого голоса. Поднимаясь на ноги, Илья бормочет:

— Полк уводят! Петр!

Петр снова бросается к дверям, стучит:

— Эй! Отворяй, тебе говорят!

Прислушиваются. Тишина. Далекий голос оратора. Братья трясут дверь из всех сил.

На плацу говорит Алексей:

— Большевики разбиты повсюду, в Петрограде, по всей стране. Ленин бежал к немцам. Сейчас в Москву

прибудут войска с фронта, верные правительству и народу. Мы с вами пойдем к ним навстречу, чтобы вместе добить шпионов и большевиков. Вперед, орлы! За Россию, братцы! Ура!

Молчание.

Отдельные возгласы в рядах:

— Чего еще!

— Куда идти на ночь глядя?

Из группы офицеров вышел подполковник, скомандовал:

— Разговоры в строю? Отставить! На пле-чо! Напра-во!

Разбежавшись, Петр и Илья наваливаются всей своей тяжестью на дверь. Дверь трещит, но не поддается. Шаги человека, бегущего по коридору. К дверям подбегает караульный, совсем еще молодой паренек.

— Чего гремите?

— Отвори!

— Сдурел, что ли?

Ища нужных слов и не находя их, дрожа от нетерпения, в страстном желании вырваться на волю, чтобы остановить, задержать солдат, Петр внезапно притягивает к себе сквозь решетку молодого солдата, прижимается лбом к его папахе.

— Слушай, парень,— шепчет он,— что же ты делаешь? Выпусти нас. Разве я враг тебе? Брат я тебе, вот кто я! И одна у нас с тобой, парень, цель. Чтобы для всех жизнь была, кто трудящий!..

Дробь барабана. Петр прислушивается. Он говорит, и звук его голоса все растет, все крепнет.

— Ты трудящий и я трудящий. И нету нас с тобой на свете сильней, все мы можем на земле повернуть. Слышь, ты? А ты кому служишь? Злодеям своим служишь? Это не их винтовка, это наша с тобой винтовка. Они тебе ее дали, чтобы ты в нас стрелял, а ты в них стреляй, в тех, кто душит тебя. Открой дверь! Слышь, открой!..

Барабанная дробь. По плацу движется к воротам полк. Точная, ясная, четкая дробь барабанов.

Петр и Илья подбегают к зарядным ящикам, стоящим недалеко от ворот.

Илья вскакивает на ящики и громким голосом, который неожидан в этом тщедушном теле, кричит:

— Стой! Стойте!

Замешательство. Барабанщики умолкают. Колонны встали.

Илья продолжает кричать, страшным усилием преодолевая кашель:

— Куда вы, товарищи? Против кого вы идете? Ведь там же рабочие!.. Они дерутся за нас... Чтобы каждому... трудящемуся человеку лучше было!.. Чтобы жить...

Кашель вырывается наружу, но Илья побеждает его.

— ...жить счастливо всем людям... рабочим... крестьянам... Ленин сказал!.. Вы о Ленине слышали?

Ни слова не говоря, Алексей поднимает револьвер. Илья кричит из последних сил:

— Ленин... ведет нас...

Выстрел. Илья пошатнулся.

Солдатский голос. Братцы, убили парня!

Второй солдатский голос. Что ж это, братцы-то? А?

Петр, держа Илью на руках, продолжает его оборвавшуюся фразу:

— ...Ленин ведет нас на борьбу за мир, за хлеб, за землю крестьянам! Кого вы слушаетесь? Хозяев! Теперь вы сами хозяева! Все ваше теперь! Фабрики, заводы, земля! А вы идете драться за то, чтобы все снова отдать помещикам и буржуям!

Алексей поднимает револьвер. Пуля пробивает стекло над головой Петра. Тот продолжает говорить:

— Кого вы идете душить? Рабочих? Разве рабочие ваши враги? Вот они — ваши враги,— указывает Петр на офицеров.— Это они опять хотят отнять у вас землю, которую Советская власть отдала вам. Это они хотят погнать вас на фронт, чтобы богатели капиталисты.

Подполковник кричит:

— Врешь, немецкий шпион! Солдаты!..

Петр продолжает:

— Товарищи, не туда вы идете! Вы идете...

Алексей снова нацеливается. Но солдат, стоящий поблизости, ударяет его под локоть.

— Не спеши, ваше благородие,— говорит он угрюмо.— Дай-кось послушать, куда мы идем...

Вне себя Алексей вырывает руку и ударяет солдата.

Страшная суматоха. Ряды распались. Солдаты нажимают на офицеров.

Крики:

— Драться, собака?!

— Отдавай пистолеты!

Офицеры оттеснены.

Петр. Товарищи!.. Вас обманули... Вас ведут драться против тех, кто не хочет войны... Кто отдал землю крестьянам... Кто отдал заводы рабочим...

Какой-то пожилой солдат кричит, обращаясь к Петру:

— Эй, парень! Рабочий класс!

Петр. Здесь!

Пауза. Тот же голос издалека:

— А правду ты говоришь, что Ленин насчет земли приказ отдал?

— Земля отдана крестьянам!

Молчание.

— Тогды командуй! — проговорил солдат.

Петр командует:

— Шагом марш!

Нестройно шагая, солдаты идут по плацу в ворота мимо сторожевой будки.

В их рядах Петр с Ильей на руках.

22

Москва гремит. Бой в са́мом разгаре. Взлетают, озаряя ночь, ракеты. Строчат пулеметы на осенних бульварах, в песочных ящиках для детей. Трехдюймовки бьют вверх по Тверской. Стреляют отовсюду: с крыш, с колоколен, из форточек.

Старуха и Лена бегут по улицам. Запыхавшись, подбегают к углу, и, шарахнувшись от взрыва, бросаются назад. Снаряд угодил в магазин. Взлетают сыры, колбасы. Скрипя, повисает вывеска: «Братья Бландовы». Старуха и Лена вбегают во двор. Дом горит. Паника. Летят вниз мебель, подушки, матрацы. Снаряды свистят над двором. Мечутся жених, невеста, шафера.

Удар по бакалейной лавке. Мука взлетает в воздух, как пыль.

Повисла вывеска: «Н. В. Белов. Крупчатка».

Площадь перед гимназией Босс, ярко озаренная пожаром. Гимназия пылает, как факел. Старуха и Лена прижались к стене, тяжело дышат. Стрельба приближается.

— Батюшки, куда ж деться-то! — шепчет старуха.

И снова бежит дальше. Лена прижалась к стене.

— Бабушка! Не пойду дальше! Не пойду! Обожди, я тебе приказываю!

Старуха скрывается в темноте.

— Бабушка, погоди! Где ты? Бабка! — кричит Лена.

Пытается догнать старуху, пересекает площадь. Внезапно у разбитого фонаря натыкается на что-то, кричит и отскакивает в сторону.

В неверном свете отдаленного зарева она видит тело Кузьмы Захаркина, распростертое на камнях.

Изо всех сил бежит Лена по площади, догоняя старуху.

— Бабушка, бабушка!

Старуха прижимает ее к себе.

— Что с тобой, ласточка?

— Там мертвый, мертвый...

— Ну и господь с ним, мало ли мертвых!

— Знакомый мой, мертвый. Гимназист...

— Гимназист? — переспрашивает старуха, внезапно встрепенувшись. — Где? Какой гимназист? — тревожно шепчет она, направляясь к трупу.

Лена, плача, хватает ее за рукав, бормочет:

— Аркадий, бабушка... Я с ним танцевала сегодня.

Старуха, крестясь, успокоенно говорит:

— Аркадий... Аркаша... О господи, спаси, сохрани и помилуй.

Грохот. Лена и старуха снова бросаются бежать. Какие-то тени мелькают мимо них.

С грохотом проносится артиллерия.

23

Вокзал. Слышна отдаленная канонада. Огромные залы битком набиты людьми. Повсюду наставлены вещи — чемоданы, саквояжи. Крик, шум. Это буржуазия бежит из Москвы. Шляпки, пальто, котелки. Самые различные разговоры в толпе. Двое в мягких шляпах:

— Пятьсот пар сапог, бинты, пирамидон.

— Не покупаю!

— Почему?

— Не верю в порядок!

— Боже, что делается! Боже мой, боже! — повторяет дама.

Пожилой человек в картузе и поддевке:

— Чепуха, сударыня. Это еще не драка. Вот как поднимемся мы, купцы, как засучим рукава, как ударим в Ивана Великого, вот тогда будет драка.

Выстрелы приближаются.

— Большевики подходят!

— Большевики прорвались!

Сквозь толпу под руку с сыном Шуркой пробирается старик Леонтьев.

Юнкера, отступая, входят в вокзал. Офицеры врываются к начальнику станции.

С ними Алексей.

— Что с подкреплениями? Где эшелон?

— Идет, идет, господа. Ждем минут через сорок.

Алексей спрашивает у другого офицера:

— Продержимся?

— А черт его знает!

Юнкера, освобождая помещение вокзала, выжимают винтовками публику к двери, ведущей в багажное отделение.

Лена, сдавленная, стиснутая, увидела Алексея, стоящего на багажной стойке, закричала ему:

— Алеша!

Алексей оборачивается. Лена опрометью бросается к нему.

— Как ты попала сюда? Где отец? Где Шурка? — спрашивает Алексей.

— Не знаю... Я ничего не знаю...— бормочет Лена, прижимаясь к Алексею.

Группа пулеметчиков — солдат батальона смерти — возле пулеметов. Старуха Захаркина бродит вокруг этой группы, остановилась, о чем-то говорит с солдатами. Те отвечают ей, посмеиваясь. Старуха присела возле пулемета, вновь говорит что-то.

Один из офицеров обращается к Захаркиной:

— Что ты здесь делаешь?

Старуха испуганно отвечает:

— Ничего, батюшка!

— О чем ты говорила с солдатами?

Старуха молчит.

Офицер обращается к солдатам:

— О чем она говорила?

Один из пулеметчиков отвечает посмеиваясь:

— Да вот разговаривала, ваше благородие. Агитирует, божий цветок! Зачем, мол, в своих стреляете? Они, мол, за вас кровь проливают.

— Шпион? Взять ее!

Два юнкера хватают старуху.

Она кричит:

— Куда ж это, батюшка? Какой я шпион? Я с барышней. Вон она. Лена! Лена!

Козыряя, офицер обращается к Лене, стоящей рядом с Алексеем:

— Простите, мадемуазель. Это ваша старуха тут солдат агитирует?

Видя Захаркину, которую держат солдаты, Лена испуганно отвечает:

— Не... нет... что вы!.. Нет, нет!

— В комендантскую!

Комендантская комната. Захаркину вталкивают в комнату. Она спотыкается, ее подхватывает коммивояжер Семихватов, сидящий здесь с вечера. За ночь он оброс, похудел. Человек десять арестованных расположились тут же на скамьях.

— Что там на воле, мамаша? — спрашивает Семихватов тревожно.

— Бьются, батюшка. Ох, бьются!

Унтер-офицер вырывает у старухи чемодан и, заглянув в него, ставит рядом с тем самым семихватовским чемоданом, в котором оказались гранаты и бомбы.

24

Вокзальная площадь. По площади бегут атакующие вокзал цепи солдат и рабочих.

Впереди — Петр и Михайлов.

М и х а й л о в. Заходи слева, матрос!

Петр. Есть заходить слева!

Петр с группой солдат отделяется влево, в обход вокзала.

Зал вокзала. Юнкера и офицеры отстреливаются через окна.

Вокзальная площадь. Гремит «ура». Атакующие цепи рабочих и солдат приближаются к зданию вокзала.

Зал вокзала. Юнкера начинают отступать. Петр со двора влезает в одно из окон. За ним — его отряд. Они с тыла обстреливают юнкеров, бросающихся врассыпную.

Комната начальника станции. Вбегает Алексей с группой офицеров, кричит начальнику станции:

— Где этот чертов эшелон?

— Прошел Внуково, господин офицер. Через семь-восемь минут будет здесь.

— Руки вверх! — слышится вдруг чей-то голос.

Офицеры и Алексей оборачиваются. Перед ними — Михайлов с группой вооруженных рабочих. Офицеры во главе с Алексеем медленно поднимают руки.

Михайлов спрашивает у начальника станции:

— Начальник станции?

— Я.

— Где эшелон белых, с фронта?

— Эшелон? Какой эшелон?

Михайлов, перехватив взгляд, который начальник станции бросил на Алексея, приказывает:

— Увести.

Из отряда отделяются несколько рабочих и уводят офицеров.

Михайлов снова спрашивает у начальника станции:

— Где эшелон?

— Эшелон? — Узрев направленный на него пистолет, начальник станции бормочет: — Ах, эшелон!.. Эшелон будет через два-три часа.

Михайлов внимательно смотрит на начальника станции, как бы изучая его, потом резюмирует:

— Врет!.. Забаррикадировать окна!

Петр идет по вокзалу, приказывает:

— Пулеметы к окнам! Обыскать арестованных.

Петр обходит группу арестованных и вдруг останавливается. Он видит Алексея, которого обыскивают красногвардейцы. Алексей, увидев Петра, восклицает:

— А-а-а!..

— Значит, мануфактурой торгуешь? — иронически говорит Петр Алексею.

Алексей спокойно вынимает портсигар, берет папиросы, закуривает.

— А ты по бандитскому делу? — отвечает он.

Все так же спокойно он снимает кольцо, золотые часы, небрежно и медленно протягивает их Петру вместе с портсигаром.

— Получай добычу!

Петр бледнеет от бешенства. Судорожно сжав кулаки, он изо всех сил ударяет Алексея по лицу.

— В комендантскую! — кричит он.

Оборачивается. В дверях стоит Михайлов. Петр в замешательстве, стараясь побороть неловкость, выпрямляется по-военному:

— Товарищ Михайлов! Докладываю, что в осмотренном мною зале...

— Это что же такое? — сурово перебивает его Михайлов, указывая глазами на Алексея. — Дерешься? Опять за свое?

Петр смущенно вздыхает, бормочет виновато:

— Понервничал, товарищ Михайлов... Не удержался.— Крякнул и удрученно добавил:— Как протянул он мне портсигар... Не удержался. Понервничал. Вмазал.

Молчание. Михайлов глядит на Петра.

— Ну и правильно сделал! — говорит он спокойно.

25

Вагоны, стрелки, железнодорожные пути. Красные дозорные на путях передают по цепи:

— Поезд идет!

— Эшелон! Эшелон!

Красногвардейцы, спеша, втискивают пленных — офицеров, студентов, юнкеров, оставшихся пассажиров — в комендантскую. За ними входит Петр. Старуха Захаркина увидела его.

— Петя! Петруша!

Петр изумлен.

— Мать? Ты что здесь?

— Да вас ищу, угорелых,— ворчит старуха.— Где Кузьма? Где Илюша? Куда старика дел?

— Илюша?.. Об Илюше после. Выходи отсюда,— подталкивает к двери.

— Погоди, погоди! Вещички мои тут! — Старуха протискивается к столу, берет один из двух чемоданов, идет к выходу.

Из толпы арестованных Лена взмолилась:

— Бабушка! Бабушка!

Старуха оборачивается, некоторое время смотрит на Лену, ни слова не говоря. Потом, повернувшись к выходу, бросает:

— Пойдем, Петруша!

И, не оглядываясь, мать и сын выходят из комендантской.

По путям, постукивая, идет поезд.

Поезд дальний, запыленный.

Тяжко пыхтя, он медленно вползает под своды вокзала — страшный, весь ощетинившийся винтовками и пулеметами.

Навстречу ему тоже щетинятся винтовки и пулеметы красных. Медленно-медленно движется поезд. Остановился у перрона.

Мертвая тишина.

Петр и Михайлов. Группа красногвардейцев у пулемета. Старуха Захаркина неподалеку.

Люди вглядываются в поезд. Поезд неподвижен и безмолвен...

Петр командует шепотом:

— По эшелону пулеметным огнем...

Михайлов резко обрывает его:

— Обожди!

Снова молчание.

Непонятный, таинственный, с пулеметами и винтовками, торчащими из окон, стоит поезд.

Волнение овладевает красногвардейцами. Пригнув-

шись, сжимая в руках винтовки и ручные гранаты, они глядят на вагоны.

— Дозвольте стрелять, товарищ Михайлов,— шепчет молодой пулеметчик.— Самое время.

— Обожди! — отвечает Михайлов и добавляет задумчиво:— Вот так поезд!

К окнам комендантской, выходящим на перрон, прильнули все арестованные — юнкера, офицеры, штатские.

Тут и Шурка, и Алексей, и Лена.

Петр внезапно идет по направлению к перрону. Михайлов окликает его.

— Куда?

— Погляжу, кто в нем, товарищ Михайлов.

— Убьют, бешеный! Назад!

Молчание.

Тогда Захаркина вдруг, ни слова не говоря, идет к дверям, выходящим на перрон. Михайлов хватает ее за пальтишко.

— Куда, старая?

Старуха вырывает полу из рук Михайлова и выходит на совершенно пустой перрон. Михайлов кричит:

— Назад! Сдурела?

Старуха на миг оборачивается к нему:

— Ты свое дело знаешь, ну и знай, а на меня не кричи.— И вдруг вспыхнув, как вспыхивает Петр, она кричит:— Я и сама крикнуть могу!

Удивленный Михайлов разводит руками:

— Вот это старуха!

26

По пустому перрону мимо ружей и пулеметов, торчащих из окон вокзала, совершенно одна, пошлепывая галошами, идет старуха Захаркина.

Тишина. Молчание. Одиноко пыхтит паровоз.

Паровоз. Машинист в замасленной кепке. Маленькая старушка внизу под крутой паровозной лестницей.

— Здорово, механик.

— Здорово, тетка.

— Кого привез?

— Известно, кого: солдат.

— А кто они, солдаты-то? Рабочие или офицеры?

— А я не знаю. Это ты их спроси.

Старуха отходит от паровоза и идет к вагонам. Все замерли на вокзале. С огромным волнением следит за матерью Петр.

Лица красногвардейцев, прильнувших к окнам. Офицеры у окна комендантской.

Пустой перрон. Далеко, очень далеко фигурка Захаркиной. Старуха разговаривает с кем-то, невидимым зрителю, стоящим на вагонной площадке. О чем она говорит, неизвестно. Старуха горячится, показывает рукой на вокзал, кивает головой, крестится.

Свист. Громкий, пронзительный свист в тишине — и сразу из всех вагонов, из вагонных дверей, из вагонных окон высыпают солдаты.

Старуха бежит по перрону к вокзалу и еще издали машет Петру руками.

— Наши! — кричит она.— Все как есть наши! Большевистские!..

Петр и Михайлов бросаются на перрон. Широкой гурьбой выбегают на перрон красногвардейцы.

— Ура! — кричат из поезда.

— Ура! — кричат с перрона.

И бегут друг другу навстречу.

Старуха впереди солдат, смеясь и махая руками, бежит к Петру. Петр подхватывает ее, прижимает к себе, целует ее лоб, ее впалые щеки, ее седые волосы — огромный Петр, самый суровый, самый неласковый из ее сыновей.

Голос Михайлова вдалеке:

— Да здравствует большевистская партия!

Громовой ответ летит под перронными сводами:

— Ура!

Шурка Леонтьев, сидя в комендантской, сжимает кулаки.

— Эх, сейчас бы бомбу хорошую! Десять тысяч не пожалел бы!

Тогда Семихватов, стоящий тут же, кладет свою руку на его плечо.

— Молодой человек, есть для вас бомба. За десять тысяч рублей!

Протиснувшись к столу, где по-прежнему стоит отобранный у него чемодан с ручными гранатами, Семихватов тащит его к окну. К чемодану бросаются Алексей и другие офицеры. Семихватов раскрывает чемодан.

Там краюха хлеба, аккуратно завязанная бутылка молока, домашние оладьи — то, что всю ночь носила с собой старуха, ища Кузьму.

Коммивояжер деревенеет. Оцепенело глядит он на это странное превращение. Покачивается и, как подкошенный, падает ничком, лицом на скамейку.

А с перрона доносится далекий голос Михайлова:

— Да здравствует революция!

Мощное «ура» летит над вокзалом.

27

Зал вокзала битком набит солдатами и рабочими. На скамье стоит Михайлов и говорит речь:

— Товарищи, я хочу сообщить вам последние сведения. Симоновка, товарищи,— наша! Благуша — наша! Лефортово — наше! Замоскворечье — наше! Хамовники — наши!

Аплодисменты.

Михайлов продолжает:

— Товарищи рабочие и солдаты! Мы победили. Победили простые русские люди — слесаря, машинисты, портные, крестьяне, столяры. Мы победили, но враг еще не добит. Он еще держит в руках оружие. Кончилась нынче ночь, но много еще таких боевых ночей у нас впереди! Долог и труден будет наш путь.

С глубоким вниманием слушают речь рабочие и солдаты.

— ...Вечная ненависть к врагу! Мы пронесли эту ненависть сквозь голод и нищету, мы вырастили ее в тюрьмах и в казематах, мы закалили ее в рядах нашей большевистской партии. Вперед же, товарищи! Выше головы! Крепче винтовки!

Громовое «ура».

— Матрос! Где матрос? — кричит Михайлов.

— Здесь! — откликается Петр, обнимая мать.

— Товарищ Захаркин, становись впереди.

Солдаты и рабочие строятся в ряды. Вдоль всего зала выстроились шеренги.

— На-ле-во!

Все поворачиваются налево. Прикорнув на скамейке, спит молодой солдат, видимо, донельзя уставший. Старуха Захаркина тормошит его.

— Сынок!

Солдатик спит и во сне улыбается чему-то.

— Сынок!.. А сынок!..

Солдат вскакивает, спрашивая спросонья:

— А? Что? Зачем?

— Зачем? Воевать идем! — Помогает солдатику подняться.

Одевая вещевой мешок, солдат отвечает:

— Ничего, мать, догоним. Куда идем?

— Буржуев бить! Заводы и землю у них отбирать! Испугавшись своих слов, она крестится и шепчет:

— О господи, прости мои прегрешения!..

Последние шеренги рабочих и солдат выходят из зала.

Старуха Захаркина догоняет их, стараясь попасть в ногу со стройно и четко шагающими рядами. Это удается ей не сразу. Но вот она соразмерила свой шаг с широким шагом этих мужественных людей и вместе с ними уходит в огромные вокзальные двери.

МАШЕНЬКА

Юг, весна. Приморский город. Вечер. В окна виден залитый огнями порт. Почтовое отделение. Оно расположено на втором этаже морского вокзала. У трех небольших окошечек, находящихся друг подле друга, толпится народ. На одном из окошечек надпись «Почта», на другом — «Прием телеграмм», на третьем— «Междугородный телефон».

Три девушки обслуживают эти окошки. Они работают усердно, быстро. Звон мелкой монеты, торопливая запись, короткие реплики. И время от времени слышен голос девушки, сидящей за междугородным коммутатором:

— Ростов, Ростов! Ростов, это вы?.. Синельниково? Мне не нужно Синельниково... Ростов! Ростов?

Девушка, принимающая телеграммы, держит в руках перо и, отсчитывая слова, написанные на бланке, бормочет про себя текст телеграммы:

— «Отгружено сто тридцать тонн помидоров шестьдесять пять тонн капусты точка Жду денег гостинице Эльдорадо Осьмеркин»... Четыре рубля двадцать пять копеек. Получите квитанцию. Следующий... «Люблю, скучаю, целую». Рубль двадцать пять. Напишите обратный адрес. Следующий.

Рядом — у второго окошка — девушка, продающая марки и принимающая заказную корреспонденцию. Она бойко говорит:

— Семь марок по тридцать копеек, две марки по двадцать. Ваших тридцать рублей.

Обращается к девушке, принимающей телеграммы:

— Машенька, разменяй тридцать рублей.

— Сейчас, Клава.

Три гудка. Звуки прощального вальса.

Теплоход отходит от пристани. Огни освещенных иллюминаторов посреди бухты. Огни плывут, удаляются. Пристань пустеет.

Пусто и возле окошек — почта, телеграф, телефон.

Три девушки, которых мы уже знаем, по-прежнему сидят за столами, подсчитывая деньги, проверяя квитанционные книжки.

Клава, орудуя костяшками счетов, рассказывает:

— И вот вчера... поели мороженого... идем к берегу... И вдруг... Девочки!.. Коля берет меня под руку... Вера, ты слушаешь?

— Слушаю, — откликается Вера, хорошенькая девушка, работающая на междугородном коммутаторе. — Коля берет тебя под руку...

— Ты слушай дальше, — волнуясь, говорит Клава.— Взял под руку и говорит: «Клава!»

Она умолкла и, держа в руке карандаш, мечтательно уставилась в стену.

— Ну?..

— Ну и больше ничего не сказал, — грустно закончила Клава. — А потом опять заговорил про балканский вопрос.

Все трое так и прыснули. Вера сказала:

— Что это за мужчина, который вот уже пять месяцев только говорит про вопросы и больше ни о чем сказать не может!..

Клава обиделась.

— А что? Я люблю говорить о серьезном. Ты ведь знаешь мои установки: я за лирикой не гонюсь... Коля очень хороший, только робкий.

— Робкий! — воскликнула Вера. — Так расшевели его, если он робкий. Скажи ему: Коля, вы меня любите — я это вижу, так почему же вы ничего об этом не говорите?

— Так и сказать?
— Так и скажи.
Все трое одновременно застучали счетами.
Вдруг Маша откинулась на стуле:
— А я бы в жизни так не сказала.
Клава заметила:
— Ну ты, профессор, молчи! Что ты понимаешь в мужчинах? Ты и на балах-то танцуешь с девчонками!
Но Маша настаивала:
— Ну и что же? У человека могут быть разные интересы. Мне как раз очень нравится, что Коля такой серьезный.
Вера сказала:
— О господи! Вот уж не завидую твоему будущему ухажору! Только и будете говорить про политику.
— Ну и будем! — рассердилась Маша.
— Прелестный флирт... Убиться можно!
— Помолчи, Машка, — сказала Клава. — Вера права, ты в этом ничегошеньки не понимаешь...
Но Вера допытывалась у Маши:
— Нет, а все-таки, что бы ты сказала ему на Клавином месте?
Маша оторвалась от счетов и задумалась.
— Я бы сказала... Я бы сказала...
Рев сирены. Это учебная тревога столь частая в конце тридцатых годов. Гаснет электричество. В тусклом свете дежурной затемненной лампы видно, как Клава и Вера опускают деревянные шторы окошек. Маша быстро вынула из стола противогаз и, надевая его, на ходу крикнула:
— Девочки! Посетителей не выпускать до отбоя!

Рев сирены не умолкает. Город погружен во тьму. Только по небу, скрестясь, как шпаги, скользят лучи прожекторов. По безлюдной, мертвой улице проносится пожарная машина и исчезает за поворотом. Далекое гудение самолетов. Люди в противогазах проносят кого-то на носилках.

На перекрестке улиц стоит такси. Это — открытый газик, и шофер с интересом вглядывается в окружающую его сумятицу.

Вот, гудя, пролетают санитарные автомобили, вот

прожектор поймал самолет, и самолет кажется белой мухой, сверкающей в серо-голубом конусе.

Три человека в противогазах — два рослых и один поменьше — возникают за спиной шофера. Тот, кто поменьше, трогает его за плечо. Ясный девичий голос провозглашает:

— Товарищ! Здесь полоса заражения. Вы отравлены. На носилки!

Шофер даже вздрогнул от неожиданности. Отстранил человека в противогазе.

— Ладно, я уеду,— произнес он миролюбиво.

Но голос девушки командовал:

— Товарищ! Вы отравлены. Сейчас, ведь видите,— учебная тревога. Судейкин, возьмите его.

Судейкин с товарищем — два мускулистых парня, ни слова не говоря, сгребают шофера и кладут на носилки. Шофер протестует:

— Товарищи! Я ведь с машиной!

— Никто вашей машины не тронет!

Его несут. Шофер вздыхает, вынимает папиросу, закуривает и шутливо говорит:

— И что ж теперь со мной будет?

— А чего? Промоют тебя — вот и все дело! — мрачно откликается Судейкин.

Шофер испуганно приподнимается на носилках и садится, свесив длинные ноги.

— Да ладно вам, братцы, дурака-то валять! Послушайте, гражданка.

— Судейкин! Лямки, — снова слышен девичий голос.

Шофер безнадежно машет рукой и вытягивается на носилках.

—Ладно. Вяжите. Умер.

Дежурный пункт Осоавиахима. Суета, оживление.

Судейкин с товарищем внесли носилки с шофером. Поставили на пол.

Девушка сухо обратилась к шоферу:

— Вставайте, товарищ!

И сняла противогаз. Это была Маша. Она окликнула проходившую медсестру:

— Тетя Поля! Позовите врача!

— Сейчас.

Когда Маша снова повернулась лицом к носилкам, шофер все еще продолжал лежать. Она сказала немного удивленно:

— Что же вы лежите, товарищ? Слезайте! Нам носилки нужны.

Шофер покачал головой.

— Нет уж! Раз умер, так умер!

И он еще удобнее устроился на носилках.

Маша беспомощно огляделась. В этот момент к ней подошел врач. Она отрапортовала:

— Товарищ военврач! В зоне заражения подобран отравленный... Но вот он не хочет вставать.

— В обмывочную! — сказал врач.

И шофер вскочил как ужаленный.

— Товарищ врач! Я шофер такси. У меня машина внизу. Я не могу тратить время на ерунду.

Маша строго сказала, взяв его за плечо:

— Это не ерунда, а учебная тревога, товарищ!

Шофер покосился на нее, вздохнул, сел и закурил папиросу.

— Здесь, товарищ, курить нельзя! — строго заметила Маша.

Он в сердцах бросил папиросу и придавил ее ногой.

Отбой тревоги. Вспыхивают огни. Городские часы показывают половину первого. По пустынной улице, освещенной фонарями, бежит Маша в своем обычном костюме.

Вот она подбегает к конечной станции загородного трамвая — небольшой павильон, поворотный рельсовый круг. В павильоне темно. Каменный пол подметает уборщица.

— Трамвай на Золотой Берег ушел?

— Ушел, — отвечает уборщица и мочит метлу в ведре.

— Последний?

— Последний.

Маша растерянно отошла.

Безлюдная площадь. Вдали виднеются светящиеся флажки такси. Вынув из довольно потрепанной сумочки кошелек, Маша пересчитала деньги — девять рублей. Зажав деньги в кулак, она нерешительно подошла к такси. Спросила:

— На Золотой Берег поедете?

— Садитесь.

Маша потянула за ручку дверцы. Ручка, не плотно прикрепленная, осталась у нее в кулаке. Маша испуганно поглядела на шофера. Он, казалось, ничего не видел. Тогда, торопясь, Маша приладила ручку на место и, опасливо косясь на шофера, отошла. Шофер окликнул ее:

— Что же вы, гражданка, я включил счетчик.

Она вернулась, осторожно отворила дверцу, уселась. Поехали. Машина была открытая, и ветер сразу рванул навстречу. Защелкал счетчик. В короткое время перевалило за три рубля. Шофер обернулся:

— Вам до самого Золотого Берега?

Это был тот самый шофер, которого она привела в приемный покой Осоавиахима.

— А! Это вы! — сказал шофер.

— Я... — растерянно произнесла Маша.

Он сказал строго:

— А вам известно, что ночью и за городом — двойной тариф?

Маша покосилась на счетчик:

— Хорошо...

И еще раз пересчитала зажатые в кулаке деньги.

А счетчик щелкал и щелкал. В довершение всего шофер, выехав за город, дал полный газ. Цифры на счетчике словно осатанели... Четыре рубля... Пять рублей...

Маша не выдержала:

— Скажите, товарищ, нельзя ли как-нибудь... не так быстро. А то этот счетчик...

— Разве это быстро,— ответил шофер, усмехнувшись, — вот сейчас будет быстро. И при чем здесь счетчик? Счетчику все равно — что быстро, что медленно...

Полная скорость.

— Товарищ! — жалобно сказала Маша, которую кидало из стороны в сторону. — Я не могу так ехать.

— А я не могу иначе. Я и так из-за вас пять часов потерял.

— Какой вы странный, товарищ! — воскликнула Маша, уцепившись за борт машины.— Причем же тут я? Международное положение такое, что всем нам нужно быть...

— Спасибо, — сухо сказал шофер. — Газеты я читаю по утрам, а сейчас — ночь.

Семь рублей, восемь рублей...

— И, кстати, — сказал шофер, — если говорить серьезно: когда будет война, мне ведь придется воевать. А вы будете дома сидеть. Ясно?

— Остановитесь! — не своим голосом закричала Маша.

Резкое торможение.

На счетчике появилась цифра: «9».

— В чем дело? — спросил шофер.

— Я слезаю.

Она вылезла из машины и передала шоферу деньги, смятые в комочек.

Поле. Темно.

— До Золотого Берега еще шесть километров,— сказал шофер. — Вы что — обиделись на меня?

— Нет.

— Так в чем же дело?

— У меня больше нет денег...

— Так, — сказал шофер.

Маша пошла по дороге. Шофер смотрел ей вслед. Потом тронул ногой педаль, догнал ее и поехал рядом.

— Как же вы пойдете одна? Не боитесь?

— Нет... не боюсь... — Ответила нерешительно.

— Боитесь! — сказал шофер. — Эх, черт! У меня тоже нет денег, а то бы я довез...

Помолчали. Он по-прежнему ехал за ней.

— Как же все-таки быть? — сказал он. — Может, у вас есть в городе где переночевать?

Она задумалась.

— Я могу переночевать у Клавы.

— У Клавы, так у Клавы. Садитесь!

— Большое спасибо!

И снова они поехали, на сей раз в обратном направлении.

Поля, глинобитные здания, одинокие огоньки, ветер. Пронесся встречный автомобиль, ослепил фарами и исчез в темноте.

Они сидели рядом.

Шофер посмотрел на Машу и сказал:
— Дома у вас не забеспокоятся, что не вернулись?
— Нет, я живу одна.
— На Золотом Берегу? Скучно ведь. А?..
— Почему? — ответила Маша. Она успокоилась и говорила охотно. — Нет. Я здесь всю жизнь живу. С детства. Днем работаю, по вечерам учусь.
— Где учитесь?
— На фельдшерских курсах.
— А работаете?
— Работаю на почте. Там и Клава как раз работает. Клава и Вера.
— Подружки?
— Подружки. Клава очень серьезная девочка. А Вера — красивая.
— А вы?
Маша подумала и сказала:
— А я — никакая.
Оба засмеялись. Он спросил:
— Вас как же зовут?
— Маша.
— А я — Алеша Соловьев. Давайте знакомиться.
Пожали друг другу руки. Помолчали. Алеша спросил:
— В кино ходите?
— Хожу.
— С кавалерами ходите?
— Да что вы! — сказала Маша. — У меня нет кавалеров. Я и говорить-то с ними не знаю о чем. Вот недавно пошла с одним своим однокурсником в театр, и весь вечер молчали. Так неприятно.
Оба прыснули. Она спросила:
— А вы давно в нашем городе?
— Первый год. Я нездешний.
Теперь они ехали уже не так быстро, слышен был шум моря.
Ночь, звезды. Ветер утих. Оба молчали, задумавшись.
— Звезда упала, — сказала Маша. — Смотрите, какие звезды у нас.
— Это верно. Звезды у вас здоровенные! Вон Марс какой!
— Где?
— Вон... Он в два раза меньше Земли и находится на расстоянии пятидесяти шести миллионов километров.

Маша искренно изумилась.

— Пятьдесят шесть миллионов километров?

— Да. И, может быть, там живут люди... А это — Сатурн. Там зима, холод, никакой жизни нет.

Маша поежилась.

— Никакой-никакой?.. Жутко!

— Жутко, не жутко, но, конечно, противно! А это Андромеды...

— Откуда вы все это знаете?

— Ну как же! Все-таки я студент. И книги читаю,— сказал Алеша. — В вечернем техникуме учусь, потом пойду в институт, инженером буду.

— А я мало читаю, — сказала Маша огорченно. — Не успеваю. Я вот Ленина только-только начала. А Маркса совсем не читала. Вы Маркса читали?

— Читал.

— Ну и как?

— Любопытно.

— Да!.. Я вот пробовала читать и ничего не поняла. Краткий курс понимаю, а Маркса — трудно...

— Пустяки, — сказал он, — дело привычки.

Маша с любопытством посмотрела на Алешу.

— Скажите, а как вы решили инженером быть? Сразу решили?

— Нет, не сразу.

— А я сразу. Я доктором буду.

— Ну, сразу — это чепуха! — воскликнул Алеша горячо. — Сразу нельзя решить! Вот — я. Кем я только не мечтал быть! И путешественником, и водолазом, и в стратосферу хотел летать... Историком хотел быть. Раскопки — разве это не интересно?

— Очень интересно, — сказала Маша.

Она слушала с большим вниманием.

— Конечно!.. Я даже одно время поэтом хотел стать. Но потом плюнул. В общем, это чепуха! Это легко.... Вы стихи никогда не сочиняли?

— Я не умею, — откликнулась Маша, несколько ошарашенная.

— Уметь тут нечего... Надо сесть и написать...

Помолчали. Пригороды кончились. Машина скользила мимо спящих домов, закрытых магазинов.

Маша спросила:

— А как же все-таки вы решили стать инженером?

— Инженером — самое интересное! — воскликнул Алеша. — Тут еще черт-те что можно выдумать! Вот ракету! Почему до сих пор не выдумали межпланетную ракету?

Маша недоуменно пожала плечами.

— Надо выдумать! — сказал Алеша. — Надо ракету выдумать! Надо еще многое выдумать!

Выехали на площадь, где Маша садилась в такси. Машина остановилась. Маша посмотрела вокруг, словно очнувшись, и произнесла задумчиво, как бы отвечая на свои мысли:

— Это правда. Да, это правда!

Вылезла из машины и сказала:

— Ну, я пошла. Спасибо. Прощайте!

Алеша взял ее за руку.

— Погодите. Давайте еще поговорим.

— О чем?

Продолжая держать ее за руку, он ответил:

— О чем хотите.

— Ну о чем?

Она робко посмотрела на него. Они стояли друг против друга. Маша была маленькая, в пушистом беретике, с милыми, чуть косящими глазами. Алеша вдруг сказал:

— Хотите, я вам свои стихи почитаю?

— Почитайте.

— Какие? Веселые или грустные?

Маша подумала и сказала:

— Сначала — грустные.

— Ладно.

И Алеша прочел:

Осень, дождь идет, и тихо все кругом,
Листья падают, кружатся под дождем,
Вдалеке блеск моря голубой,
Серые туманы вьются надо мной.

— Здорово? — спросил он.

Маша сказала от всего сердца:

— Очень хорошие стихи!

Он продолжал:

Девушка стоит и ждет на берегу,
К девушке любовь и нежность сберегу...

— Такси! Свободен? — раздался чей-то ликующий голос.

К ним подбежал пассажир, очень обрадованный, что нашел машину. И, влезая, он радостно тараторил:

— Вот повезло! А то ни автобусов, ни трамваев, ни такси. Прямо хоть на бульваре ночуй...

Алеша сердито нажал стартер и включил счетчик. Повернулся к Маше.

— Что же мы — так больше никогда и не увидимся?

Маша пробормотала:

— Не знаю.

— Вот что, — сказал он, — в субботу будьте здесь, под часами, в половине восьмого... Я возьму два билета в театр. — Машина уже тронулась, и он крикнул: — Только, чур, не опаздывать!

Потом, повернувшись к пассажиру, спросил:

— Куда?

— На Золотой Берег.

Алеша в гневе сплюнул на мостовую:

— Тьфу, черт побери!

Маша осталась одна. Она пошла, потом остановилась, обернулась и стояла так, глядя вслед исчезнувшей машине. Вид у нее был немножко растерянный и удивленный.

Черная табличка, на которой мелом написано: «Суббота, 12 мая. Теплоход «Аджария». Отход 16 часов 10 минут».

Грохот подъемных кранов. У стены набережной — большой теплоход. Идет погрузка и выгрузка. Непрерывной вереницей движутся люди по сходням, рявкают грузовики. Вальсы и марши доносятся из радиорупоров.

В почтовом отделении морского вокзала, как обычно в часы стоянки теплохода, огромное количество народу. Возле обоих окошек — Клавы и Маши — люди. Слышится голос Веры, непрерывно и монотонно вызывающей самые различные города:

— Туапсе! Туапсе! Катя, ты?.. Наконец-то! Чем вы там занимаетесь? Десять минут кричу, прямо кошмар какой-то.

И обращаясь к ожидающим:

— Кто просил Туапсе? Кабина номер три.

И снова:

— Одесса! Одесса! Одесса! Жора! Вы, Жора?.. Дайте кондитерскую фабрику... Нет, не вы мне нужны, а фабрика!.. Остряк-самоучка!

У Маши уйма работы. Склонившись над столом, она читает телеграммы, пересчитывает деньги, выписывает квитанции.

— «Москва Наркомат среднего машиностроения Сидорову Апрельский план выполнен восемьдесят три процента Завод «Красный маяк». Двенадцать слов.

Выписывает квитанцию и говорит гражданину, подавшему телеграмму:

— Опять только восемьдесят три! Когда же сто-то будет? Дядя Петя! Что там только ваши комсомольцы смотрят? Эх, «Маяк», «Маяк»!..

Штемпелюет квитанцию. Принимает следующую телеграмму, бросает быстрый взгляд на ручные часы.

— «Сегодня выполнили план добычи руды сто пять процентов точка Шлите тросы Ефимчук»... Четыре рубля двадцать пять копеек... Ваших десять.

Получает деньги, выдает квитанцию и снова смотрит на часы.

Девушки перехватили ее взгляд, прыснули. Вера многозначительно сказала:

— С нашей Машей творится нечто!

Клава строго добавила:

— Машка, до половины восьмого еще пять часов. Не смотри каждую секунду на часы.

— Вот уж ни капельки не смотрю, — сказала Маша.

Следующая телеграмма гласила:

— «Поздравляю победой счетом два ноль точка подбит Саломакин точка Настроение бодрое» ...Три рубля двадцать пять копеек...

Маша получила деньги, хотела было взглянуть на часы, спохватилась, посмотрела на девушек и, только убедившись, что они заняты, украдкой взглянула на циферблат. Часы показали три часа шесть минут.

...На часах без четверти шесть. У телеграфного окошка — громадная очередь. Масса рук тянется к Маше. Торопливая лихорадочная работа.

«Указанию наркома отгрузили восемь цистерн...».

Теперь уже Клава посмотрела на часы. Без десяти шесть.

Маша продолжала работать. Следующая телеграмма:

«Выезжаю сегодня курьерским...».
Посмотрели на часы Клава и Вера.
Десять минут седьмого.
«Шлите тару отгрузим двадцать тонн рыбы условленному ассортименту...».
А в окошко просовывались руки с новыми и новыми телеграммами.

Комната Маши. Все носит здесь следы поспешных сборов: комод раскрыт, на кровати валяются платья, чулки. Посреди комнаты стоит Маша. Клава, ползая на коленях, подкалывает и подшивает на ней платье. Вера сидит на кровати и торопливо штопает чулок, время от времени надкусывая нитку. Она говорит:

— Ты в этих делах абсолютная дура. Будь осторожна — я тебе говорю.

— Почему дура? — ответила Маша. — Это умный, начитанный парень... Будущий инженер... Ох, девочки, если бы вы слышали, какие он мне стихи читал!..

— Нет, ты, Верка, послушай! — воскликнула Клава, елозя по полу. — Он ей, оказывается, и стихи читал! Вот так наша тихоня!

— Батюшки! — воскликнула Маша, — без двадцати семь. Девочки, я опаздываю!

— Не опоздаешь! Возьми нервы в руки, — сказала Вера.

Клава еще торопливей заработала иголкой, ползая за Машей по комнате. Маша подбежала к зеркалу, поправила волосы, попробовала припудрить нос, затем быстро стерла пудру ладонью.

— Девочки, — сказала она, — а вы знаете, сколько километров до Марса? Пятьдесят шесть миллионов.

Вера недоверчиво посмотрела на нее.

— Это он тебе сказал?

— Он.

— Не верь!

— Господи! — сказала Маша. — Семь часов! Честное слово, я уже опоздала! Скорее, скорее!

— Ничего, — сказала Вера. — Пусть подождет. Никогда не нужно первой приходить на свидание. Чулки готовы, надевай, только будь осторожна: это мои лучшие выходные чулки.

— Пройдись, — сказала Клава. — Подожди. Вот тебе моя сумочка. Только не махай ею, а то замок слаб. Иди!

Маша прошлась по комнате.

— Красота! — сказала Клава и умилилась. — Я всегда говорила, что она у нас просто хорошенькая...

— Батюшки! — в ужасе воскликнула Маша, — уже десять минут восьмого!

Уличные часы показывали половину восьмого.

К театру шли люди, кто-то задержался, докуривая, кто-то встретил знакомого. Звонок. У подъезда толкались; курильщики торопливо бросали папиросы.

Маша стояла у часов, беспокойно поглядывая по сторонам. И вот уже все стихло, подъезд театра опустел, сторож-старик старательно поливал из чайника каменные плиты тротуара. Никого не было вокруг, только одна Маша по-прежнему ждала у часов.

Часы показали половину девятого, потом — десять... Маша одиноко возвращалась домой. Звенел пустой вечерний трамвай.

На следующее утро около табельной доски телеграфа встретились, как всегда, Маша, Клава и Вера. Подруги забросали ее вопросами:

— Ну как? Машка, рассказывай.

— Как было?

— О чем вы говорили?

— Ты не опоздала?

Они поднимались по лестнице, и Маша говорила:

— Нет, не опоздала. Вот тебе, Верочка, твои чулки... Спасибо большое. Клава, вот твоя сумка.

— Да расскажи же толком,— волновались подруги,— все по порядку...

— Что же рассказывать, — сказала Маша, — было очень весело.

— Как спектакль?

— Вам понравилось?

— Понравилось...

— А что вы делали после театра? — спросила Клава.

— Мы гуляли.

— А потом? — допытывалась Вера.

— А потом... А потом танцевали на поплавке.

— Верка! Ты слышишь, они танцевали на поплавке. Вот так Машка! — воскликнула Клава.

И за девушками захлопнулась дверь почты.

Надпись:

ПРОШЛА НЕДЕЛЯ, МОЖЕТ БЫТЬ — ДВЕ. АЛЕША ИСЧЕЗ И БОЛЬШЕ НЕ ПОЯВЛЯЛСЯ. ЖИЗНЬ МАШИ ПОТЕКЛА ПО-СТАРОМУ.

— Хирургические повязки, применяемые при ранениях,— сказала Маша,— делятся на такие: на покрывающие... потом на давящие... потом на вытягивающие и неподвижные.

— Так, — констатировал преподаватель. Он был в форме военврача. — Теперь расскажите-ка нам, когда применяются неподвижные повязки.

Действие происходило в небольшом классе фельдшерских курсов, где на стенах висели изображения костей и черепов. Маша отвечала урок.

— Неподвижные повязки? — повторила Маша. — Неподвижные повязки применяются при операциях на костях.

— Так. А когда применяются повязки вытягивающие?..

Прозвучал звонок.

Маленький буфет наполнился весело гомонящей толпой учащихся. Маша, отходя от буфетной стойки, наскоро ела простоквашу.

К ней быстрыми шагами подошел долговязый парень в синей спецовке.

— Маша! Здравствуйте! Клава тут? Вы не знаете, где она?

Маша очень удивилась.

— Коля! Как вы сюда попали?

Коля в отчаянии взмахнул своими длинными руками:

— Клаву ищу. Думал, может быть, она с вами?

— Что случилось?

— Опять поругались, — он бурно зажестикулировал. — Пристала, что я не люблю искусства. А я уж, кажется, так люблю! Так люблю!

— Чудаки! — засмеялась Маша. — Не знаю, где ваша Клава.

Коля снова махнул руками и быстро пошел к дверям. Маша догнала его в коридоре. Взяла под руку.

— Коля, — сказала она тихо и смущенно. — Кстати... я давно вас хотела спросить... Вы ведь в таксомоторном парке работаете?

— Да...

— Скажите, Коля, — спросила Маша, глядя в сторону, — у вас не работает такой Алексей Соловьев?

— Работает... Послушайте, Маша, Клава была сегодня веселая?

— Веселая.

— Честное слово? — воскликнул долговязый Коля. Он рванулся к двери.

Маша окликнула его:

— Коля!

Подошла к нему и тихо сказала:

— Только не рассказывайте никому. И Клаве тоже.

— А что такое? — ничего не понимая, переспросил Коля.

Маша сказала, мучительно стесняясь:

— Где я могу повидать Соловьева? Он мне очень нужен.

— Соловьева? — удивился Коля. — Да он, кажется, болен. Вот уже два дня.

— Болен?

— Кажется, да. Ну, прощайте.—И бросился к выходу.

Большой гараж с навесами. Много машин, среди них — пыльные автобусы, только что вернувшиеся из дальних рейсов. Гудки. То и дело въезжают машины. Лужи. Здесь прямо из шлангов смывают дорожную пыль и грязь. И тут же производится ремонт «на ходу»: сменяют камеры, копошатся в моторах. Из-под машин вылезают грязные, замасленные люди.

Маша вошла сюда и остановилась в нерешительности.

— Вам кого? — спросили у нее.

— Могу я видеть товарища Соловьева?

— Какого вам Соловьева? Шофера?

— Да.

— Он в общежитии,— сказал немолодой уже, обросший щетиной слесарь и махнул в сторону каменного здания в глубине двора.

Она двинулась дальше.

— Только он болен, — остановил ее слесарь. — Лежит.

— Знаю.

— Ну, если знаете... Петька! — позвал он кого-то.

— Я, дядя Ваня! — возник из-под машины мальчуган лет двенадцати.

— Проводи гражданку к Соловьеву. Ну-ка!

Петька посмотрел на нее:

— Пойдемте...

И они пошли, пробираясь между машинами, мимо работающих шоферов и слесарей, переступая через лужи.

Некоторое время шли молча. На них смотрели с удивлением и любопытством, и Маша смущалась все больше и больше.

Кто-то сказал:

— Гляди! Петька с барышней!

Хохот.

Петька подмигнул Маше и одобрительно сказал:

— Все шутят! Веселый народ!.. Осторожно, тут ступенька поломанная...

Они вошли в здание. На лестнице, на верхней площадке, слышался горячий разговор:

— В профилактику надо чаще ставить!.. Разве мыслимо при нашей езде раз в десять дней профилактика!

— А вы ездите аккуратней! А то приедете, свалите, лишь бы как...

Когда Маша с Петей поравнялись, спорящие смолкли, недоумевающе посмотрели на Машу.

— К кому это?

— К Соловьеву, — сказал Петя.

— Он болен.

— Знаем, что болен, — солидно сказал Петя и добавил, обращаясь к Маше: — Ну, тут вы одна дойдете. Прямо наверх, по коридору налево, первая дверь направо...

И Маша пошла одна.

Коридор довольно темный, дверей немало. Маша

робко приоткрыла одну из них. Оказалось, что это общая умывальная. Кто-то закричал:

— Эй! Нельзя! Здесь мужчины!

Маша быстро захлопнула дверь и торопливо отошла.

Следующую дверь она открывала с опаской. Это была спальня общежития. Кроватей пятнадцать стояло в комнате. За столом сидело несколько человек: одни закусывали, другие играли в шахматы. Кто-то курил у раскрытой форточки.

Когда Маша появилась в дверях, все молча и вопросительно уставились на нее. Девушка растерялась, остановилась и, внезапно увидев Алешу, лежавшего в дальнем углу, быстро пошла к нему.

Около постели Алеши стоял стул, на котором были расставлены баночки с лекарствами, тарелка с киселем, стакан воды, аккуратно прикрытый блюдцем.

Маша, чуть наклонившись над постелью, пролепетала:

— Алеша!

— Тшш! — сказал рослый парень, сидевший рядом на койке. — Он спит. Вы что хотите?

— Я вот к нему пришла...

— Он болен, — сказал парень.

— А что с ним? Может, ему чем-нибудь помочь?..

— Чем же вы ему поможете? Врач был, сказал еще раз придет.

Она смутилась. Шофер с нагловатым рябым лицом, по имени Муряга, сидевший за столом и закусывавший, грубо сказал:

— Вы бы шли, гражданка! Вот выздоровеет, тогда и ходите!

Шофер Ваня, сидевший на койке, желая смягчить грубость Муряги, добавил:

— Мы тут за ним смотрим.

— Как же вы, товарищи, смотрите! — изумилась Маша, оглядывая комнату. — Вот и курите тут... И шумно...

— А вы кто ему будете? — спросил кто-то.

— Я... Мы друзья.

— Что-то он нам про такого друга не говорил, — сказал Муряга, подмигнул товарищам и засмеялся.

Девушка торопливо сказала:

— Нет, правда, правда...

В этот момент Алеша зашевелился, заметался, начал что-то быстро бормотать, выкрикивать. Можно было только разобрать:

— Орехов, орехов ты мне принес? Зачем так много срехов!

Маша шагнула к койке. Она увидела худое, небритое лицо, запекшиеся губы. И, сразу почувствовав, что положение действительно серьезное, она заговорила, то наклоняясь к Алеше, то обращаясь к людям, сидевшим за столом.

— Ему очень плохо, товарищи!.. Нельзя его тут оставлять! Он бредит... Его надо в больницу или в отдельное помещение... Алеша! Алеша!.. Боже мой, как он похудел!

Все молчали. Кто-то сказал:

— Правильно гражданка говорит. Нельзя ему тут лежать... Вот бредить стал. Ваня, сбегай-ка к коменданту. Нет ли отдельной комнаты.

И Ваня выбежал в коридор.

Отдельная комната. Прибрано. Горит лампа. На чистой кровати лежит Алеша. Доктор закончил осмотр и складывал стетоскоп.

В дверях молча стояли шоферы.

— Ну что ж, — сказал доктор, — значит, так. Типичная пневмония. Воспаление легких. Сможете вы тут создать ему настоящий уход?

— А что ж, — откликнулся старший слесарь по имени дядя Вася, — он тут не один. Разве тут людей нет?

Маша посмотрела на дядю Васю и добавила:

— Конечно, доктор.

— Тогда лучше пока не будем перевозить, — сказал доктор. — Поставьте банки на грудь и на спину. Потом обязательно компресс...

Видимо, прошло уже некоторое время после ухода доктора. Алеша полусидел на кровати, поддерживаемый товарищами. Он по-прежнему находился в бессознательном состоянии. Маша накладывала на компресс бинт уверенными и ловкими движениями.

— Товарищ, вот вы, — говорила она, — будьте добры, подержите клеенку. — А вы, — обращалась она уже

к другому, — разорвите бинт. Вот так, да, вот так... Дядя Вася, пожалуйста, отодвиньте таз с водой. Спасибо.

И все молча и торопливо выполняли ее распоряжения. Она кончила бинтовать, и они начали бережно опускать Алешу на подушку.

Дядя Вася произнес:

— Ловко вы все это делаете. Прямо — спец.

— Я ведь на фельдшера учусь, — улыбнулась ему Маша.

— На фельдшера? — удивился дядя Вася. — Как же это Алешка нам ничего про вас не сказал! Давно вы с ним дружите?

— Да вот... да... — сказала она.

В этот момент Алеша беспокойно задвигался, открыл глаза и посмотрел на Машу. Она подошла к нему, и все вокруг стихли.

Он долго, неподвижно смотрел на нее. Она приветливо улыбнулась и проговорила:

— Здравствуйте.

Он продолжал неподвижно на нее смотреть. Вдруг он спросил:

— Кто это?

Маша пролепетала:

— Это — я...

Он опять долго смотрел на нее. Она поспешно сказала:

— Это я — Маша...

— Какая Маша?

Все переглянулись, не зная, что подумать.

Маша заторопилась:

— Ну, это я... Маша... Помните?..

Он смотрел на нее даже чуть испуганно, ничего не понимая.

— Ну, как же! — торопилась она. — Помните тот вечер... Мы с вами ехали... Вы мне еще про звезды рассказывали!

— Какие звезды? — спросил Алеша и недоуменно осмотрел окружающих. Все зашевелились, испытывая внутреннюю неловкость. А дядя Вася просто вышел из комнаты.

Маша смущенно, чуть не плача, повторяла:

— Ну, как же... Вы мне еще стихи читали... Потом в театр пригласили...

— В какой театр?

— Меня зовут Маша, — уже сквозь слезы говорила она. — Я даже помню ваши стихи...

Девушка стоит на берегу...

— А-а! — сказал он и приподнялся. — Маша. Да-да... да! И спросил удивленно: — Маша? Откуда вы? Как вы сюда попали?..

Она радостно ответила:

— Я пришла.

— Давно?

— Давно.

Он пошевелился.

— Ох, худо мне, Маша, худо мне! Вы не уйдете?

— Нет, не уйду.

— Не уходите, — попросил он.

— Я не уйду, не уйду.

Он закрыл глаза, затих. Маша некоторое время смотрела на него, потом обвела всех глазами и сказала робко, сконфуженно и даже немного виновато:

— Я, пожалуй, тут, правда, пока останусь.

И сняла берет.

Глубокая ночь. Свет лампы, прикрытой платком. В этом мутном сумраке видна Маша, сидящая у постели Алеши. Он спит. Наверное, она сидит так давно. Примостившись к маленькому столику, штудирует какую-то объемистую книгу и делает выписки в клеенчатую тетрадь, шепча при этом:

— «Изучение соединений костей составляет тот отдел анатомии, который называется синдесмологией...».

И она снова, повторяя, шептала эту фразу.

Раздался тихий стук, Маша на цыпочках подошла, приоткрыла дверь. В коридоре стояло несколько шоферов. Разговор велся шепотом:

— Здравствуйте, Маша. Как дела?

— Ничего...

— Может, что-нибудь нужно?

— Нет, спасибо.

— Может, сменить вас?

— Нет, нет, ничего...

Она тихо закрыла дверь, вернулась к столу, взялась за книгу.

Алеша открыл глаза. Он некоторое время следил за Машей, потом тихо позвал:

— Маша...

Она наклонилась к нему. Он сказал:

— А ты все сидишь? Ты ж, наверное, устала, Маша. Сколько ночей ты все так сидишь и сидишь... Много?

— Много.

— Ты поспи, Маша.

— Я поспала.

— Поспи, поспи...

Он закрыл глаза, и она опять зашептала:

— «Синдесмологией называется отдел анатомии...».

— Маша!

Она встрепенулась. Он опять смотрел на нее.

— Маша, ты знаешь, что?..

— Что?

— Я тебе все наврал...

— Что наврал?

— Все. Никакой я не студент. И в техникуме не учусь. Я просто шофер, езжу на «газике». Ты слышишь меня?

— Слышу.

— И ничего я такого особенного не читал. И Маркса я не читал... Собирался держать экзамены, да все откладывал...

— Я знаю.

— Откуда?

— Мне рассказали...

Он отвернулся к стене, помолчал и сказал:

— А ты теперь уйдешь?

— Я не уйду, Алеша.

Он сказал:

— Не уходи, Маша. Мне очень хорошо с тобой. Мне даже болеть легко, когда ты тут. Ты не уходи.

— Я не уйду.

Он снова закрыл глаза. Она попыталась читать, но потом положила книгу на стол и задумалась.

Снова почтовое отделение. Ясный солнечный день. Пустынно на пристани, теплоходов нет. Нет посетителей и на почте.

Обеденный перерыв. Вера, Клава и Маша сидят каждая за своим столиком и завтракают.

— Вера! — говорит Клава, вынимая из портфеля кулек. — Мне вчера Коля подарил шоколадные конфеты Возьми!

— Мерси!..

Клава повернулась к Маше.

— Лови конфету!

И вдруг увидела, что Маша спит, положив голову на руки.

— Маша!

Девушка не откликалась.

— Маша!

Маша встрепенулась, удивленно посмотрела на Клаву. Клава сказала:

— Ну, знаешь, милая, это уж просто черт знает что! Кончится это когда-нибудь или нет?

— Что кончится, Клавочка?

— Нет, ты посмотри, посмотри на нее, Вера! — все больше и больше горячилась Клава. — Этому просто нет названия!

— Чему нет названия? — удивилась Маша.

— Твоему поведению. Что с тобой творится? Ты же с ног валишься — худая, измученная, невыспавшаяся...

— Сейчас съем конфету и потолстею, — смеясь сказала Маша.

— Не паясничай! — прикрикнула Клава. — Ты знаешь мои установки: я допускаю, что можно увлечься товарищем, даже, допустим, влюбиться, но нельзя же забыть обо всем на свете.

— Чудна́я ты, Клавка! — сказала Маша.— Ну что же тут дурного? Человек был при смерти, я его выходила... Что тут дурного?

— Это и есть твой инженер, о котором ты говорила? — спросила язвительно Вера.

— Да, это он.

— Поздравляю, — сказала Вера. — Он такой же инженер, как ты балерина.

— Погоди, Вера, — недовольно перебила Клава. — Подумать только! Такая хорошая девушка, сознательный человек, комсомолка!..

— Клавочка! Девочки! — сказала Маша. — Я прошу вас, не надо со мной об этом говорить... Это все совсем не так просто... Ну, не нужно...

— Ты, что же — живешь с ним? — спросила Вера.

— Не говори ерунды! — вспылила Маша. — Вечно ты...

Она не договорила, у нее дрогнул голос, она умолкла. Тогда Клава вдруг сорвалась с места, едва не плача побежала к ней и взяла ее руки.

— Маша! Машенька! Почему же ты нам слова не скажешь? Мы ведь тебе не враги. У нас сердце болит за тебя. Почему ты от нас скрываешь, мучаешься одна?

— Мучаюсь? — спросила Маша и с удивлением посмотрела на Клаву. — Кто тебе сказал, что я мучаюсь?..

И, волнуясь, она подыскивала слова, которые смогли бы выразить ее состояние.

— Я совсем не мучаюсь... Клавочка... Я не умею сказать... Но мне сейчас так хорошо... Так хорошо... Как никогда!

— Вы, может, любите друг друга? — уже тихо, крепко обняв ее, спросила Клава.

Маша задумалась, потом вдруг губы ее смешно, по-детски растянулись в улыбку, и она сказала:

— Знаешь, Клава... Кажется, да...

Клава сжала подругу в объятиях и поцеловала. Обе счастливо смеялись.

По лестнице общежития шла Маша, оживленная и веселая. Она несла на чердак таз с грудой мокрого белья. Навстречу ей попадались шоферы, приветливо с ней здоровались, окликали — все ее здесь хорошо знали, привыкли к ней.

— Здорово, фельдшер! Ну, как дела?

— Хорошо! — весело ответила Маша. — А вы, Митрофан Иванович, как?

— Крутимся помаленьку.

— А ремонт как?

— Как обещали, товарищ начальник.

— Ну, смотрите, смотрите! — притворно строго сказала Маша.

Оба засмеялись, и девушка пошла дальше.

Навстречу ей шел дядя Вася в замасленной спецовке. Маша радостно его приветствовала.

— Дядя Вася, вот хорошо, что вас встретила. Могу вам долг отдать.

— Да будет вам, — отмахнулся тот. — Чего спешить! Лешка поправится, сам отдаст...

— Нет, нет, — заторопилась Маша и поставила таз на пол. — Это не Лешин долг, а мой...

— Знаем мы, чей этот долг... Все гостинцы носите... апельсины! Избалуете парня!

— Да он же больной, дядя Вася... — улыбнулась Маша и передала деньги.

— Ну, гляди!

Дядя Вася взял деньги и, пересчитывая их, пошел по коридору.

Поравнявшись с полуоткрытой Алешиной дверью, он заглянул в нее. Алеша сидел на кровати, под спину его были подложены подушки.

— Здоров! — приветствовал его дядя Вася. — Жив?..

— Теперь — жив...

Дядя Вася вошел и сел на стул.

— Значит, все-таки выходила тебя Маша...

— Выходила, — улыбаясь, отвечал Алеша.

— Так-с, — сказал дядя Вася. — А когда свадьба?

— Свадьба? — удивился Алеша.

— Ой, хитрый! — восхитился дядя Вася. — Но мы тоже хитрые. От нас не отвертишься: будем на свадьбе плясать.

— Эх, дядя Вася! — воскликнул, смеясь, Алеша. — Ты все напутал. У нас с Машей совсем не такие отношения.

— А какие же у вас отношения? — озадаченно спросил дядя Вася.

В этот момент Маша, по-прежнему веселая, с пустым тазом в руках, подходила к дверям. Через полуоткрытую дверь доносился голос Алеши.

Она прислушалась, Алеша говорил:

— Маша очень хорошая девушка... Очень хорошая... Но я ее вовсе не люблю.

Маша замерла. Теперь было слышно каждое слово.

— Вот оно как! — сказал дядя Вася.

— Конечно! — сказал оживленно Алеша. — И она меня не любит. Мы просто очень хорошие друзья.

— Подумать только! — воскликнул дядя Вася. — Ну, если так, то конечно...

Девушка потерянно отошла от двери, все еще держа в руках таз.

Шофер Ваня прошел мимо нее и окликнул:
— Маша!
Она не обернулась.
— Как Алексей?
Маша не отвечала.
Ваня, удивленный, подошел к ней вплотную:
— Что с вами, Маша?
Растерянно посмотрела на него, как бы очнувшись.
— Нет... Ничего...
И вошла в Алешину комнату.
Дядя Вася, собираясь уже уходить, говорил:
— Ну-с, выздоравливай... На днях забегу.
Ушел.
Маша прислонила к стене пустой таз и начала возиться, перебирая на подоконнике пузырьки и баночки из-под лекарств. Руки ее дрожали.
Алеша улыбнулся и сказал:
— Знаешь, Маша, а тебя очень все любят у нас...
— Да? — спросила она, не оборачиваясь.
— Да. Даже вот дядя Вася. Сидел тут и восторгался тобой.
Он помолчал и вдруг горячо сказал:
— Ты чудесная, Машенька. Я о тебе сегодня весь день думал. И знаешь, что я для тебя придумал?
— Что?
— Можно построить автоматический телеграф. Чтобы вам не нужно было пальцами стучать. Смотри.
Он схватил лист бумаги, карандаш и начал быстро чертить. Маша сказала:
— Автоматический телеграф уже изобретен.
Алеша перестал чертить и, очень огорченный тем, что не может доставить Маше радость, протянул:
— Да-а?
И вдруг осекся. С удивлением посмотрел на девушку, которая надевала жакетик.
— Ты куда это собралась?
— Я — домой.
— Как, уже домой? Так рано?
— Мне нужно идти, Алеша.
— А я хотел с тобой поговорить, — сказал Алеша и сразу погрустнел.
— Поговорить... О чем?
— Об очень важном. Это касается нас обоих.

— Обоих? — Она посмотрела на него и вдруг побледнела.

Он был очень серьезен. Маша медленно опустилась на стул, неотрывно глядя на него. Руки ее снова задрожали.

Он сказал:

— У меня к тебе просьба, большая просьба! Дай слово, что согласишься!

— Но я не знаю...

— Нет, ты дай слово! — настаивал Алеша.

— Ну, хорошо! — чуть слышно прошептала Маша и стиснула руки, стараясь преодолеть дрожь.

Он помолчал и сказал:

— Маша! Милая! Помоги мне в техникум подготовиться. Ведь я способный, честное слово, все это говорят. Я в два месяца подготовлюсь. — И он воскликнул в азарте: — Только ты не стесняйся, ругай меня, крой, если я буду лениться. Ну, Маша, давай! Я очень прошу тебя. Мне очень нравится, как ты работаешь.

Она долго молчала.

— Хорошо, — сказала она наконец и улыбнулась.

В городском саду шло общегородское комсомольское собрание. На эстраде стоял оратор и говорил:

— Товарищи! Сегодня здесь, на городском собрании комсомольцев, мы должны в последний раз предупредить комсомольцев завода «Маяк». Мы должны сказать им: «Товарищи! Такое положение нетерпимо! Мы живем в напряженный момент. И в этот момент каждый комсомолец обязан работать по-большевистски!»

Раздались аплодисменты. Оратор сошел с трибуны.

Председатель назвал фамилию следующего оратора:

— Товарищ Степанова — от почты и телеграфа!

Маша встала, одернула жакетик, быстро заглянула в какую-то записочку, но, видимо, из-за волнения ничего не успела прочесть и начала прямо, не сходя с места:

— Товарищи! Вы знаете — я работаю на телеграфе... в порту... Каждый день мы посылаем очень много разных телеграмм... О чем хотите...

— Товарищ Степанова, — прервал ее председатель, — пройдите сюда, на эстраду.

Маша двинулась было, затем, словно вспомнив о чем-то, остановилась и сказала:

— Я отсюда скажу.

— Нет, уж вы пройдите...

— Нет, я отсюда. — Она снова быстро заглянула в листок и продолжала: — Так вот... Мы знаем завод «Маяк» по тем телеграммам, которые он посылает в главк. Есть у них в главке такой товарищ Сидоров, которому они шлют телеграммы...

— Товарищ Степанова! — опять перебил ее председатель. — Пройдите на эстраду, я вас прошу. Плохо слышно.

— Я буду громко, — сказала Маша.

И продолжала действительно очень громко.

— Так этот Сидоров, бедняга, наверное, каждый раз плачет, когда получает их телеграммы...

Аплодисменты. Смех.

— А мы... Я откровенно скажу. Как увидим на телеграфе дядю Петю, их курьера, так просто — горе! Все восемьдесят, восемьдесят два, восемьдесят три процента плана — и дальше ни с места...

Маша продолжала говорить.

Коля только что пришел на собрание и озирался вокруг, ища Клаву. Клава, заметив его, помахала рукой. Он подошел и сел рядом.

— Ты почему опоздал? — строгим шепотом спросила Клава.— Маша выступает и, знаешь, здорово говорит.

— Вижу,— также шепотом сказал Коля.— Что это она, куда залезла? Почему не на эстраде?

— Постеснялась, дуреха, выйти. У нее туфли рваные.

— Ну-у?.. Что ж, у нее других нет?

— Здрасте! Ты что — не знаешь! Она их продала. пока Алеша был болен.

— Ну-у?.. — опять удивился Коля. — А Алешка об этом знает?

— Конечно, нет. Откуда?..

Аплодисменты прервали их. Клава и Коля умолкли и стали слушать.

Маша продолжала свою речь.

— Здесь предыдущий товарищ говорил: «Надо предупредить». Уж мы предупреждаем, предупреждаем сколько времени! А результатов все равно никаких нет. Пора уж как-нибудь кончить этот вопрос. Я не знаю, то-

варищи, но мне кажется так: секретарь их комсомольской организации — вот вы, товарищ...— и она показала на сидящего в президиуме комсомольца. — Вы, может, и очень преданный парень, но комсоргом такой организации вы вовсе не можете быть... И чего наш горком смотрит, я тоже не знаю.

Аплодисменты. Возгласы: «Правильно».

— Правильно, Маша! — крикнула Клава.— Принципиально ставишь вопрос!

— А как дела у нее с Алешей? Не знаешь? — шепотом спросил Коля.

— Знаю, да не пойму. Сначала так говорила, что будто любят друг друга, а теперь говорит — друзья.

— Д-да...— сказал он.— Алешка парень отличный. Только горячий. Но теперь обложился книгами, учится. Надо ему сказать, что Машка без сапог ходит.

— Ты что?.. С ума сошел?..— испуганно сказала Клава.— Маша узнает, нам обоим голову оторвет.

— Ладно,— ответил Коля,— не оторвет! Нужно сказать по-умному. Как говорится... тактично.

В этот момент Маша закончила речь, и они вместе со всеми зааплодировали.

Бурный южный летний дождь. Потоки воды бегут по дворику, по крышам, по стеклам окон.

Маша, промокшая, вбегает к себе в комнату. Спеша, она сбрасывает жакетик и вешает его на распялочку. Затем снимает туфли и в мокрых чулках, оставляя на полу следы, подходит к кровати и достает шлепанцы.

Стук во входную дверь. Маша торопливо подбегает к зеркалу, наскоро поправляет волосы, закалывает на кофточке нехитрую брошку. Бежит открывать дверь. Возвращается вдвоем с Алешей, оживленно и весело рассказывая:

— Как, ты уже заходил! А я сама только что вернулась. У меня сегодня сумасшедший день. На почте с утра уйма народу, и тут еще привязался Иван Васильевич с отчетностью. А после работы — политучеба. Ведь сегодня там был Клавин доклад о Чернышевском. Ой, Алеша, если бы ты ее видел! Она так волновалась... К докладу приоделась, причесалась, в руках портфель. И мы тоже за нее очень волновались, потому что пришли ком-

сорги с соседних заводов... Но Клава молодец. Сначала немного спутала, назвала Чернышевского Гаврилой Николаевичем, ну, а потом как пошла, как пошла — ты ведь знаешь, как Клава умеет.

В то время как Маша все это говорила, Алеша сидел, не раздеваясь, в плаще, и молча обводил взглядом Машину комнату. Машин выцветший жакетик висел на распялке. На полу виднелись мокрые следы ее ног. Под кроватью стояли ее туфли — старенькие, со сбитыми каблуками.

А Маша продолжала оживленно рассказывать:

— А после доклада пошли в бараки к строительным рабочим: там у меня кружок по ликбезу. Сегодня один штукатур — старый-престарый, ему, наверно, лет сорок, а то и больше — Пушкина читал.

И она встала в позу, чтобы показать, как старый штукатур читал Пушкина.

Алеша сказал тихо и грустно:

— Я уезжаю, Машенька.

Маша смолкла и с удивлением посмотрела на Алешу.

— Что?

— Уезжаю.

— Куда?

— В Кобулеты.

— В какие Кобулеты? О чем ты говоришь, Алеша?

Алеша встал, подошел к окну. Побарабанил пальцами по стеклу.

— Да вот, понимаешь, удача. — Он говорил нехотя, с усилием.— Есть у меня такой знакомый, Поленцев. Я тебе о нем говорил.

— Да.

— Так этот Поленцев работает в Кобулетах шофером. Линия там выгодная, шоферы деньгу зашибают, не то что здесь. Так вот, он зовет к себе.

— Позволь, позволь!— растерянно сказала Маша.— Я ничего не понимаю: у тебя же через три недели экзамены.

— Экзамены подождут! Мне нужны деньги.

— Нет, Алеша,— сказала Маша и опустилась на стул.— Ты сошел с ума, честное слово.

Некоторое время они молчали. Она встала со стула, подошла к нему и смотрела на него, не понимая, шутит он или говорит серьезно.

— Ну я прошу тебя, Алеша,— сказала она мягко.— Ну подумай, о чем ты говоришь. Столько работать и вдруг бросить все...

— Я еду,— сказал он тихо,— это решено. Я уже с управлением договорился.

Он по-прежнему стоял к ней спиной и барабанил пальцами по стеклу. Маша некоторое время молча смотрела на него. Потом вдруг круто повернулась, отошла и стала что-то прибирать на столе.

Алеша подошел к ней. Сказал проникновенно, с большой нежностью:

— Маша! Сядь на минуточку! Давай поговорим!

— О чем же тут говорить?

— Мне обязательно нужно ехать. Пойми!..

— Я никогда не пойму человека, который двадцать раз меняет свои решения,— сказала Маша.

— Это же не так, Маша! — тихо и печально возразил он.

— Бросить все из-за какой-то ерунды! Из-за каких-то денег! Ты не имеешь права ехать...

— Не надо, Маша! Я решил ехать и поеду.

— Ну и пожалуйста — езжай!

Он встал, надел кепку. Она сказала:

— Никогда из тебя ничего не выйдет! Безвольный, бесхарактерный человек!

Он посмотрел на нее, хотел что-то сказать, но только махнул рукой и пошел к двери.

— Тряпка! — сказала Маша.

Он снова остановился. Губы его сжались, глаза сверкнули. Он посмотрел на Машу и быстро вышел, хлопнув дверью так, что тарелка упала со стола и разбилась.

Маша некоторое время стояла неподвижно, глядя на дверь. Затем опустилась на табуретку.

Был день, на дворе слышится говор, шаги. Потом смерклось, зажглись фонари, наступил вечер, а Маша все сидела и сидела. Скрипнула дверь, вошла Клава, спросила:

— К тебе можно?

— Да.

— Что это у тебя, тарелка разбилась?

Маша точно очнулась. Посмотрела на Клаву, на разбитую тарелку и стала подбирать осколки.

— Это к счастью, — сказала Клава, и, взглянув

в суповую миску, попробовала борщ. — Я немного поем.

И она спрашивала, прихлебывая борщ из миски:

— Алеша сегодня к тебе заходил?

— Да.

— Он, Машка, молодец. Все наши прямо восхищаются им. Учится день и ночь, каждую свободную минуту. Коля только и говорит о нем. Мы все считаем, что вы должны как можно скорей пожениться. Вы прямо созданы друг для друга.

Пока Клава все это говорила, Маша, сидя на кровати, надела туфли. Затем, все больше и больше торопясь, натянула жакетик. И когда она надела берет, Клава обернулась.

— Ты что? Уходишь? — спросила она в недоумении.

Маша молчала.

— Маша! — уже с беспокойством окликнула ее Клава.

Но Маша ничего не ответила и быстро выбежала из комнаты.

Вечер. Как всегда в южных городах, особенно после дождя, по улицам двигались толпы гуляющих, доносилась музыка из ресторанов, стук биллиардных шаров.

Среди всего этого шума и движения бежала Маша, пытливо вглядываясь в прохожих. Вот она подбежала к маленькому ресторанчику-поплавку: открытая веранда с парусиновыми занавесками, хлопавшими на ветру.

Приподнявшись на цыпочки, Маша через балюстраду торопливо оглядела сидящих.

Алеши здесь не было.

...И снова Маша бежала по улицам. На этот раз она вбежала в пивной бар. Здесь плавали клубы дыма. За высокими круглыми стойками пили пиво из больших кружек; раздавались веселые разноязычные голоса.

Маша поспешно обошла все стойки. Алеши не было и здесь.

...Биллиардная в полуподвальном помещении. Раздавленный мел хрустел на полу под подошвами. Квадраты яркого света падали на зеленые столы.

С металлическим звуком валились в лузы шары. Запыхавшаяся, усталая, стояла Маша на ступеньках, вгля-

дываясь в лица играющих: «Нет! Алеши и здесь нет!»

...Ресторан «Палас», оклеенный голубыми обоями, уставленный лампами с шелковыми абажурами.

Алеша с Поленцевым и поленцевскими дружками — Мурягой и Сергуньковым — сидели за столиком. На столике стояли закуски и бутылки. Поленцев, весьма шикарно одетый, говорил:

— Вы говорите — дружба! Вот Алешка раньше всегда меня крыл: на собраниях ругал, в стенгазете... И лодырь я, и рвач, и еще черт-те что!.. А когда задолжался, в долг влез, деньги понадобились, — куда он пришел? В стенгазету? Нет! К Поленцеву, который и лодырь и рвач. А почему? Потому что собрание, брат,— это одно, а жизнь — другое. Они на собраниях доклад поднимают, а я — жизнь. Вот потому ты и пришел ко мне кланяться. Ну да ладно! Я не в обиде. Поможем тебе, возьмем с собой. Заработаем. Махнем в Кобулеты, сейчас сезон, там шоферы — во как нужны! Там что левак, что дурак — на это не смотрят. В миг все долги отдашь! А потом двинем по всем городам и на юг и на север...

Все чокнулись.

Муряга наклонился к Алеше и задушевно сказал:

— Эх, Лешка, хороший ты парень, но фасон гнешь. Заносишься. А я ведь люблю тебя, дурака. Бывало идешь ты со своей... с этой... с учительшей — портфель под мышкой, рожа постная... Тьфу, глядеть тошно...

Алеша нетерпеливо отстранил его локтем.

— Когда едем? — спросил он, обращаясь к Поленцеву.

...Маша вошла в зал ресторана «Палас». Она побледнела от долгой беготни, волосы ее растрепались. Увидев Алешу, робко пошла между столиков. Остановившись за несколько шагов, тихо позвала:

— Алеша.

Алеша вздрогнул, обернулся и, увидев Машу, испуганно встал. Все сидевшие за столиком Поленцева тоже обернулись в ее сторону.

— Можно тебя на минуточку? — сказала Маша.

Он быстрыми шагами подошел к ней.

— Зачем ты сюда пришла? Уходи, Маша... Пожалуйста, уходи.

Он взял ее за локоть и повел к выходу. Но Поленцев уже кричал:

— Алеша? Куда? Просим обратно, к столу... И даму просим.

Алеша с деланной улыбкой повернулся и повел Машу к столу. Подходя, он видел, как Муряга подмигнул Поленцеву.

Поленцев встал, галантно раскланялся, поцеловал Маше руку.

Маша смутилась, пролепетала:

— Да я ведь только на минуточку...

— Почему на минуточку? — радушно говорил Поленцев.— В приятной компании не грех и часок посидеть.

Он пододвинул ей стул и спросил:

— Вы что пьете? Шампанское или водку?

Она сказала, вежливо улыбаясь:

— Спасибо, я вообще не пью.

— Ну, что вы! Но пиво...

— Пиво? — переспросила Маша *(ей очень хотелось попасть в тон компании)*. — Пиво — пожалуйста.

Поленцев налил стакан пива и сказал:

— Прошу.

Все потянулись к ней чокаться. Маша неумело чокалась, каждому кивая головой. Она протянула свой стакан к Алеше.

— Алеша, а ты разве с нами не будешь?

Алеша мрачно поднял свой стакан и нехотя чокнулся. Маша пригубила и хотела отставить стакан, но Поленцев, а за ним все остальные, кроме Алеши, начали хлопать в ладоши и подпевать:

— Пей до дна, пей до дна...

Маша выпила до конца. Лицо ее смешно перекосилось, как у ребенка после горького лекарства.

— Браво,— сказал Поленцев.— А говорила — непьющая.

— Уж очень горько,— сказала Маша и засмеялась.

Поленцев закурил и, глянув на Мурягу, обратился к Маше:

— Много слыхал о вас. Вы, говорят, с ним, *(он кивнул на Алешу)*, географию учите.

И снова посмотрел на Мурягу, который уже заранее давился от смеха. Маша ответила любезно, даже поспешно, очень стараясь понравиться Алешиным знакомым.

— Да, да. Он ведь к экзаменам готовится.

— И что же? — продолжал Поленцев многозначительно.— У вас до этого уже много учеников было или вы с первым с ним занимаетесь?

Муряга, не выдержав, прыснул, и вслед за ним покатился Сергуньков. Маша непонимающе посмотрела на них и робко ответила:

— Ведь я вообще не учительница.

— Значит, по добровольной склонности, — сказал Поленцев, и все, кроме Алеши, так и покатились со смеху.— И часто вы с ним так занимаетесь?

Она ответила, совершенно сбитая с толку, но тем не менее улыбаясь.

— Почти каждый день... иногда до ночи...

Взрыв хохота превзошел все предыдущие.

— А вы...— начал было Поленцев, но тут Алеша вскочил, в бешенстве посмотрел на него, сжал кулаки, хотел что-то сказать, затем схватил Машу за руку.

— Пойдем!

Маша, несколько опьяневшая, посмотрела на него с удивлением:

— Куда, Алеша?

Но он уже тащил ее к выходу. Она шла, обращая на себя внимание всего зала.

— Голубки, голубки! Мадам Бовари! Евгений Онегин! — громко выкрикнул Поленцев под хохот Муряги и Сергунькова.

Поздняя ночь. Закрытые магазины, опустевшие улицы. Алеша шел быстро, большими шагами. Маша, немного охмелевшая от выпитого пива, не поспевала за ним, отставала и все говорила, говорила...

— Алеша, Алеша, ну почему ты так быстро идешь? Я все говорю, говорю, а ты все идешь и идешь... Ой, Алеша! Они думали, что я учительница... А я говорю: вовсе я не учительница. И тут заиграла музыка, и все начали танцевать, танцевать. А на... на буфете стояла ваза...

Алеша шел, не оглядываясь, засунув глубоко руки в карманы. А Маша все старалась догнать его.

— Алеша! — говорила она.— А почему они все время смеялись? Я говорю, а они смеются. Уж я так старалась хорошо говорить. Все обдумывала, не торопилась... Але-

ша, ну куда ты бежишь? Ну, подожди меня... Это просто нехорошо.

Он остановился. Она подошла к нему, взяла его за пуговицу пиджака и робко спросила:

— Как ты думаешь? Я им понравилась?..

Помолчала, улыбнулась и сама же ответила:

— Понравилась... Они хорошие... Вот и Поленцев хороший... Такой веселый!

— Он сукин сын! — сказал вдруг Алеша.

— Что?

— Сукин он сын! Мерзавец! — бешено продолжал Алеша.— Таких давить надо.

Они замолчали. Она сказала:

— Правда? Ты знаешь, Алеша, мне тоже так показалось. Но я очень боялась тебе об этом сказать.

Оба засмеялись.

— Милая моя Машка! — нежно сказал Алеша, взяв ее под руку, и они зашагали вместе.

— Ты знаешь, Алеша,— сказала Маша,— когда ты сегодня ушел, мне стало так грустно, так грустно... Даже хотелось плакать... Я, конечно, не плакала, но было грустно.

— Мне тоже, — сказал Алеша. — И все-таки я еду, Маша. Мне нужны деньги. Я много должен.

— Должен? Кому?

— Тебе.

— Мне? — удивленно спросила Маша. Она засмеялась и со всего размаху, хохоча, упала на скамейку бульвара.

— Ой, Алеша, ты пьяненький! Ты совсем пьяненький!

— Не дури, Маша! — сказал Алеша и сел рядом с ней. — Я теперь все знаю, мне дядя Вася все рассказал. Во время моей болезни ты на меня потратилась, подругам задолжала! Где твои вещи?

— Ой, дурачок! — сказала Маша. — У меня и вещей-то никаких особенно не было.

— Вот чулки! — горячился Алеша.

Оба посмотрели на Машины чулки.

Алеша сказал:

— Смотри, штопанные-перештопанные...

— Совсем еще хорошие чулки,— сказала Маша и поспешно спрятала ноги под скамейку.

— Ну, говори, кому ты должна?

— Я? Никому не должна.

— Маша! — грозно сказал Алеша.

— Ну, в кассу взаимопомощи должна... Ерунду. Сто восемьдесят рублей... И то у меня уже два вычета сделали.

— Уже сделали, а ты молчишь! — возмущенно воскликнул Алеша. — Как же ты мне ничего не сказала? Говори, кому ты еще должна?

— Никому...

Он посмотрел на нее в упор.

Маша виновато пролепетала:

— Клаве еще сорок три рубля...

— И Клаве! — Алеша вскочил. — А я-то ничего не вижу! Бревно! Остолоп! А где твои новые туфли? Продала?

— Ну, продала, — спокойно сказала Маша. — Чего ты кричишь?

— А желтая кофточка?

— Ох, дурачок. Я из нее все равно выросла.

Алеша схватился за голову.

— Какая же я свинья! Это подлость! Это черт знает что! Как я мог допустить!..

Они снова рядышком шли по бульвару.

— Ой, Алеша, — сказала Маша. — Ты совсем, совсем пьяный!.. Чего ты волнуешься? Ну, поработаю вечерами и отдам.

— Кто отдаст?! — в бешенстве зарычал Алеша. — Ты?! Я! Я буду работать! Ты слышишь? Я буду работать день и ночь!

— Ну хорошо, — примирительно сказала Маша, — будем вместе работать. Ух, какой ты сердитый! Вот уж не думала, что ты такой сердитый!..

В этот момент опять, как в памятный вечер первого знакомства, завыла сирена — учебная воздушная тревога, обычная для этого приморского города. Мгновенно погасли огни в порту. Лучи прожекторов пробежали по окрестным холмам, выхватывая из тьмы дома и деревья. С тревожным звоном пролетели пожарные машины. Улицы опустели. Маша и Алеша вбежали в какой-то подъезд. Здесь тускло светила лампочка. В темноте виднелись уходящие ввысь ступеньки. Алеша сказал:

— Как часты стали тревоги...

— Да, — откликнулась Маша, — третий раз за два дня.

Некоторое время они молчали, глядя на улицу через раскрытую дверь.

— Волнение у нас сейчас на пункте, — сказала Маша. — Все уже небось прибежали, надели халаты... И доктор уже пришел.

Она умолкла, вздохнула и сказала с искренним сожалением:

— Как жаль, что я сегодня не дежурю!

— Машка! — сказал Алеша, глядя на нее и улыбаясь. — Милая ты моя! Если бы ты только знала, какая ты чудесная девочка!

— Я? Что ты, Алеша. Я — некрасивая.

— Ты чудесная! — воскликнул он.

И продолжал, сбиваясь, стараясь найти нужные слова:

— Сегодня, когда я пришел к тебе... когда я увидел тебя... Ты была такая маленькая... А нос у тебя был такой веселый-веселый... И я вдруг понял...

— Нос... — засмеялась Маша. — Ох, какой ты пьяный, Алеша! Ты совсем пьяный!

— Погоди! Не дурачься! — гневно промолвил он. — Это очень серьезно.

Он повернул ее к себе, крепко обнял, наклонился к ней совсем близко и горячо сказал:

— Я люблю тебя! Понимаешь?

Она остолбенела, смех ее внезапно оборвался. Огромными, испуганными глазами она смотрела на Алешу. И когда тот наклонился, чтобы ее поцеловать, она вдруг вырвалась и пролепетала:

— Не надо, Алеша!

И отошла в сторону, повторяя дрожащими губами:

— Не надо! Ох, как это не надо!

— Но почему... Почему? Маша? — горячо воскликнул он.

— Ведь ты не любишь меня, Алеша!

Он снова подошел к ней и снова взял ее за руку.

— Люблю! Глупенькая!

— Не знаю, — сказала Маша.

И вдруг добавила тихо, с огромным внутренним чувством:

— А как бы я хотела, чтобы ты меня полюбил!

— Маша! Родная! Но это же так! Так!

Она смотрела на него, не отрываясь, словно желая прочесть в его глазах сокровенную правду.

— Не знаю, — сказала она, покачав головой.

Тогда он отпустил ее руки, отошел и грустно сказал:

— Как хочешь, Маша.

Она по-прежнему смотрела на него. Потом подошла к нему, взяла его под руку, прижалась щекой к его плечу и сказала доверчиво и очень смущенно:

— Знаешь, Алеша... Ты не сердись... Когда я буду знать, что ты совсем , совсем мой, я тебя поцелую... Честное слово!

Вечер. Шум примусов, стук ножей. Возле стола, заваленного свеклой, редиской, огурцами, помидорами, хлопочут Клава и Маша. Обе они принаряжены и, чтобы не запачкаться, повязались косынками и фартуками. Это кухня шоферского общежития: идет приготовление к какому-то торжеству. Маша размешивает в миске салат, Клава озабоченно командует:

— Не забудь соли... Так... Теперь сметану... сахар... теперь немного яблок для вкуса...

В кухню все время стремглав вбегают шоферы: один уносит тарелки, другой — вилки и ножи, третий — бутылки с вином. Вбегает совершенно запарившийся Коля:

— Клава! Стульев у вас тут нет?

— Нету, Коля! Скатерть возьми постели!

— Погоди ты со скатертью! — досадливо отмахнулся Коля. — Еще никак стола не найдем!

В дверях показался дядя Вася.

— Ну что? Прибыл? — спросил он.

— Прибыл! — хором ответили Маша и Клава.

— Срезался?

— Выдержал! — снова хором ответили девушки.

— По всем предметам?

— По всем...

— Вон оно как! — покачал головой дядя Вася. — Значит, по сему случаю бал.

— Конечно!

— А где же сам виновник?

— Там, у себя в общежитии, — сказала Маша.

Дядя Вася пошел по коридору. Здесь тоже чувствовалось праздничное оживление. Из умывальной, вытираясь на ходу, выбегали шоферы. Несколько человек тащили стол. Кто-то волочил скамейку.

Дядя Вася вошел в общежитие. Это было то самое общежитие, куда в первый раз к Алеше пришла Маша. Но сейчас часть коек была придвинута к стене, и комната казалась просторней, больше.

Около своей кровати стоял Алеша, окруженный приятелями. Он наряжался к вечеру: надевал чистую рубаху, натягивал подтяжки. Кто-то тем временем завязывал ему галстук. Алеша оживленно рассказывал:

— А назавтра — русский устный. Я все хотел, чтоб меня про Маяковского спросили. Я даже его стихи выучил:

Партия и Ленин —
близнецы-братья,—
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем —
партия,
Мы говорим —
партия,
подразумеваем —
Ленин...

Вызывают. Подхожу к столу, тащу билет... И что вы думаете...

— Маяковский? — спросили все хором.

— Ломоносов!

Хохот.

— Здравствуй, студент! — провозгласил, подходя, дядя Вася и протянул руку. — Давай лапу!

В это время Клава и Маша вбежали в комнату. В руках у них тарелки с салатом и винегретом.

— Ну, где же скатерть, Коля? — кричала Клава.

Коля, неловко путаясь, стал расстилать скатерть. Несколько человек бросились ему помогать.

Алеша, перескочив через койку, подбежал к столу.

— Маша! А знаешь, чего я все-таки больше всего боялся?.. Теперь я тебе скажу. Знаешь?

— Не знаю...

— Геометрии! — крикнул он.

— Но ты же ее очень хорошо выучил! — воскликнула она, сияя.

— Выучил! А задачи?..

Теперь уже все суетились вокруг стола, расставляя тарелки, стаканы.

— Боже мой! — вдруг опомнилась Клава. — Коля! Моя телятина!

И опрометью бросилась на кухню. Коля, отчаянно размахивая руками, последовал за ней.

— Маша! Иди сюда на минуточку! Брось тарелки! — сказал Алеша.

Он схватил ее за руку и оттащил в угол.

— Зажмурься.

— Зачем? — изумилась она.

— Зажмурься, тебе говорят.

Она закрыла глаза, но сразу же приоткрыла один из них и увидела, как Алеша вынул из-под подушки сверток.

— Готово! Открой!

Она открыла глаза. Перед ней стояли новые туфли. Это были лакированные туфли на венском каблуке.

Маша в восторге всплеснула руками.

А он протирал туфли рукавом и говорил, весь сияя:

— Ты их надень, надень! А вдруг не по ноге!

— Ох, какие туфли! — говорила Маша. — Какие замечательные туфли! Алешенька! Вот спасибо тебе! Вот это — спасибо!

— Ну, ты пройдись, пройдись, — настаивал он горячо, — не жмет?

— Ни капельки! Ох, какая прелесть! Ну, зачем это ты...

Он торопил, счастливый, что туфли ей понравились:

— Нет, ты прочти, что там написано.

— «Мосторг», — прочла Маша, заглядывая на подошву.

— Московские! — сказал Алеша восхищенно. — Пройдись, пройдись!

Она еще раз прошлась, а он смотрел и улыбался.

Маша остановилась, заглянула ему в глаза:

— Алеша! А как же ты вспомнил? Ну, скажи, как...

— Вот вспомнил! — с нежностью и любовью ответил он.

Она схватила его, завертела и сказала:

— Алеша! Если бы ты знал, какая я сегодня счаст-

ливая! Я не хочу, чтобы этот день кончился. Неужели он кончится?

Алеша сказал:

— Чудачка! Кончится этот — настанет другой, а послезавтра — третий.

— Ведь правда! — воскликнула Маша.

И она побежала к двери. Но вдруг остановилась.

— Дядя Вася!

Дядя Вася, одиноко стоя у стола, налил себе рюмочку водки и хотел уже выпить ее, когда Маша окликнула его:

— Дядя Вася! Потерпите до ужина!

— Ужин — ужином, — сказал холодно дядя Вася,— а до ужина тоже скучать нельзя! Ваше здоровье!

И он выпил.

Громкий хохот, веселье.

За столом сидят гости. Это все те же наши друзья— шоферы, и Клава, и Коля, и кто-то из девушек, и кто-то из моряков — очевидно, служащих морского вокзала.

Взрыв хохота, аплодисменты. Это Коля, поднявшись со своего места, пытается сказать речь.

— Дорогие товарищи!

— Коля, сядь, — волновалась Клава и тянула его за пиджак. — Сядь, слышишь! Сейчас же сядь!

— Ну погоди, Клава! — отбивался Коля. — Ну дай мне сказать.

И все, хохоча, стали кричать:

— Клава, не мешайте ему!

— Пусть Коля скажет!

— Он не умеет говорить речей,—кипятилась Клава.

— Погоди, Клава! — говорил Коля. — Я подготовился... Товарищи, я подготовился. Дорогие товарищи!

И задумался. И вдруг воскликнул в отчаянии, обращаясь к Клаве:

— Ну вот... зачем ты меня перебила... Теперь, конечно... Теперь я все забыл...

Громкий хохот, аплодисменты.

Вскочил Алеша, и глядя на Машу, крикнул:

— Товарищи! Я скажу! Я предлагаю этот тост за самую милую, за самую хорошую, самую замечательную...

Коля стукнул кулаком по столу, вскочил и сказал:

— Лешка, не смей! Я вспомнил!.. Это я хотел сказать... Дорогие товарищи!

И вдруг смолк. И все смолкли, повернулись к двери. В дверях стояла Вера. Она была в светлом длинном платье, очаровательная и стройная. Волосы ее были тщательно завиты. Она стояла, чуть приподняв свои тонкие брови, и, улыбаясь, разглядывала сидящих за столом.

— Верка! — закричала Маша. — Наша Верка пришла! Наконец-то! Веруся!

И, вскочив со своего стула, побежала навстречу подруге. Радостно обняла Веру.

— Ну, идем, идем! Товарищи, познакомьтесь! Вот наша Верочка! Вот наша красавица. Куда мы ее посадим?

И вдруг захлопотала:

— Садись сюда, сюда, на мое место.

— А ты?

— А мы с Клавой все равно бегаем, — тараторила Маша, усаживая Веру с Алешей.— Верочка, познакомься — это Алеша.

Алеша неловко протянул руку и поздоровался. А Маша уже хлопотала, угощая гостей.

За столом снова слышался веселый гомон.

Вера чуть искоса, улыбаясь, оглядела Алешу:

— Так вот он какой, этот загадочный Алеша!

И Алеша, вдруг чрезвычайно смутившись под ее взглядом, пробормотал:

— К-какой?

Она еще некоторое время разглядывала его, потом протянула:

— Такой...

И, отвернувшись, словно сразу забыв о нем, весело закричала:

— Коля! Мы будем сегодня с вами танцевать!

Она бросила в Колю салфетку. Салфетка упала Коле в тарелку. Коля вздрогнул от неожиданности.

Клава закричала:

— Верка! Он хочет кушать! Не пугай его!

Но Вера не слушала, она кричала, уже обращаясь к парню в морской форме:

— Толя! Как вы сюда попали? Прелестный сюрприз!

И вдруг неожиданно повернулась к Алеше, который сидел растерянный, не сводя с нее удивленных глаз.

— Алеша, налейте мне вина! Дайте мне кушать! И вообще, почему вы за мной не ухаживаете?

— Да так... как-то, — пробормотал он смущенно.

И, неловко взяв бутылку, стал наливать ей вино.

— А вы знаете, — сказала она, — я вас себе именно таким и представляла.

Он сказал:

— А я вас — нет!

— Что же, я оказалась хуже? — Она чуть наклонилась к нему и прищурила глаза.

— Не знаю. — Алеша казался совсем смущенным.

— «Не знаю»! — передразнила она его с очаровательной гримаской и громко захохотала.

Маша с другого конца стола крикнула:

— Алеша, почему же Вера ничего не ест? Ты совсем за ней не ухаживаешь.

— А он не умеет ухаживать! — крикнула Вера под общий смех и совсем тихо добавила, обращаясь к Алеше: — Или не хочет!

Алеша опять покраснел.

Вскочил Коля и стал стучать по столу.

— Дорогие мои товарищи! Позвольте мне все-таки сказать...

— Не позволим! — откликнулся кто-то.

Клава кричала:

— Коля, сядь! Никаких речей! Давайте танцевать!

— Вальс! Вальс! — закричала Вера.

...Вальс был в разгаре. Среди танцующих Вера, хохоча, вертела и кружила долговязого Колю.

Клава бегала за ними и сердито говорила:

— Верка, брось! Я не хочу этого! Верка, отстань!

Но Вера кричала, прижимая к себе бедного Колю:

— Я люблю его! Ах, как я люблю его!

И все помирали со смеху. А Маша, в восторге от своей подруги, восклицала:

— Верка! Ты чудная! Ты золото! Дядя Вася, посмотрите, какая она красавица!

Вера наконец отпустила Колю. Он некоторое время продолжал по инерции кружиться, размахивая длинными руками. Вера же, сделав несколько изящных пируэтов, остановилась около Алеши.

— Ловко вы танцуете! — сказал он. — У вас голова не кружится?

— Кружится... А у вас?

— Я же не танцевал.

— Голова кружится не только от танцев, — с привычной значительностью заметила Вера.

— А с чего же?

Подошла Маша. Вера сказала:

— А вот спросите у Маши.

Засмеялась и отошла.

Маша весело обратилась к Алеше:

— Что это у меня спросить?..

— Да так.. ничего...

Он посмотрел вслед Вере. Вера уже танцевала с Толей. Маша, поймав Алешин взгляд, тоже посмотрела на Веру, а потом несколько удивленно на Алешу.

— Алеша! — сказала она. — Ты знаешь, я так захлопоталась, что нам даже некогда было поговорить. Ну, скажи, тебе нравится твой вечер? Ведь хорошо, правда?.. Ведь весело...

— Да... очень... Ты молодец, Маша!

Маша посмотрела себе на ноги и сказала:

— Ты знаешь, удивительно удачные туфли. Всем очень понравились! Клава прямо в восторге!

— Я очень рад, Машенька, — он говорил ласково, искренне.

Она сказала:

— Смотри, правда — хорошие?..

— Да, хорошие, — ответил он нежно и улыбнулся.— Тебе очень они идут.

И вдруг заторопился —Вера кончила танцевать.

— Маша! Прости! Подожди меня тут. Мы с Верой условились потанцевать.

Он подошел к Вере, и они закружились в вальсе.

Маша осталась одна. К ней подошел дядя Вася.

— Ну, красавица! А ты чего не танцуешь?..

Маша ответила с некоторым трудом:

— Ох, дядя Вася, какие танцы... Мне некогда!..

Улыбнулась ему и быстро побежала к столу.

Вера и Алеша танцевали. Мимо них прошла Маша со стопкой грязных тарелок. За ней шли шоферы, Ваня и Костя, неся блюда и бутылки. Алеша и Вера посторонились, пропуская их.

На кухне Ваня сказал шутя Маше:

— Это тоже не дело! Мы посуду таскаем, а Лешка танцует...

Костя добавил:

— Ничего... Мы его потом тарелки мыть заставим!

Засмеялись. И оба парня вышли из кухни. Маша тоже направилась к двери, когда вбежала Клава.

— Машка, ты ничего не заметила?

— А что такое?

— Поздравляю! Ты что, слепая?

Маша спросила:

— В чем дело, Клава?

— Ну, можешь себя поздравить. Пойди посмотри!

Маша быстро вышла из кухни. Когда она вошла в комнату, танцы еще продолжались. За столом сидело несколько человек, в том числе дядя Вася и Коля. Они весело о чем-то говорили, Вера и Алеша сидели в уголке. Алеша горячо рассказывал, Вера смеялась.

Маша некоторое время смотрела на них.

— Маша! Машуха! — завидев ее, закричал Коля.— Где ты пропадаешь! Брось ты свои тарелки. Иди сюда, я тебе речь скажу. Товарищи — тишина!

Маша вдруг как-то неестественно оживилась, подошла к столу и заговорила с наигранным весельем:

— Опять речь. Не надо речей! Давайте лучше танцевать, веселиться. Коля! Почему вы меня не угощаете? Налейте мне вина! Я тоже хочу выпить...

Коля налил ей вина, она чуть пригубила, оставила стакан и сказала все с той же неестественной ажиотацией:

— Нет! Не хочу вина! Давайте лучше танцевать!

Она схватила за руки Колю, Ваню, Клаву, завертелась с ними, потом подбежала к дяде Васе, хохоча, вытащила его на середину комнаты, начала вокруг него водить хоровод:

Как на дядь-Васины именины
Испекли мы каравай...

И посмотрела на Веру и Алешу. Они, казалось, не видели ничего, увлеченные разговором.

— Нет, не хочу танцевать! — сказала Маша. — Давайте играть в жмурки.

Быстрыми движениями она завязала себе салфеткой

глаза. Кто-то начал кружить Машу по правилам игры, но она вдруг резко остановилась, сорвала с себя платок и, взглянув на Веру и Алешу, которые по-прежнему не видели и не слышали ничего, сказала:

— Не хочу в жмурки! Давайте лучше в фанты... Или в «мнения». Товарищи! Вера, Алеша! Хотите с нами играть в «мнения»?..

— В «мнения»! — воскликнула Вера. — Давайте... Мы с Алешей уходим, собирайте «мнения» о нас.

Они ушли. Маша на секунду умолкла и потом, как бы в новом припадке оживления, крикнула:

— Ну и чудесно! Ваня, собирайте «мнения».

Алеша и Вера стояли на площадке лестницы.

— Да, это так, — тихо, чуть опустив ресницы, говорила Вера. — Теперь я вижу, что это так. Вы могли бы нравиться девушкам...

— Не знаю, — он пожал плечами.

— «Не знаю», — передразнила она его с той же гримаской. — Вы это прекрасно знаете!..

Ваня между тем заканчивал собирать «мнения». Он подошел к Маше.

— Маша! Ваши «мнения».

Маша подумала, усмехнулась и сказала:

— Друг и подруга.

Мнения были собраны, Ваня постучал кулаком в дверь. Крикнул:

— Готово!

Все сидели в ожидании. Но никто не вошел. Ваня приоткрыл дверь и крикнул:

— Входите! Можно!

Молчание. Всем стало как-то не по себе.

— К черту «мнения»! — сказал Коля. — Я речь скажу!

Тогда, вдруг сорвавшись с места, Маша выбежала в коридор.

— Алеша! Вера!

Никто не откликнулся.

Маша выбежала на площадку. Там стояли Алеша и Вера. Они целовались.

— Алеша! — окликнула Маша.

Они отпрянули друг от друга и растерянно поглядели

вокруг, точно не соображая, где они и что с ними происходит. Они даже вряд ли понимали, что перед ними Маша. Некоторое время все трое молчали. Маша тихо сказала:

— Вас ждут.

Вера спросила:

— Как нас ждут?

— Мы ведь играем в «мнения».

И вдруг Вера стала хохотать.

— Боже мой! Мы ведь действительно играем в «мнения».

Она побежала вперед и первой вошла в комнату. Все уже стояли с бокалами около стола. Коля, увидев Веру, Машу и Алешу, крикнул:

— Ну, где же вы пропадаете? Налейте им бокалы! Слушайте, слушайте! Я начинаю свою речь. Клава, не смей перебивать! Раз и навсегда!

И он начал так:

— Дорогие товарищи! Вот перед вами чудесная девушка. Звать ее Маша. А вот — Алеша. Я вам открою один секрет: она влюблена в Алешу. Алеша влюблен в нее.

Всем стало так неловко, что дальше некуда, а дядя Вася сказал:

— Вот так доклад!

Клава зашептала:

— Коля! Николай Петрович!

— Отстань! — сказал Николай. — Они любят друг друга без памяти. Пожелаем им счастья. Пусть они поженятся. Я люблю их обоих — это мои друзья.

Но больше уже Маша не могла слушать. Она незаметно выскользнула из комнаты, побежала по коридору, потом по лестнице.

Двор гаража был освещен фонарями: и ночью здесь не прекращалась жизнь. Маша пробежала по двору и выбежала за ворота. Фары грузовика, въезжавшего во двор, на секунду осветили ее, потом грузовик проехал, и Маша снова потерялась во тьме.

...Предутренний туман. Начинался рассвет. Улицы были еще пустынны. В порту посвистывал катерок.

Маша ничком лежала на кровати — в том же праздничном платье, уткнувшись в подушку.

Раздался стук в дверь. Маша подняла голову, прислушалась. Стук повторился. Маша встала, вышла из комнаты, открыла дверь. В дверях стоял Алеша.

— Маша! — сказал он горячо и с тоской — Ну, что такое произошло? Я ничего не могу понять... Зачем ты вдруг убежала? Так было весело, а ты убежала...

Она молчала.

— Мы все не знаем, что и подумать...

Он говорил торопясь, очень взволнованный.

— И дядя Вася и Коля... Вера сказала...

Глаза их встретились. Алеша смолк. Маша молчала.

— Машенька, — начал он снова с тоской. — Ну послушай же. Ведь все это ерунда... Ведь ничего не произошло... Чепуха. Разве на это можно обращать внимание... Не ребячься. Я же люблю тебя... Только тебя!

И вдруг, не ответив ни слова, Маша резко, изо всей силы, захлопнула перед ним дверь.

И осталась стоять в темноте.

— Маша! — позвал он из-за двери.

Она не откликнулась, не пошевелилась.

— Маша!

Она медленно пошла по коридору, вошла к себе в комнату, села на кровать и горько заплакала.

Норд, штормовое море. Пустынный бульвар. Пуст поплавок. На этом бульварчике, возле остановки автобуса, как-то раз встретились Маша и Клава.

— Маша!

— Клава!

— Машенька! Родная!

Они крепко обнялись, расцеловались. В промежутках между поцелуями Клава разглядывала Машу, ахала и затем снова обнимала ее.

— Машка моя! Дорогая! Бог ты мой, как мы давно с тобой не видались! Где ты скрываешься?

Маша смеялась.

— Ну рассказывай,— торопила Клава.— Как ты живешь? Как на новой работе? Сто раз забегала к тебе, письма писала — нигде тебя нет.

Они шли, обнявшись, весело разговаривая, как в прежние дни.

— Я не живу у себя, — говорила Маша. — А на новой работе хорошо. Сначала было трудно, пока освоилась, привыкла. А теперь хорошо. В общем, работы много... Но я даже рада... А то я летом совсем разбаловалась.

— Да, уж это лето! Долго я его буду помнить! — воскликнула Клава.

Маша спросила:

— Как ты живешь? Как Коля?

— Хорошо. Коля — тоже хорошо. Ведь мы теперь вместе, ты знаешь? Он очень хороший — Коля!

Они остановились у гранитной балюстрады и смотрели в море. Море было серое, осеннее, неприятное.

— Да, — откликнулась Маша. — Коля — хороший. А как остальные?

— Кто?

— Вера, Алеша, как они?

— Да никак... Ничего у них, конечно, не получилось. Ах, Машка, почему это в жизни так иногда подурацки складывается... Ты знаешь, ведь Алеша уехал.

— Уехал? Куда?

— Не знаю. Кажется, далеко.

— Вот как!.. А Вера?

— Что — Вера?.. Вера как Вера. Ты знаешь Веру. Они помолчали. Клава взяла Машину руку.

— А ты еще не забыла его?

Пауза.

Маша покачала головой.

— Нет.

Снова они помолчали.

Маша сказала:

— Ну, Клавочка! Мне надо идти. На курсы опаздываю.

Опять они шли по бульвару. Клава расспрашивала:

— Как учеба?

— Подвигается. Наш выпуск ускоренный: сама знаешь — время беспокойное.

Клава спросила:

— Ты думаешь, война все-таки будет?

— Думаю — да.

— У нас тоже так говорят, — сказала Клава. — Сообщения очень тревожные.

Они остановились. Протянули друг другу руки.

— Машенька! — сказала Клава. — Ты бы зашла как-нибудь. Мы с Колей были бы так рады тебе!

— Я зайду, — сказала Маша, — сдам зачеты и зайду.

— Но обязательно! — горячо сказала Клава, уже уходя. — Мы ждем! Обязательно! — кричала она.

Маша осталась одна. Ветер гудел среди ларьков, по пустому павильону ресторана...

Дождь. И из наплыва в наплыв, сквозь дождь возникают толпы людей, во дворах заводов, в цехах. Они слушают речь:

«В течение последних дней, несмотря на ряд представлений, сделанных Советским правительством, провокации на нашей границе не прекращались...».

Мы видим сквозь дождь тысячи людей, приветствующих воинские части. Гром оркестров, знамена, торжественные, боевые песни. Верхушки знамен проплывают мимо окон военного комиссариата.

— Степанова Мария Васильевна?

— Да.

— Фельдшер?

— Да.

— Полевую службу изучали?

— Да.

Маша в военной форме, в шинели, обутая в сапоги, стояла перед столом в одной из комнат военкомата. Толпился народ. Издали доносился голос, выкликавший фамилии. Здесь стояли люди с вещами — некоторые еще в штатском, другие в форме.

Лейтенант просмотрел Машины документы, поднял глаза и сказал:

— Так. Направляетесь в город К. в распоряжение санитарной службы армии.

Быстро мчался поезд, пробегая мимо станций. Иногда его задерживали, и он пропускал вперед эшелоны со срочными грузами. Иногда он сам обгонял поезда.

В вагонах ехали бойцы. Дни сменялись ночами. И однажды на рассвете, когда в поезде еще спали, где-то далеко раздался первый глухой раскат орудий.

Многие проснулись и поспешили к окнам. Маша тоже с тревожным любопытством заглядывала в окно. Однако вокруг виднелись только мирные снежные поля.

Начинался туманный рассвет.

И снова, теперь уже немного ближе, грохнуло орудие.

•

Разрыв снаряда... Снова разрыв. Столб снега взлетает в воздух. Два человека ползут на животах по разрытому снарядами полю. Когда снег оседает, они слегка приподнимаются и окликают друг друга.

— Маша? Жива?

— Жива, Федор Семенович!

И они ползут дальше. Гул летящего снаряда. Новый разрыв. Опять они припадают к земле. Снег оседает. И снова слышно:

— Маша?

— Я.

И они ползут.

— Маша пришла! Машенька!

Вокруг Маши собирались бойцы. Временный укрепленный пункт. Брустверы, землянки, вырытые в земле ходы. Маша отряхивала шапкой снег с полушубка, с сумок, которые висели у нее с боков (*на одной из сумок — красный крест*). Она оживленно говорила:

— Ух, и стреляют около Лустомяк! Всю дорогу на животе проползли.

Бойцы добродушно рассмеялись и кто-то сказал:

— Что-то наша Маша забоялась.

— А я всегда боюсь, когда стреляют. — И обращаясь к лейтенанту: — Больные, раненые есть?

— Нету. Эвакуировали, товарищ Маша.

— Я вам письма привезла,—сказала Маша и, вынув из сумки письма, прочла адрес на первом конверте:

— Фоменко!

— Фоменко! Фоменко! — закричали голоса.

— Здесь Фоменко! — отозвался боец, протискиваясь.

Маша передала ему письмо. Ее обступили, она передавала письма.

— Гаврилов! Никитин! Ашуркин! Вот и все.

Улыбнулась и сказала:

— А кому писем нет, тому табак привезла... Чайком вы меня за это напоите?

Вокруг захлопотали, забегали.

— Чаю Маше! Чаю!

Вечер. Другой укрепленный пункт. Рядом — позиции зенитной артиллерии.

— Раненые есть?

Это опять Маша. По-прежнему у нее сумка с красным крестом.

Лейтенант утвердительно кивнул головой. Маша пошла по окопу. Неподалеку лежал раненый. Маша склонилась над ним.

— Жгут! — сказала она Федору Семеновичу.

Раздалась команда. Послышалось приближающееся жужжание вражеского самолета. Загрохотали зенитные орудия.

— Спирт! Марлю!

Круша все вокруг, грохнула поблизости авиационная бомба. Земляной вихрь обрушился на окоп. Машу рвануло в сторону. Она поднялась, отерла лицо рукавом. Опять склонилась над раненым.

— Йод!

Подбитый снарядом, задымил вражеский самолет. Начал падать. И вдруг вспыхнул, врезался в ближний лесок, ломая деревья. Грохот... Тишина.

— Бинт! Ножницы!

Рассвет. И снова укрепленный пункт, снова стрельба. Снова Маша, уже усталая и промерзшая.

— Больные, раненые есть?

Буран смешал все дороги. Окутанный снежными вихрями, с трудом пробирался «газик». Рядом с шофером сидела Маша в полушубке и опущенной ушанке. Бешеный ветер гудел вокруг. Быстро темнело. Но вот показались вдали какие-то неясные строения. Вскоре «газик» выбрался на наезженную дорогу и остановился у дощатого длинного двухэтажного здания.

— Продпункт. Здесь заночуем, — сказал шофер.

Маша, борясь с ветром, прошла в здание.

Это помещение бывшей гостиницы — теперь питательный пункт на шоссе, по которому в разных направлениях двигались войска. Когда проходила войсковая

колонна, продпункт мгновенно заполнялся — люди гурьбой спешили в буфет, все столы бывали заняты. Колонна уходила, пункт пустел, словно схлынула волна. Прилив и отлив. Сейчас здесь было тихо. Маша подбежала к стойке и, дуя на руки, согреваясь, подтаптывая ногами, стала расстегивать полушубок. Буфетчик в ватных штанах, возясь в шкафу, спросил:

— Вам обед?

— Обед.

Буфетчик продолжал возиться, а Маша сняла шапку, встряхнула волосами, взяла две тарелки, которые ей передал буфетчик, и пошла к столу. Внезапно ее окликнули:

— Маша!

Маша вздрогнула, оглянулась.

— Здравствуйте, Маша!

И к Маше подошел Алеша. Он был в военной форме, в кожаной куртке и меховой шапке.

— Алеша! — сказала Маша.

И так они стояли друг против друга, молча, нерешительно, не зная, что сказать. Маша с тарелками в руке, Алеша — в нескольких шагах от нее.

Она поставила тарелки на стол и протянула ему руку.

— Здравствуйте!

Он горячо и неловко потряс ее руку. И снова они замолчали. Даже не присаживались, а стояли друг против друга. Он глядел на нее, не отрываясь, с волнением и любопытством.

— Какая-то вы странная стали, — сказал он, — какая-то взрослая!

— А вы все такой же.

— Да?

И они опять стояли, молча глядя друг на друга. И вдруг у Маши слегка дрогнули уголки губ, она улыбнулась, глаза ее весело блеснули, и оба они засмеялись дружно, от всего сердца.

— Что же вы стоите? — сказал Алеша. — Садитесь!.. Кушайте!..

— Спасибо.

Маша села. Он хлопотал, стараясь скрыть смущение.

— Соль у вас есть? Хлеб взяли?

И переносил с соседних столиков солонку, хлебницу.

Потом сел. Опять они не знали, о чем говорить. Маша молча ела, и когда взгляды их встречались, оба поспешно отводили глаза и чуть-чуть улыбались.

Алеша сказал наконец:

— Как давно мы с вами не виделись, Маша!

— Да, давно! — сказала она и ела как-то уж слишком торопливо, не замечая, что иногда подносила ко рту ложку, ничего ею не зачерпнув.

— Вы уже, наверное, забыли меня,— сказал Алеша. — А помните, как мы с вами познакомились? Приехали в какое-то поле, долго стояли, а потом обратно уехали. Помните? Я еще вам стихи читал.

— Да, помню, — сказала Маша и улыбнулась.— Смешные были стихи...

— А ведь они мне тогда казались хорошими...

— И мне тоже.

Они опять засмеялись. И вдруг начали говорить, перебивая друг друга.

— А помните наше общежитие?—спрашивал Алеша.

— Конечно... Я Колю недавно встретила. Помните Колю? Он все такой же... Длинный... смешной...

— А как Клава?

— Клава — хорошо!

— Все доклады о Чернышевском читает?..

— Да, да...

И опять они засмеялись. Помолчали.

— А помните, Маша, — тихо спросил Алеша, — как мы откуда-то возвращались, и была тревога, и мы долго стояли где-то в подъезде?

Она ответила не сразу. Чуть-чуть нахмурилась, отодвинула еще почти полную тарелку.

— Да... Но все это было так давно... — И перевела разговор. — Вы куда направляетесь? На Тулепку?

— Нет... Я очень рад вас видеть, Машенька!

Но Маше, видимо, не хотелось возвращаться к прежнему, и продолжала расспрашивать:

— Вы в какой же части, Алеша?

— Да тут... недалеко, — неопределенно ответил он и горячо добавил: — Я так часто вас вспоминал!

В это время в дверях появился рослый военный в телогрейке. Это был Поленцев. Он кричал:

— Соловьев! Ты чего расселся? Что ж, я за тебя буду мешки таскать?

Маша удивленно посмотрела на кричавшего, потом на Алешу. Алеша смутился, встал, сказал:

— Я сейчас...

И торопливо, не оглядываясь, пошел к дверям.

А навстречу ему шли с улицы люди: прибыла очередная войсковая колонна. Хлопали двери, клубился морозный пар. Кто-то крикнул громовым голосом:

— Маша Степанова!?. Зайчук, тут Маша Степанова!

И стол Маши сразу обступили люди в полушубках, в зимних шапках. Они хлопали Машу по плечу, говорили, перебивая друг друга, расспрашивали.

— Как ты попала сюда?

— На базу еду за медикаментами. А вы?

— Мы в Лакомягу.

— Скоро, видно, и я туда же, — сказала Маша.

— Перебрасывают?

— Приезжай, Маша! Без тебя пропадем!

Маша весело отвечала:

— Смейтесь, смейтесь! А кто вам письма да подарки возил?

— Ты, ты возила! — Кто-то нежно ее обнял.

А вдали уже было слышно:

— Федоренко! Тут Маша Степанова!

Но как ни была Маша обрадована этой встречей с друзьями, она краешком глаза следила за Алешей. Алеша через все помещение, от дверей к стойке, таскал на спине мешки с продуктами.

И когда он вновь подошел к Машиному столу, то услышал:

— Маша! Помнишь Мещерск?

— Ох, и не вспоминай! — смеясь, ответила Маша.

Раздался сигнал:

— По машинам!

Люди двинулись к выходу. Помещение столовой снова опустело. Алеша подошел к Маше и, помолчав, немного грустно сказал:

— Однако вас тут знают.

— Ну как же! — ответила Маша. — Это все друзья! Я с ними под К. в окружение попала.

— Значит, вы и под К. были?

— Была... Скажите, Алеша... вы что... здесь шофером работаете?

— Да. Шофером продпункта...

— Вот как?— сказала Маша и внимательно посмотрела на него. — И Поленцев ваш тут?

— Тут... Он-то меня сюда и устроил. А вы что, узнали его? — Чуть улыбнулся Алеша.

— Да... Поленцева я узнала...

Она немного задумалась и добавила:

— Я многих ваших товарищей встречала. Вот Костю... Потом Охапкина встретила... И еще — такой маленький, черненький... Фамилии не помню... Они все под Тулепкой были. Охапкин тяжело ранен. Он представлен к награде.

— Да?

— Да...

Алеша слушал ее и вертел в руках штопор, который взял со стола. Рассказывая, она машинально смотрела на этот штопор. Алеша вдруг перехватил ее взгляд и, почему-то очень смутившись, положил штопор на стол. Помолчал и сказал:

— Ну что ж! Не всем же быть героями!

— Да, не всем быть героями.

И они умолкли. Так некоторое время они сидели молча, каждый думая о своем, видимо, о чем-то очень большом и серьезном. Бывают минуты, когда в молчании решается судьба всей жизни, и тогда молчание значит больше, чем сотни слов. Лицо Маши как бы остекленело. От оживления, вызванного встречей с Алешей, не осталось и следа. Глаза ее вдруг стали далекими, утомленными, равнодушными. Скулы ее обозначились резко. Она посмотрела на часы, висевшие на стене, встала, протянула Алеше руку.

— Прощайте, Алеша! Я иду спать.

— Уже? . Мы ведь так давно не виделись...

Она сказала:

— Я очень устала.

И пошла по лестнице, которая вела на второй этаж. Она медленно поднималась, устало переставляя ноги в тяжелых валенках. Алеша недвижно стоял и смотрел ей вслед. Маша давно ушла, а он все стоял и стоял.

Захлопали двери, — прибыла новая колонна.

Буфетчик крикнул:

— Соловьев! Можно забирать ящики!

Алеша вздрогнул, как бы очнувшись, подошел к буфету, взвалил на спину ящики и двинулся к выходу.

Бойцы наскоро закусывали, переговаривались, шутили.

Кто-то из них окликнул Алешу, подшучивая:

— Трудно, друг?

— А все веселей, чем патроны таскать! — подхватил другой.

— Главное, безопасней, — подтвердил третий.

Но Алеша ничего не слышал.

Маша стаскивала с себя полушубок. Над столовой помещалось нечто вроде гостиницы для комсостава. В большой комнате стояло много коек: люди, не раздеваясь, спали, накрывшись полушубками.

Маша села на койку и сказала санитару, который возился в своем вещевом мешке:

— Федор Семенович!

— Я?

— Когда завтра едем?

— Часов в восемь поедем...

— Я вдруг устала, ой, как устала, — пробормотала Маша.

Она начала стягивать валенки, и вдруг неожиданно слеза скатилась у нее по щеке.

— Ты что? — в недоумении спросил Федор Семенович.

Маша стянула валенок, кинула его на пол и утерла слезу ладонью.

— Да так... ерунда...

— Ты не юли, в чем дело? — допытывался Федор Семенович.

— Да вот встретила я тут одного парня, — нехотя сказала Маша.

— Ну и что?

— Ну, ничего... Очень хотелось встретиться, а когда встретились, то и говорить было не о чем.

— Вот как?

Маша сняла второй валенок, помолчала и вдруг добавила:

— Мне говорили, Федор Семенович, что он на фронте, а он здесь в тылу, в столовой шофером служит.

— Ну и что же? — спросил Федор Семенович.—Ничего в этом плохого нет. Дело полезное. Не всем из

пулемета стрелять, надо кому-нибудь и в тылу. Без щей, брат, тоже не повоюешь...

— Да, да, — сказала Маша, — да, да, это так...

Она легла на постель, укрылась полушубком, съежилась. Помолчала.

— Ах, Федор Семенович, Федор Семенович! — сказала она вдруг. — Вот когда любишь человека, хочется, чтобы он был какой-то особенный, необыкновенный... Любила я этого парня, ох, как любила! И все мечтала, что он будет лучше всех, первый во всем... А он...

— Эх, ты! — протянул Федор Семенович. — Милая! Да мало о чем девчонки мечтают!.. Люди в мечтах-то одни, а на деле-то вовсе другие... Ну, спи, спи... Если все будут первыми, кто же вторыми-то будет?

Он постоял некоторое время и вышел.

Алеша сложил ящики в машину, вернулся. В дверях тамбура ему встретился Поленцев. Вокруг никого не было.

Увидев Алешу, Поленцев жестом остановил его.

— Алешка! Видал?

— Что?

Поленцев захохотал и ткнул его пальцем в бок.

— Учительша твоя тут... Помереть на месте! В полушубке, в штанах...

— Ну и что?

— Уж и так хороша, а сейчас... Идем, дурак, обхохочешься!

— Пойди к черту!

— Ого! — сказал, издеваясь, Поленцев. — Видать, еще щиплет. Ты бы к ней зашел. Она бы с тобой, по старой памяти, географией занялась!

У Алеши до хруста стиснулись челюсти и оборвалось дыхание. Он схватил Поленцева за воротник и оттолкнул его. Поленцев отлетел в сторону, ударился о дверь. Дверь с треском распахнулась. Поленцев ввалился в помещение столовой и упал к ногам бойцов, сидевших за столом. Те вскочили.

— Ты что? Что с тобой?

— А черт его знает, — сказал, подымаясь, отряхиваясь и злобно глядя на дверь, Поленцев. — Темно там. Оступился.

Алеша пересекал улицу, лавируя между стоявшими машинами. Он вошел в здание, на дверях которого висела табличка: «Комендант». И вот, торопясь, он уже вышел из этого здания.

Санитар Федор Семенович, закутавшись, дремал на площадке второго этажа. Снизу по лестнице взбежал запыхавшийся Алеша. Приоткрыл дверь общежития.

— Вам кого? — встрепенулся Федор Семенович.

— Где здесь Маша Степанова? — сказал Алеша.

— Тсс... Тише ты! Маша спит.

Алеша пробормотал:

— Мне обязательно нужно сказать ей...

— Человек две ночи не спал! — хмуро сказал Федор Семенович. — Понятно тебе? — И заключил: — Человек спит.

Алеша повернулся и быстро сбежал с лестницы.

Внизу, в столовой, по-прежнему толпился народ. Алеша сел за стол, отодвинул стоявшие на столе тарелки с ножами и вилками, вырвал из записной книжки несколько листков бумаги и стал быстро писать.

Вот он кончил писать, сложил листки, надписал: «М. Степановой», взбежал по лестнице и, увидев, что Федор Семенович уже и сам спит, безнадежно махнул рукой, снова начал спускаться, нашел по дороге в стене гвоздь и прикрепил к нему письмо.

Светало. Ночь уже была на исходе. Мимо домов, разрушенных бомбардировкой, с сохранившимися вывесками по-прежнему шли и шли воинские колонны.

Раздался стук в дверь.

— Маша! Вставай! Пора ехать!

Маша открыла глаза, сразу вскочила и по привычке, еще в полусне, начала одеваться. Вошел санитар Федор Семенович в полушубке, видимо, только что с мороза:

— Шевелись, Маша!.. Половина восьмого.

Она быстро застегивала пуговицы полушубка. Сказала:

— Минутку, Федор Семенович! Мне еще надо повидать тут одного человека.

Федор Семенович откликнулся, дыша на ладони:

— Приходил этот твой человек. Да не пустил я его. Ты спала...

— Приходил? Где же он?

— Где? — сказал Федор Семенович. — Небось мешки грузит.

Маша посмотрела на него и вдруг побежала вниз по лестнице. Она подбежала к буфету, протолкавшись между бойцами, которые вновь заполнили столовую, и спросила, обращаясь к буфетчику:

— Товарищ... Тут у вас в столовой шофер... Алексей Соловьев... Где его повидать?

В это время ее окликнул человек в шоферской куртке.

— Вам кого? Соловьева?

— Да, да...

— Он на фронт ушел.

— Как на фронт?—вымолвила изумленная Маша.— Когда?

— Этой ночью ушел.

— Но как же так... вдруг?..

— Чего вдруг? — недружелюбно отрезал шофер. — Сказался начальнику и уехал. Это в тыл трудно, а на передовые нетрудно... Враз!

Очень волнуясь, она подошла к нему и переспросила:

— Вы это точно знаете, товарищ?

— Ну как же... Сам провожал его... На попутке уехал в Зерновку.

Он отошел, а Маша еще долго стояла в оцепенении.

Вечер. В столовой военторга горели лампы. По лестнице спускался красноармеец. В руках он держал письмо, которое Алеша написал Маше. Красноармеец прочел адрес, остановился на лестнице и крикнул вниз:

— Степанов — есть тут такой?..

Внизу умолк шум. Чей-то голос переспросил:

— Кого?

— Есть тут Степанов? Письмо ему.

— Я — Степанов, — приподнялся какой-то боец.

— Как звать?

— Михаил.

— Тебе письмо... Держи!

Красноармеец Степанов взял письмо, подсел к свету, посмотрел на адрес, на дату и сказал:

— Второе марта... Одиннадцать дней гуляет...

Расправил листочки, стал читать. И вдруг рассмеялся:

— Это не мне!.. Это какой-то Маше. И не Степанову, а Степановой.

— Покажи-ка! — сказал кто-то.

Взял письмо, посмотрел.

— Верно, Маше...

И прочел:

— «Дорогая Маша!..»

Все засмеялись.

— Читай дальше!

— Как же читать... Чужое письмо... неловко...

И сложил письмо. Тогда письмо взял третий красноармеец, более пожилой. Вид у него был степенный, рассудительный. Он спокойно сказал:

— Чудаки! Может, здесь что-нибудь важное. Вон оно одиннадцать дней валяется. Чего же тут стесняться— фронт. Может, ее кто увидит — расскажет...

И он начал читать:

«Дорогая Маша! Я сейчас уезжаю. Много месяцев я хотел тебя встретить и когда наконец вчера встретил, то растерялся и не знал, что сказать... Маша! Мне стыдно вспоминать тот вечер, когда мы с тобой расстались Да и не хочу вспоминать. Я вел себя позорно, как мальчишка. Я струсил и больше не пришел к тебе, а потом решил бросить все, уехать и позабыть тебя...».

Все внимательно слушали. Красноармеец продолжал, повторяя некоторые слова, с трудом разбирая почерк.

«...Но видно, в жизни так не бывает. Когда я остался один, я вдруг понял, что не могу жить без тебя, что я люблю тебя. Люблю всем сердцем, всей душой. На всю жизнь. Вот и все. Я видел вчера, что тебе за меня было стыдно. Клянусь, что больше никогда в жизни тебе не будет за меня стыдно.

Алексей Соловьев».

Бойцы сидели притихшие, молчаливые. Читавший все еще держал в руках письмо.

Кто-то сказал:

— Да!.. Надо, брат, все-таки эту Машу найти!

Грохот разрыва. Ночь. В эту ночь началось наступление. Гул орудий превратился в сплошной рев. В этом оглушительном грохоте выделялись отдельные взрывы фантастической силы.

Озаряемая вспышками разрывов и заревом отдаленных пожаров, по снежному полю ползла пехота. Впереди, взламывая снежный наст, вздымаясь и ныряя, шли танки. Повисла сброшенная с самолета осветительная ракета и озарила ночное поле, людей, припавших к земле и неуклонно ползущих вперед.

Среди бойцов этой группы полз и Алеша Соловьев.

Ракета погасла, и снова все окуталось мраком.

Люди ползли. Сжимая в руке винтовку, утопая в снегу, обливаясь потом, продвигался вперед и Алеша. Он, как и все, делал короткие перебежки и снова падал в снег.

Вражеская артиллерия и пулемет били по наступающим. Снаряды ложились неподалеку, вздымая гигантские белые столбы. Но Алеша, как и все, продвигался вперед. Вот бойцы достигли какой-то возвышенности. Отсюда стал виден пылающий город — цель наступления. Черный дым терялся в ночном небе. Разламывая здания, рвались бомбы, сбрасываемые с самолетов.

Приближался решительный момент наступления. Рев орудий достиг своей наивысшей точки. Снаряды ложились сплошным барьером. Но люди ползли, полз и Алеша. Раздавались короткие слова команды:

— Ложись! Вперед!

— Ложись! — передал Алеше сосед.

Оба припали к земле. Оба вытерли с лица пот и стали жадно глотать снег. Сосед спросил:

— Как дела, друг? Вспотел?

— Вспотел.

— Не боязно?

— Боязно, — сказал Алеша.

— Вперед! — донеслась команда.

И снова они ползли.

Начинался рассвет. Теперь они ползли в зоне разбитых вражеских укреплений: мимо прорванных, скрученных в фантастический клубок проволочных заграждений, выломанных бетонных глыб укрепленных точек;

они карабкались, проваливались в воронки, в противотанковые рвы.

И вдруг, как сигнал к последней атаке, вдали едва слышно прозвучало:

— Вперед!

В тумане рассвета снежное поле как бы ожило: бойцы поднялись в атаку.

Стиснув винтовку в руках, перепрыгивая через окопы, через брошенные пулеметы, через тела убитых врагов, бежал Алеша.

Вдруг он пошатнулся. Винтовка выпала из его рук. Он тяжело соскользнул на землю. Поднялся. Поднял винтовку левой рукой, сделал несколько шагов, упал. Поднялся. Прислонился к дереву, изо всей силы стиснул винтовку левым локтем, правая рука была безжизненна, и вновь побежал вперед.

Доносилось далекое «ура». Атакующие ряды исчезли в дыму. Это было море дыма. Клубясь, он тяжело поднимался в небо, озаренный лучами восходящего солнца.

По размытой весенней дороге двигались на грузовиках бойцы. Они, видимо, только что покинули передовые позиции. Бойцы были еще небритые, утомленные, некоторые — в разорванных полушубках, мокрых от весенних дождей. Машины шли, разбрызгивая весенние лужи.

На одном из перекрестков остановились машины санитарной службы, пропуская вперед войска. Врачи, санитары, военфельдшеры стояли возле своих крытых машин, глядя на проходившие колонны.

Маша вместе с остальными стояла на подножке знакомого нам порыжевшего от весенней грязи «газика» и, улыбаясь, смотрела на бойцов.

И санитар Федор Семенович, который, казалось, знал наименование всех частей, кричал, как бы принимая парад:

— Славной пехоте — ура!

— Ура! — неслось ему в ответ.

— Минометчикам — ура!..

Все смеялись. Смеялась и Маша.

— Пулеметчикам!

— Маша! Маша! — раздался внезапный крик.

Маша вздрогнула от неожиданности, обернулась, поискала глазами кричавшего и вдруг увидела, как с одного из грузовиков спрыгнул боец и, спеша, перепрыгивая через лужи, побежал к ней.

Это был Алеша. С секунду она стояла неподвижно, затем бросилась к нему навстречу, также прыгая через лужи. И вдруг, поскользнувшись, с размаху, смешно шлепнулась в талый снег.

Алеша подбежал к ней. Маша, хохоча, старалась встать. Алеша поднял ее и прижал к себе — мокрую, счастливую. Она продолжала смеяться, потом чуть отстранилась, посмотрела на него. Он был небритый, худой, с правой рукой на перевязи.

— Ты ранен? — спросила она с испугом.

Не отвечая, он глядел на нее, радостный, взволнованный. Потом сказал:

— Маша! Смотри! Ты совсем мокрая!

И, наклонившись над ней, стал торопливо счищать рукавом талый снег с ее плеч. Она подняла голову и вдруг, внезапно, неожиданно для них самих, они поцеловались. Но вот она отстранилась и невольно прижала ладони к щекам. Он поймал ее руку.

— Машенька!

Раздался далекий крик:

— Тронулись!

Алеша оглянулся на движущуюся колонну и, уже торопясь, взволнованно заговорил:

— Машенька! Ты получила мое письмо?..

— Нет... Мне его рассказали, — ответила она, смеясь.

— Как рассказали? Кто?

Двинулась и санитарная колонна, и Федор Семенович кричал:

— Машу-у-у! Поехали!

Они спешили в разные стороны, к своим машинам. Торопясь, Маша крикнула:

— Мне один боец рассказал!.. Незнакомый.

— Ну и как же? Маша!

— Алеша! Нам нужно увидеться! Когда война кончится.

Далекий крик:

— Соловьев!

Он побежал и, оглядываясь, на ходу кричал:

— Маша! Мы встретимся!? Слышишь! Мы встретимся?..

Маша подбежала к своему «газику». Санитарный отряд пересекал линию двигавшихся по дороге машин. На секунду создалась пробка — чья-то машина забуксовала; всего лишь несколько грузовиков отделяли Машу от Алеши. Алеша что-то кричал ей, стоя на грузовике, отчаянно жестикулируя, но грохот моторов заглушал его слова. Маша разводила руками, показывая ему, что ничего не слышит. Тогда он выхватил из кармана блокнот, написал на нем несколько слов, и белый листок бумаги из рук в руки, из грузовика на грузовик поплыл к Маше. Маша развернула записку и прочла:

— «Маша! Как хочешь, а жить без тебя я не могу».

Это «не могу» было подчеркнуто несколько раз. Стояло пять восклицательных знаков.

Маша засмеялась, высунулась из «газика» и сказала тому, кто вручил ей записку:

— Передайте ему: и я тоже...

И снова по грузовикам, наклоняясь друг к другу, бойцы весело передавали:

— «И я тоже»... «И я тоже»... «И я тоже»...

Последний, сидевший рядом с Алешей, получив эту словесную эстафету, повернулся к нему. Это был курносый, небритый смешной паренек. Он недоуменно пожал плечами и деловито-хмуро, басом сказал:

— «И я тоже»...

Алеша в восторге обнял его и крепко поцеловал. А паренек отбивался под общий хохот.

Грузовики между тем уплывали все дальше и дальше и скрылись наконец за перелеском.

ЖЕНА

Товар имеет стоимость. Почему? Ну, это легко понять. Что такое товар? Товар это кристаллизация общественного труда. Так? Так... Комната студенческого общежития. За столом, уткнувшись в книги, конспекты, делая пометки в тетрадях, сидят студенты и студентки. Одна из девушек объясняет вслух. Звать эту девушку Наташа. Она невысокая, миловидная, с живыми, ясными глазами. Вокруг головы косички с вплетенными в них синими ленточками.

Наташа *(продолжает)*. Значит, от чего зависит стоимость товара? Да ясно же — от количества труда, необходимого для его производства. Это тоже понятно. Дальше...

...Девушка лет двадцати Рая, стремглав бежит по коридору общежития. Вбегает в ту комнату, где занимается Наташа и другие.

Рая. Наташа, что сказал Маркс о промышленной прибыли?.. *(Садится, схватившись за голову.)* Завалюсь я по этой политэкономии, помните меня! *(Встает, смотрится в зеркало.)* Подумать — три дня назад намазалась ночным кремом и до сих пор шелушусь...

Раздаются нетерпеливые возгласы. Один из студентов, Вася, говорит:

— Рая, уйди, не мешай!

Другая студентка, Лиза, подхватывает:

— Вечно ворвешься, запутаешь! Надо же быть хоть немножко дисциплинированной. Уважай чужой труд.

Н а т а ш а *(примирительно)*. Ну погодите, не гоните... Раечка, что тебе?

Р а я. Ой, Наталка, я о промышленной прибыли. Что там о ней сказал Маркс?

Н а т а ш а. Маркс сказал, Раечка, что рента, процент и промышленная прибыль капиталистов представляют собой лишь различные названия неоплаченного рабочего труда, то есть фактически являются ценностями, украденными у рабочего.

Р а я *(в недоумении)*. Так я же это отлично знаю! Я думала, что он еще что-нибудь сказал. *(Оживленно.)* Ужас в том, что я никогда точно не знаю, что я знаю и чего не знаю.

Л и з а *(свирепо)*. Рая!

Р а я. Ухожу, ухожу!..

Убегает. Наташа проводит ладонью по туго причесанным волосам и снова начинает объяснять:

— Значит, стоимость товара зависит от количества труда, необходимого для его производства. Это производство...

Под ее голос аппарат наплывает на окно, выходит за пределы здания, на просторы. Голосок Наташи сливается с другими молодыми голосами, повторяющими цитаты, математические формулы, отрывки конспектов.

И мы видим весну: широкую Волгу, весну в садах и на крутых приречных холмах, весну в лесах, мимо которых плывут буксиры с баржами и плоты, весну в голубом высоком прозрачном небе.

Цветут по-весеннему деревья в городском саду, где на скамейках сидят студенты с учебниками; весенние липы качаются под окнами студенческой столовой, где завтракают студенты, склонившись над тетрадями.

Время экзаменов, время весны!

Красивая молодая девушка быстро бежит по лестнице общежития, входит в комнату, где занимается Наташа с друзьями.

Н а т а ш а. Наконец-то!.. Лиля, садись!

Лиля *(возбужденно)*. Я сегодня заниматься не буду. Мальчики, отвернитесь, я буду переодеваться.

Наташа *(очень удивлена)*. Как так не будешь заниматься?

Лиля. Брат Петя приехал со стройки с одним знакомым инженером. *(Уходит за шкаф, открывает его дверцу, загораживаясь ею.)* Мальчики, не смотрите.

Парни садятся к ней спиной, она переодевается за шкафом. Пока она это делает, идет следующий разговор:

Наташа. Лилечка, но как же так? Ты ведь совершенно не знаешь воспроизводства капитала.

Лиля. Авось не спросят.

Высокий худощавый студент Костя прерывает ее:

— А по-твоему, если не спросят, так и не надо знать?

Лиля. А зачем?

Лиза. Ты все-таки собираешься быть педагогом?

Лиля. Наташа, скажи им, чтобы они отвязались.

Наташа *(примирительно)*. Не надо ссориться, товарищи. Костя, сядь! Значит, на чем мы остановились? Мы остановились на том что Маркс приводит в пример английского ткача. Допустим, дневной заработок ткача равняется...

По лестнице общежития поднимается брат Лили Петр и с ним его друг инженер Сергей Ромашко.

Они входят в коридор общежития. В это время в противоположной стороне коридора бежит Рая. Увидев Петра и Сергея, она ахает и застывает на месте.

Рая. Петя!

Петр. Раиса! *(Пытается заключить ее в объятия, та отбивается.)* Сережа, это Раиса.

Сергей *(официально)*. Инженер Ромашко.

Рая *(оранжевая от смущения)*. Ох!.. Идемте, идемте... *(Хватается руками за щеки.)* Простите, я тут намазалась ночным кремом... И теперь шелушусь... *(Открывает двери в комнату.)* Лиля, к тебе Петя приехал.

Петр просовывает голову в дверь и кричит:

— Батарея! По политэкономии, дистанция сто сорок шесть, шрапнелью... о-о-огонь! *(Входит в комнату.)* Здорово, орлы! Лилька здесь?

Лиля *(из-за дверцы шкафа)*. Здесь... Я сейчас.

Все встречают Петра как старого знакомого:

— Петруша!

— У-у, потолстел!

Петя, обнимаясь со всеми, кричит за дверь Сергею:

— Заходи, Сергей.

Сергей входит. Петр знакомит его:

— Знакомься, это Лилькин курс... А это — Сергей Ромашко, мой друг и начальство. Вместе работаем, тоже инженер.

Сергей радушно жмет каждому руку: студенты называют свои имена. Он каждому повторяет свою фамилию:

— Вася.

— Ромашко.

— Лиза.

— Ромашко.

— Костя.

— Ромашко.

— Ромашко,— сказал он, подойдя к Наташе, и протянул руку.

Она сидела, углубившись в чтение, не замечая протянутой руки. Он сказал:

— А вы не хотите со мной знакомиться?

Наташа испуганно вскинула на него глаза, смутилась и, чуть привстав, протянула руку:

— Наташа.

Из-за шкафа появляется Лиля, такая прибранная и красивая, что все, даже свои, с восхищением смотрят на нее.

Петр. Богиня! Ты посмотри, Сергей, сколько лошадиных сил вложено только в одну прическу. И все для тебя.

Лиля. Пошли, мальчики.

Лиля, Петр, Сергей идут к дверям. Вдруг Сергей останавливается. Нерешительно оглядев всех и задержавшись взглядом на Наташе, говорит:

— Товарищи, а почему бы и вам к нам не присоединиться?

Предложение столь неожиданно, что наступает недоуменное молчание.

Лиля. Кому присоединиться?

Сергей. Да вот всем. Немножко проветриться.

П е т р *(вдохновенно)*. А верно, братцы! Двинулись? Поедем на остров, выкупаемся, костры разожжем...

Студенты озадаченно переглядываются.

Костя, потягиваясь, не очень решительно говорит:

— А что, ребята? Может, действительно?

Р а я. Ой, товарищи! Ну как хочется! Хоть на часок... Хоть на полчасика...

П е т р *(с энтузиазмом)*. Вот Раечка молодец! А, ребята?

Л и з а *(с сомнением)*. Но ведь завтра экзамен. Как ты, Наташа?

Р а я. Наташенька, милая, ну для меня!

Н а т а ш а. Нет, Раечка, я не поеду.

Л и з а *(решительно)*. Если Наталка нет — тогда и я нет.

В а с я. Если Лиза не едет, тогда и я.

П е т р *(Наташе)*. Ну, Наташа, ну, ангел, ну, друг... Хочешь я на колени встану? *(Встает на колени.)* Сережа, проси ее!

С е р г е й. Поедем, Наташа.

Он смотрит на нее, и в его глазах застенчивость, и теплота, и какая-то странная одновременно робкая и настойчивая просьба.

Удивленная и смущенная этим взглядом, Наташа отводит глаза.

— Ну, я не знаю... Костя, как?

К о с т я. Ну поедем.

И вдруг все разом меняется в Наташе. Будто в миг слетела с нее, как облако, озабоченность завтрашними экзаменами, положительность и серьезность отличницы. Перед нами веселая, задорная девушка, которая вся так и горит в предвкушении удовольствия от речной прогулки. Жесты ее быстры, глазенки так и сверкают. Она командует звонким, радостным голоском:

— Девчонки, тащите стаканы! Берите тарелки, какие есть! Рая, возьми графин! Лиза,— скатерть!

В дверях появляются студенты из других комнат с конспектами в руках — Миша, Варя, Катя, Соня. Несколько обалдевшие от усиленных занятий науками, они удивленно глядят на происходящее.

Н а т а ш а *(обращается к ним)*. Товарищи, едем с нами на Волгу! *(Косте.)* Снимай одеяло — на землю стелить.

Петр *(вдохновенно)*. По лодкам!

Над широким волжским простором звучит веселый перебор двух гитар. Это два студента, уместившись рядышком на носу лодки, лихо перебирают струны. Теперь мы видим, что лодка не одна — их три-четыре. Две из них плывут близко друг от друга, здесь шум и хохот: оказывается, что Рая с Наташей *(они сидят в разных лодках)* затеяли игру — плещут водой друг в друга. С них ручьями стекает вода, но в азарте они даже не замечают этого. Костя пытается усадить Наташу:

— Перестань, ты же совершенно мокрая!

Но с Наташей не так легко справиться. На этот раз она обдает водой уже не только Раю, но заодно и всех, кто сидит в той лодке, в том числе и Сергея. Визг, хохот.

Сергей *(смеясь)*. Наташа, перелезайте к нам!

Он протягивает ей руки, она уже готова перескочить в их лодку, но Костя решительно и сердито говорит:

— Наташа, сядь!

Она смешно изображает на своем лице испуг и покорность и садится на скамейку, подобрав платье, как примерная девочка. Это опять вызывает взрыв веселого смеха. Костя резким толчком отводит лодку. Сергей так и остается с протянутыми руками.

...Остров среди Волги. Студенты разожгли костер и состязаются в прыжках через высоко поднимающееся к соснам пламя. Вот прыгнул Вася, за ним Миша. Затем, потешно растопырив руки, прыгнул Петр. Внезапно, вынырнув откуда-то из-за сосны, устремляется к костру Наташа и прыгает под общие испуганные возгласы. Маленькая ее фигурка взлетает над пламенем и опускается по ту сторону костра. И сразу же, подобрав юбку, с отчаянным выражением решившегося на все человека прыгает вслед за ней Рая. Не удержавшись после прыжка, она падает на Наташу, и обе валятся на землю. Они сидят на земле и смеются до слез.

Подбегает Вася, тащит Наташу:

— Наталка, идем петь! Без тебя ничего не выходит.

Наташа бежит за ним. Действительно, импровизированный хор не очень ладно исполняет куплет веселой

частушки. Наташа с ходу подхватывает. Кончается куплет, и сразу все начинают просить:

— Наташа, спой про холмы.

Наташа. Ну зачем про холмы? Это же грустная.

Катя. И что ж, что грустная. Спой, Наталка.

Наташа. Давайте лучше хором.

Вася. Нет, нет, про холмы. Сережа, попросите ее. Она чудесно поет про холмы.

Сергей *(посмотрев на Наташу и усмехнувшись)*. Может быть, лучше действовать через товарища Костю?

Наташа бросает на него быстрый взгляд, пожимает плечами, садится возле Васи и, обхватив колени руками, вдруг начинает петь. Не силен ее голосок, но так звонок и мелодичен, что сразу наступает тишина. Негромко звучит песня, и столько в ней силы и чувства, что кажется, сама ночь слушает ее притаившись. Сергей, очарованный этим пением, подходит ближе. Продолжая петь, Наташа обводит всех взглядом. Вот встречается она с глазами Сергея и невольно задерживает свой взор на нем. Что-то нежное, ласковое и восхищенное в его взгляде, какая-то мягкость и робость, столь удивительные в этом большом, решительном, уверенном в себе человеке. Наташа с трудом отводит глаза, но почти тотчас же снова переводит их на Сергея. На миг отворачивается. И, хотя понимает, что смотреть не надо, все же опять встречается глазами с Сергеем.

Вдруг обрывает песню и говорит:

— Ну, довольно!

Ее уговаривают, просят. Со всех сторон слышится:

— Наташа! Еще! Родненькая!

Но она твердо говорит:

— Нет!..

И кричит весело:

— Картошка готова. Ужинать!

Все гурьбой направляются туда, где на земле разостлана скатерть. Костя чуть оттягивает Наташу в сторону.

— Почему ты на него так смотрела?

— На кого?

— Не притворяйся. На этого инженера. Я видел все. Ты на меня никогда так не смотрела. Никогда!

— Вот чепуха, — говорит Наташа. — Что за глупости!

Она бежит за всеми, а Костя остается стоять.

Смеясь, оживленно переговариваясь, все рассаживаются вокруг скатерти. Петр разливает вино. Наташа выхватывает из пылающих углей одну картофелину за другой и бросает их студентам. Те ловят на лету, но картошка настолько горяча, что ее невозможно удержать в руке, и они перебрасывают ее другим студентам, те — третьим, эти — снова Наташе и т. д. А Наташа все вынимает и вынимает из костра картофелины и, смеясь, бросает их. Вот она бросает картошку Сергею, и тот ловко ловит ее на вилку.

Лиля *(недовольна вниманием Сергея к Наташе)*. Сережа, идите сюда... Садитесь. Дайте мне мою сумочку.

Усаживает его рядом с собой и берет у него сумочку.

Петр *(поднимается со стаканом в руке)*. Значит, за что мы выпьем, товарищи?

Рая *(перебивая, кричит)*. Лизочка! Вася! Идите картошку есть.

Петр. Не мешай им. Они опять обсуждают вопрос, где им поставить шифоньер, когда они поженятся.

Лиля. Вот уж занудная будет пара. За пять лет ни разу не ссорились. Скучища!

Рая *(хохоча)*. Ну и Лилька!

Лиля. И вообще, по-моему, мужья — это скучнейшая материя.

Смех.

Сергей. Почему? Вот я уверен, что товарищ Костя, например, будет очень веселым мужем. Как вы считаете, Наташа?

Наташа *(удивленно)*. Не понимаю, почему вы меня об этом спрашиваете?

Рая *(спохватившись)*. А где Костя, товарищи? *(Кричит.)* Костя!

По берегу реки ходит в угрюмом одиночестве Костя, громко насвистывая какую-то мрачную мелодию.

Выбегает на берег Рая.

— Костя, где ты тут? Иди есть картошку.

Костя *(угрюмо насвистывая)*. Спасибо, я сыт по горло.

Рая. Не глупи. Тогда иди хоть выпей вина.

Костя решительным шагом направляется к костру, садится вдали от Наташи, берет стакан вина и выпивает залпом.

Н а т а ш а *(издали)*. Костя, зачем ты столько пьешь?

К о с т я *(насмешливо)*. Боже мой, какие заботы!.. Налейте еще!

Пьет. Наташа пожимает плечами и отворачивается.

П е т р *(поднимается)*. Ну, братцы, а теперь за вашу политэкономию! Чтоб вам всем завтра провалиться в тартарары.

Р а я *(в ужасе)*. Типун тебе на язык! *(Хватается за голову.)* Ой, Наташка! Что сказал Маркс о прибыли?

С е р г е й *(с легким оттенком иронии)*. Наташа, а вы, я вижу, все знаете?

Н а т а ш а. Знаю.

С е р г е й. Надо будет проверить.

Н а т а ш а. Пожалуйста. Но как вы это сделаете?

С е р г е й. Приду завтра к вам на экзамен и проверю.

Н а т а ш а *(улыбаясь)*. А!.. Я думала, вы серьезно.

К о с т я *(вызывающе)*. Это он острит, смейтесь!.. Ха-ха-ха!

С е р г е й *(не обратив на Костю внимания, спокойно)*. А я серьезно. Хотите пари, что приду на экзамен?

Встает. Идет к ней.

Н а т а ш а *(задорно)*. Пари? Хорошо. Пожалуйста. Давайте. Но только смотрите...

Л и л я *(со своего места)*. Сережа, перестаньте дурить! Идите сюда.

Сережа берет Наташину руку.

— Значит, пари?

Л и л я. Сережа!

К о с т я. Не мешай, Лиля! Самый острый момент. Музыка, туш!

Наташа смеется. Потом переводит взгляд на Лилю, на Костю, и вдруг оживление слетает с ее лица. Она легко поднимается с колен и сухо говорит:

— Ну, ладно... А теперь домой!

Со всех сторон голоса:

— Что это ты вдруг?

— Наташка, ведь так чудесно!

Р а я *(умоляюще)*. Наташечка, душенька!..

Н а т а ш а. Нет, нет, поздно... Мне пора домой.

Сергей. Я отвезу вас.

Костя *(встает)*. Я отвезу!

Кто-то разочарованно:

— Вот теперь все вскочили, все едут.

Наташа *(ледяным тоном, Сергею)*. Пожалуйста, не трудитесь, вам совсем незачем меня провожать. Меня отвезет Костя.

Лиля. Сережа! Что это за выходки?

Сергей. Товарищи, я отвезу Наташу и вернусь за вами.

Петр *(с рюмкой в руке)*. Лиля, сядь! Начальство лучше знает, что ему делать.

Лиля *(раздраженно)*. Лиза! Вася!.. Мы едем!

Но Лиза и Вася даже не откликаются. Они сидят на берегу темной реки и оживленно о чем-то разговаривают.

Темная ночная река. Далекие огни города и большой пристани на том берегу. В лодке, пересекающей Волгу, — Сергей, Наташа и Костя.

За веслами — Костя, за рулем — Наташа, на носу — Сергей. Таким образом, Костя сидит между Сергеем и Наташей и часто заслоняет то Наташу от Сергея, то Сергея от Наташи. Костя возбужден, чуть навеселе, гребет неровно, летят брызги, обдавая сидящих в лодке.

Наташа *(Косте)*. Ты напрасно сел за весла.

Костя. А ты напрасно волнуешься. Я абсолютно трезв.

Наташа. Допустим... *(Молчание.)* Сережа, что это там, далеко, наверху? Звезда или огонек?

Сергей. Звезда.

Костя *(даже не обернувшись и не взглянув)*. Обыкновенный огонек.

Сергей. Звезда. *(Наташе.)* Вы давно живете в этом городе?

Костя. Давно. Это обыкновенный огонек.

Молчание.

Сергей. Вы живете в общежитии?

Костя. Да, она живет в общежитии. Ну и что?

Наташа. Костя, глупо!.. *(Сергею.)* Отец мой работает токарем, недалеко от города, на заводе, а я живу здесь, в Приволжске.

Сергей. Вы единственная дочь?

Костя *(опять опередив Наташу)*. Нет, я не единственная дочь. Ну и что?

Наташа смеется.

Сергей. Слушайте, Костя. Вы хорошо плаваете?

Костя. А что?

Наташа. Он превосходно плавает.

Сергей. Хотите наперегонки? До берега?

Костя. Наперегонки? Пожалуйста.

Наташа. Что за глупости! Ни с того, ни с сего, ночью.

Костя *(в азарте)*. Нет, почему? Пожалуйста. Давайте!

Сергей и Костя сбрасывают рубахи.

Наташа. Что за глупости! Вдруг, ночью.

Костя. Нет, почему? Перегонки, так перегонки. Пожалуйста.

Он сбрасывает с себя брюки и остается в одних трусах.

Сергей *(начинает считать)*. Раз... два...

Наташа. Сережа, не надо!.. Я вас прошу! Костя!

Сергей. Три!..

Костя ныряет, уйдя в воду с головой. Сергей остается в лодке, и как ни в чем не бывало надевает рубаху.

Наташа. Костя! Назад! *(Сергею.)* Это глупые шутки. Костя!

Но Костя ничего не слышит. Изо всех сил, отдуваясь, разбрызгивая воду, сажонками, плывет он к берегу.

Наташа. Костя! Костя!

Сергей *(спокойно)*. Оставьте его, он отлично плавает.

Наташа. Гребите к берегу!

Сергей пересаживается на место Кости, поворачивает лодку по течению и перестает грести.

Сергей. Вы можете пять минут не думать о Косте?.. Здесь всего-то сто метров до берега.

Наташа *(гневно)*. Зачем вы это сделали?

Сергей. Просто мне захотелось побыть с вами вдвоем. Что здесь плохого?

Наташа. Это совершенно ни к чему!

Она строго смотрит на него, но тут же, смутившись, отворачивается. Поболтав веслом по воде, он просит:

— Расскажите мне что-нибудь о себе.

Она сурова.

— Зачем?

— Ну расскажите. Я хочу все о вас знать.

— Нет!.. И вообще все это ни к чему. Гребите к берегу!

На пустынный берег, отряхиваясь, вылезает Костя. Он синий от холода. Стуча зубами, торжествующе оглядывает окрестность. Сергея нет — очевидно, что Костя победил в этом импровизированном ночном матче. Костя бегает по берегу и взывает:

— Сережа!.. Сергей!.. Товарищ Ромашко!..

Снова лодка. Весла по-прежнему лежат на воде.

Сергей. И вы действительно так уж хотите стать учительницей?

Наташа (*ледяным голосом*). Да.

Сергей. Вы любите ребят?

Наташа. Да.

Сергей. Ну что ж, занятие, конечно, тоже почтенное. Только ведь научить человека читать, считать, доказывать теоремы не так уж трудно. В общем, профессия... как бы это сказать... не символ эпохи.

Наташа (*задетая за живое*). Вот как! А воспитать человека, по-вашему?

Сергей. Воспитать! Чтобы воспитать человека, нужно прежде всего самому иметь чистую душу. Не прикидываться нравственным, как это частенько бывает, а действительно быть нравственным... Что вы смотрите на меня? Я бы не взялся!

Наташа и в самом деле удивленно смотрит на Сергея. Видимо, то, что он говорит, кажется ей интересным. Все же она сурово обрывает его:

— Гребите к берегу!

— Хорошо, я доставлю вас на берег, если вы мне ответите еще на один вопрос. Только правду.

И он берется за весла, поднимает их над водой, собираясь грести.

Наташа. Какой вопрос?

Сергей. Вы влюблены в Костю?

Наташа. А при чем тут это? Вам-то зачем знать?

Сергей опять опускает весла на воду, давая понять,

что лодка не тронется с места, пока он не получит ответа.

Наташа. Хорошо, пожалуйста, я отвечу: да!

Сергей. Очень?

Наташа. Да! Очень!

Сергей. Это вранье. Вы не можете быть в него влюблены. Еще, главное, «очень»!

И он сердито отворачивается.

Сергей. Вы сказали неправду, но, так и быть, я отвезу вас к вашему Косте!

И начинает сильно и ровно грести.

Аудитория Педагогического института. Идет экзамен по политэкономии. Ведет экзамен профессор. С ним рядом, за столом, сидят еще двое преподавателей: мужчина и женщина.

Отвечает Наташа. Она отвечает спокойно, уверенно, и по одобрительным улыбкам экзаменаторов видно, что отвечает хорошо.

Наташа. Капиталистический рынок знает три вида конкуренции, определяющих цену товара. Во-первых, конкуренция между продавцами. Это конкуренция, понижающая цену товара.

Экзаменатор. Так, так.

Наташа *(бойко)*. Во вторых, конкуренция между покупателями. Это конкуренция, повышающая цену товара. Предположим, на рынке тысяча кусков сукна...

В обширный вестибюль института входит Сергей. Подходит к вахтеру у вешалки.

— Где тут экзамен третьего курса по политэкономии?

— Второй этаж, направо. Вы, гражданин, откуда?

Не отвечая, Сергей неторопливо поднимается по лестнице.

Аудитория. Наташа заканчивает ответ:

— ...Но на капиталистическом рынке имеется еще конкуренция третьего рода. Конкуренция продавцов с покупателями. Их интересы противоположны...

Дверь аудитории открывается, входит Сергей. Наташа не замечает его и бойко продолжает:

— Покупатели желают возможно дешевле купить, а продавцы возможно дороже продать...

Сергей. Здравствуйте, товарищи...

Все головы обращаются к нему. Наташа при виде его столбенеет и умолкает.

Сергей спокойно, как ни в чем не бывало, подходит к столику экзаменаторов и садится.

Профессор *(Наташе)*. Так, так, продолжайте.

И, наклонившись к коллегам, шепотом спрашивает:

— Кто это?

Женщина-экзаменатор. Может быть, из горкома?

Профессор *(Наташе, которая не в силах от неожиданности прийти в себя)*. Ну-с, это вы знаете. У меня больше вопросов нет. *(Членам комиссии.)* Есть еще вопросы?

2-ой экзаменатор *(Наташе)*. Скажите-ка нам, с чем сравнивал Маркс отношения продавцов с покупателями?

Наташа пытается что-то ответить, но, встретившись взглядом с Сергеем, окончательно смущается, опускает глаза и молчит. Тягостная пауза.

Женщина-экзаменатор. Куприянова, вы же это должны знать.

Наташа молчит. Сергей испуганно смотрит сначала на Наташу, потом на экзаменаторов.

2-ой экзаменатор. Тогда такой вопрос: что такое ссудный капитал?

Наташа молчит.

2-ой экзаменатор *(не выдержав)*. Что с вами, Куприянова?

Наташа продолжает молчать.

Сергей *(стремясь прийти ей на помощь)*. Можно мне?

Профессор. Прошу вас.

Сергей *(задает знакомый Наташе вопрос)*. Скажите, что писал Маркс о промышленной прибыли?

Наташа молчит. Гнетущая тишина.

Сергей *(встает, обращаясь к экзаменаторам)*. Ну-с, прошу извинить... Не буду мешать.

Выходит, явно смущенный неожиданным эффектом, который произвело на Наташу его появление.

П р о ф е с с о р *(Наташе)*. Гмм... Так что же все-таки сказал Маркс о промышленной прибыли?

И Наташа вдруг бойко, без запинки начинает отвечать:

— Маркс сказал, что рента, процент и промышленная прибыль представляют собой лишь различные формы неоплаченного труда. Другими словами, рента, процент...

Оживленные экзаменаторы слушают Наташу, не понимая происшедшей с ней перемены.

Вестибюль института. Расстроенная и злая Наташа сходит в сопровождении Раи по лестнице. В раздевалке вахтер останавливает девушек.

— Куприянова, вам письмо.

Рая разворачивает небольшую записку и читает:

— «Политэкономию вы, вероятно, действительно знаете. Но в жизни кроме политэкономии нужны еще крепкие нервы.

Сергей.

А пари я все-таки выиграл!»

— Нет, ты подумай!

Наташа так стремительно выхватывает записку, что половина листка остается в Раиных руках. И обе в гневе рвут на клочки листок — каждая свою половинку.

Р а я. Вот уж свинья, так свинья!..

Прошло несколько дней.

Ночь. Общежитие погружено в сон. По безлюдному коридору, освещенному темноватой лампочкой, быстро идет вахтерша. Останавливается перед запертыми дверями одной из комнат. Стучит.

За дверями, в комнате, девушки приподнимаются на койках. Слышатся сонные возгласы:

— Кто там?

— Что случилось?

Голос за дверью:

— Куприянову к телефону.

Наташа чрезвычайно изумлена.

— Кого? Меня? Откуда?

Голос сторожихи. Не знаю. Просят скорей.

— О господи, может, с папой что-нибудь, — говорит Наташа, быстро накидывая на себя халатик.

Быстро-быстро бежит по лестнице. За ней — взволнованная Рая.

Телефон в студенческом общежитии, много повидавший на своем веку. Возле него на стене записи телефонных номеров. Есть и рисунки, выполненные главным образом ногтем по штукатурке. Наташа хватает телефонную трубку.

— Я слушаю. Папа, ты?.. Кто это говорит? Алло!.. Папа? *(Пауза. Наташа меняется в лице.)* А кто это? *(Она слушает и смотрит на Раю.)* Как вы смеете мне звонить после вашей дурацкой выходки! Да еще ночью!

Рая *(оживленно)*. Сережа? Клянусь, я так и знала!

Наташа. Уйди, Рая! *(В трубку.)* Я говорю — как вы смеете мне звонить!

Временное бревенчатое здание отделения связи на строительстве. Большая очередь разноликих людей стоит у переговорной будки. В будке Сергей.

Сергей *(нетерпеливо)*. Наташа, бросьте! Тут огромная очередь, а мне надо с вами серьезно поговорить.

Рая *(сгорая от любопытства)*. Ну что он говорит? Что он говорит?

Наташа *(свирепо)*. Рая, уйди!

Обиженно фыркнув, Рая отходит.

Наташа *(в трубку)*. Я слушаю. Что вы хотите сказать?

Сергей *(быстро и горячо)*. Я хочу вам сказать, что вот уже шесть дней я думаю только о вас... Я не дурю, понимаете, это очень серьезно.

Первый стоящий в очереди человек в пыльнике, с брезентовым портфелем, заинтересовавшись столь необычным монологом, наклоняет голову поближе к две-

рям будки. Сергей отрывается от трубки, распахивает дверь и говорит ему, стиснув зубы:

— А ну, гражданин, перейдите туда, в тот угол!

И столько силы и власти в его голосе, что гражданин, опешив, испуганно пятится назад. Сергей снова кричит в трубку:

— Наташа, вы слышали, что я вам сказал?

Наташа (*после молчания*). Слышала.

Сергей. Наташенька! Слушайте! Мы обязательно должны с вами увидеться. Приезжайте сюда хотя бы на несколько дней. А? Наташа? Ну хоть на один день! Вы меня слушаете?

Наташа. Да, слушаю... Я никуда не поеду. И вообще мы здесь мешаем спать.

Сергей. Пошлите всех к дьяволу! Так вы приедете?

Наташа. Нет.

Сергей. Почему?

Наташа. У меня экзамены.

Сергей. Это гораздо важней, чем все ваши экзамены! Приезжайте в воскресенье. Запомните адрес: пристань Сараево, четвертый строительный участок.

Наташа. Я не приеду.

Сергей. Значит, запомнили адрес? Приедете утренним пароходом.

Наташа (*быстро*). Сережа, я никуда не поеду.

Сергей. Почему?

Наташа (*собравшись с силами*). Потому что это совершенно не нужно. И потом я вовсе этого не хочу.

Сергей (*яростно*). Ну хорошо! Чего же вы от меня хотите? Вы хотите, чтобы мы больше никогда не встретились? Чтобы я исчез навсегда? Этого вы хотите? Чего вы молчите? Хорошо, я брошу все и уеду к отцу на Алтай. К чертовой бабушке! Слышите?

Что-то щелкает в трубке, и голос его вдруг исчезает. Наташа стоит, дует в трубку и быстро, взволнованно говорит:

— Сережа! Да обождите, Сережа!..

Ответа нет. Наташа медленно вешает трубку на рычаг и очень медленно поднимается по лестнице. Остановилась, оглянулась на телефон, опять пошла.

Входит в комнату общежития. Когда она ложится, Лиля спрашивает:

— Ну, что тебе говорил Сергей?

Наташа взглянула на Раю. Та зашевелилась на койке и повернулась на другой бок.

Лиля *(раздраженно)*. Прости меня... но бегать по ночам к телефону... будить общежитие... Не понимаю, где твое самолюбие. Правда, Рая?

Рая *(умоляюще)*. Лиля, спи!

Лиля резко поворачивается к стене. Девушки затихают.

Далеко-далеко снова раздается телефонный звонок. Наташа привстала, насторожилась. Звонок повторяется раз за разом. Наташа поднимается с кровати.

Словно птица, летит она по лестнице. Подбегает к телефону. Поднимает трубку.

— Алло!.. Сережа!.. Сережа? *(Упавшим голосом.)* А что это?.. Кого?..

Опускает трубку и, глядя куда-то в бок, говорит вахтерше:

— Анна Ивановна, это какого-то Свиридова к телефону. Из восьмой комнаты...

Пристань Сараево. Только что причалил пассажирский пароход, и пассажиры сходят по сходням.

В толпе приехавших Наташа и Рая. Рая нерешительно обращается к работнику пристани:

— Товарищ, далеко тут четвертый строительный участок?

— Четвертый? Километров двенадцать.

Рая и Наташа переглянулись.

— Да вы выйдите на шоссе, там вас подхватят.

Мы видим Наташу и Раю в кабине самосвала, который мчится по дороге. Они прижались друг к другу — очень уж тесно. Навстречу летят машины со строительным лесом, кирпичом, с рулонами электрокабелей и проволоки. И по числу машин можно сразу определить, что тут, где-то недалеко, идет большая стройка.

Каждая машина оставляет за собой длинный шлейф пыли, и все деревья вдоль грейдера запылены и кажутся седыми.

Рая *(довольно робко)*. Товарищ шофер, а кто начальник четвертого стройучастка?

Шофер. Четвертого? Ромашко.

Молчание.

Р а я. Ну, и что он... какой?

Н а т а ш а. Рая, перестань!

Шофер посмотрел на них, а потом спросил:

— А вы кто ему будете — родственницы?

Р а я. Нет... Почему родственницы?

Ш о ф е р. На работу, что ли?

Р а я. Ага.

Н а т а ш а *(с упреком)*. Рая!

Шофер окинул их подозрительным взглядом, подумал, а потом уклончиво проговорил:

— Ромашко? Да не знаю, мы с ним не работали, а врать не хочу. Поработаете — узнаете.

Девушки идут по четвертому стройучастку. Обычная картина стройки: ворчат экскаваторы на дне огромного котлована. Портальные краны поднимают бадьи с раствором над строящимися зданиями. Работают транспортеры. Грохот такой, что надо кричать, чтобы тебя услышал собеседник.

Маленький бревенчатый домик с вывеской — «Контора четвертого участка». Девушки входят. Тут множество народу.

Подходят к счетоводу, который лихо орудует костяшками счетов.

На этот раз спрашивает Наташа:

— Инженера Ромашко можно видеть?

— Ромашко?.. Товарищи, где Ромашко?

— На участке Ромашко.

Девушки выходят и садятся на скамеечку возле конторы. Не успевают они усесться, как к ним, соскочив с вездехода, быстрыми шагами подходит какой-то человек в спецовке и кепке и еще издали начинает шуметь:

— Что же вы со мной делаете?! Ведь я вам вчера звонил? Звонил! Мы с вами договорились? Договорились. Так чего же Ромашко на меня орет?

Р а я *(испуганно)*. Мы ничего не знаем.

Ч е л о в е к *(гневно)*. Вот именно, что не знаете! На солнышке греетесь, загораете тут! Где Ромашко?

Уходит в контору.

Р а я *(плачущим голосом)*. Дикарь какой-то! И зачем ты меня сюда притащила?

С группой людей приближается, что-то горячо обсуждая, Сергей. Он проходит мимо девушек, не заметив их, и уже подходит к дверям, когда Наташа наконец окликает его:

— Сережа!

Сергей останавливается как вкопанный. От неожиданности он не может вымолвить слова. Его лицо так и засветилось радостью. Подбегает к Наташе.

— Наташа... Наташа...

А она лепечет:

— Вы знаете, Сережа... как вышло... Мы подумали и решили... Сейчас как раз есть свободный денек... Вот мы и решили... Со мной ведь Рая...

Тут только он замечает Раю, бросается к ней, подхватывает ее и начинает кружить в воздухе и целовать, приговаривая:

— Раечка! Золото вы мое! Знаю — это ведь все вы! Без вас она бы ни за что не приехала!..

Опускает Раю на землю. Качнувшись от головокружения, она самодовольно говорит:

— А что? Конечно!

Сергей. Не приехали бы, а, Наташа?

Наташа *(со смущенной улыбкой)*. Не знаю.

Сергей. Милые вы мои! Что же вы тут сидите?

Рая. А куда же нам идти! Здесь просто обалдеть можно.

Сергей *(смеясь)*. Отправлю вас сейчас к себе на квартиру.

Наташа. Мы вас стесним.

Сергей. Вы?!. Вот чепуха! Вы будете жить у меня, а я устроюсь тут, в конторе.

День на исходе. По бурому, выжженному солнцем холму, поросшему мелким кустарником и жесткой травой, быстро идут Наташа и Сергей. Они взбегают на вершину холма и останавливаются.

Далеко-далеко, насколько хватает глаз, разворачивается картина строительства. Солнце уже низко стоит над горизонтом, и его лучи озаряют машины, бегущие во все стороны, и отдельные группы строящихся зданий, раскинутых на всем протяжении степи.

Сергей. Вот теперь видно все!.. *(Увлеченно.)* Вон

там, видите, возле холма, строится четвертая домна... а там... ближе... еще ближе... теплоцентраль. А у речки, правой, правее... это коксохимический... Мощно, а?

Наташа. Да.

Сергей (*любуясь*). Красиво?

Наташа (*она подавлена и восхищена*). В первый раз я на такой стройке.

Посмотрела на его радостное, оживленное лицо и спросила:

— Любите вы свою профессию? Да?

— А разве можно выдумать что-нибудь лучше! — горячо, от всего сердца ответил он. — Тут есть куда приложить силенки. Только не так бы я все это делал!

Наташа. Как это не так?

Сергей. Не так. Есть у меня одна идея, как строить такие вещи. Когда-нибудь я это осуществлю.

Наташа. А почему не теперь?

Сергей (*усмехнувшись*). Теперь!.. Это не так-то легко и просто! Для этого, Наташенька, надо иметь власть. А что я? Пока еще маленький инженерик. Я вот полгода назад представил один проект, да и то только завтра будут его обсуждать. Это через полгода-то!.. (*Рассмеявшись.*) Ну, это материя скучная. Лучше идемте к Волге.

Но она сказала:

— Сережа, нас Рая ждет.

Сергей. Наташенька, нельзя же так жить. То Костя ждет, то Рая ждет... Ведь я вас дольше ждал. (*Шутливо.*) Я вас всю жизнь жду.

Наташа смеется.

Сергей (*серьезно*). Не смейтесь. Это совсем не смешно.

В квартире, где живет Сергей, сидит за столом Рая и уплетает пирожки, которые напекла хозяйка. Стол уставлен всяческой снедью. Кипит самовар. Рая ведет разговор с хозяином дома Сутейкиным, пожилым человеком, прорабом четвертого участка.

Рая. Чудесные пирожки!.. Это с визигой? (*Ест.*) А товарищ Ромашко давно у вас живет?

Сутейкин. Да вот уже год. С год, мать?

Жена Сутейкина (*у плиты*). Да будто с год.

Рая. Ну, и как он?

Сутейкин. Что «как»?

Рая. Как он... вообще?

Сутейкин. Что вам сказать про товарища Ромашко... Инженер он среди молодых выдающийся, это конечно.

Рая *(жене Сутейкина)*. А человек он какой?

Жена Сутейкина. Для нас хороший.

Рая *(смотрит на часы)*. Да где же это Наташа? Боже мой, как я волнуюсь!.. *(Пауза.)* Я, товарищи, еще пирожок с визигой возьму. Ничего?

Уже начинает темнеть, последние лучи заката постепенно бледнеют, становятся желтыми, потом сиреневыми. То там, то тут зажигаются огни и мерцают в надвигающейся темноте. С берега Волги, где сидят Наташа и Сергей, видно далекое, в тумане, Заволжье. Два белых встречных пассажирских парохода обмениваются гудками; долго повторяет эхо эти гудки и далекодалеко разносятся они над вечерними лугами.

Наташа. Чудесно!

Сергей *(взяв ее руку в свою)*. Не жалеете, что приехали?

Она не ответила, но и не отняла руки. Некоторое время длилось молчание, и было слышно, как бьется вода о плот, привязанный к берегу.

— Знаете, Сережа, почему я приехала? — проговорила Наташа. — После того телефонного разговора мне было как-то не по себе... Я вам правду скажу... Мне тоже хотелось вас видеть. Мне интересно с вами. Но только мне кажется, что все это немного странно... вдруг. Так этого не бывает.

— Не бывает! — с силой сказал Сергей.— А вы знаете, что после того телефонного разговора меня часов пять — как ветром — носило по степи. А потом пришел сюда и полдня просидел вот на этом месте. И сознаться вам, — только стыдно, — чуть волком не выл!

Стало совсем темно. Теперь по всей дали берегов мерцали и переливались огни. По Волге двигались баржи. Оттуда доносилась та самая песня, которую пела Наташа во время студенческого пикника. Это была немного грустная песня, и столько простора и широты бы-

ло в ней, так хватала она за сердце, что, казалось, все вокруг замерло и залюбовалось ею. Все тише и тише становилась песня, — уплывая, растворялась во тьме.

— Ваша песня, — сказал Сергей. — Вот, наверно, под эту песню я в вас и влюбился. Вы понимаете, что я вас люблю, Наташа? Или не понимаете? Я вас люблю.

В нестерпимом стремлении остановить его, уйти от этих слов, которые сказаны, существовали и от которых было уже невозможно уйти, она проговорила:

— Сережа, не смейте так говорить. Это неправда. Я не могу этого слушать.

Пошла по тропинке.

— Постойте! — окликнул он ее.

Она остановилась.

— Что?

С глубокой искренностью и силой он сказал:

— Слушайте, девушка! Я простой крестьянский парень и коммунист. Я не умею ни врать, ни притворяться. Я понимаю любовь так: если не можешь жить без человека, значит, любишь его. А жить без вас я не могу. Вот и все. А теперь пойдемте.

Долго молча шли они вдоль берега. Внезапно он взял ее под руку, чуть привлек к себе и с волнением и нежностью сказал:

— Вот так бы и шагать нам вместе всю жизнь!.. А, Наташа? Чтобы все вместе. Всегда. И чтоб на всю жизнь!..

Повернул ее к себе и взглянул на нее. Долго глядели они друг другу прямо в глаза. Потом она опустила голову.

— Не любите вы меня, Наташа, — печально сказал Сергей.

Снова пошли.

Подошли к дому, где квартировал Сергей и где в эту ночь должны были ночевать Наташа и Рая. Сергей сказал:

— Слушайте! Я прошу вас только об одном: не уезжайте сразу. Поживите здесь несколько дней. Хорошо?

Наташа все еще не могла взглянуть ему в глаза и стояла потупившись. Он повторил:

— Наташа?..

Она кивнула головой:

— Хорошо.

Сергей крепко пожал ей руку и ушел. Она побежала к калитке, вошла во двор, быстро пошла к крыльцу. В это время какая-то тень отделилась не то от дерева, не то от плетня, и чья-то фигура вдруг выросла перед ней. Наташа вздрогнула, отшатнулась:

— Кто это?

Знакомый нам голос сказал:

— Это я.

— Костя?

— Да, Костя.

Пораженная, она спросила:

— Костя, как ты сюда попал?

— Это совершенно неважно, как я сюда попал, — сказал Костя. — Скажи мне, пожалуйста, что все это значит?

— Что «все»? О чем ты говоришь?

— Вот все это! — сказал Костя. — Вот это все! Твой отъезд. Приезд сюда.

— Погоди. Что ты от меня хочешь?

— Как «что»! — закричал он. — Идут экзамены, ты вдруг срываешься, несешься неизвестно куда! Кто он? Кто этот человек? Это же неприлично! Ты ведешь себя как черт знает кто! — Он топнул ногой. — Ты должна немедленно ехать домой. Сейчас же едем!

Тут уже вспыхнула Наташа:

— Что ты кричишь! И что ты мною командуешь? И потом, почему ты вообще вмешиваешься в мою жизнь?

Наступило молчание. Грузовик, проезжавший по дороге, осветил их на миг ярким светом фар, а затем все опять ушло в лунный полумрак. Костя вдруг повернулся и направился к калитке. Потом снова приблизился к Наташе и тихо-тихо, в нестерпимой душевной муке, сказал:

— Наташенька, что с тобой? Ты ли это? Наташа?

Но она окинула его далеким, холодным и безразличным взором:

— Посмотри, какой ты грязный! Ты весь в пыли. Что за нелепый вид!

Он постоял еще мгновенье, странно взмахнул руками, открыл калитку и скрылся во тьме.

Наташа взбежала по ступенькам крыльца.

Когда она вошла в комнату, Рая, не раздеваясь, спала на кушетке,— видимо, ждала Наташу да так и заснула. Скрипнула половица, Рая встрепенулась, вскочила.

— Наташа? Ты?

— Я.

— Господи, где ты пропала? Ты знаешь, что уже два часа ночи? Ты просто сошла с ума!

Наташа крикнула:

— Оставьте вы меня все в покое!

Рая опустилась на кушетку и молча глядела на Наташу. Наташа села на кровать, опершись спиной о стену, положив руки под голову. И вдруг упала лицом в подушку и разрыдалась.

Рая в страхе бросилась к ней:

— Наташенька! Голубчик! Ну что ты? Ну не надо... Ну прости меня!..

А Наташа потерянно говорила:

— Рая! Раенька! Уедем отсюда. Сейчас же уедем!

— Да почему? Что случилось?

Наташа продолжала бормотать, крепко прижавшись к Рае, утирая слезы ладонями:

— Не знаю... Ничего не знаю... Со мной что-то неладно. Раенька... Помоги мне! Уедем!

— Да погоди, успокойся,— лепетала Рая, сама чуть не плача,— погоди минуточку.

Она бросилась к ведру с водой, намочила в нем полотенце и обвязала им лоб Наташи. Потом сказала:

— Теперь расскажи толком, спокойно... Что он тебе сказал?

— Сказал, что любит.

— А ты?

— Не знаю! Я ничего не знаю! — проговорила Наташа и, сорвав с головы полотенце, уткнулась, рыдая, в подушку.

...А Костя шагал по степи обратно на пристань. Уже начинало светать — коротка июньская ночь, когда земля не успевает ни задремать, ни остыть после дневного зноя. Навстречу и в обгон неслись грузовики, обдавая Костю пылью.

Шел, ничего не видя и не слыша, по самой середине дороги. Он не понимал, по-видимому, ни цели своего пути, ни времени. А вокруг уже меркли огни. И все то, что только что было холодно, серо, безлико, розовело, теплело и обретало жизнь.

Солнце стояло уже высоко. В конторе четвертого стройучастка было шумно. Как всегда, Сергей проводил утреннее оперативное совещание. Он был весел, много курил.

— Петр Семенович, — говорил он, — даем тебе сегодня семь самосвалов, только уж покажи работу. А то Сутейкин опять тебя обгонит. Я уж не знаю, что делать с этим Сутейкиным. Может, ноги ему связать, чтобы он тебя не обгонял?

Прорабы засмеялись. А Сутейкин сказал:

— Вяжите! Я и связанный его обгоню.

Опять посмеялись. Зазвонил телефон. Сергей поднял трубку и оживленно заговорил:

— Ромашко. Здравствуйте, Лидия Семеновна... Да как я могу забыть, когда я этого совещания полгода жду... Ровно в десять тридцать? Буду как штык.

Положил трубку и сказал.

— Вот, товарищи, кажется, все... Ну-с, давайте, уже восьмой час...

Прорабы, оживленно переговариваясь, стали расходиться Опять зазвонил телефон. Сергей, подписывая наряды, поднял трубку:

— Я слушаю.

И вдруг обрадованно воскликнул:

— Раечка! С добрым утром, дорогая. Как вам там спалось? Как Наташа?

Рая. Хорошо спалось... Сережа, а мы уезжаем.

Сергей (*озадаченно*). Как это — «мы»?

Рая. Мы... Я и Наташа. С одиннадцатичасовым пароходом.

Сергей помолчал и спросил:

— И Наташа?

Рая. Да. Спасибо за хороший прием. Наташа вас благодарит и передает привет.

Сергей (*грубо*). А почему, собственно, вы мне звоните? Где она сама? Дайте мне ее к телефону.

Короткая пауза. Рая, взглянула на сидевшую на кушетке Наташу, сказала:

— Ее здесь нет.

— Ах вот оно как! — сказал Сергей.— Обождите!

И, обратившись к некоторым прорабам, которые еще не успели уйти из конторы, нетерпеливо крикнул.

— Что у вас еще ко мне есть?

Те удивленно переглянулись и стали выходить. Сергей сказал в трубку:

— Слушайте! Никуда вы не уедете. Я сейчас выезжаю к вам.

Рая. Да нет, это совсем не нужно.

Сергей Я должен поговорить с Наташей! Понятно вам?

Рая. Это совсем бесполезно.

Помолчала, вздохнула и тихо сказала:

— Она не будет с вами говорить.

Наступило долгое молчание. Стало слышно жужжание шмеля, залетевшего в контору и ударявшегося то о стену, то о стекло окна.

— Что ж, хорошо! В таком случае пожелайте ей счастья!

Сергей решительным жестом бросил трубку на рычаг. Он раскрыл портсигар, пытаясь закурить, но не мог зажечь спичку — руки у него дрожали. Открылась дверь, кто-то вошел. Сергей быстро отошел к окну и встал спиной к вошедшему. Это был Петр, который спросил:

— На участок поедем, Сергей Терентьевич?

— Ступай отсюда! — не поворачиваясь, резко бросил Сергей.

Бежит по дороге самосвал, и в его кабинке, рядом с шофером, сидят Наташа и Рая — совершенно так же, как и тогда, когда они ехали с пристани на стройку. Только теперь девушки едут обратно, на пристань. Наташа бледна и молчалива. Рая старается всеми средствами развлечь ее и тараторит без умолку:

— Вообще здесь природа красивая, только здорово пыльно. Без пыли было бы вовсе красиво. Наташа, не дует, может, закроем окно?

Наташа. Нет, ничего.

Рая все же заботливо поднимает воротник Наташи-

ного пальто. Некоторое время молчит, искоса поглядывая на подругу, а затем спрашивает шофера:

— Не знаете, когда точно отходит пароход?

— Приход в десять двадцать, отход ровно в одиннадцать.

...Приемная главного инженера. Сюда уже сходятся приглашенные на совещание. Разноголосый говор. Некоторые, входя, приветствуют Сергея:

— Здорово, Ромашко! Тебя нынче будем крестить?

— Волнуешься?

Один из инженеров. А я в таких случаях валерианку пью с коньяком. Две капли валерианки на сто граммов коньяку.

Секретарша вышла из кабинета.

— Товарищи, просят на совещание.

Сергей взглянул на часы. Было ровно двадцать минут одиннадцатого.

Пристань. Громко прозвучал первый гудок парохода Наташа стояла у барьера. К ней сквозь толпу пассажиров протискалась Рая:

— Вот билеты. Идем!

— Погоди, успеем. Зачем толкаться,— безучастно отозвалась та, отошла в сторону и села на какие-то ящики.— Посидим здесь.

Рая уселась рядом с ней, не сводя с нее встревоженных глаз.

Зал заседания. Докладчик заканчивал свое заключение по проекту Сергея.

— Следовательно, в целом проект инженера Ромашко безусловно содержит ряд интересных и, я бы сказал, смелых решений. Однако возникают и сомнения. Так, например, Ромашко требует бульдозеров пять, скреперов три, экскаваторов десять, а о самосвалах уж и не говорю!

Собрание загудело, послышались отдельные возгласы:

— Ну, конечно!

— Аппетиты Ромашки известны!

Сергей словно и не слышал этого. Он взглянул на часы. Было без двадцати одиннадцать.

...Пристань. Пароход дал второй гудок. Рая вскочила:

— Чего мы ждем? Скажи мне, чего мы сидим и ждем?

Наташа подняла голову. Уставилась на Раю долгим, пристальным взглядом. Рая в испуге спросила:

— Чего ты так смотришь на меня?

Молчание.

Рая. Наташа!

Наташа. Знаешь, все это уже бесполезно.

Рая (*в страхе*). Что «все»?

Наташа широким жестом обвела пристань и пароход:

— Вот это все.

И Рая в ужасе закричала:

— Наташка, ты, честное слово, сходишь с ума! *(Сквозь слезы.)* Пойдем на пароход! Наталочка, милая! Ну пойдем!

Наташа постояла еще немного, оглядела реку и далекие берега, тряхнула головой и сказала:

— Ладно. Пойдем.

На собрании докладчик уже закончил речь, и председатель сказал:

— Что ж, товарищи, давайте теперь выслушаем доводы инженера Ромашко. Прошу вас, товарищ Ромашко.

Кто-то шутливо бросил докладчику:

— Всыплет он тебе сейчас, Андрей Николаевич! Ты присядь, так тебе будет удобнее.

Засмеялись.

Сергей поднялся, подошел к столу председателя. Разложил папку с бумагами. На часах было без четверти одиннадцать.

Сергей обвел всех взглядом. Начал:

— Так вот, товарищи!..

И замолчал. Все неподвижно сидели, ожидая продолжения.

А Сергей перевел дыхание, еще раз взглянул на часы. Закрыл папку и вдруг быстро пошел к выходу. Все так и привстали от удивления. Он выбежал из кабинета, спустился по лестнице, перескакивая сразу через три ступеньки, перемахнул через маленький заборчик, огораживавший палисадник, выбежал на шоссе. Вскочил на подножку проезжавшего мимо грузовика и крикнул шоферу:

— Гони к пристани!

Как вихрь несется грузовик, обгоняя машины. Иногда кажется, что катастрофа неминуема: приходится лавировать среди десятков автомобилей, летящих в ту и другую сторону. Сергей по-прежнему стоит на подножке. Ветер рвет его пиджак, волосы, галстук. Скорость порой доходит до восьмидесяти километров, но Сергей кричит шоферу:

— Гони же! Чего ты плетешься, черт!

Сквозь гудение мотора слышен далекий пароходный гудок. Три гудка.

Шофер. Конец. Отвалил.

Сергей. Гони!!

...Грузовик влетел на пригорок. Отсюда видна пристань и, посреди реки, уже далекий пароход.

Шофер (*безнадежно*). Да разве можно за десять минут поспеть!

Сергей на всем ходу соскочил со ступеньки и что есть силы побежал по откосу вниз, к пристани.

Пристань была пуста. Полдневное горячее марево стояло над Волгой. Сергей остановился, едва переводя дыхание. А потом медленно двинулся обратно. И вдруг замер.

В стороне, на опустевшей пристани, стояла одинокая девичья фигурка. Не веря себе, он двинулся к ней, к Наташе. А когда подошел, обнял ее, прижал к груди, как самое дорогое на свете.

— Родная! Любимая моя! Счастье мое!

Вокруг ни души. Только женщина, стоявшая невдалеке у причала, смотрела на них. И в глазах ее был тот странный свет, который озаряет нас, когда мы видим юное счастье, которое сильнее жизни и даже смерти, как кажется нам порой

Прошло пять лет. Если смотреть с холма, откуда когда-то Наташа и Сергей любовались строительством, то развернется уже совсем иная картина. Давно построены те домны и заводы, о которых говорил Сергей. На месте былых строек высятся огромные промышленные корпуса, дымят трубы. Но строительство промышленного района, возникшего в голой степи, еще не завершено: воздвигаются заводы третьей очереди, еще более мощные, чем те, которые уже построены.

Многоэтажные дома, целые кварталы с магазинами, кино, скверами.

В больших полных зелени дворах играют ребятишки.

В одном из таких дворов двое парнишек лет четырех-пяти только что подрались из-за ведерка с песком. Они с воплями вырывали друг у друга ведерко, и под конец один из них — крепкий бутуз, одетый в вязаный костюмчик,— хватил своего противника кулаком по носу. Тот поднял такой рев, что женщина, снимавшая поодаль с веревки высушенное белье, подбежала, схватила его и, утирая ему нос, начала кричать сперва драчуну, а потом его няньке — девушке лет восемнадцати:

— Ты что дерешься? Разве можно так!.. А ты зачем тут поставлена? Лясы точить? Чего за мальчишкой не смотришь? Нянька!

Нянька бойко оборонялась:

— А вы чего! Чего ваш наше ведерко берет!

— Что ж мальчику и поиграть нельзя?

— Надо свои игрушки иметь! Мы вас не касаемся, и вы нас не касайтесь!

— Вы бы еще весь двор заняли да от людей отгородились!

Крик слышен на лестнице, по которой быстро сбегает Наташа. Ей теперь лет двадцать шесть, но она такая же худенькая, гладко причесанная, как и раньше. Выбежав во двор, она бросается к месту скандала, прижимает к себе драчуна, который ревет не менее громко, чем его противник. Взволнованно говорит:

— Что случилось, Тиша? *(Няньке.)* Катя, перестанье! *(Женщине с бельем.)* В чем дело, Марья Степановна?

Марья Степановна, уже смягчившись, говорит:

— Да ничего, Наталья Владимировна... Взял мой Колька у вашего Тишеньки ведерко. А тот — в драку... *(Няньке, в сердцах.)* А эта сидит, как гвоздем прибили!

— Катя, идите наверх, там суп кипит,— говорит Наташа.

Катя уходит. В этот момент Тиша вдруг бросается на Колю, опять вырывает у него ведерко и дает ему сильнейшего тумака. Колька не остается в долгу. И воздух вновь оглашается свирепым плачем.

Обе матери стараются разнять ребят. Те отбиваются. Тишка кричит сквозь отчаянный рев:

— Моя ведерка!.. Я папе скажу!..

Наташа подхватывает его под мышки и тащит к лестнице черного хода. Он кричит, адресуясь к Кольке и Марье Степановне:

— Мой папа — главный инженер!.. Он вам как даст!

По лестнице тащить отбивающегося Тишку не так-то легко, но все-таки Наташа втаскивает его на площадку второго этажа.

Ставит на ноги и с гневом говорит:

— Никогда не смей так говорить, нехороший мальчик! Сколько раз я тебе повторяла! И драться не смей! Вот папа придет, я ему все расскажу.

— И рас-ска-зы-вай...

— Сейчас же иди к себе в комнату и не смей выходить оттуда. Ты наказан!

Тишка угрюмо удаляется, гремя ведерком по переплету перил.

Сверху нянька Катя кричит.

— Наталья Владимировна! Машина Сергея Терентьевича подъехала. Обедать!

— Иду, иду.

Вбежав в квартиру через дверь черной лестницы, Наташа идет в спальню, быстро поправляет волосы у зеркала. Хлопнула входная дверь, раздался голос Сергея:

— Наталья Владимировна дома?

— Я здесь,— откликнулась Наташа и вышла в столовую.

Сергей весело приветствовал ее:

— Добрый день, малышок! Обед готов?

Вытирая полотенцем руки после мытья, он поцеловал ее в лоб, а она его в щеку.

— Садись,— сказала Наташа.— Катя, давайте суп.

Сергей сел за стол и развернул газету. Он ел суп, не отрывая глаз от газетной страницы.

— Что у тебя нового? — спросила Наташа.

Сергей что-то промычал, занятый чтением.

— Сережа!

— Мммм...

— Что у тебя нового?

— Нового? Да что нового? Ничего нового,— сказал Сергей и перевернул газетный лист.

— Иван Васильевич вернулся из Москвы?

— Иван Васильевич...— Сергей читал.— Иван Васильевич из Москвы... Иван Васильевич из Москвы вернулся.

— Что он рассказывает?

— Что рассказывает... Мммм...— Сергей оторвался от газеты.— Да что ему рассказывать? Ну, рассказывает.... был в ЦК. Неужели тебе это интересно?.. Катя, давай дальше!

И пока Катя подавала второе блюдо, Сергей спросил:

— А Тишка где?

— Он у себя в комнате. Я его наказала.

С аппетитом принявшись за жареное мясо, Сергей снова спросил:

— За что?

— Безобразно себя ведет.

Сергей окликнул:

— Тишка!

— Не зови его. Он наказан.

Из-за двери выглянула зареванная физиономия Тишки. Сергей позвал:

— Ну-ка иди сюда. За что тебе мать всыпала?

— У него соседский Коля взял игрушку поиграть,— строго объяснила Наташа, — а он в драку полез. Нехороший мальчик! Стыдно!

Сергей. Игрушку-то отнял?

Тишка *(всхлипнув)*. От-от-нял...

Сергей. Значит, за себя постоять можешь?

Тишка. Мо-огу...

Сергей. Правильно! В батьку пошел. Иди поцелуй меня.

Наташа *(с упреком, Сергею)*. Сережа, зачем ты это делаешь? *(Тишке.)* Иди сейчас же в комнату.

Сергей (*весело*). Ладно, брось ты его дрессировать. Что он понимает! Тихон Сергеевич, на машине покататься хочешь?

Тишка молчал, выжидательно покосившись на мать.

Сергей (*подмигнув ему*). Беги скажи Якову, чтобы прокатил тебя до коксового и обратно.

Наташа. Нет, Сережа, он никуда не поедет! Он наказан. Тихон, иди к себе в комнату, я говорю!

Сергей (*Тишке*). Беги, беги. Я тут с матерью как-нибудь справлюсь.

Тишка в восторге убегает. Сергей хохочет.

Наташа (*возмущенная, отодвигает тарелку*). Ты губишь ребенка, Сережа! Буквально губишь. Это не воспитание, это... (*Не находит слов.*)

Сергей. Не дуйся, малыш... Народишь мне еще пятерых, тогда будет не до баловства. А когда один, так всегда баловство...

Наташа молчит.

Сергей. Перестань дуться. Ну хочешь, я сам в угол встану вместо Тишки?

Он потянулся, чтобы ее обнять. Она отстранилась. Тогда он пошел и уткнулся носом в угол, по-детски переминаясь с ноги на ногу, хныча и водя пальцем по стене. И было столько смешного в его позе, в его виноватой спине и хныканье, что Наташа невольно улыбнулась.

— Перестань дурачиться, садись за стол,— сказала она.

— Улыбнись еще раз, тогда сяду.

— Это глупо,— сказала Наташа,— это просто нелепость... Ну хорошо, я улыбнулась.

Он повернулся и скосил на нее, как Тишка, глаза. Наташа не выдержала и засмеялась.

— Вот теперь сяду,— сказал Сергей.— Дай-ка еще кусочек мяса. Только повкусней.

Обед возобновился. Наташа спросила:

— Скажи, ты не забыл насчет машин в воскресенье?

— Каких машин?

— Ну, для постройкома. Постройком устраивает экскурсию.

— А ты тут при чем?

— Меня просили помочь это организовать.

— Позволь, позволь,— с легким оттенком иронии за-

метил Сергей.— А разве ты яслями больше не занимаешься?

— Почему? Занимаюсь.

— А вечерней школой?

— Ну и что же? А это совсем новое начинание,— сказала она горячо.— Мы хотим, чтобы каждое воскресенье часть рабочих с женами и детьми выезжали куда-нибудь в лес...

Сергей бросает быстрый взгляд на лежащую рядом газету, намереваясь вновь приняться за чтение. Наташа берет газету и откладывает ее в сторону.

— Будем брать еду, игрушки для детей, книжки... И самодеятельность наша едет.— Она немного смущенно взглянула на него и добавила:— И даже меня просили спеть. Но я так давно не пела... Как ты думаешь? — проговорила она, выжидательно и смущенно глядя на него.

Он, жуя, поднимает на нее глаза.

— Не знаю, как хочешь.

Раздался звонок в прихожей. Катя открыла дверь, вошел знакомый нам по давним студенческим временам Петр, еще более потолстевший и даже как-то опухший.

— Хозяин тут?

— Обедает.

Петр ввалился в столовую как был — в пальто и шляпе. Держит он себя развязно и шумно.

Петр. Сергей, я за тобой. Наталочка, здравствуй, голубчик. Здравствуй, солнышко. Все хорошеешь? Дай лапку.

Он целовал ей руку, а она заметила с холодком:

— Во-первых, сними шляпу, а во-вторых, разденься. Обедать будешь?

Петр. Ни-ни!.. Сережа, какие новости?.. А выпить в этом доме есть что-нибудь, кроме компота?

Сергей *(грубовато)*. Тут тебе не пивная!.. *(Встал из-за стола.)* Поехали! По дороге все расскажу. Новостей полон короб.

Наташа молча ест компот. Вероятно, больше всего ее обидело именно то, что Сергей собирался поведать Петьке целый короб новостей, а ей, жене, не рассказал ничего. Она не проронила ни слова, когда Сергей, прощаясь, поцеловал ее в затылок. И только когда он и Петр уже подходили к дверям, проговорила:

— Постой, Сережа... Что-то я хотела спросить?.. Да, насчет машин. Ты не забудешь?

— Ладно, помню,— ответил он.— Меня не жди, малышка, ложись спать, вернусь, как всегда.

Он ушел. Она подошла к столу и начала медленно убирать посуду.

В это воскресное утро стояла отличная погода. Рабочие со своими семьями собрались на лужайке, дожидаясь машин, чтобы отправиться на экскурсию. Было шумно и весело. Уже кое-кто плясал под баян, некоторые играли в шахматы, в домино. Основная же масса экскурсантов сидела на обочине дороги, готовая рассесться по машинам.

Озабоченная Наташа шла по лужайке в сопровождении других организаторов экскурсии.

— Почему же не хватит машин, Влас Кондратьевич? — говорила она.— Должно хватить.

— Да посмотрите — народ все идет и идет.

— Наденька, сосчитайте, сколько нас всего человек,— попросила Наташа и пошла дальше.

Навстречу ей спешила руководительница группы дошкольников, которые играли неподалеку. Она сказала:

— Наталья Владимировна, ребята пить хотят. Жарко.

— Есть несколько бидонов с компотом и морс. Скажите Нюре, чтобы ребятам пока дали морс.

Отдав это распоряжение, Наташа посмотрела на шоссе и спросила шедшего с ней рабочего:

— Семен Прокофьевич, почему до сих пор нет машин? Я уже начинаю беспокоиться.

Семен Прокофьевич крикнул ребятам, стоявшим на шоссе в качестве сигнальных:

— Вовка! Боря! Как там?

Ребята замахали руками, показывая, что машин не видно.

С обочины дороги Наташу окликнул Сутейкин:

— Наталья Владимировна, идите к нам, присядьте. Что вы все хлопочете!

Она подошла.

— Вы знаете, я немножечко беспокоюсь о машинах,

— А чего беспокоиться! Ведь Сергей Терентьевич обещал?

— Обещал.

— Ну вот... Скушайте лучше огурчика. Малосольные.

— Спасибо,— поблагодарила Наташа и откусила огурец.— Ужасно люблю малосольные. Смотрите, как вы уютно устроились.

Действительно, несколько рабочих семейств, в том числе семья Марьи Степановны (той самой, у которой был скандал с няней Катей из-за ведерка), устроились весьма уютно. На разложенных салфеточках стояли закуски.

— Наталья Владимировна,— предложил Сутейкин, вынув из кармана заветный шкалик.— По секрету от мужа... маленькую... под огурчик..

Все рассмеялись, и вместе с ними Наташа.

— Что вы, да я вообще не пью... А уж с утра, да в такую жару.

— Да, в жару тяжело,— согласился Сутейкин и со вкусом выпил большую рюмку.

В это время с шоссе закричали:

— Едут! Едут!

Общее оживление, все поднялись, начали собирать вещи.

— Наконец-то!

Наташа, облегченно вздохнув, радостная выбежала на шоссе.

Приближалась большая колонна машин. Наташа пошла навстречу, подняв руку и крича:

— Сюда, сюда!

Но машины, грохоча листами железа, которыми были нагружены, пронеслись мимо, обдав всех пылью. Настроение стало меняться. Все недовольно смотрели им вслед. Послышались реплики:

— Эй, товарищи, кто здесь начальство? Вы что, смеетесь, что ли!

— Посадили людей на припеке и ни туда, ни сюда!..

— Разве так делают? Где же машины?

Высокий женский голос подхватил:

— Ведь здесь дети!

Наташа взволнованно обратилась ко всем:

— Товарищи, успокойтесь. Машины будут. Мне обязательно обещали. Я сейчас сбегаю, позвоню.

И быстро-быстро пошла по залитому солнцем, горячему шоссе.

...В кабинете у Сергея шло совещание инженеров. Он горячо, увлеченно говорил:

— А почему так? Почему надо обязательно по старинке: сперва щи, потом кашу... — Придвинул к себе чертеж.— Давайте сюда!

Взял карандаш и стал наносить на чертеж резкие линии и стрелы.

— Распределите технику,— говорил он.— Разбросайте людей... Идите отсюда, отсюда и отсюда!

Жадно затянулся папиросой, взлохматил волосы: видно было, что он говорит о любимом и интересном ему деле.

Один из инженеров спросил:

— Одновременно?

— Обязательно одновременно!.. И с разных сторон. Что вы, как девки, жметесь друг к другу!.. Смелее надо! Центральную магистраль пересечете вот здесь...

Зазвонил телефон. Сергей поднял трубку:

— Ромашко слушает... Кто это? Это ты, Наташенька? *(Нетерпеливо.)* Наташа, я сейчас занят. *(Хочет положить трубку.)* Что? Что? Какие машины?.. Погоди, Наташа, ты сейчас мне мешаешь! *(Слушает.)* А!.. Нет-нет, сегодня машин не будет. Все заняты. Нету сегодня машин! *(Слушает.)* Ну и что ж, что экскурсия?.. Вчера думал, что будут, а сегодня нету!

И, положив трубку, придвинул исправленный план к инженерам.

— Ну так как же? Что скажете?

Пожилой инженер искренно заметил:

— Интересно... Но боязно.

Другой увлеченно и горячо добавил:

— Очень интересная мысль!

Сергей *(радостно)*. Вот видите — даже очень!..

Первый инженер. Хорошо, Сергей Терентьевич. Завтра составим точный план.

Сергей *(увлеченно)*. Почему завтра? Сегодня. Сейчас. Возьмем в столовой еду, перекусим и засядем.

Второй инженер. Сегодня, Сергей Терентьевич, воскресенье.

Сергей (*увлеченно*). А черта нам это воскресенье! Неужели вам терпится откладывать до завтра? Эх вы, строители! (*Горячо.*) Сегодня давайте! Сейчас!

Поздно вечером Сергей открыл ключом дверь своей квартиры и вошел в прихожую. На цыпочках, чтобы не будить домашних, прошел в столовую. И вдруг остановился — в спальне горел свет.

— Наташа! — окликнул он.

Ответа не было.

Удивленный, направился в спальню.

— Наташа, ты не спишь?

Она сидела спиной к двери и писала, словно не замечая его прихода.

— Ты что молчишь? — Он был искренне удивлен.

Никакого ответа.

— Ага! Понятно! — сказал Сергей. — Дипломатические отношения прерваны. Пишется вербальная нота.

И снова вошел в столовую. Здесь на пустом столе сиротливо маячил одинокий прибор.

— Наташа! — крикнул Сергей из столовой.— Я голоден.

До него донесся сухой ответ:

— Ужин на кухне.

Сергей двинулся на кухню. Там стояла сковорода с холодными котлетами и кастрюля. Он неуверенно приподнял крышку кастрюли, увидел холодную картошку, поковырял ее вилкой, о чем-то раздумывая, и решительными шагами снова направился в спальню.

— Наталочка, ну что ты на самом деле?

Хотел ее поцеловать, но она решительно отстранилась.

— Только, пожалуйста, без этих штук,— резко сказала она.

Тогда, уже рассердившись, стукнул ладонью о валик дивана:

— Хорошо! Что случилось? Выкладывай!

Не оборачиваясь, Наташа откликнулась:

— Случилось то, что я завтра уезжаю.

— Куда это?

— В Приволжск. Поеду к Рае, вероятно, заеду к отцу.

— Может быть, ты мне все-таки объяснишь, что произошло?

— Ничего не произошло. Во всяком случае, ничего нового.

— А все-таки? *(Сел в кресло и вытянул ноги.)*

Наташа *(вспыхнув)*. И ты еще спрашиваешь? Я тебя так просила, так просила... Напоминала... Ты обещал.

Сергей. Ага, понятно. Насчет машин.

Наташа *(не слушая)*. Люди собрались, ждали, привели детей. Им всем так хотелось поехать. Сколько народу пришло, многие семьями, как они все готовились, радовались...

Сергей *(спокойно)*. Потише, ты разбудишь ребенка.

Наташа *(все так же громко)*. В конце концов, ты можешь не считаться со мной, твоей женой, можешь наплевательски относиться к моим просьбам. Я к этому уже начинаю привыкать. Но ведь это же люди, народ, с которым ты вместе работаешь! Живые люди!

Сергей *(вспылив в свою очередь)*. Знаешь, ничто меня так не бесит, как это разглагольствование о живых людях, это сюсюканье! Подумаешь, в лес они не поехали! Так поедут в следующее воскресенье. Или вообще не поедут. Тоже беда небольшая. Чепуха!

Он взял большой кусок хлеба и сердито посыпал его солью.

Наташа. Знаешь, Сережа, если ты действительно думаешь так, как говоришь, то это очень страшно.

Сергей. А ты не пугайся! И не учи меня, как обращаться с рабочими. Я сам с пятнадцати лет рабочий.

Наташа. Я тебя не учу, но мне было сегодня стыдно за тебя.

Сергей *(снова вспыхнув)*. Опять эта бабская болтовня! Видите ли, у меня только и забот, что ваши экскурсии! *(Он бросил хлеб на тарелку.)* Надо же хоть столечко понимать — на мне все это гигантское строительство! Я здесь не в бирюльки играю! Я коммунизм строю! Понятно тебе? Для них же строю. Так могут и потерпеть, ничего с ними не случится!

Наташа. Во-первых, не ты один строишь, а, кстати сказать, строят эти люди... И почему ты считаешь, что они должны чего-то ждать и терпеть? Что за нелепые

рассуждения? Откуда? В этом — весь ты. За это люди тебя и не любят.

— Не любят, не любят — весь этот разговор — обывательщина! Даст мне наконец кто-нибудь сегодня поесть?! — закричал Сергей и пошел на кухню.

Зажег спичку, обжегся, отшвырнул ее, зачиркал второй.

До него донесся голос Наташи:

— Ох, до чего ж ты не любишь слушать правду. Вот ты весь в этом!

— А ты в чем?! — вне себя крикнул он и ударил сковородкой по плите.— Ты в чем? — повторил он.

Выскочил в прихожую и уже оттуда закричал:

— Ты-то что в жизни сделала? Ты же ни черта не знаешь! Ничего не умеешь! А берешься учить. Плетешь какую-то слюнявую чушь!

Он хотел сказать еще что-то обидное, но, не найдя слов, схватил с вешалки кепку и выбежал на лестницу, изо всех сил ударив дверью.

Наташа растерянно постояла, глядя на захлопнувшуюся дверь, а потом стремглав побежала за ним.

— Сережа, постой! — отчаянно крикнула она.— Сережа.

Сергей остановился.

Сбежав вниз, она увидела, что он еще не ушел, и медленно пошла к нему.

— Сережа, я прошу тебя... Ну зачем так?.. Слышишь, Сережа...

Он молчал. Она продолжала просительно лепетать:

— Ведь я не хотела тебя обидеть... Ну, не сердись...

Сергей постоял молча, потом повернулся и быстро пошел вверх по лестнице.

Наташа взбежала за ним. Оба вернулись в квартиру.

— Я тебя сейчас покормлю, Сережа,— поспешно сказала она и суетливо поспешила на кухню. Зажгла газ, положила на сковороду масло. Руки у нее дрожали.

Внезапно на кухню пришел Сергей. Остановился в дверях. Не поднимая глаз, чувствуя, что он все время смотрит на нее, Наташа еще больше заторопилась.

— Сейчас, сейчас, Сережа. Минуточку...

Маленькая, с пучком волос на затылке, она стояла к нему спиной. Вдруг он шагнул к ней и крепко-крепко

обнял ее Она прижалась к нему, и слезы хлынули из ее глаз. А он целовал ее в затылок, в этот пучок волос, и говорил:

— Как глупо все это, Наташа... Ты понимаешь — глупо! Да брось ты эти котлеты!!

Взял ее за руку и увлек в столовую.

— Сядь,— усадил, сел сам.— Мы бог знает что друг другу наговорили. Неужели мы можем ссориться из-за такой ерунды?

— Это не ерунда, Сережа! И разве я хочу с тобой ссориться? — с печалью и нежностью сказала она.— Но почему мне иногда кажется, что ты становишься каким-то совсем другим... Точно чужим...

Примолкли.

— Все это чепуха, Наташка! — Сергей встряхнул головой.— Я просто немножко устал. И надоело мне здесь. Пора перебираться. Вот, может, переведут меня в Харьков — большой город, другие масштабы. И сразу кончатся все наши ссоры. Ведь у нас с тобой такая прекрасная семья: ты, я, Тиша.

Она задумалась, а потом покачала головой.

— Нет, Сережа, у нас нет семьи.

— Как нет семьи? Что ты болтаешь?

— Ведь правда,— сказала Наташа.— У нас есть квартира, посуда, мебель. Даже ребенок есть, а вот семьи у нас нет. Ты ведь не любишь меня, Сережа.

— Я?! Тебя?! Не люблю?!

Он стал осыпать ее поцелуями. Она оставалась безучастной.

— Подожди, Сережа,— наконец сказала она.— Вот в эту субботу будет пять лет, как мы поженились. Может быть, ты и прав. Я еще мало что умею в жизни. Но ведь ты сам знаешь, как я хотела учиться, хотела работать. И все это я бросила ради нашей любви. Бросила институт. Я думала, что буду тебе самым близким, самым нужным человеком. А разве это так? Ты не рассказываешь мне даже того, что рассказываешь какому-то Петьке. — Она как-то безнадежно махнула рукой и, помолчав, сказала: — Я себя чувствую иногда такой одинокой, такой никому не нужной.

Сергей слушал и смотрел на нее, точно вдруг увидел ее впервые, а потом просто, честно и искренне проговорил:

— Да, малыш, ты права: действительно я скотина! — Он помолчал.— Боже мой, в субботу — пять лет!.. Хорошо, с сегодняшнего дня все будет иначе. Клянусь тебе, вот увидишь! Скажи мне только одно — ты по-прежнему любишь меня? — в голосе его зазвучала тревога.

— Сережа, зачем ты спрашиваешь?

— Нет, скажи!

И в великом порыве, который один может заменить миллионы слов, она ответила:

— Если бы ты только знал, что ты для меня значишь!

— Любимая моя,— заговорил он, и та прежняя, бескрайняя любовь слышалась в его голосе.— Единственная моя!.. — Он стоял перед ней на коленях и целовал ее руки.— А пятилетие наше мы обязательно справим. И, знаешь, как справим! В субботу приду пораньше, ты сготовишь роскошный обед, а потом возьмем Тишку и закатимся куда-нибудь по Волге до понедельника. Хочешь так?

Наташа *(она счастлива)*. Хочу.

Сергей. И вот увидишь, теперь у нас все будет подругому. Ведь ты мне веришь?

Наташа. Верю.

Сергей. И не уедешь от меня к этой дурацкой Райке? Ну, скажи, малыш, не уедешь?

Наташа *(смеясь и обнимая его)*. Нет... Не уеду.

Идет по Волге пассажирский пароход. На его палубе, невесело глядя на белый бурун, бегущий от пароходного носа, стоит Наташа. Рядом с ней Тишка. Ветер развевает ленточки на его матросской шапке.

Квартира Раи в Приволжске — в том городе, где когда-то Наташа училась в институте. Рая говорит по телефону. Она изменилась, пополнела, но все такая же порывистая, торопливая и немного смешная.

Рая *(лицо у нее лукавое, но голос тревожный)*. Лиза? Это Рая. Вася дома?.. Бери его и спускайся немедленно ко мне... Случилось неслыханное! Не старайся — все равно не отгадаешь. Короче: бегите скорей!

Кладет трубку и спешит на кухню.

Здесь идет стирка. У корыта домработница Раи — Дуняша, краснощекая деревенская девушка лет девятнадцати.

Р а я. Дуняша, брось стирку, надо немедленно организовать бал.

Д у н я ш а *(нимало не удивившись, вытирает руки)*. Ладно. Сейчас.

Звонок в прихожей. Рая устремляется туда, открывает дверь. С испуганными лицами вваливаются Лиза и Вася.

В а с я *(с трудом переводя дыхание)*. Что такое?

Не отвечая, Рая вталкивает их в комнату.

— Проходите.

Они попадают в комнату как раз в тот момент, когда туда же из другой двери входит Наташа. Мгновенье растерянности и недоумения, а затем объятия, поцелуи, смех.

...Снова звонок в прихожей. Рая открывает. На этот раз, тоже очень испуганные и взволнованные, вбегают Варя, Миша, Катя — бывшие Наташины однокурсники. Ни слова не говоря, Рая вталкивает их в ту же комнату.

И сцена повторяется: мгновение растерянности, потом хохот, объятия.

Л и з а *(высоко-высоко поднимает Тишку)*. А это и есть сам Тихон? Ох ты, милый какой!.. Да какой же ты румяный! Да как же тебя красиво подстригли! *(Наташе.)* Идем сейчас же к нам. Посмотришь моих ребят.

...По лестнице старые друзья идут веселой гурьбой, и Наташа спрашивает:

— А Лиля тоже живет в этом доме?

Л и з а. Нет, здесь ведь учительский дом. А Лилька же стала актрисой! Она в Харькове.

Н а т а ш а. Актрисой? Да что ты? Каким образом?

В а с я. Вышла замуж за режиссера.

Л и з а. Заслуженный. Толстый-претолстый.

Общий смех.

...В это время Рая дает наставления своей домработнице Дуняше.

Р а я. Погоди! А что у нас в доме есть?

Д у н я ш а. А все есть.

Р а я. Что — все?

Д у н я ш а. Ядрица есть... Макароны есть... Вчераш-

ний борщ есть... Простокваша есть... Ну, картошка, морковушка... Все есть.

Рая. И это — все?

Дуняша. А чего еще?

Рая *(дает деньги)*. Держи, и беги покупай закуску. Ну и, конечно, вина возьми.

Дуняша накидывает на голову платок.

...В квартире Лизы и Васи Наташа держит на руках девочку, которую подняла из кроватки.

Наташа. Ох, до чего же мягкая, тепленькая!.. *(Оглядывает комнату.)* Какая чудесная квартирка. Я всегда думала, что у Лизы с Васей будет именно так.

Лиза. Да ты рассказывай о себе. Как ты живешь?

Наташа. Я? Хорошо.

Лиза. Как Сергей? Что он?

Наташа. Сергей хорошо. Все, в общем, хорошо. *(Видит на стене групповой фотоснимок. Оживленно.)* А это наш выпуск? *(Поправилась.)* Ваш выпуск? Мина Макеев, Варя Щучкина... Все разъехались? А, Райка! Какая она тут испуганная!.. *(Увидев на этом групповом снимке Костю, улыбается.)* Смотрите — Костя! А где же Костя?

Лиза. Он тоже живет здесь, в нашем подъезде, на втором этаже.

Вася. Ты знаешь, ведь Костя у нас ученый. Он уже доцент института. Вот его книга. *(Берет с полки книгу, дает Наташе.)*

Наташа. Да, я знаю. И вы все так же дружны, как тогда?

Лиза. Конечно.

Вбегает Рая:

— Где вы? Наташа, там тебя уйма народу ждет!

Лиза. Рая, а ты Косте звонила?

Рая *(в ужасе)*. Милые вы мои! *(Бросается к телефону, набирает номер и тем временем говорит Наташе.)* Ты Костю совершенно не узнаешь. Он теперь носит галстук. Причесывается.

Наташа *(смеясь)*. Он женат?

Рая. Нет еще. Все скопом ищем ему невесту. А пока при нем мама... *(В телефон.)* Константин Николаевич? Костенька! Это Рая... Слушай, Костенька. Как всегда, у

меня собрался народ и, как всегда, не хватает посуды. Попроси у мамы все ваши рюмки, стаканы, бокалы, графины, поставь на поднос, я сейчас за ними пришлю. *(Кладет трубку.)* А теперь, Наташка, иди к нему ты! Он обалдеет.

Наташа. Нет, Раечка, не выдумывай. Это неудобно.

Рая. Умоляю тебя, иди!

...И вот все, задыхаясь от смеха, бегут по лестнице вниз. Как бы вновь вернулось к ним то ощущение бесконечности, то желание почудить, попроказничать, которым так славны далекие студенческие времена! Не доходя до Костиных дверей, все останавливаются.

К дверям Наташа подходит одна. Медленно протягивает она руку к звонку, потом отдергивает, нерешительно смотрит на друзей. Все жестами подбадривают ее. Она бессознательно чуть-чуть проводит ладонью по волосам и нажимает кнопку звонка.

Дверь открывается. Пауза. Мы видим только Наташу и не видим Костю.

Молчание. И вдруг грохот бьющейся посуды. Видимо, Костя уронил поднос, потому что осколки стаканов и рюмок летят под ноги Наташе.

...Звенят бокалы. Друзья окружили счастливую, смеющуюся Наташу. Вася произносит шуточную речь.

Вася. Друзья! Сейчас, конечно, мы уже люди женатые, партийные, кандидаты наук. Но было время — мы были молоды. О молодость, пора весеннего солнца, зеленых почек, надежд!..

Рая. Вася, может быть, можно без почек?

Вася. Эх, нет в вас поэзии!.. Ладно, буду без почек. Я по поводу вот этой гражданки *(пальцем показывает на Наташу)*. Бросила нас, унеслась куда-то, обзавелась на стороне мужем и живет себе в свое удовольствие. Казалось бы, что? Наплевать и забыть, как сказал Чапаев. Ан, нет! Помним и любим. А потому что это все-таки наш дорогой, настоящий дружок. Это наша Наташка, которая каждому из нас в жизни хоть чем-нибудь да

помогла или по крайней мере старалась помочь. А это, ох как дорого, братцы!.. Ибо средь бурь житейского моря...

Все *(хором)*. Вася!

Вася. Ладно. Пожалуйста. Могу без житейского моря.

...Хохот и аплодисменты доносятся через раскрытую дверь на балкон, где стоят, слушая речь, Костя и Лиза.

Лиза *(улыбаясь)*. Что, Костенька? Екает сердце? А? Только правду?

Костя. Представь себе — нет.

...Аплодисменты стихают.

Вася. В общем, Наташка, иди сюда. Лизы тут нет? Давай поцелую.

Наташа увертывается, он, смешно растопырив руки, старается поймать ее. Она прячется за спину Раи, потом, хохоча, выбегает на балкон.

Наташа. Лиза, спасай меня!.. *(Лиза обнимает ее.)* Эх, а еще друзья! Спрятались тут и даже не выпили за мое здоровье.

Костя *(поднимая бокал, который держит в руке)*. Вот, пьем.

Из комнаты кричат:

— Лиза, иди сыграй вальс!

Лиза уходит, и через мгновенье раздаются звуки вальса, исполняемого не слишком умело.

...Теперь Наташа и Костя одни на балконе. Наташа возбуждена, ей очень хорошо в этот вечер встречи с друзьями — так хорошо, как не было, вероятно, уже очень давно. И непринужденно, по-дружески она предлагает:

— Костя, идем танцевать.

Костя. Я не танцую.

Наташа *(удивленно)*. Милый ты мой! Значит, так и не научился?

Костя *(корректно)*. Так и не научился.

Наташа некоторое время смотрит на Костю, как бы стараясь получше разглядеть его, потом говорит:

— А ты действительно изменился... Знаешь, я прочла твою книгу.

Костя *(подчеркнуто удивленным тоном)*. Вот как?

Наташа. Представь себе. И мне было очень интересно.

Костя чуть насмешливо наклоняет голову, церемонно раскланиваясь. Наташа, усмехнувшись, отвечает ему таким же церемонным поклоном. Отходит к перилам балкона и глядит на мерцающие внизу огни.

— Костя, ты любишь наш город?

Костя. Люблю. А вы?

Наташа, оглядев его и опять усмехнувшись, произносит:

— И мы!

И быстро идет по балкону в комнату. В дверях вдруг останавливается, возвращается и неожиданно говорит:

— Слушай, Костя. Перестань валять дурака. Неужели мы так и будем всю жизнь дуться друг на друга?

— А я ни на кого не дуюсь.

— Дуешься и глупо,— живо возразила она.— Может быть, тебе тогда было и нелегко... Но разве я нарочно?.. Просто иначе не могла... Что поделаешь — вот не могла!

— Я понимаю.

Постояла, посмотрела на него, затем сказала:

— Ничего ты не понимаешь! Вася, идем танцевать!

Быстро ушла в комнату. Там ее подхватил Вася.

Лиза бурно играла вальс, и Вася крутил Наташу все быстрей, быстрей.

И последнее, что мы видим в этой сцене,— лицо смеющейся, сияющей Наташи.

Сидя на кровати возле спящего Тишки, Наташа горько плачет.

Рая в халате, с зубной щеткой в руке входит в столовую, где еще стоит неубранная посуда, оставшаяся после дружеской вечеринки. Прислушивается. Бросается в соседнюю комнату. В страхе склоняется над Наташей.

— Что с тобой? Что такое?

Глухие, сдерживаемые рыдания сотрясают Наташу. Наконец она говорит:

— Ничего, Раечка, сейчас все пройдет...

Встает, отходит к окну. Ошеломленная Рая следует за ней.

— Да что случилось, Наташа? Можешь мне объяснить?

Та, прижавшись лбом к стеклу, отвечает:

— Ничего, Раечка, не случилось. Просто мне немножко тяжело.

— Ничего не понимаю!

Наташа медленно прошлась по комнате.

— Что тут понимать? Все очень просто. Не ладится у меня жизнь с Сережей.

— Ну вот,— всплеснула руками Рая,— точно чуяло мое сердце!.. Да почему? Почему?

Наташа помолчала, стараясь, видимо, для самой себя найти ответ на этот вопрос.

— Не знаю. Все у нас как-то не так,— сказала она наконец.— Вот я тебе скажу все,— проговорила она и взглянула на Раю, как бы стремясь убедиться, что та поймет ее слова так, как надо.— Вот иногда я просто восхищаюсь Сережей, такой это смелый, прямой, талантливый, бескорыстный человек. Это же факт! — живо добавила она, словно радуясь, что может сказать о Сереже так много хорошего.— А иногда мне вдруг кажется, что все наоборот... Что для него ничего не существует в жизни, кроме него самого... Бездушный какой-то. Безжалостный.

Она искоса взглянула на Раю, решая — поведать ли самое горькое и обидное. И сказала:

— Вот и со мной он так. В ту субботу была наша годовщина, пять лет свадьбы. И мы решили провести этот день вместе... Все придумали, обо всем договорились. Хотели взять Тишеньку, поехать по Волге... Мы с Тишкой так ждали этого! Так готовились!.. И ничего не вышло.

Рая *(озадаченно)*. Почему?

Наташа. Потому, что он даже не вспомнил об этом, даже не приехал за нами. Просто забыл!

Рая *(в ужасе)*. Фантастика, честное слово! Просто не верится. Дичь какая-то.

Наташа. Я взяла Тишку и уехала сюда... *(Она подсела к Рае и как-то странно улыбнулась.)* Вот видишь, как бывает, Раечка...

Наступило молчание. Вдруг Рая резко сказала:

— Ты меня прости — этот человек был мне всегда несимпатичен! Но, если на то пошло, я уверена, что ты сама виновата. Наверно, ходишь за ним как тень, потеряла себя, растворилась.

Наташа. Но, Раечка, разве не может женщина отдать всю себя любимому человеку, ребенку, семье? Разве это так уж предосудительно?

Р а я *(запальчиво).* Может, конечно! Но это должно быть взаимно. Возьми хотя бы Лизу и Васю. А что у тебя? Да будь он хоть трижды талантливым-расталантливым! Но что он тебе в жизни дал? Ничего.

Н а т а ш а. Это неверно.

Р а я *(решительно).* Ни-че-го! *(Она кинулась к Наташе и крепко-крепко обняла ее.)* Наташенька, голубка моя! Вспомни, какой ты была!.. Ведь, клянусь тебе, ты была лучше нас всех. У тебя была ясная цель, ты мечтала стать педагогом. А что получилось? — она горестно покачала головой.— Что получилось, Наташка? Для чего ты живешь? В чем теперь твоя цель?

Наташа молчала. Рая забегала по комнате. Потом остановилась и решительно проговорила:

— Нет! Все это надо поломать! Хоть на время, но вы должны расстаться! Пусть он там повертится без тебя!

Н а т а ш а. Как у тебя все это просто.

Р а я *(внезапно).* И знаешь что: ты должна закончить институт! Честное слово!

Это предложение настолько неожиданно, что Наташа не может не улыбнуться.

— Чудачка... Да кто же мне это разрешит... После такого перерыва?

Р а я. Разрешат. Институт будет хлопотать. Ты же всегда была круглой отличницей... Тебе поможет Костя. И мы все поможем.

Н а т а ш а *(с сомнением).* Неужели это возможно?

Р а я. Конечно! И нужно.

Пауза. И вдруг Наташа с надеждой и радостью проговорила:

— Ох, какое это было бы счастье!

Р а я. Еще бы! Ты станешь наконец педагогом... Вспомни, как ты об этом мечтала!..

Н а т а ш а. Да, да, Раечка, может быть, ты и права. Пожалуй, да!..

Звонок телефона. Рая поднимает трубку, слушает и передает трубку Наташе:

— Тебя.

...Это Сергей. Он говорит шутливо, но с искренней лаской и нежностью.

— Малышка?.. Здравствуй, родная... Это я.

Н а т а ш а *(холодно).* Здравствуй, Сережа.

Сергей. Ты все еще сердишься на меня? Еще не забыла мои прегрешения?

Наташа *(сухо)*. Пока нет.

Сергей. Не сердись, малыш. Если бы ты знала, до чего же мне тошно без тебя.

Наташа *(чуть иронически)*. Вот даже как?

Сергей. Если б ты видела, какой я сейчас одинокий, заброшенный, неухоженный.

Наташа *(уже мягче)*. Воображаю, какой там у тебя беспорядок.

...Сергей, который в костюме лежит на кровати с телефонной трубкой в руке, поспешно опускает ноги с покрывала и испуганно оправляет смявшуюся постель:

— Ну, уж не такой беспорядок!.. Скажи, ты хоть немножко соскучилась обо мне?..

Наташа. Нет.

Сергей. У тебя просто ледяное сердечко. Ты ледышка? Да?

Наташа *(улыбаясь)*. Да.

Сергей. Так вот, слушай, ледышка. Поздравь меня и себя. Я получил наконец новое назначение, мы с тобой переводимся в Харьков. А в ближайшие дни я еду в Москву. Так что немедленно возвращайся домой, надо собираться.

Наташа *(в замешательстве)*. Но как же, Сережа? Я только что приехала. И потом тут возникло одно обстоятельство. *(Поспешно.)* Нет-нет, Тишенька здоров... Просто мне обязательно надо здесь немножко задержаться.

Сергей. Да в чем там дело?

Наташа. Я тебе потом все объясню.

Сергей. Ну хорошо... Когда поеду в Москву, буду проезжать мимо, встретишь меня на вокзале, там все решим насчет переезда. А теперь поцелуй меня. *(Опять переходя на шутливый тон.)* Только крепко... Нет, не так. Еще крепче... Ну, вот так! Ну, целую тебя, девочка!..

Наташа кладет трубку на рычаг. Лицо ее озарено таким живым внутренним светом, что Рая невольно говорит:

— Эх ты! Любишь ты его без памяти, вот что!..

И, улыбаясь, виновато взглянув на нее, Наташа отвечает:

— Люблю.

Рая взбегает по лестнице института. Она попала в перемену, когда коридоры и лестницы заполнены шумной молодежью. Спрашивает какого-то вихрастого студента в ковбойке:

— Не видели Константина Николаевича?

— Вот он.

Костя стоит, окруженный студентами. Рая подходит:

— Константин Николаевич, можно вас на минутку?

Костя отходит с ней в сторону.

Рая *(тревожно)*. Костя, ты когда условился сегодня заниматься с Наташей?

Костя. Как всегда, в шесть.

Рая. Ты знаешь, она только что получила телеграмму от мужа и должна встретиться с ним на вокзале. И я ужасно волнуюсь. Костенька, поговори с ней.

Костя *(сдержанно)*. О чем, Рая?

Рая. Понимаешь, я боюсь, что он опять повернет по-своему... Объясни ей, что если она уже на что-то решилась, то надо настоять на своем!

Костя. Нет, Раечка, об этом я говорить с Наташей не буду.

Рая. Почему?

Костя. Такие вопросы человек должен решать сам.

Рая *(вспылив)*. Но это же все теории!! А здесь речь идет о Наташе. Значит, тебе совершенно безразлична ее судьба?

Костя. Что же делать, Раечка... Прости, у меня сейчас лекция.

Действительно, уже прозвенел звонок, коридоры пусты. Костя входит в аудиторию. Студенты встают.

Грохот поезда, подходящего к перрону. В толпе встречающих среди обычной суеты мы видим Наташу. Она стоит, высоко подняв Тишку:

— Смотри, смотри!.. Ищи папу... Где папа?

Поезд замедляет ход. Наташа, по-прежнему держа Тишку высоко на руках, идет к вагонам. И вдруг Тишка неистово кричит:

— Папа!

С подножки еще не остановившегося вагона спрыгивает Сергей и бежит навстречу жене и сыну. Подхватывает Тишку, обнимает, целует, потом наклоняется к Наташе и крепко-крепко целует ее.

Сергей *(Тишке)*. Ну как ты тут, брат? Жив-здоров?

Тишка. Жив-здоров...

Сергей. Мать не обижаешь?

Наташа. Нет, он ведет себя хорошо.

Сергей. То-то!.. Получай премию.

И дает Тишке игрушечный паровозик с вагончиками. Тихон мгновенно спрыгивает с рук и начинает играть возле родителей, подражая свисту и шипению паровоза.

Сергей *(Наташе)*. А ты как, малыш? Ну, покажись-ка... *(Любуясь ею.)* Ничего! *(Обнимает.)* Наталка ты моя, милая!

Они идут по перрону. Тишка, шипя и свистя, следует за отцом, который держит его за руку.

Сергей *(весело)*. А теперь рассказывай, что у тебя тут?

Наташа. Сережа, я тебя очень ждала. Мне нужно с тобой посоветоваться.

Сергей. Что ж, давай советоваться... Между прочим, ты меня еще не поздравила.

Наташа. Поздравляю тебя, дорогой. Я очень за тебя рада.

Сергей. Ты понимаешь, как теперь все изменится, Наталка, друг ты мой! Харьков!.. А ты всегда ругаешь меня!

Наташа. Ну, не всегда. Послушай, Сережа... Я вот о чем...

Сергей. Кстати, всю возню с переездом придется тебе, девочка, взять на себя. Мне совершенно некогда этим заниматься.

Наташа. Ты послушай меня... Понимаешь, Сережа, мне не хотелось бы сейчас ехать в Харьков.

Он даже остановился от неожиданности. Остановилась и Наташа.

Сергей. Как «не хотелось бы»? Почему?

— Только ты погоди, — волнуясь, проговорила она.— Понимаешь, Сережа... я не хочу больше жить так, как мы жили.

— Ничего не понимаю! — сказал он. — А как мы жили?

— Плохо жили, Сережа. Ведь ты сам это хорошо знаешь.

— А!.. Знакомые песни!..

Он поглядел на нее, стараясь понять, насколько серьезны ее слова, а потом с раздражением заговорил:

— Плохо жили!.. Конечно: я должен был бросить все и заниматься только тобой. Ты все хочешь, чтобы я носил тебе цветы и конфетки. А работа, строительство, страна, партия — все это может подождать? Так, что-ли? Ну так носить конфетки я не умею! Что ж поделаешь, не умею! И, кстати, не обещал!

Наташа с досадой возразила:

— Ведь это несерьезно, Сережа!.. И перестань кричать!

Разговор становился все более острым и начинал привлекать внимание окружающих. Даже Тишка перестал играть и переводил испуганные глазки с отца на мать и с матери на отца.

Сергей. Короче, чего ты хочешь?

Наташа *(твердо)*. Я хочу пока остаться здесь и снова поступить в институт.

Сергей так и застыл от неожиданности. Наташа торопливо добавила:

— Я только поступлю, а потом переведусь в Харьков. Мне легче здесь поступить. Я ведь училась тут, меня все знают.

И вдруг, по обыкновению, Сергей сразу вспыхнул. Он попытался было сдержать себя, но уже не смог, и, как всегда, с каждым словом распалялся все больше.

Сергей. Значит, ты просто решила развалить семью?! Я буду жить там, ты — здесь, а ребенок — вообще неизвестно где! Так, что ли? Это же блажь! Никакого чувства ответственности. Пожалуйста, выбрось всю эту дурь из головы.

Он говорил так громко, что Тишка, испуганно посмотрев на него, отошел к матери и прижался к ней. Но странно: чем больше Сергей кричал и волновался, тем тверже и спокойней становилась Наташа.

Наташа. Это не дурь, Сережа.

Сергей. А что же это? Сейчас, когда ты мне так нужна!!

Он прошелся немного по платформе, стараясь успокоиться, потом сказал.

— Неужели ты действительно решила остаться здесь?

Наташа. Пока — да.

Раздался второй звонок. Сергей побледнел, подошел к ней вплотную и решительно, с расстановкой проговорил:

— Ну так вот что, милая! Либо ты поедешь со мной в Харьков, либо ты мне вообще не нужна! Понятно?!

Долгое молчание.

Наташа *(тихо)*. Ну, значит, я тебе не нужна.

Мгновенье он молча смотрел на нее, потом повернулся и решительно зашагал к вагону. Взбежал по ступенькам и исчез.

Поезд медленно тронулся. У Наташи был такой вид, что, казалось, вот-вот бросится она за этим уплывающим вдаль вагоном, как некогда бросилась вслед за Сергеем по лестнице. Но она не двинулась с места. Побежал было Тишка. Крикнул:

— Папа!

Но тут же вернулся к матери, вопросительно посмотрел на нее.

...А поезд все убыстрял ход. Промелькнул последний вагон, мигнул, словно красная капля, фонарик. Замер вдалеке гул. Наташа повернулась, пошла к выходу, держа за руку Тишку.

...Они вышли из вокзального здания. Лил дождь. И только стали спускаться на площадь, как их кто-то окликнул:

— Наташа!

Это был Костя с большим черным зонтом. Она удивленно остановилась:

— Что ты, Костя? Почему ты здесь?

— Да понимаешь... Рая сказала, что дождь... А ты без зонта.

Только тут она заметила, что идет дождь.

— Да, дождь... Спасибо, Костя.

Костя щелкнул затвором зонта. Она хотела взять его в руки, но Костя сказал:

— Я понесу.

Они перебежали вокзальную площадь. Костя нес зонт так, что от дождя были укрыты Наташа и Тиша, а у него защищены только правое плечо и краешек шляпы.

Миновали бульвар, Наташа шла, глубоко задумавшись, даже не замечая, что кто-то идет с нею рядом и держит над нею зонт. Все так же, совершенно молча, они пересекли большую улицу, прошли переулок, подо-

шли к подъезду учительского дома. Остановились. Наконец, вернувшись к действительности, Наташа с изумлением оглядела мокрого Костю, словно только сейчас поняла, что он все время шел с ней.

Дождь кончился, падали последние редкие капли, уже пробивалось жаркое солнце.

— Ты домой? — спросила Наташа.

— Нет... Я еще в институт.

— Ну, спасибо, что проводил, — сказала Наташа.

Когда она уже входила в подъезд, он окликнул ее:

— Наташа!

Она остановилась.

— Так как же? Приходить мне сегодня к тебе на урок? Или что-нибудь изменилось? — В этих быстрых, словно вскользь произнесенных словах, содержался вопрос о чем-то большом и решающем.

— А что? Разве ты занят сегодня?

— Нет, я, конечно, могу...

— Ну, и я! — решительно и спокойно проговорила она и вошла в подъезд.

Костя постоял некоторое время, а потом пошел под раскрытым зонтом по улице, хоть дождь давно кончился, и сверкало летнее солнце.

Идет снег, в снегу крыши, улицы. Из окна институтской аудитории видим опушенные снегом деревья и уходящие вдаль просторы зимней Волги с далекими, занесенными снегом недвижными барками и домиками Заволжья.

Все скамьи аудитории заполнены студентами. Читает лекцию Костя.

Костя. Передовая русская мысль того времени была сокрушительно остра, когда она обращала свое внимание против темных сторон жизни. И одновременно она была высокогуманна, потому что направлялась в своей борьбе великими идеалами. Щедрин писал, что сатириком может быть только такой писатель, который показывает жизнь в самых отрицательных красках, потому что необычайно чувствует, какой она могла быть.

На его словах аппарат панорамирует аудиторию. Слушают студенты. Многие записывают. Записывает и Наташа. Глаза Кости остановились на ней, ему, может

быть, показалось, что он говорит слишком быстро и Наташа не успевает записывать. Он делает паузу и невольно начинает медленно говорить.

...Студенческая столовая. Обычная веселая суматоха. Смех, голоса.

За одним из столиков сидит Наташа, окруженная студентами и студентками, и что-то оживленно объясняет им, чертя в тетради.

...Библиотека. Множество юношеских голов склонилось над книгами. Тишина. Вот и Наташа. Она сидит перед раскрытой книгой, конспектируя ее. Быстро бежит карандаш по странице тетрадки.

Но вдруг рука Наташи остановилась. Словно тень пробежала по лицу. Она взглянула в окошко. Густыми хлопьями валил снег. И, низко пригнувшись к тетради с конспектом, Наташа начала писать слова, которые невозможно было бы найти в лежавшей перед ней книге:

«Сегодня у нас настоящая зима. Все кругом белое и пушистое. Тишенька в первый раз катался на санках. А как там, у тебя? Осень, слякоть или уже снег? Ведь ты так любишь зиму. Помнишь, как мы...».

Она не дописала, опомнилась, быстро-быстро зачеркнула, и, наконец, замазала карандашом все написанное, пододвинула книгу, провела ладонью по лицу и опять принялась за свой конспект. Карандаш побежал по той же тетради, под зачеркнутыми строчками.

«Исторически совершенно закономерно, что в старой России...».

Вечер. Костя быстро взбегает по лестнице, звонит у дверей Раиной квартиры. Рая открывает ему дверь и тут же снова садится за стол: она правит ученические тетради.

Костя *(раздеваясь и дуя на замерзшие руки)*. Наташа еще не пришла?

Рая. Она, вероятно, в библиотеке. *(Возмущенно.)*

Ты подумай, Яковлев опять написал «молоко» с двумя «а». Ну хотя бы с одним! Ведь я так с ним бьюсь, и на уроках и дома!

Костя. Она ужинала?

Рая. Кто? Наташа? Не думаю.

Костя. Есть у вас для нее какая-нибудь еда?

Рая. Посмотри сам на кухне.

...Костя идет на кухню. Взяв там холодное мясо, возвращается обратно. Стелет на стол салфетку, достает из буфета тарелку и ставит ее на салфетку. Но, видимо, тарелка кажется ему поставленной надостаточно хорошо, и он передвигает ее сначала немного правее, потом чуть-чуть ближе к краю стола. Вынимает из ящика нож и вилку.

Рая искоса наблюдает за ним, и в ее понимающем взгляде и добродушная усмешка и трогательная нежность. Наконец, она спрашивает:

— Скажи, Костенька, как у тебя дела с диссертацией?

— Пока никак... Что-то застрял.

— Что же ты тянешь? — говорит Рая, пробегая красным карандашом по ученической тетрадке. — Ты знаешь, Наташа этим очень огорчена.

— Она тебе что-нибудь говорила?

— Ей все кажется, что это она виновата.

— Что за нелепость!

Костя вытирает тарелку салфеткой, задумывается. Опять трет салфеткой тарелку и спрашивает:

— Скажи, ты не знаешь, каковы ее дальнейшие планы?

— Какие? Семейные?

Костя еще раз вытирает тарелку.

— Ну, хотя бы...

— А ты что, сам не видишь? История, каких, к сожалению, тысячи. Сначала дико влюбилась, потом разочаровалась. Знаешь, как это бывает. А теперь приехала сюда, занялась делом, постепенно приходит в себя. И, конечно, она его понемногу забудет.

— А они переписываются?

— Нет. По-моему, нет. Он заваливает Тишку подарками, игрушками, чрезвычайно заботится о нем. Но переписываться — нет. В общем, с этим покончено. *(В возмущении черкает в тетрадке.)* И «окно» пишет че-

рез «а». *(В ужасе.)* А слово «поколотить» через три «а». Да что он, забыл, как «о» пишется?!

Рая с отчаянным видом выводит в тетрадке злосчастного Яковлева двойку и возвращается к разговору:

— Нет, Наташе здесь, конечно, в сто раз лучше. Во-первых, она среди своих. Да она и сама это говорит... Костя, разобьешь тарелку!

Костя испуганно ставит тарелку на стол и, помолчав, спрашивает:

— Скажи, Раечка, а как ты думаешь?

— Что?

Теперь Костя шагает по комнате без тарелки.

Рая. Что я думаю?

Он останавливается перед ней.

— Как ты думаешь, Раечка?..

Звонок.

Рая. Вот и Наталья!

Костя быстро идет в прихожую и долго не возвращается.

Рая. Костя! Кто там?

Костя *(входит с телеграммой)*. Телеграмма Наташе.

Рая. Дай-ка сюда. *(Распечатывает телеграмму и читает.)* «Устроил перевод Харьковский пединститут, приезжай немедленно оформления целую тебя Тишеньку Сергей».

Наступает тишина. Рая и Костя долго смотрят друг другу в глаза. Бледный, растерянный, Костя отходит к столу и садится. И, еще раз заглянув в телеграмму, Рая говорит:

— Костенька, она не поедет!

— Ты думаешь?

— Слишком дорого ей все это стоило. Она теперь все превосходно понимает. Нет, нет, Костенька, она никуда не поедет, уж поверь мне!

Бежит поезд. Постукивают колеса. Вот уже бегут мимо окна вагона пакгаузы, мощеные улицы, дома. Внизу, под мостом, катится трамвай.

Стоя у окна, Наташа в волнении спрашивает старушку, которая стоит тут же:

— Это уже Харьков? Уже Харьков, да?

Старушка. Харьков... Вы что же — не здешняя?

Наташа. Нет, я в первый раз... Вы знаете, я ужасно волнуюсь! — говорит она и перебегает от окна в коридоре к окну в купе.

Отсюда тоже видны пролетающие дома, улицы, автомобили, троллейбусы. Наташа возвращается в коридор и спрашивает гражданина, который натягивает пальто:

— Что? Подъезжаем?

— Да, уже близко.

Поезд замедляет ход, проплывает платформа, Наташа не отрывается от окна, стараясь разглядеть Сергея в пестрой толпе встречающих. Но разобрать ничего невозможно.

Поезд останавливается. Наташа спускается по ступенькам на платформу и оглядывается, ища глазами Сергея. Слышит голос:

— Вы Наталья Владимировна Ромашко?

Удивленно останавливается.

— Я.

Перед ней молодой человек — секретарь Сергея. Сняв шляпу, он вежливо говорит:

— Сергей Терентьевич поручил мне вас встретить.

Наташа *(испуганно)*. А что случилось? Где он сам?

Секретарь. Нет-нет, ничего. Он очень огорчился, что не смог приехать. Но у него важное совещание — приехал начальник главка.

Секретарь поднимает ее чемодан, направляется к выходу. Они теряются в толпе.

Едут в машине по улицам Харькова. Наташа с живым любопытством вглядывается во все, что попадается на пути.

Наташа. А это что?

Секретарь. Оперный театр...

Наташа. Какое большое движение... А как себя чувствует Сергей Терентьевич? Он здоров?

Секретарь. Здоров...

Наташа. А как он выглядит?

Секретарь *(подумав)*. Не знаю, по-моему, ничего... А это Дом промышленности, одиннадцать этажей... Теперь — за угол, и приехали.

...В дверях квартиры секретарь сказал дородной в белом переднике домработнице:

— Настасья Степановна, принимайте хозяйку.

И та заговорила приветливым, певучим голосом:

— А, милости просим... Уж мы ждали вас, ждали!..

Она берет вещи и вслед за Наташей входит в первую комнату — столовую. Здесь стоит богато накрытый стол, приборов на десять.

Наташа. *(любуясь)*. Боже мой, неужели это в честь моего приезда?

Настасья. Сергей Терентьевич звонил, просил приготовить обед.

Наташа указывает на дверь.

— А что там?

— Кабинет.

Уже без Настасьи Степановны Наташа входит в кабинет. Кабинет, как и вся квартира, носит еще малообжитой вид. Большой письменный стол. Во всю стену полки для книг, но книг еще нет. С волнением и любопытством оглядывает все Наташа. Вот, видимо, попалась ей старая знакомая — чернильница, и она, улыбнувшись, открыла и закрыла крышку. Она с интересом вглядывалась в новые вещи и как бы здоровалась со старыми — со всем тем, что когда-то составляло ее дом.

В спальне стоят рядом две кровати: одна — Сергея — застелена одеялом, другая — без простыни и одеяла, один голый матрац. В углу висит знакомый Сережин костюм. Наташа постояла перед ним, затем взяла рукав в руку (как в рукопожатье), тряхнула им и сказала.

— Здрасте!

Напевая, пробежала в соседнюю комнату. Это была детская. Среди множества новых игрушек Наташа вдруг увидела старого Тишиного медвежонка, прижала его к груди и крепко расцеловала. Это был ее дом, возвращенный дом, и она ходила по нему хозяйкой, заглядывая повсюду.

Послышался далекий звонок, и вслед затем приближающийся женский голос:

— Наташа! Ау!

Удивленная Наташа поспешила в спальню, где и столкнулась со спешившей к ней Лилей. Это было так неожиданно, что Наташа остолбенела.

Лиля — ее подруга студенческих лет — еще больше похорошела, была одета ярко и с шиком.

Наташа (*изумленно*). Лиля!.. Лилечка!.. Ты как здесь?

Лиля (*смеясь и целуя Наташу*). Сергей просил встретить тебя, но я, разумеется, опоздала...

Наташа. Ты подумай — я совершенно забыла, что ты в Харькове!

Лиля. Покажись, покажись, какая ты. (*Вертит Наташу во все стороны.*) Все так же мила, честное слово. (*Смеется.*) Дело в том, что Сергей сегодня устраивает обед для начальника главка. Он просил, чтобы я привела тебя в соответственный вид... Прежде всего — в парикмахерскую. И покажи мне свои платья.

Наташа (*смущенно*). Но, Лилечка, я ведь всего на несколько дней, какие же платья? Вот привезла одно.

Лиля (*разглядывает платье*). Гмм... Ладно! Едем!..

...Садясь в ту же машину, которая привезла Наташу, Лиля бросает шоферу:

— В парикмахерскую, — и обращаясь к Наташе: — Теперь рассказывай все по порядку. Как там все наши? Как Райка Федотова? Еще жива? А Костя? Как фамилия-то его? Назаров, Базаров, Гусаров?.. Забыла!

Наташа. Макаров.

Лиля. Как они там живут в этой дыре? Что они там делают? Лапу сосут?

Наташе неприятны эти остроты в адрес ее друзей, и она переводит разговор.

— А ты, я слышала, стала актрисой? Как это у тебя получилось?

— Довольно просто. Вышла замуж за режиссера. Гронский — слышала такое имя? (*Смеясь.*) И я не слышала, пока замуж не вышла. А здесь он почти Станиславский.

— Значит, у тебя актерский талант?

— Не знаю. В газетах, во всяком случае, об этом не пишут. Но все-таки это лучше, чем быть учительницей.

— Значит, ты, в общем, довольна жизнью?

Лиля. Как тебе сказать? Не чересчур. Гронский —

колоссальный лопух. Сидим всегда без денег, квартира — дрянь. Правда, Сергей обещал новую в доме инженеров.

Наташа. А вы с ним часто встречаетесь?

Лиля. С кем? С Сергеем? В общем — да. Надеюсь, ты не ревнуешь?

Наташа. Ну что ты, Лилечка.

Лиля. Знаешь, обычно бабы не понимают, что может быть дружба между мужчиной и женщиной. К тому же он у тебя тихоня. Вот мы и приехали.

...В парикмахерской они сидят рядом, и им обоим завивают волосы. Вокруг много народу, но Лиля тараторит без умолку:

— Публика здесь в целом тусклая, портнихи безвкусные, в комиссионках только бинокли и щипцы для каминов.

Наташу стесняет эта болтовня, и она все пытается направить разговор в другую сторону.

— А что твой брат Петр?

— Петька здесь. Работает в аппарате. В общем, дурак и пьяница, но ему, конечно, везет, Сергей его любит. *(Парикмахеру.)* Послушайте, Ванечка, это же нос, а я просила завить мне волосы... Вот твой Сергей — за него можно не волноваться. Увидишь — он сделает сногсшибательную карьеру.

Наташа. Не знаю... По-моему, он к этому особенно не стремится.

Лиля удивленно смотрит на нее. Наташа, смутившись, быстро переходит на другую тему:

— Скажи, Лилечка, а что ты делаешь в театре? Ты играешь интересные роли?

Лиля. Что-то играю. Но имей в виду, душечка, настоящее искусство только в Москве, это уж ты можешь мне поверить. Вот увидишь — я Гронского вытащу в Москву. За уши, но вытащу!

Наташа *(уже неприязненно)*. Лиля, мы не опаздываем?

...В спальне. Непривычно видеть Наташу с локонами на голове.

Лиля продолжает тараторить:

— Конечно, что говорить, — Сергей молодец. Потому-то у него так много врагов — это ты должна иметь в виду.

Наташа *(сразу забеспокоившись)*. Не понимаю. Почему у него должны быть враги?

Лиля. Боже мой, строитель он действительно замечательный. Но знаешь его характер: кого-то выгнал, с кем-то переругался... В общем, у него довольно сложные отношения с партийной организацией. Секретарь здесь, знаешь, из старомодных... И, по-моему, поскольку здесь начальник главка, Сергей собирается дать генеральный бой. *(Звонок.)* Неужели уже гости? Попудрись. И будь хоть раз в жизни безнравственной — намажь губы.

Лиля выбежала, Наташа осталась одна в тревожном раздумье. Что это за враги, от которых надо уберечь Сергея? И какой он, этот новый Сергей? И как она встретится с ним?

Она вышла в соседнюю комнату — в кабинет. И тут увидела Сергея, который шел ей навстречу из другой двери. Он несколько пополнел, осанка стала солидней, увереннней; от всей его складной фигуры так и веяло силой, здоровьем.

Она остановилась и, побледнев, смотрела на него. Остановился и он.

Некоторое время оба стояли молча. У нее захватило дыхание, и она приложила руку к груди.

— Ну, здравствуй, малышка, — сказал он.

Подошел, протянул к ней руки. Она нерешительно двинулась, приостановилась и вдруг бросилась к нему. Он крепко-крепко прижал ее к себе и стал целовать ее волосы, глаза, губы.

— Соскучилась? Сознайся—хоть немножко соскучилась? — с любовью и нежностью говорил он.

А она смотрела на него смеющимися, счастливыми, лукавыми глазами и отрицательно качала головой.

— Нет, нет, соскучилась, вижу — соскучилась, — говорил он и опять целовал ее.

— Ну соскучилась, соскучилась, ну соскучилась, — говорила она и целовала его. — Вот как соскучилась!!

— То-то! — сказал он и поставил ее на ноги.

Послышался голос Лили:

— Где вы, хозяева? Там уже все в сборе.

...В столовой ожидало их четверо гостей: уже немолодые инженеры Карпинский, Славин с женой и еще один человек, полный и молчаливый.

Войдя, Сергей сказал:

— Знакомьтесь, товарищи, это моя жена. Как это ни странно — все еще студент. А это мои инженеры. Принимай бразды правления, Наталья.

Наташа *(любезно)*. Прошу к столу.

Сергей *(весело)*. Нет... С этим повременим, подождем начальника главка. Петр сейчас его привезет.

Наташа *(смутившись)*. Ох, прости.

Ее выручила Лиля:

— Гронский, идите сюда, знакомьтесь. Это моя подруга.

К Наташе подошел тот самый полный молчаливый человек с приятной, спокойной улыбкой.

— Гронский.

Он был ей чем-то симпатичен, и она, улыбнувшись ему, ответила:

— Ромашко.

Раздался звонок.

Сергей *(многозначительно)*. О!!.. Извиняюсь. Наташа, идем.

И, отодвинув стоявшую на пути Лилю, прошел в прихожую вместе с Наташей. Там снимал пальто Петр. Он был один. Сергей спросил его:

— В чем дело? Почему ты один?

Петр. Не дождался его. Говорят, что занят.

Сергей *(неприятно уязвленный)*. А когда он освободится?

Петр. Ну опоздает немножко... Звякну ему попозже. *(Наташе.)* Здравствуй, Наталочка! Вот мы и в Харькове! С приездом, дорогая, дай лапку! *(Целует Наташе руку.)*

Сергей. Пошли!

Помрачнев, он входит в столовую и говорит:

— Прошу за стол. Семеро одного не ждут, даже начальника главка.

Переглянувшись, все начинают рассаживаться.

...Уже много выпито, опустели блюда, обед близится к завершению. Справа от Сергея сидит Наташа, молчаливая и настороженная.

Один из приглашенных инженеров, Карпинский, стоит с бокалом в руке.

Карпинский. Много тут было сказано замечательных слов, позвольте и мне... Скажем так: есть у Сергея Терентьевича недостатки? Конечно, есть, — и немалые. А все-таки покорил он нас, Наталья Владимировна. А чем? Своими знаниями, огромным опытом. (*Подумав.*) Масштабами.

Лиля. А главное — смелостью. По-моему, это в нем главное. Правда, Наташка?

Наташа искоса посмотрела на нее и тут же снова опустила глаза.

Карпинский. Но крут!.. Ох, крут, Наталья Владимировна! (*Сергею.*) Ведь, Сергей Терентьевич, ей-богу, таких инженеров, как Самохин, Кузовкин, Ларин, — поискать. Может, зря вы их так, а? И помочь и посоветовать вам бы могли.

Сергей. А я, дорогой мой, в советчиках не нуждаюсь, у меня своя голова на плечах. И хватит об этом.

Карпинский. Ну, молчу, молчу, сдаюсь... Вот, собственно, и все! (*Вспомнив.*) Да! Еще одна вещь! (*Сергею.*) О таланте...

Сергей, который слушает эту речь, исподлобья глядя на Карпинского, насмешливо откликается:

— Ну вот, о таланте — и чуть не забыл! Как же ты, брат? Давай о таланте.

Все хохочут.

Карпинский (*Сергею*). Ну вас, Сергей Терентьевич! Всегда вы все осмеете. А я, ей-богу, от всей души!

Сергей (*Наташе, которая по-прежнему слушает, не поднимая головы*). Не верь ему, Наташка. Не любят они меня. И он первый не любит. (*Карпинскому, добродушно.*) Ну, иди сюда, чокнемся. (*Иронически.*) Вот бы такого послать по стройкам, чтобы его мои инженеры послушали!..

Все снова смеются, Карпинский, махнув рукой, отправляется к Сергею чокаться.

Петр (*он уже сильно выпил*). И зря ты, Карпинский трели пускаешь. Не останется у вас Сергей Терентьевич.

Карпинский. Как — не останется? Мы его никуда не отпустим.

Петр. Наташенька, верь моему слову: не пройдет и двух месяцев, как мы перемахнем в Москву.

Сергей *(с насмешкой)*. Ну вот, гляди, еще одна гадалка.

Петр *(запальчиво)*. Могу предсказать всю комбинацию. *(Быстро.)* Звенягин пойдет в Министерство металлургии, Саркисов сядет на его место, на место Саркисова назначат Беляева, а Сергей Терентьевич сядет на место Беляева... Верьте мне!

Сергей *(Наташе, смеясь)*. Видала? Как пасьянс раскладывает! *(Петру.)* Поменьше болтай! Иди, тебе звонить пора.

Петр уходит.

Жена инженера Славина говорит мужу шепотом:

— Ну скажи же и ты хоть что-нибудь! Сидит как сыч! Слово выдавить не может.

Лиля. Давайте, друзья, выпьем за исполнение желаний. *(Чокается со всеми и с Сергеем.)* Когда чокаются, надо смотреть в глаза.

Сергей равнодушно смотрит на нее и чокается. Наташа исподлобья наблюдает за этой сценой.

...Петр говорит в телефонную трубку:

— Что же вы — все «занят» да «занят». Когда же он освободится? *(Внезапно меняет тон, вкрадчиво.)* Слушай, друг, а если без дураков? Приедет он или нет?.. Да ладно, что вы сердитесь!

Кладет трубку, направляется в столовую. На вопросительный взгляд Сергея отрицательно качает головой. Сергей в сердцах отодвигает тарелку.

— Черт тебя знает! Такой ерунды, и то сделать не можешь!

— Да чем же я виноват, Сергей Терентьевич? Я ведь начальниками главков не распоряжаюсь.

Сергей. Не распоряжаешься!.. Тогда зачем затевал? Сам же затеял всю эту канитель. Шофер Лешка — и тот бы лучше организовал.

Петр *(обозлившись, грубо)*. Ну, значит, не умею!

Сергей *(вспыхнув)*. А что ты вообще умеешь! Выгнать бы тебя давно, а я с тобой цацкаюсь тут!

Петр *(безнадежно махнул рукой)*. Но если он не хочет к тебе ехать! Вот не хочет — и все!

Сергей *(Наташе)*. Видала — фрукт!.. Тут его недавно хотели послать на периферию, так он такой визг поднял. И я же его, дурака, и спасал!

Карпинский *(тонко)*. Скорее уж надо было периферию от него спасать, Сергей Терентьевич.

Общий смешок.

Сергей *(успокаиваясь)*. Тоже верно.

Славин *(Петру, тихо)*. Так, значит, товарищ начальник главка не приедет сюда?

Сергей *(услышав, снова вспыхивает)*. Да, представьте себе, не приедет! Рекомендую вам сделать из этого выводы для ваших будущих тостов!

Славин. Что вы, Сергей Терентьевич! Зачем же так?

Но Сергей уже в том состоянии неистовой ярости, которую не так-то легко потушить.

Сергей. Ведь у вас как? Раз начальство не прибыло, значит, уже что-то неладно. Значит, держи ухо востро. Так, что ли?

Петр. Брось, Сергей Терентьевич, о чем ты говоришь.

Сергей *(в бешенстве)*. А то ты Христос?!

Наташа, белая как полотно, слушала эту безобразную сцену. Вот она подняла глаза, и взгляд ее встретился с понимающим, умным взглядом Гронского.

Лиля. Не надо, Сергей.

Сергей *(резко отстранил ее рукой и, указывая на обоих инженеров, опять обратился к Наташе)*. Посмотри, как переполошились. Как же: а вдруг не за тот стол сели! Могу посоветовать — завтра утречком, да пораньше, да прямиком к начальнику главка, чтобы отмежеваться.

Славин *(искренне возмущен)*. И не совестно вам, Сергей Терентьевич!

Сергей *(не слушая)*. И, конечно, в партком. Только имейте в виду: главк — это еще пока не край земли. И парткомом меня тоже не испугаешь. Я, милые мои, сам — партия!

Наступила мертвая тишина. И, видимо, поняв, что залетел уже слишком, Сергей сказал другим тоном:

— Ну ладно, Петька, налей вина. Давайте выпьем. А то еще обидитесь!.. Наталья, спела бы нам, а?.. Эту, как ее... мою любимую, волжскую.

Лиля *(всплеснув руками)*. Да!.. Наташка, я же совсем забыла! Ты же у нас певица. Просим, просим. *(Аплодирует.)*

Все остальные тоже начинают аплодировать.

Наташа *(спокойно)*. Нет, я петь не буду!

Петр *(затягивает срывающимся голосом)*. «Стояли холмы одиноко, и ветер гулял...». Где он гулял? Как там? Наташа, давай!

Наташа метнула взгляд на Петра и ничего не ответила.

Карпинский. Наталья Владимировна, голубушка! Ради компании. А? Как хозяйка дома!..

Наташа *(спокойно и отчетливо, обращаясь к Карпинскому)*. А я не хозяйка этого дома.

Все смолкли.

Сергей *(повернувшись к ней)*. А кто ж ты такая?

Наташа молчит.

Молчат и остальные.

Сергей. Может, ты объяснишь нам, кто ты здесь?

Неловкая тишина. Вдруг Наташа резко встала, бросила салфетку и вышла из комнаты.

С шумом захлопнулась за ней дверь.

Все замерли. Сергей посидел немного, потом тоже бросил салфетку, тяжело отодвинулся от стола и пошел вслед за Наташей.

Она стояла в спальне, прислонившись к стене. Сергей не сразу ее увидел. Оглядевшись, он подошел к ней.

— Что, опять бунт? Опять не по нраву?

Она стояла бледная и молчала. Развившийся локон спадал ей на глаза.

Сергей *(примирительно)*. Причешись и пойдем.

— Уйди отсюда! — тихо сказала Наташа.

— Ты что, в своем уме? — опешил Сергей.

Тогда она крикнула ему:

— Оставь меня, слышишь? Мне отвратительны твои гости! Эти подхалимы! Где ты их раздобыл? И этот твой гнусный, хамский тон. Мне все здесь отвратительно. И эта женщина, и вы сами!

Она стремительно отвернулась от него. Пораженный ненавистью, которую он увидел в глазах жены, Сергей притих. Потом резко повернулся и вышел.

Войдя в кабинет, он столкнулся с Лилей.

— Что это с ней вдруг? — спросила насмешливо Лиля. — Что это за номера?

— А вам что тут? — в бешенстве, сквозь зубы процедил Сергей.— Что вы тут крутитесь? Что вам тут надо? — И, подтолкнув ее к двери, сказал: — Ступайте отсюда вон!

И так захлопнул дверь за выбежавшей Лилей, что какая-то картина сорвалась со стены и упала на пол.

Опять бежит поезд, но уже в обратном направлении. Позади остаются пакгаузы, разветвленные железнодорожные пути, трамвайчик, пробегающий под мостом. Вот, наконец, громада города теряется вдали. Мимо окон скользят зимние рощи и поля.

...Наташа в пальто, с чемоданом входит в квартиру Раи. Тиша бросается навстречу матери:

— Мама!

Она подхватывает его, прижимает к себе.

— Мальчик мой, родненький!..

Ребенок обнимает ее крепко-крепко, со всей силой своих ручонок.

— Соскучился?

— Соскучился. *(Заглядывает через ее плечо, как бы ища кого-то за ее спиной.)* А где папа?

— Папа?.. Папа уехал, Тишенька.

— А куда?.. Мы поедем к нему?

Она поставила его на пол и стала на колени, чтобы быть с ним одного роста.

— Нет, Тишенька... Мы пока останемся здесь. Ты ведь хочешь быть с мамой?.. Ты любишь свою маму?

— Люблю.

Все так же стоя на коленях, она прижалась к нему:

— Сыночек мой, родненький. Мы будем с тобой всегда вместе, да? Да, Тишенька? Ты ведь не оставишь свою маму?

Слезы побежали по ее лицу, он пальчиком размазал их по ее щеке.

— Нет... А почему у тебя слезки?

— Ну вытри маме слезки... Вытри, сыночек мой.

И Тиша стал старательно вытирать ладошкой слезы с лица Наташи.

И опять весна, опять зеленеют сады, опять широка и привольна Волга. И опять — в цветущих садах, в библиотеках, в комнатах студенческих общежитий — юные головы склоняются над книгами и тетрадками: пришло горячее время экзаменов.

...— Ромашко, Наталья Владимировна!

Мы в актовом зале Педагогического института. Происходит торжественная церемония вручения дипломов. Наташа стоит у стола, и председатель государственной экзаменационной комиссии говорит:

— Ромашко, Наталья Владимировна. Диплом с отличием... Позвольте поздравить вас, Наталья Владимировна.

Аплодисменты. Наташа идет вдоль стола, пожимая руки профессорам, преподавателям, в том числе и сияющему Косте.

...Класс средней школы. За партами мальчики и девочки лет десяти-одиннадцати. Наташа диктует:

«Яснеет небо... запятая... и вот свет так и хлынул потоком... точка с запятой Живей... запятая кони... запятая живей... восклицательный знак».

Окруженная учениками, Наташа выходит из школы. Она весела, радостна. Девочки облепили ее.

— Наталья Владимировна, а контрольная завтра будет?

— Не будет.

Общий восторг.

...Квартира Раисы. Рая в тревоге и смятении кричит в телефонную трубку:

— Вася! Ты читал сегодняшнюю газету? Боже мой, «Правду», «Правду»... Ну, так возьми скорей... Фелье-

тон на второй странице. Это чудовищно! Я сейчас прибегу.

Она быстро бежит по лестнице и прибегает в квартиру Васи и Лизы, когда перед ними уже лежит раскрытая газета.

Вася *(читает)*. «Однако попробуем разобраться, на какой почве расцветали там не только Ромашки, но и такие заведомые прохвосты, как Петр Семенович Замковой, сорокалетний инженер, которого все в глаза и за глаза называли просто Петькой».

Рая. Ужас!.. Нет, ты прочти дальше. Вот здесь.

Вырывает у Васи газету и сама читает:

«...И, как всегда в таких случаях, инженер Ромашко так привык к фимиаму, что его нос поворачивался только в ту сторону, откуда несло этим благовонием. Людям, подобным Ромашко, очень быстро начинает казаться, что страна дала им на откуп заводы, учреждения, иногда даже районы и целые области...». Нет, где это? Вот!

Рая пробежала глазами по газетной странице:

— Вот! «...Ромашко считал себя строителем коммунизма, но он, видимо, забыл, что в нашей стране даже самые высокие намерения и талант не могут оправдать ни диктаторских замашек, ни грубости, ни пренебрежения к человеку, к его благополучию и труду».

Вася. Да, крепко!

Рая. Погоди, тут и партийной организации тоже влетело. *(Читает.)* «Конечно, похвально, что партийная организация вскрыла все это. Однако неплохо бы помнить, что задача партийных организаций не в том, чтобы бить в набат, когда здание уже в огне, а в том, чтобы предотвратить пожар и уберечь все ценное и нужное. А, судя по всему, за инженера Ромашко все же стоило бороться...».

Рая отложила газету и сокрушенно покачала головой:

— Бедная Наташка!

Лиза. А она знает?

Рая. Откуда? Московские газеты только пришли... *(Горестно.)* Ты подумай — надо же так... как раз сейчас, когда она почти успокоилась!.. Ах, пропади он пропадом! Товарищи, она не должна этого знать.

Вася. Почему?

Р а я *(ходит по комнате)*. Во всяком случае, я одна не берусь ей сказать. Я умоляю вас, товарищи, идемте вниз. Она с минуты на минуту вернется.

Наташа, веселая, оживленная, взбегает по лестнице. Войдя в столовую и увидев здесь Лизу и Васю, радостно восклицает:

— О, как чудесно! Здравствуйте, мои милые! Сейчас помоюсь и будем обедать. — Бежит в другую комнату и кричит оттуда: — Тишка не приходил из детсада? Может, мне за ним сбегать? Посидите, ребятки, я быстро.

Л и з а. Нет, подожди, Наташа. Пойди сюда на минутку.

Н а т а ш а *(входит)*. Что?

Молчание. Наташа удивленно смотрит на всех.

В а с я. Видишь ли, Наташок... Ты, во-первых, сядь.

Н а т а ш а *(побледнев)*. Что-нибудь случилось?

В а с я. Обожди, ничего страшного... Ты, я думаю, понимаешь, что в нашей жизни есть еще нерешенное, неустроенное. Но вместе с тем уже сформировались какие-то нравственные законы, на которых...

Р а я. Ну, повез!.. *(Дает Наташе газету.)* На вот, читай!.. Вот здесь.

Наташа берет газету, оглядывает всех удивленным и испуганным взором, присаживается к столу, начинает читать. Все следят за ней. Прочитав, она откладывает газету в сторону и сидит, словно окаменев. Потом вдруг встает и проходит под тревожными взглядами друзей в соседнюю комнату. Решительно идет к чемодану, стоящему в углу, ставит его на кресло, раскрывает и начинает беспорядочно бросать туда свои вещи, доставая их из шкафа.

Р а я *(вбегает)*. Ты что тут?

Наташа, не отвечая, вынимает из шкафа платье.

Р а я. Ты что делаешь?

Хочет взять из ее рук платье, Наташа вырывает платье, резко говорит:

— Оставь меня!

И продолжает укладывать вещи.

Р а я *(отчаянно)*. Лиза! Вася! Идите сюда!

Те появляются в дверях. Лиза обнимает Наташу,

усаживает на стул и, заметив, что ее всю трясет, накидывает ей на плечи платок.

Лиза. Наташа! Наталочка! Успокойся, давайте все вместе обсудим... Вася!

Вася *(после молчания)*. Наташа, ты сама понимаешь, что рано или поздно этого следовало ожидать. Ведь так?

Лиза. Ведь когда ты вернулась из Харькова, ты нам сама рассказывала многое из того, что здесь написано. Почему же теперь тебя это удивляет?

Рая. Теперь ты, наконец, видишь, как была права, когда решила с ним порвать. Ты умница! Молодец! Ты первая все поняла.

Наташа, как бы очнувшись, медленно оглядела всех и тихо проговорила:

— Это я во всем виновата.

Рая *(вскрикнула)*. Ты?!

Наташа *(с большой душевной силой)*. Да, да, я во всем виновата!

Она поднялась и стала ходить по комнате. Все молчали, не зная, что сказать, не спуская с нее глаз, как бы ожидая, что вот-вот с ней что-то произойдет.

Наташа. Ведь я же действительно видела это все... Этих мерзких людей... Этого Петьку... Я же понимала, куда это ведет. Я должна была кричать, остановить его, остаться с ним. А что сделала я, его жена?.. Взяла и уехала... Бросила его и уехала.

Рая *(в ярости)*. Что ты болтаешь?! Что ты могла еще сделать? Это был камень на твоей шее. Если хочешь знать, ты должна быть благодарна судьбе: у тебя теперь развязаны руки.

Наташа *(вспыхнув)*. Не смей так говорить, слышишь! Не смей!!

Оттолкнув Раю, она опять бросилась к чемодану. Неловкое движение — чемодан упал, вывалились вещи. Наташа начала подбирать их, потом вдруг повернулась к Васе:

— Вася! Васенька! Вот клянусь тебе, он все-таки честный человек. Несмотря ни на что! Поверь мне — он все-таки честный!

Вася. Погоди, Наташа. Скажи — ты считаешь, что статья эта правильная или нет?

Наташа. Правильная.

Вася. Значит, как, по-твоему, — во вред она ему или на пользу?

Наташа не ответила: она снова ушла в себя и не слушала ничего. Рая бросилась к ней.

— Наташенька, девочка моя! Ну перестань ты терзать себя! Слава богу, что это уже позади. Перед тобой теперь прямая дорога... И потом — что мы будем скрывать, мы здесь все свои! — ведь тебя любит другой человек... По-настоящему любит! И уже сколько лет!

В передней раздался звонок. Домработница Дуняша пошла открывать. Это был Костя с «Правдой» в руке.

— Где Наталья Владимировна? — спросил он тревожно.

Дуняша кивнула на дверь. Костя вошел в комнату в тот момент, когда Рая говорила:

— Ведь я-то знаю, как он тебя любит. И какой это мужественный и скромный человек.

Вдруг она заметила Костю и растерянно умолкла. Вслед за ней взоры остальных тоже обратились к нему. Наступила мертвая тишина, которая как бы пробудила Наташу. Она подняла голову, увидела Костю. И с великим ожиданием и доверием проговорила:

— Костенька, скажи мне, что я должна делать?

Костя подошел к ней, сел рядом, медленно провел руками по ее руке.

Костя *(тихо, с огромной нежностью)*. Не уезжай, Наташа. Клянусь, я сделаю все, что в человеческих силах, чтобы тебе и Тишеньке было тут хорошо.

Наташа. Но, Костенька...

Костя. Только подожди, не говори «нет». Не решай сразу. Ведь ты не говоришь «нет»? Ну скажи, не говоришь?

Наташа не ответила.

Костя. Ну вот и хорошо... Вот и отлично.

Низко стелются тяжелые тучи над необъятными сибирскими лесами. Ветер гонит опавшие листья, и все по-осеннему желто вокруг. Иногда в разрывах туч мелькнут горы, и снова серая пелена застилает лес, могучие скалы и огромную реку. Дождь.

Большая строительная площадка недалеко от реки. По размокшей дороге спиной к нам идет широкоплечий

человек в брезентовом плаще, в сапогах, облепленных глиной, в мокрой от дождя кепке. Он подходит к вездеходу, около которого стоит главный инженер стройки — молодой, энергичный, в кожаном пальто. Возле главного инженера — два-три прораба, с которыми он о чем-то говорит. Человек в брезентовом плаще останавливается в ожидании. Главный инженер замечает его.

— Товарищ Ромашко, вы ко мне?

Теперь мы видим, что это Сергей. Он сильно осунулся, не брит.

Сергей *(сухо)*. Товарищ главный инженер, вторично докладываю: если сегодня в ночь не начнем откачивать воду, вынужден буду приостановить работу на моем участке.

Главный инженер. Я об этом помню, товарищ Ромашко. И принимаю меры.

...Сергей поворачивается и идет под дождем. Скользя, спускается в котлован. Навстречу спешит десятник.

— Товарищ начальник участка! Смотрите, плывем, а у меня люди без резиновых сапог.

— Через полчаса подвезут.

Неподалеку группа людей монтирует портальный кран. Занятый своими мыслями, Сергей рассеянно оглядывает их, идет дальше. Но тут же внезапно останавливается и оборачивается, как человек, бессознательно пропустивший что-то важное. Он смотрит на одного из стоящих в группе, который в свою очередь глядит на него и улыбается.

Сергей *(радостно)*. Сутейкин! Черт! Это ты, что ль?

Тот еще больше расплывается в улыбку:

— Узнали?

Действительно, это тот самый Сутейкин, у которого когда-то жил Сергей.

Они стоят, смеются и радостно хлопают друг друга по плечам.

Сутейкин. Вот с Волгой рассчитались, приехали на Енисей. Тут много наших волжан-то...

Сергей *(оживленно)*. Это хорошо. Родные души!

Сутейкин *(кашлянув)*. Сергей Терентьич, а вы-то как здесь? Ведь вы, говорят, в большие начальники вышли?

Сергей *(покосился на него)*. Вышел было, да по шапке дали.

Сутейкин *(из вежливости делает вид, что впервые слышит)*. Ну? За что же?

Сергей. Ладно прикидываться! А то ты газет не читаешь?

Сутейкин *(тактично)*. Ну, может, пропустил... А по партийной линии как?

Сергей. Тоже всыпали, будь здоров. В общем, хорошего мало. Ходишь, точно с тебя штаны сняли.

Сутейкин. Что ж поделаешь! Помнишь, у Горького Алексея Максимовича сказано: «Не глотал бы мух, не вырвало бы!»

Сергей *(невесело)*. Наизусть помнишь?

Сутейкин смеется, берет его под руку. Идут рядом.

Сутейкин. И Наталья Владимировна здесь?

Сергей. Нет. Она теперь учительница. Институт кончила.

Сутейкин *(радостно)*. Ну? Молодец! А чего же она сюда-то? Или здесь школ нет?

Сергей *(не сразу)*. Разошлись мы. Ушла она от меня.

Сутейкин долго и ошарашенно смотрит на Сергея.

Сутейкин. Ладно врать-то! Никогда не поверю!

Сергей. Нет, нет, факт.

Сутейкин. Да-да-а!.. Происшествие!.. *(Пауза.)* А ты-то как? Все любишь ее?

Сергей *(искренне и просто)*. Да. Очень. Проглядел я Наташку, Сутейкин... Вон люди домой спешат, а мне идти некуда. Один остался. Как перст.

Сутейкин. Ну и ну!.. А ведь как любила! Бывало идет, светится вся.

Сергей *(хмуро)*. Ну, светится — не светится, теперь уже поздно руками махать!.. Мне винить некого. Сам во всем виноват. Да и в общем — одно к одному.

Протягивает руку, молча отходит, Сутейкин окликает его:

— Сергей Терентьевич!

Тот останавливается. Сутейкин подходит.

— Ты вот что,— говорит он, подыскивая слова.— Ты не горюй. Мало чего в жизни бывает. Ну проштрафился, сплоховал, поучили тебя. Значит, что же: надо, брат, сызнова начинать. Уж такой закон.

Сергей *(не поднимая головы).* Нет, брат, сызнова не начнешь. Сызнова поздно. Силы уже не те. Трудно.

Сутейкин. Мало ли чего в жизни трудно? Трудно, а надо.

Сергей идет дальше. Дождь перестал, но по-прежнему низко бегут тяжелые тучи. Сергей подходит к берегу, спускается к парому.

...Надвигались ранние сумерки, когда Сергей подходил к своему жилищу — стандартному, временному, наскоро поставленному домику. Вошел в небольшой дворик, где еще лежали неубранные стружки. И вдруг остановился. На крыльце домика стоял мальчуган в городской одежде, который так и застыл при его появлении. Потрясенный Сергей вглядывался в близкие, родные черты этого детского личика. А мальчик держал в руке мяч и не шевелился, словно перед ним было нечто очень памятное, но уже потускневшее.

Так и стояли они — Сергей и мальчик,— пока Сергей глухо не позвал:

— Тихон!

Мальчуган со всех ног бросился от него в дом.

Сергей медленно поднялся по ступенькам на крыльцо и здесь снова остановился: у него захватило дыхание. Он сделал шаг к дверям. Взялся за ручку. Опять остановился. Наконец подавил волнение. Вошел.

Наташа стояла перед раскрытым чемоданом в неубранной, неуютной комнате, носившей обычные следы холостяцкого пребывания. Она вынимала вещи, раскладывая их на стуле и кровати. Перед ней стоял Тишка, глядя на дверь, в которую входил отец:

— Мама!.. Смотри!..

Наташа медленно повернулась к Сергею. Тишка укрылся за ее спиной, вцепившись в платье.

Сергей перевел глаза с нее на Тишку, потом опять на нее и хмуро, словно и не было в нем великой радости и волнения, проговорил:

— Совсем ребенка от отца отучила!

— Тишенька... Что же ты,— подтолкнула она Тишу к отцу. Но мальчуган продолжал стоять за ее спиной.

Наташа сказала:

— Просто он немножко отвык от тебя.

Сергей, не снимая плаща, сел, достал, не торопясь, папиросу и закурил. Наташа тоже села. В комнате быстро темнело — ранний вечер глубокой осени. Наташа вздохнула, провела пальцем по газете, разостланной на столе, и спросила:

— Как ты здесь живешь, Сережа?

— Спасибо, отлично! — сказал он.

И с мрачным недоброжелательством, стараясь не глядеть на нее, насмешливо добавил:

— А ты что же, спасать меня приехала?

Она ничего не ответила.

Сергей. Как понимать твое появление? *(Он подождал ответа.)* Что это? Жалость? Супружеский долг? Или, может быть, акт великодушия? Так напрасные хлопоты. Я сам выбрал это строительство и, кстати, очень доволен.

Наташа взглянула на Тишу:

— Тишенька, иди погуляй!

Тиша, оглянувшись еще раз на отца, вышел.

Сергей *(язвительно)*. Смотри, какой стал послушный... *(И вдруг заботливо крикнул вслед сыну.)* Только не выбегай на улицу!

Они остались вдвоем. Сергей встал и прошелся по комнате, по-прежнему не снимая пальто...

Сергей. Что ж ты молчишь? Ребенок ушел, говори.

Наташа сказала с горечью:

— Сережа, зачем ты передо мной притворяешься? Зачем ты делаешь вид, что тебе легко и спокойно?

Сергей. Ну, допустим, не легко и не спокойно. Тебе-то что?.. Для чего ты приехала?

Стало почти совсем темно. Но они не замечали этого и не зажигали лампы.

Наташа. Приехала просто потому, что иначе жить не могу.

Сергей. А раньше могла?

Наташа. Сережа, мы оба в жизни наделали много глупостей, неужели нужно их повторять?

Сергей *(с насмешкой)*. Какие же глупости ты наделала? Наоборот. Ты хотела стать учительницей — ты ею стала. Ты считала, что твой муж дрянной чело-

век — ты его бросила. Все очень разумно. Зачем же теперь тебе делать глупости? Зачем ты здесь? Пожалуйста, уезжай!

Резким движением он загасил папиросу и вышел из дома. Близилась темная ветреная ночь. Он шагал сперва по дороге, потом сбился и пошел напрямик лугами, затем лесом. Он шел по холодной сибирской земле, под свирепыми ударами ветра, пробираясь сквозь кустарник и бурелом, настолько занятый своими мыслями, что не замечал ничего вокруг. Вышел к реке и долго стоял на берегу, где ветер так и рвал прибрежные ивы. Потом куда-то в болото, затем опять в лес.

Шло время. Кончилась ночь, а он все шагал и шагал, натыкаясь на деревья, останавливаясь, проваливаясь в какие-то ямы. Его, действительно, точно носило по земле.

...Тишка спал, ровно и сладко посапывая. Наташа стояла у окна и видела в сером сумраке начинающегося утра, как вернулся Сергей. Он быстро вошел в комнату.

— Наташа! — окликнул он.— Ты здесь?

И в испуге переспросил:

— Ты здесь?

Она подошла к нему и тихо коснулась руками его груди.

— Знаешь, я ехала сюда и все думала, вспоминала всю нашу жизнь. Ты помнишь наш самый первый разговор... На берегу Волги?.. Ты говорил тогда, что любить — это когда все в жизни вместе, всегда вместе, до самого конца... Почему же тогда, еще совсем молодыми, мы понимали это? Ведь понимали же! А прошли годы, и мы оказались врозь. Почему это, Сережа?

Она подождала ответа и продолжала:

— Как же это могло случиться, Сереженька? Как мы могли это допустить?

Он вдруг протянул к ней руки, прижал ее голову к своему лицу.

— Ах, Наташка моя, Наташка!.. Я, я во всем виноват! — сказал он с той искренностью и правдой, которые были так ему свойственны.— Если б можно было начать все сызнова! Ты думаешь, я не понимаю, что со мной произошло? Или, думаешь, я на кого-то в обиде?

Честное слово — нет! Ведь все понимаю, все! Но что поделаешь — разве можно построить жизнь сначала? Нет, поздно. Конец.

И тут с огромной силой она сказала:

— Можно, Сережа. И нужно. И ты это сделаешь! Ведь ты очень хороший. Ты еще столько прекрасного сделаешь в жизни!

— Наташа ты моя! — тихо сказал он.— Родная моя! Любимая! Дружок ты мой!.. Ты действительно в это веришь?

— Конечно, верю.

Он заглянул ей в глаза, проверяя искренность этих слов.

— И ты будешь со мной?

— Клянусь, что буду с тобой! — сказала Наташа.

...У причала стоял паром, который быстро заполнялся рабочими, спешившими на строительную площадку. Сутейкин среди других стоял у перил парома, удивленно глядя на берег, где появились Сергей и Наташа. С парома было видно, как на минуточку они остановились, Сергей поцеловал Наташу, прыгнул к причалу, взбежал на паром. Он прошел к перилам, не отрывая глаз от стоявшей на берегу жены. Паром медленно отходил от берега.

Кто-то легонько толкнул Сергея в бок. Это был Сутейкин.

— Ты что ж старика обманул? — сказал, посмеиваясь, Сутейкин.— Говорил, что бросила... Эх, ты!.. Да разве такая бросит? Такая Наташа, брат,— на всю жизнь!

Паром отходил от берега все дальше, и женская фигурка все удалялась, становилась меньше и меньше среди осеннего золота и синевы.

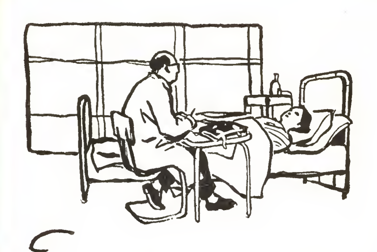

УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ ДАНТЕ

Написан совместно с Михаилом Роммом

Еще до вступительных титров на экране возникает надпись:

1870

По проселочной дороге Франции проходит отряд прусских солдат. Они идут, бородатые, в узких брюках, в коротких мундирах. Длинные ружья болтаются за их плечами.

Диктор. Тысяча восемьсот семидесятый год. Прусская армия Бисмарка вторглась во Францию, захватила половину страны, осадила Париж. Сотни тысяч французов погибли в этой войне, защищая свою землю.

Бой во французской деревушке. Пробегают прусские солдаты. Горит сарай, мечутся куры, лошади, овцы.

Цепь пруссаков в касках идет с ружьями наперевес по несжатому полю, топча пшеницу. Впереди офицер с усами, в глазу монокль. В руках у него стек.

И снова появляется надпись:

1914

Изрытая окопами, траншеями, истерзанная снаря-

дами, изуродованная колючей проволокой земля Франции. Какое-то странное облако надвигается из глубины.

Диктор. Прошло сорок четыре года. Германские армии Вильгельма Второго снова вторглись во Францию, дошли до Парижа. Миллионы французов погибли, разорванные снарядами, задушенные газами, сожженные огнеметами.

Странное облако все ближе и ближе. Газы! Из щелей и укрытий выскакивают французские солдаты. Они бегут, задыхаясь, зажимая рты платками.
Облако настигает их.

Новая надпись:

1940

Развалины города. Ни души. Дым, щебень, торчащие трубы, проломленные стены.

Диктор. Прошло еще двадцать шесть лет. С невиданной дотоле силой в третий раз германская военная машина обрушилась на Францию. На этот раз Париж был взят. Города Франции лежали в развалинах.

По мертвому городу проходит группа эсэсовцев, стреляя из автоматов в трупы людей, в кирпичи, в зияющие отверстия окон, в дымящиеся обломки. Никто не отвечает им. Они расстреливают стены, землю, воздух.

И еще одна надпись:

1955

Париж. Бурлит толпа около Палаты депутатов.

Диктор. Минуло всего десять лет со дня окончания этой войны, и люди, живущие войной и делающие войну, снова заставили Францию согласиться на восстановление германской военной машины — чудовищной машины, которая на протяжении одной человеческой жизни трижды топтала и жгла землю Франции.

Кулуары Палаты. Группы спорящих. Взволнованная жестикуляция. Пробегают журналисты, проходят

депутаты; их осаждают со всех сторон. Вспыхивают лампочки фоторепортеров.

В зале заседаний в обстановке неслыханного возбуждения идет голосование. Голосуют «за», голосуют «против».

Диктор. Весь мир с тревогой следил за исходом голосования. Оно продолжалось всю ночь... В эту ночь мы вспомнили историю, которая произошла десять лет назад. Вот она!..

И во весь экран появляется название фильма:

УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ ДАНТЕ

Улица провинциального французского городка. Следы бомбежки. Кое-где выбиты стекла, но мостовая уже чисто прибрана. Горит одинокий фонарь. Медленно проходит полицейский. Тишина.

Диктор. Полгода назад рухнула гитлеровская империя. Через этот городок прошли американские войска, над мэрией взвился трехцветный флаг республики, вновь появился на перекрестке полицейский француз, и люди уже стали забывать о войне.

Несколько выстрелов один за другим.

Полицейский насторожился, вглядывается в темную пустую уличку.

Три молодых человека быстро идут из темноты мимо разрушенного дома.

Полицейский нерешительно направляется к ним. Они одновременно приподнимают шляпы.

— Добрый вечер, сержант! Где-то стреляют. Кажется, в том доме.

Молодые люди проходят. Двое из них слегка поддерживают под руки третьего, идущего в середине. Один из них запевает патриотическую песню. Шаги и веселые голоса смолкают вдали.

Полицейский направляется к дому, на который ему указали.

Он поднимается по лестнице.

Входит в пустую столовую. Горит висячая лампа. Остатки ужина на столе... Никого... Тишина... Двери открыты.

— Есть здесь кто-нибудь? — громко спрашивает полицейский.

Тишина.

Полицейский проходит в соседнюю комнату.

Женщина лежит на полу. Струйка крови.

Полицейский наклоняется над ней. Стон.

Больница. Белые стены, белый свет. Врач и сиделка склонились над женщиной.

Она немолода. Волосы уже тронуты сединой.

В палату входит пожилой господин с портфелем.

Врач встает.

— Больная требовала следователя, сударь. Ее нашли час назад в пустой квартире, здесь недалеко, за углом, на улице Данте, двадцать шесть. Три пулевых ранения. Она хочет дать показания...— Он наклоняется к женщине.— Это следователь, мадам!

Женщина медленно открывает глаза, облизывает губы.

— Сколько мне осталось жить, доктор?

— Вы будете жить.

— Постарайтесь, чтобы я смогла договорить до конца.

— Камфару! — приказывает врач сиделке.

Женщина глядит в глаза следователю.

— Записывайте. Я буду говорить долго... Сколько смогу. Ну, давайте вашу камфару...

Она протягивает руку. Врач делает укол.

— Меня зовут Катрин Лантье, по сцене Мадлен Тибо...

Врач поднимает голову.

— Вы Мадлен Тибо?

— Да, я Мадлен Тибо. Много лет я гастролировала по всему миру с импрессарио и сыном. Моему мальчику был год, потом десять лет, потом восемнадцать. Он очень красивый... Он жив. Его зовут Шарль, запомните это... Пять лет назад я наконец вернулась во Францию. Война уже началась, но никто не боялся ее.

Распахивается дверь в большой дорогой номер гостиницы. Входит Мадлен Тибо с сыном. Ей около сорока лет. Сын — здоровый, красивый юноша; его лицо лишь недавно тронуто бритвой.

Вслед за ними двое коридорных вносят тяжелые чемоданы, сплошь заклеенные ярлыками с названиями гостиниц разных городов мира.

Мадлен весела, возбуждена. Она быстро проходит к окну и распахивает его. Потоки солнечного света врываются в комнату, ветер шевелит легкие шелковые занавески. Мадлен высовывается из окна.

Перед ней большой город. Горячее вечернее солнце. Над витринами магазинов и кафе опущены полосатые тенты. Сплошной поток машин и пешеходов. Мадлен жадно глядит на город, который шумит где-то там, внизу.

Мадлен. Трудно поверить, что идет война. Правда, Шарль?

Пожилой коридорный. Разве это война, мадам? Вот уже полгода, как объявили войну, но немцы не трогаются с места. Да и мы тоже.

Молодой коридорный. У нас здесь прозвали эту войну смешной.

Пожилой коридорный. Поверьте, мадам, Гитлер не осмелится всерьез напасть на Францию.

Мадлен *(отворачиваясь от окна)*. Вы думаете?

Пожилой коридорный. Все так говорят. Ему нужен не Запад, а Восток. *(Получает от Шарля на чай и идет к выходу. У двери задерживается.)* Это противогазы, мадам. Все-таки — война!

На столике у двери — два противогаза.

Мадлен *(не отрываясь от окна)*. Честное слово, это красивый город!

Шарль. Пожалуй. Похоже на Мельбурн.

Мадлен. Ты рад, что попал на родину, Чарли?

Шарль. Моя родина в любом городе, куда мы приезжаем: повсюду я прежде всего вижу афиши «Мадлен Тибо». Имя моей матери.

Мадлен *(сияющими глазами глядя на сына)*. Да, афиши всегда идут впереди.

В номер входит высокий, сухопарый человек. Ему можно дать и сорок и пятьдесят лет. Это импрессарио Грин. Модные усы, в руках трость. Оглядывает номер, замечает противогазы, трогает их тростью, пожимает плечами.

Шарль. Вот и здесь, смотри! Видишь? «Мадлен Тибо» — вон на том кафе.

Мадлен. Боже мой! Ведь в этом кафе я когда-то выступала! Помните, Грин?

Грин ворчит что-то.

Мадлен. Я получала ужин за выступление...

Шарль. Только ужин? Бедная мама!

Мадлен. Боюсь, Чарли, что тогда я не стоила большего. Я хочу сегодня пообедать в этом кафе. Мне интересно, изменилось ли меню за восемнадцать лет. Вы тоже пойдете с нами, Грин.

Грин. Я не сентиментален, мадам. Кроме того, к семи часам вы должны быть в театре.

Мадлен. Жаль...

Грин. Можно пойти завтра.

Мадлен. Завтра будет уже скучно.

Шарль *(сердито)*. Неужели, Грин, вы не можете хоть раз устроить так, чтобы у мамы был день отдыха по приезде?

Грин. Подрастешь и узнаешь, что человек отдыхает только тогда, когда у него плохи дела. Приготовьте улыбку, мадам, сейчас появятся репортеры...

Он не успевает договорить, как дверь раскрывается и действительно показывается фоторепортер.

Мадлен поворачивается, сверкая улыбкой.

Вспышка магния. Щелканье фотокамеры.

Сцена театра. Декорация, изображающая кафе. Мадлен, напевая, медленно проходит между столиками.

Идет какая-то трагикомедия — один из боевиков в репертуаре Мадлен Тибо. Она в рыжем парике и странном платье. Пошатываясь, актриса вглядывается в лица сидящих за столиками, словно ищет кого-то.

В ложе, выходящей сбоку на самую сцену, сидит Шарль. Он, не отрываясь, с восхищением следит за игрой матери. За его стулом, опершись на спинку, стоит Грин.

Театральная уборная. Глухо доносятся аплодисменты. Тощий немолодой парикмахер, насвистывая, завивает парик. Толстая камеристка с могучими бедрами торопливо готовит платье к следующему акту.

Вбегает Мадлен, на ходу расстегивая платье.

Мадлен. Ну, как я играла?

Камеристка *(очень экспансивно)*. Ах, мадам! *(Скрывается вместе с Мадлен за ширмой, помогает ей снять платье.)* Это — как землетрясение!

Мадлен. Правда?

Из-за ширмы видны только их головы. В гриме Мадлен кажется совсем молодой.

Парикмахер *(непринужденно подходя к ширме)*. Это было изумительно, мадам!

Камеристка. Не верьте ему, мадам. Он сидел в буфете и ничего не видел!

Мадлен. Ну что же, тем лучше! Когда хвалят люди, которые не видели,— это уже слава. *(Бросает парикмахеру снятый парик.)* Верно?

Парикмахер. Как правила уличного движения, мадам.

Входят Шарль и Грин. Мадлен появляется из-за ширмы уже в другом, не менее эксцентричном платье. Она возбуждена. Резкие движения. Неожиданные повороты.

Мадлен. Ну, как я играла?

Шарль. Зачем ты спрашиваешь, мама? *(Целует ей руку.)* Они отбили себе все ладони.

Грин вяло аплодирует кончиками пальцев.

Мадлен *(Грину)*. А вы, как всегда, недовольны? Где мой портсигар?

Грин *(протягивая свой портсигар)*. Я считаю успех средним. В Чикаго вас принимали лучше. *(Щелкает зажигалкой.)*

Мадлен *(закуривая)*. Всегда принимают лучше вчера, чем сегодня. *(Ходит по комнате. Камеристка бегает за ней, застегивая крючки, оправляя складки ее платья.)*

Грин. Но вы не считаете, что в день вашего возвращения на родину они могли бы поломать от восторга хотя бы пару стульев? Хотя бы из вежливости?

Мадлен. Что вы! Это такой бережливый народ! Нет, все идет хорошо! *(Вдруг останавливается около сына.)* Почему у тебя мокрый лоб? Ты устал? Может быть, пойдешь в гостиницу?

Шарль. Ну нет. Я досмотрю до конца.

Мадлен *(с внезапным беспокойством)*. Слушайте,

Грин, мне вдруг пришло в голову: его не могут взять в армию?

Шарль. А разве я французский подданный, мама?

Мадлен. Ну конечно. Ты француз, Шарль!

Парикмахер. Не беспокойтесь, мадам. Гитлер не станет всерьез воевать с Францией. С нами Англия и Америка. Кроме того, ему нужен не Запад, а Восток. *(Надевает на Мадлен парик.)*

Мадлен. Вы думаете? *(Порывисто поворачивает сына и становится рядом с ним.)* Он похож на меня?

Парикмахер *(вежливо)*. Как кролик на зайца, мадам.

Камеристка *(вся тает от умиления)*. Как две маленькие мышки, мадам!

Грин. Он совсем не похож на вас. Ничего общего.

Мадлен *(с огромной нежностью)*. Это мой сын! Посмотрите, какой у меня большой сын! *(Камеристке.)* В него можно влюбиться, правда?

Камеристка. Мгновенно, мадам! Это — как удар молнии.

Мадлен. Нет, он любит только меня! *(Снова ходит по комнате.)* Вот поклонник, который не изменит мне никогда!

Грин. Нет, мадам, я вернее. Я зарабатываю на вас деньги.

Мадлен не успевает ответить — входит вялый и равнодушный помощник режиссера.

Помощник режиссера. На сцену. *(Уходит, даже не оглянувшись.)*

Мадлен. Бегу! *(Грину.)* Посмотрите, все в порядке?

Шарль. Револьвер! Мама, не забудь револьвер!

Камеристка подает револьвер.

Мадлен подходит к зеркалу, быстро, почти небрежно проверяет парик, грим, трогает ресницы, бросает папиросу, одним движением пальца поправляет губы. Все это в несколько секунд.

Грин. Если в этом акте не будет сломано хотя бы пять стульев, я считаю, что вы провалились.

Мадлен. Постараюсь, Грин! *(Стремительно выходит.)*

Грин *(вслед)*. Хотя бы два стула!.. Идем, Шарль!

Шарль *(холодно)*. Подождите, Грин.

Грин, подняв брови, смотрит на Шарля. Парикмахер и камеристка выходят вслед за Мадлен. Дверь закрывается.

Шарль. Почему вы всегда говорите маме гадости? Даже в антракте. Мне это неприятно.

Грин *(после паузы)*. Когда ты был вот таким *(показывает сантиметров двадцать от пола)*, а твоя мама вот такой *(показывает метр от пола)*, я был вот таким *(показывает два метра от пола)*. Я нашел твою маму в дрянном кафе, где она пела шансонетки. И плохо пела! И все-таки я угадал в ней Мадлен Тибо и вывел ее на дорогу. Кстати, игрушки тебе покупал тоже я. И если не было денег, то голодали мы втроем. Идем смотреть твою маму.

Шарль *(упрямо)*. Постойте. И все-таки мне неприятно, когда вы говорите маме гадости. Я прошу вас прекратить это.

Доносятся далекие аплодисменты.

Грин *(тревожно прислушиваясь)*. Очень мало аплодисментов!.. Ты груб. И этим ты похож на твоего отца.

Шарль. Вы хотите сказать, что я такой же прохвост?

Грин. Он не прохвост.

Шарль. Он бросил мою мать, когда мне не было года!

Грин. Подрастешь и увидишь, что таких, как он, женщины любят всю жизнь. Тебя тоже будут любить женщины. *(Прислушивается.)* Идем туда, там что-то не так! Брось папиросу!

Шарль. Честное слово, я посоветую маме найти другого импрессарио.

Пораженный Грин резко оборачивается, но не успевает ответить: дверь распахивается, врывается помощник режиссера. На этот раз он задыхается от волнения.

Грин. Что там случилось?

Помощник режиссера. Они идут!

Грин. Кто?

Помощник режиссера. Немцы! Только что передано по радио. Они прорвали фронт. Завтра могут быть здесь. Даже раньше! *(Вдруг садится на стул.)* Дать занавес?

Грин. Подождите! Шарль, беги мигом в гостини-

цу, бери багаж, зайди и в мой номер — вот ключ, возьми мой чемодан, погрузи все в машину и обратно сюда!.. Бегом! Кстати, по дороге можешь поискать другого импрессарио. *(Помощнику режиссера.)* Идите за мной!

Грин спокойно входит в ложу и, не садясь, опирается на барьер. Оглядывает зал.

В зале движение. Темные, согнувшиеся фигуры торопливо, на цыпочках прокрадываются к выходным дверям. В ложах встают дамы, накидывают меха, поспешно собирают бинокли, апельсины, цветы и начатые плитки шоколада.

Мадлен, ничего не подозревая, ведет сцену.

Мадлен. Ты лжешь!

Партнер *(беспокойно оглядываясь)*. Клянусь, я люблю только тебя!

Мадлен стремительно подбегает к партнеру, хватает его за руку.

Партнер *(торопливо, шепотом)*. Немцы, мадам, немцы, немцы...

Мадлен *(не понимая)*. Если ты любишь только меня, то убей ее!

Партнер *(шепотом)*. Ради бога, поглядите в зал, мадам...

Мадлен *(все еще не понимая)*. Вот револьвер! *(Протягивает партнеру револьвер и одновременно, повинуясь его отчаянным знакам, бросает взгляд в зал. Замирает от изумления.)*

Партнер *(произносит слова роли)*. Черт возьми, ну и баба!

В зале откровенное бегство. Давка у всех дверей. Только кое-где застыли неподвижные мужские фигуры с приготовленными для аплодисментов руками.

Мадлен *(пристально вглядываясь в зал)*. Ничего не понимаю! Что происходит?..

Небрежно направляется через всю сцену к боковой ложе с таким видом, точно это полагается по ходу пьесы.

Мадлен *(у боковой ложи, гневно, Грину)*. Что здесь происходит?

Грин. Спокойно! Сюда идут немцы. Немедленно кончайте спектакль. Только спокойно.

Мадлен *(вся еще во власти роли)*. Какие немцы?

Грин. Те самые немцы, которым нужен не Запад, а Восток, как все утверждали.

Мадлен оглядывает зал. Он быстро пустеет.

Топот ног и гул голосов.

Мадлен *(наконец поняв)*. Ах, немцы!.. Но в зале еще сидят люди! Нельзя кончать спектакль. Это неприлично.

Грин. Сидят те, которым заплачено за аплодисменты. Я нанял их для первого спектакля.

Мадлен. Но я вижу вот у этого на глазах слезы!

Грин. Я нанял очень добросовестных людей. *(Перешагивает через барьер ложи на сцену и обращается к залу.)* Господа, вы свободны!

Грохот кресел. Сидящие дружно вскакивают и стремительно бросаются к выходным дверям.

Мадлен грустно смотрит вслед убегающим. Суфлер вылезает из своей будки. Оркестранты бросают инструменты.

Грин. Идем, машина уже внизу!

Мадлен. Какой необычный финал!.. И все-таки на глазах у него были настоящие слезы! Я утверждаю!

Грин. Были! Согласен! Идем!

Мадлен. И все-таки был огромный успех! И все-таки были сломаны стулья!

В пустом зале действительно в беспорядке валяются опрокинутые стулья.

А в уборной, у окна, стоит толстая камеристка с приготовленным платьем и шляпой и смотрит на ночную улицу.

По этой улице мимо театра несется сплошной поток машин, повозок, велосипедов, пешеходов. Все это катится в одном направлении. Узлы, чемоданы, портпледы...

На этом кадре слышен голос рассказывающей Мадлен Тибо:

— Мы бросились на юг... Вся страна бежала на юг. Мы поехали сюда, в Сибур...

Больница. Следователь и Мадлен. Врача уже нет. Мадлен продолжает свой рассказ.

Мадлен *(говорит спокойно, пожалуй, невыразительно)*. Запомните, это важно: у меня был муж. Он бросил меня много лет тому назад. Он жил здесь, в Сибуре, недалеко, за углом...

Следователь. На улице Данте, двадцать шесть?

Мадлен. Да, в той квартире, где меня сегодня нашли. Тогда я не знала его адреса. Я знала только название города: Сибур...

Голос Мадлен. Мы думали доехать сюда за день, а ехали трое суток...

Дорога, насколько хватает глаз, запружена беженцами. Люди бредут, сгибаясь под тяжестью узлов и чемоданов, катят детские колясочки и тележки, нагруженные домашним скарбом. На велосипедах сидят дети или болтаются узлы и клетки с птичками.

Голос Мадлен. Мы ползли со скоростью пешеходов. Иначе было нельзя. У нас кончился бензин, когда до Сибура оставалось всего двадцать пять километров...

Среди сплошного потока беженцев медленно движутся автомобили, повозки, экипажи. Тут роскошные машины миллионеров и потрепанные таксомоторы, дроги из погребального бюро и мощные грузовики, пожарные машины с лестницами и загородные кабриолеты.

Гул голосов, гудки и ругань сливаются в однообразный шум.

Разбитые машины и исковерканные велосипеды валяются в канавах по обе стороны дороги.

Сквозь шум постепенно начинает слышаться голос, настойчиво выкрикивающий:

— Двадцать американских долларов за литр бензина! Двадцать долларов за литр бензина!

У обочины дороги стоит синий бюик. В бюике Грин и Мадлен.

Грин. Я даю двадцать долларов за литр бензина!.. Эй, шофер! Двадцать американских долларов! Вы, там, на грузовике!

Мадлен. Вот идет Чарли.

Грин. Восемьдесят долларов за полную заправку! Отвечайте, черт возьми!

Мадлен. Перестаньте кричать! Я говорю, идет Чарли!

Грин *(резко)*. Не мешайте, я делаю дело! Шарль ничего не достал, это известно заранее.

Мадлен. Боже мой, вы раздражительны, как старая дева!

Грин. Я и есть старая дева. Очень старая и очень умная дева. Шарль, что у тебя?

К машине подходит Шарль с ведром в руках.

Шарль *(уныло)*. Ни в одной колонке бензина нет. В деревне кур нет, яиц нет, молока нет, хлеба не продают. Тележку не достал.

Грин. Монолог провинциального трагика.

Мадлен. Притом с отвратительным текстом.

Грин. Эй, погребальные дроги! Бензина нет?

Шарль. Как вы можете острить в такую минуту!

Мадлен. Чем хуже минута, тем легче острить, Чарли!

Шарль. Ты прелесть, мама!

Мадлен. Я предлагаю идти пешком.

Грин *(саркастически оглядывая ее и вновь высовываясь в окошко)*. Тридцать долларов за литр бензина!

Шарль. Я пойду в город один и достану бензин.

Мадлен. Ты не пойдешь один!

Шарль. Дай мне адрес этого... отца.

Мадлен. Он живет где-то около улицы Данте и всегда торчит в самом шумном кафе. Но как ты пойдешь один?

Шарль. Хорошо. Я пошел. *(Целует мать в лицо и в руку, захлопывает дверцу машины.)*

Мадлен *(кричит ему вслед)*. Когда ты вернешься по крайней мере?

Голос Шарля *(сквозь гул)*. Сегодня ночью!

Мадлен. Это ужасно, что он пошел совсем один!

Грин. Три миллиона человек идут этой же дорогой.

Голос Мадлен. Спустилась ночь. Люди шли и шли мимо...

Ночь. Тот же гул бредущей толпы, гудки машин, брань. Мадлен и Грин все еще сидят в своем бюике. Они не спят. Мадлен мастерит цветок из обрывка синей материи. Иногда, сверкая фарами, с грохотом проползает темная громада грузовика.

Голос Мадлен. И никто не продавал бензина. Грин охрип и перестал кричать. А Шарля все не было, Я сходила с ума от страха за него...

Мадлен *(очень спокойно, Грину)*. Сейчас будет кончен цветок. Подарить вам его?

Грин. Опять синий цветок! Почему всегда синий?

Мадлен. Счастливый цвет.

Грин. Недостоверно. Мы сидим в синей машине без бензина.

В окошке появляется голова какого-то шофера.

Шофер. Бензина нет? Сто долларов литр!

Грин. Идите к черту!

Шофер. Вы раздражительны, как старый индюк. Поберегите вашу печень для немцев. *(Исчезает.)*

Мадлен. Я беспокоюсь за Шарля. Мы досидимся до того, что сюда придут немцы.

Грин. Ну что же, у них, вероятно, легче достать бензин.

Мадлен. О, эти вечные остроты! Скажите, хоть на грош у вас найдется патриотизма?

Грин. Нет. Как и у вас, мадам.

В окне машины появляется голова небритого парня.

Парень. Недурно устроились. Номера у вас не сдаются?

Мадлен. Залезайте. Только вымойте уши и перемените воротничок.

Парень *(с завистью)*. Такой тощий пес и с такой болонкой! И так устроились. *(Исчезает.)*

Грин *(высовываясь, вслед парню)*. Вы не знаете — немцы далеко?

Голос парня. В Кортонэ!

Грин. Тридцать два километра отсюда. Ну, посмотрим, поможет ли нам ваш синий цветок.

Мадлен. Я очень беспокоюсь за Шарля. Цветок готов. Почему вы думаете, что я не патриотка? *(Вставляет цветок в петлицу.)*

Грин. Мы с вами одного поля ягоды. Мы желчны и самовлюбленны.

В окно заглядывает усатый человек в кожаном пальто.

Усатый человек. Бензина нет?

Грин. Есть бензин!

Усатый человек. Сколько?

Мадлен. На одну дамскую зажигалку.

Усатый человек. Рушится мир, а они острят! Чтоб вы сдохли! Из-за таких вот остряков погибает страна. *(Исчезает.)*

Грин. Да, мы желчны и самовлюбленны. Это от кулис, от запаха бензина и разных сортов табака. Во всех странах мира мы курим разные табаки. У нас нет родины... Что это?

Издалека возникает какой-то новый, стремительно нарастающий гул. Он приближается с чудовищной быстротой... Раздаются вопли, топот бегущих ног, треск, потом все тонет в оглушительном реве. Мимо машины проносятся, сверкая фарами, какие-то чудовищные громады. И сразу наступает тишина.

Мадлен. Что это?

Грин. Немцы!..

Снова возникает нарастающий грохот.

Мадлен. Боже мой! Шарль!

Грин. Не беспокойтесь. Он спит сейчас в синей комнате, под синим одеялом, около ведра с бензином.

Оглушительный рев. Вновь проносятся темные чудовища.

Мадлен *(резко)*. Может быть, действительно, пора перестать острить?

Грин *(бледный)*. Попробуем.

Нарастающий рев.

Голос Мадлен. К утру Грину удалось обменять нашу машину на ручную тележку... Шарль не пришел. Мы решили идти ему навстречу.

Утро. Пустынная дорога. Ни души. Опрокинутые машины, разбитые велосипеды. Грин, уже выгрузивший чемоданы на землю, торгуется со стариком фермером.

Фермер *(цепко держась за свою тележку)*. Я повторяю: тысячу франков приплаты, иначе сделка не состоится.

Грин. Но это бюик сорокового года!

Фермер *(с тупым упрямством)*. Тысячу франков приплаты, если вам нужна тележка.

Грин. Мы оставляем вам ковер, мех, куклу для счастья.

Фермер. И тысячу франков приплаты.

Грин. Убейте меня, я не патриот, мадам! *(Фермеру.)* Хорошо, черт с тобой! Я посинел от этой торговли.

Фермер *(спокойно)*. Это к счастью, сударь. Синий цвет приносит счастье.

Мадлен. Великолепно сказано, Грин! Правда?

Голос Мадлен. Мы шли до Сибура шесть часов. В городе уже были немцы. Мы оставили вещи в каком-то кафе и пошли искать Шарля. Но мы не нашли его.

Мадлен и Грин стоят около витрины какого-то магазина. Оба устали. Они не знают, куда идти.

Какой-то пожилой горожанин, приподнимая шляпу, интимно обращается к Грину:

— Простите, сударь, мне очень знакомо лицо этой дамы...

Грин вяло отвечает:

— Это Мадлен Тибо.

— Мадлен Тибо?! Благодарю вас!.. Мадлен Тибо...

Старичок отходит. Он шепчет это имя другому зеваке.

Подходят еще двое.

— Мадлен Тибо,— шепчет старик.

Из магазина выходит офицер-эсэсовец со свастикой на рукаве. Мадлен оказывается на его пути. Офицер останавливается, надменно оглядывает Мадлен с ног до головы и стеком отстраняет ее.

Ни секунды не размышляя, Мадлен закатывает ему пощечину.

Раздаются смех и аплодисменты.

Мадлен, отвесив поклон аплодирующим, спокойно отходит.

Офицер так же спокойно расстегивает кобуру, вынимает револьвер. К нему бросаются два-три человека.

— Что вы делаете?! Это Мадлен Тибо. Это сама Мадлен Тибо!

— Назад! — командует офицер.

Он поднимает револьвер, но Грин ударяет его по руке.

Револьвер падает.

Грин бросается к Мадлен. Они бегут. Раздается выстрел.

Какой-то человек втаскивает их в подворотню.

Двор.

Они бегут уже втроем в глубину двора. Спаситель Мадлен и Грина — грузный мужчина лет пятидесяти — бежит последним.

Дощечка на стене дома: «Улица Данте, 26».

Голос Мадлен. Этот человек провел нас переулками и дворами к себе домой. Это был мой муж, которого я не видела восемнадцать лет.

Дом № 26 по улице Данте.

Все трое поднимаются по уже знакомой нам лестнице.

Мы видели эту лестницу в самом начале картины: по ней поднимался полицейский, услышавший выстрел.

Мадлен, ее муж и Грин входят в столовую.

Здесь в начале картины стояли остатки ужина на столе и полицейский громко спрашивал: есть ли здесь кто-нибудь?

Втроем они входят в соседнюю комнату.

Здесь была найдена Мадлен Тибо.

Беглецы запыхались, устали.

Мадлен обеими руками опирается на стол.

Грин *(с размаху опускаясь в кресло)*. Простите, мадам, не могу. Это не для моей подагры.

Муж, молча отдуваясь, вытирает платком багровую мокрую лысину.

Мадлен *(мужу)*. Когда у тебя был Шарль? *(Снимает шляпу.)*

Муж. Ночью. Он ушел с бензином. Где ваш багаж?

Грин. В большом кафе за углом.

Мадлен. Я проклинаю этот багаж! Я не мать! *(Мужу.)* Дай папиросу. Как я могла отпустить Шарля!

Муж. Пустяки. Он увидит, что машины нет, и вернется сюда.

Мадлен *(с неожиданным коротким смешком)*. А у меня был шумный успех на улице! Мне даже аплодировали. *(Жадно затягивается.)*

Муж что-то мычит.

Мадлен. О чем ты говорил с Шарлем?

Муж. Ни о чем. Он битый час пел тебе дифирамбы, потом налил ведро бензина и ушел.

Мадлен. Он очень красивый, правда? Странно, что это твой сын.

Муж *(Грину)*. Может быть, вам угодно умыться с дороги?

Грин. Если вы хотите поговорить — пожалуйста. *(Непринужденно уходит.)*

Мадлен, выжидая, курит. Муж обращается к ней:

— Это твой любовник?

— Это мой импрессарио.

— Но он твой любовник?

— Нет.

— Верю. Ты не умела раньше лгать. Впрочем, прошло восемнадцать лет, и ты могла научиться.

— Я не научилась. Хотя очень старалась.

— Ты всегда была туповата. Как ты жила эти годы?
— Лучше, чем с тобой.
— Любила ли кого-нибудь?
— Да.
— Красивый парень?
— Нет.
— Можно поинтересоваться, кто это?
— Ты.

Пауза. Мадлен ходит по комнате, курит, осматривает стены. Муж исподлобья следит за ней.

— Это серьезно?
— Женщина, которой нет сорока, никогда не говорит совсем серьезно.
— Но тебе сорок.
— В данном случае мне нет сорока. Дай еще папиросу.

Она прикуривает вторую папиросу от первой.

Входит улыбающийся Грин.

— Голубая вода, желтое мыло, синее полотенце — это к счастью, мадам?

Мадлен улыбается.

— Грин, может быть, вы будете так любезны и сходите за чемоданами?
— Если вам нужно поговорить — пожалуйста!

Грин уходит еще более непринужденно.

Мадлен подходит к мужу.

— Как он тебе понравился?
— Такая же дрянь, как и все другие.
— Он лучше нас с тобой.
— Возможно. Значит, мы еще бóльшая дрянь.

Пауза. Мадлен курит, искоса разглядывая мужа.

— Как ты жил эти годы?
— Тебе не о чем со мной говорить?
— И все-таки, как ты жил?
— Не хуже других. Я пишу философские статьи.
— Зачем?
— Как всякий неудачник.
— А ты неудачник?
— Конечно! Я был неудачным студентом, потом плохим солдатом в ту войну, потом паршивым актером, потом я неудачно женился...
— Благодарю!
— Потом я стал богаче и глупее. Так как я стал

богаче, я сделался редактором газеты, а так как я стал глупее,— я пишу философские статьи... Зачем ты затеяла скандал с этим эсэсовцем?

— Мне стало противно.

— Уже?

— Я насмотрелась на них на улицах, в магазинах и повсюду.

— Ну?

— Это чудовищно! Я ненавижу их.

— За что? Дура! Ты ударила этого эсэсовца, как ребенок бьет стул, о который он ушибся. Это не человек, это вещь, она продается и покупается. Вещь нельзя ненавидеть. Можно ненавидеть того, кто ее купил и пустил в ход.

— Ты говоришь о Гитлере?

— Нет. Гитлер — это тоже вещь. Только немного более дорогая по прейскуранту.

— Не понимаю!

— Естественно!

— Я знаю одно: они здесь, во Франции, и это чудовищно!

— Боже мой, двадцать пять лет мы сами готовили их приход. Четверть века наши министры и генералы готовили ваксу и щетки, чтобы почистить им сапоги. А сейчас, когда это свершилось, вы кричите: «Ужас! Нашествие! Коричневая чума!» А я говорю: отлично! Это лопнул нарыв. Пусть течет гной! В третий раз за семьдесят лет они приходят сюда, и у меня нет ни малейшей надежды, что твоя Франция станет умнее и после третьего урока.

— Они не продержатся и двух месяцев.

— Они продержатся два поколения, дура! Это хитрые бестии. Они знают, каким крючком зацепить человека. Вы все поете: «Человек добр! Человечество идет к совершенству!» А они знают: человек — сволочь! Он всасывает подлость с молоком матери. В каждом мальчишке сидит убийца, расхититель, вор. Они говорят: «Бей, жги, вешай!» И люди бегут за ними, высунув языки от радости.

Мадлен *(очень серьезно)*. Если бы Шарль был здесь, он не посчитался бы с тем, что ты его отец, и ударил бы тебя по лицу.

Муж. И испытал бы при этом удовольствие. Пото-

му что ударить по лицу старого и слабого человека приятно современному юноше.

Мадлен *(после паузы)*. Не уважаю актеров, которые всю жизнь играют одну и ту же роль... *(Берет со стола журнал и видит в нем свой портрет. После молчания.)* Ты никогда не жалел, что бросил меня?

— Нет.

— Ты вспоминал меня иногда?

— Нет.

— Тебе понравился твой сын?

— Нет.

Мадлен. Как приятно вернуться домой после долгих странствий и увидеть, что ничего не изменилось! *(Отбрасывает журнал.)*

Грин. Простите. *(Входит.)* Вы можете отложить окончание разговора?

Муж. Надолго?

Грин. Скажем, года на два?

Мадлен. Ну разумеется!

Грин. Тогда нужно немедленно уходить отсюда. Эсэсовцы ищут Мадлен Тибо по всему городу.

Больница.

Мадлен. Через два часа мы уехали. Мой муж обещал разыскать Шарля и отправить его за нами вслед. Потом я проклинала себя за то, что согласилась уехать...

Пауза.

Следователь. Я слушаю вас.

Мадлен. Я ни за что не уехала бы без Шарля, но они уговорили меня. Немцы искали Мадлен Тибо. Нужно было где-то переждать. И я уехала в деревню, где родилась.

Следователь. Вы родились в деревне?

Мадлен. Да, мой отец, Ипполит Лантье, содержал кабачок.

Следователь. Он жив?

Мадлен. Тогда он был жив.

Следователь. Вы поехали одна?

Мадлен. Грин проводил меня. Мы решили, что пока я поживу в деревне, где никто не знал Мадлен Тибо, но все помнили Катрин, дочь дядюшки Ипполита...

Узкая деревенская уличка, неровно вымощенная, со скатом к середине. Белые каменные домики с черепичными крышами. Около кабачка дядюшки Ипполита стоит четырехместный шарабан.

Голос Мадлен. Я увидела дом, в котором прошло мое детство.

Темный проход внутри дома. Дубовая дверь, большая кадка, лестница наверх, спуск в винный погреб.

Голос Мадлен. Мы поднялись по старой каменной лестнице в шесть стертых ступенек. Я помнила здесь каждый камень.

Мадлен и Грин появляются в проходе, подходят к двери.

Мадлен стучит. Из-за двери слышен неясный ответ. Мадлен открывает дверь, входит.

Четыре крестьянина играют в карты за квадратным столом, покрытым темной грубой скатертью. Перед каждым большая кружка с вином, у каждого в зубах трубка. Клубы сизого табачного дыма наполняют комнату.

Увидев горожан, все четверо медленно встают.

Пауза.

Голос Мадлен. Я вглядывалась в их лица. Мне показалось, что отца между ними нет, но я не была уверена в этом.

Лица крестьян. Коренастый, с веселыми глазами Журдан; тощий, усатый, с добрым, приятным лицом Исидор; угрюмый, черный Грабю и совсем седой старик Куртэн.

Мадлен *(неуверенно)*. Здравствуйте.

Все четверо *(не очень охотно)*. Здравствуйте.

Мадлен. Дядюшка Ипполит дома?

Исидор. Это как сказать.

Крестьяне засмеялись.

Мадлен. А где он?

Журдан. Если он и дома, так только наполовину. *(Садится.)*

Грин *(сердито)*. Вас спрашивают, где Ипполит Лантье?

Г р а б ю. А вы кто? Беженцы? *(Возобновляет игру.)*

М а д л е н. Я его дочь, Катрин.

Все четверо уставились на нее.

Ж у р д а н. Катрин? Катрин стала, простите, публичной девкой и пропала! *(Лихо ударяет картой, берет взятку.)*

Г р и н. Послушайте, вы, нахал! Похожа она на публичную девку?

Ж у р д а н *(дипломатично)*. Все мы созданы по образу и подобию божьему. *(Тасует карты.)*

М а д л е н *(теряя терпение)*. Ну вот что, довольно валять дурака! Где отец, пока я не засучила рукава?

Г р а б ю. «Где», «где»! Помирает за занавеской, если вам так хочется узнать...

Мадлен бросается к занавеске.

На деревянной кровати поверх одеяла лежит ее отец в грубой куртке и башмаках. Огромный, багровый, он тяжело дышит, бессмысленно уставившись в пространство, и, видимо, ничего не видит и не слышит.

Четверо за столом исподтишка наблюдают за Мадлен, посасывая свои трубки и пуская клубы вонючего дыма. Журдан сдает засаленные карты.

М а д л е н. Что с ним?

Г р а б ю. Его хватил удар.

Ж у р д а н. Часа три назад.

И с и д о р. Зашел немец с нашивками, что-то сказал, старик стал лиловый, как баклажан, и свалился со стула. *(Кидает карту.)*

К у р т э н *(вздыхая)*. Еще утром он был здоров, как аптека. *(Берет взятку.)*

Мадлен стремительно подходит к столу и смахивает карты на пол.

М а д л е н. Бросьте курить! Все четверо! Что я сказала?! Гасите трубки и кладите их в штаны. *(Журдану.)* Ты — сейчас же за доктором!

Ж у р д а н *(выколачивает трубку)*. А где взять лошадь?

М а д л е н. Возьмешь свою! *(Грабю.)* А ты пойди наверх и принеси подушку. И бегом! Я-то знаю, что вы умеете бегать, когда нужно.

Грабю *(у двери, Журдану, который еще не ушел за доктором).* А ведь и в самом деле это Катрин Лантье! Командует, как старик. *(Уходит за подушкой.)*

Журдан. Видать, их кое-чему учат там, в веселых домах.

Исидор. Ну, если ты Катрин, так здравствуй, Катрин. Я Исидор, ты должна помнить меня.

Мадлен *(нежно).* Здравствуй, Исидор. Помню, помню! Как ты поживаешь?

Исидор смеется от удовольствия.

Журдан *(все еще стоя у двери).* Черт возьми, ну и нюх у этих наследников! Всего три часа, как человека разбил паралич, а они тут как тут. И на чем только они ездят? *(Выходит.)*

Вечер. Кабачок. Несколько посетителей. Пьют, курят, играют в кости и в карты. За стойкой никого нет.

Из двери в глубине входят Исидор и Мадлен.

Исидор. Слушайте, это Катрин — дочь дядюшки Ипполита. Она будет теперь торговать здесь, поскольку доктор сказал, что у старика отнялись ноги.

Мадлен *(выходя вперед).* Здравствуйте, господа!

Сдержанное, недоверчивое ворчание служит ответом. Сидящие за столиками уставились на новую хозяйку.

Один из посетителей — шутник Питу — оглядывает ее с ног до головы, встает и подходит к стойке.

Питу. Вот эта будет торговать? *(Вдруг быстро поднимает палец.)* Одна синичка, два хвоста!

Это экзамен. Все следят за Мадлен.

Мадлен берет из шкафа две бутылки и делает в стаканчике смесь.

Питу тянется к стаканчику. Мадлен резко шлепает его по руке.

Мадлен. Стоп! Не горячиться! *(Стучит пальцем по стойке.)*

Питу бросает на стойку монету, берет стаканчик, пьет.

Голос из угла. Ну?

Питу. Она из породы кабатчиков.

Мадлен *(кланяясь).* Еще раз здравствуйте, господа!

Веселые голоса. Здравствуйте, мадам! Здравствуйте!

Старик Ипполит возлежит на высоких подушках. Толстые руки сложены на груди. Кровать чисто прибрана. Рядом с кроватью сидят за столиком и беседуют Грин и коренастый Журдан — тот самый, который ездил за доктором.

Журдан. Скажите, сударь, мадам Лантье ведь не собирается торговать здесь, в кабачке?

Грин *(весьма учтиво)*. Быть может. А в чем дело?

Журдан. Видите ли, сударь, дядюшка Ипполит уже не годится в кабатчики.

Грин. Быть может... Дальше?

Журдан. Какой же кабатчик из человека, который, если верить доктору, не будет ходить, которому нельзя пить вино, курить и есть мясо. Верно?

Грин. Уж не хотите ли вы купить этот кабачок, сударь?

Журдан. Зачем торопиться в таком разговоре... Я рассуждаю так: мадам не может хорошо торговать в кабачке.

Грин. Простите, я немного нетерпелив. Вы хотите купить это заведение?

Журдан *(со вздохом)*. Пожалуй, если не очень дорого и половину в кредит.

Грин. Не думаю, чтобы она его продала. Она всю жизнь мечтала торговать в кабачке.

Журдан. Мечтают об этом все, но удается это дело немногим.

Кабачок. Табачный дым. Шумно. Мадлен за стойкой наливает кому-то стакан вина.

Разговор у постели старика продолжается.

Журдан. Между нами, она не вдова?

Грин. Допускаю, что она свободна.

Журдан. Она не собирается выходить замуж?

Грин. Уж не хотите ли вы жениться на ней?

Журдан. Я не люблю спешить в серьезных делах, сударь.

Грин. Если вы хотите заполучить кабачок, то делайте предложение немедленно. Завтра могут появиться еще претенденты. Поверьте, я даю вам правильный совет. Я человек опытный в таких делах.

Журдан. Спасибо, сударь! Но я прошу вас замолвить за меня словечко, поскольку я был первый, кому это пришло в голову.

Дверь распахивается. Быстро входит Мадлен.

Мадлен. Он еще спит?

Грин. Мы дремлем с ним вместе.

Журдан встает, отвешивает низкий поклон Мадлен и направляется к двери, делая Грину незаметные знаки глазом и рукой.

Журдан *(в дверях)*. Не забудьте о моей просьбе, сударь!

Грин ободряюще подмигивает. Дверь за Журданом закрывается.

Грин. Ну, как вы справились с торговлей там, в кабачке?

Мадлен. Отлично! *(Наклоняется над отцом, целует его и поправляет подушку.)*

Грин. Никогда не подумал бы, что вы можете так хорошо играть жанровые роли.

Мадлен. Это не роль. Это я сама. Здесь мой дом, и когда-нибудь я приеду сюда умирать. Идемте, я покажу вам комнату, в которой я родилась.

Грин. Простите, мадам, но я не чувствителен, и мне пора ехать. Что вы скажете мне на прощанье?

Мадлен. Спасибо вам за все, дорогой друг! И не бросайте меня здесь надолго.

Грин целует ей руку, идет к двери, потом вдруг останавливается.

Грин. Кстати, мадам, я хотел спросить одну мелочь: почему вы разошлись с мужем?

Мадлен. Он просто бросил меня. Я его раздражала.

Грин. Но вы любите его?

Пауза.

Мадлен. В первый раз за восемнадцать лет нашего делового знакомства вы задаете мне нескромный вопрос. Что с вами, Грин?

Грин. Простите, мадам, это случается один раз в восемнадцать лет. До свидания. *(Выходит.)*

Мадлен идет за ним.

В коридоре их поджидает Журдан.

Журдан *(тихо, Грину, когда он подошел вплотную)*. Ну, вы сказали ей?

Грин оглядывается на Мадлен, стоящую у открытой двери.

Грин *(громко)*. Нет. Я передумал.

Журдан. Почему?

Грин. Вы натолкнули меня на мысль, и я решил сам сделать ей предложение.

Журдан. Вы? *(С упреком.)* О сударь!

Грин. Да. Я решил плюнуть на то, что она из веселого дома, поскольку мне нравится этот кабачок.

Мадлен *(улыбаясь)*. Но я еще не дала вам согласия, Грин! Я размышляю.

Грин. Я вернусь за ответом, мадам.

Журдан *(подозрительно)*. Вы, очевидно, шутите, сударь?

Грин. Нет, я очень серьезно. До свидания, мадам.

Он уходит. Мадлен смотрит ему вслед.

Голос Мадлен. Я прожила в этой деревне больше двух лет.

Больница. Мадлен продолжает рассказ. Теперь она говорит торопливо, лихорадочно. Вероятно, у нее жар.

Мадлен. Да, больше двух лет... Отцу стало легче, он говорил, смеялся. Ходить он не мог. *(Улыбается.)* Странно, его больше всего сердило не это, а то, что ему было запрещено пить вино, курить и есть мясо... *(Замолкает.)*

Входит врач. Наклоняется к Мадлен.

Врач *(бросает сиделке)*. Камфару!

Сиделка выходит.

Следователь. Ваш сын приехал к вам?

Мадлен. Нет! Он не мог, нельзя было выехать из Сибура. Немцы установили контроль. В первый раз мы жили порознь. Почти два года! Оба мы смертельно тосковали...

Идет снег.

Поля в снегу.

Деревья в снегу.

Деревенские улички в снегу.

Голос Мадлен. Шарль писал мне отчаянные письма. Сначала очень часто, потом реже. Потом письма стали спокойнее. Это было не так тревожно, но немного грустно...

Идет снег. Девочка в деревянных башмаках перебегает заснеженную уличку. Осел тянет тележку.

Голос Мадлен. Я решила, что он уходит от меня, как всякий сын уходит от матери, когда делается мужчиной.

Идет снег. Сквозь снежные хлопья еле виден кабачок дядюшки Ипполита. Какой-то человек отряхивается на крыльце, топает ногами. Вечер.

Голос Мадлен. Я много раз собиралась поехать к нему, но Грин, который писал мне еженедельно, умолял меня не трогаться с места...

Дядюшка Ипполит, багровый, важный, восседает на высоком кресле за стойкой. Он дрожащей рукой разливает вино по стаканам. Мадлен берет полные стаканы, ставит пустые. Гул голосов.

Голос Мадлен. И вдруг приехал Шарль. Я никогда не забуду этого. В этот день мы узнали от человека, который пришел от партизан, что Паулюс наконец сдался русским со всей своей армией, вы знаете, там, в окруженном Сталинграде.

Кабачок полон, пьют за всеми столами. Мадлен разносит вино. Ее окликают со всех сторон.

За одним из столиков сидит ничем не примечатель-

ный крестьянин. Налив на мраморную доску немного красного вина, он пальцем делает подобие карты Сталинграда. За гулом голосов не слышно, что он говорит. Десяток голов склонилось над столом. Крестьянин двумя руками как бы берет Сталинград в клещи, показывая, как был окружен Паулюс. Вдруг, заметив что-то, он одним движением смахивает вино со стола, а сам оказывается под столом.

В дверях кабачка стоит новый посетитель.

Это рослый парень с каким-то круглым значком на груди. Он стоит, неприязненно оглядывая посетителей, отряхивая мокрую шляпу. Гул голосов стихает.

Парень. Хозяйка здесь? *(Замечает Мадлен в глубине кабачка.)* Мадам, к вам приехал сын.

Мадлен замирает у стойки.

Парень. Он едет на велосипеде со станции. Я обогнал его.

Мадлен, задыхаясь, садится.

Парень *(оглядывая посетителей)*. Что здесь за собрание?

Грабю *(холодно)*. Поминки, господин, который хочет все знать.

Питу. Дело в том, что у одного лавочника околела тетка.

Исидор. Бедняжка забрела в лес.

Питу. И слишком долго шла на восток.

Смех.

Парень. Вы доиграетесь!

Питу. Почему? Я даже знаю, как зовут этого лавочника.

Голос из угла *(негромко)*. Гитлер!

Парень резко поворачивается. Молчание. В углу играют в кости.

Парень *(через весь кабачок, Ипполиту)*. Кончится тем, что твое заведение закроют. Я предупреждаю тебя, паралитик!

Выходит. Взрыв хохота. И сразу появляется Шарль, покрытый снегом. Хохот останавливает его на пороге.

Шарль. Здесь кабачок дядюшки Ипполита?

Исидор *(сквозь смех)*. Здесь, здесь! Вон твоя мать у стойки.

Куртэн. Она прожужжала нам о тебе все уши.

Мадлен *(слабым голосом, смеясь от счастья)*.

Я здесь, Чарли! Это смешно, но я не могу встать, у меня вдруг ослабли ноги. Иди сюда!

Шарль идет к матери, пробираясь между столиками.

— Мама!

Долгое объятие. Весь кабачок приподнимается и смотрит на них. Шарль в дорожном костюме, в гольфах и толстых чулках. Он немножко слишком роскошен для кабачка дядюшки Ипполита.

Мадлен *(плача и смеясь)*. Это мой сын! Посмотрите на него!.. Ты надолго?

Шарль. Только на сутки, мама!

Мадлен *(с ужасом)*. Только на сутки?!

Ипполит. Пусть он подойдет.

Шарль. Кто это?

Мадлен. Это твой дедушка, Чарли! Поцелуй его.

Шарль подходит к деду.

Мадлен. Ну поцелуйтесь же!

Ипполит. Не бойся, я не заразный, это только паралич.

Шарль наклоняется к деду и неохотно целует его.

Ипполит *(разглядывая внука)*. Не могу понять, на кого он похож. Катрин, может быть, сегодня ради такого случая мне можно выпить рюмочку вина?

Вокруг раздаются выкрики:

— Дай ему выпить, Катрин!.. Пусть выпьет!.. Сегодня два праздника!

Питу. Дай ему хоть сегодня трубку вместо клистира!

В кабачке оживление.

— Дай ему трубку, Катрин! Дай ему рюмочку!

Мадлен. Мы выпьем втроем. Они пьют. Дядюшка Ипполит закрывает глаза от удовольствия.

Кабачок аплодирует ему:

— Браво, Ипполит! Браво, старик!

Ипполит *(сияя и раскланиваясь)*. Теперь я вижу, на кого он похож! *(Дочери.)* Он похож на твоего дядю Максима, который умер от пьянства. А трубка? *(Шарлю.)* Дай мне твою трубку!

Мадлен. Он не курит.

Шарль *(негромко)*. Я курю, мама. Но я не очень люблю давать свою трубку. *(Вынимает из кармана трубку и протягивает ее деду.)*

Ипполит *(отстраняя трубку)*. Я знаю, на кого он похож: он похож на дядю Жака, который всю свою жизнь считал себя лучше всех.

Мадлен *(улыбаясь)*. Придется дать тебе еще рюмочку! Это вредит здоровью, но зато помогает при встречах с родственниками.

Пустая комната Мадлен над кабачком. Снизу глухо доносится гул голосов, смех.

Входят Мадлен и Шарль.

Мадлен *(все еще сияя от счастья)*. Ну вот, это будет твоя комната. Правда, прекрасно? *(Закуривает.)* Я здесь родилась.

Шарль. Какая унылая комната. Бедная мама! Здесь очень плохо. *(Ходит по комнате, осматривая темную простую мебель, трогая оштукатуренные стены.)*

Мадлен. Разве?.. *(Садится.)* Больше всего я устаю от того, что не могу курить там, внизу, в кабачке... Отец не знает, что я курю. Ну сядь же, ты все время ходишь. Расскажи о себе!

Шарль садится, целует руку матери.

Мадлен. Смешно, ты какой-то другой... *(Гладит волосы сына.)* Ну, как ты жил? Что ты делал? *(Целует его.)* У тебя какие-то новые глаза...

Шарль. Просто я повзрослел.

Мадлен. Да, повзрослел. *(Гладит его по щеке.)* Ты все еще бреешься через день?

Шарль. Нет, приходится бриться ежедневно.

Мадлен. Уже ежедневно? Боже мой!..

Шарль *(смеясь)*. Мама, а помнишь того директора театра, который брился три раза в день?

Мадлен. И все-таки щеки у него были всегда синие.

Шарль. Где это было?

Мадлен. Где? В Сан-Франциско!

Шарль. Да-да! И нам тогда не заплатили денег.

Мадлен. И мы жили в ужасных номерах.

Шарль. И ты боялась хозяина...

Мадлен. И Грин приносил нам бананы. Каждый день бананы, бананы, только бананы!

Шарль. И у меня заболел живот!

Мадлен. И Грин привел пьяного доктора, который все время икал и просил соды. Ах, какие это были чудесные времена!

Оба смеются.

Мадлен. Ну вот видишь, а ты говоришь, что повзрослел! Ты такой же, как был! *(Целует его в голову, вглядывается.)* Нет, у тебя другие глаза!..

Шарль. Просто я устал с дороги. *(Встает.)* Какая мрачная комната! *(Вновь ходит по комнате, осматривая мебель.)* Как скучно, наверное, костюму висеть в таком шкафу. *(Открывает шкаф.)* Что это?

Голос из шкафа. Это только я, сударь!

Шарль. Кто это, мама?

Из шкафа высовывается голова перепуганного Журдана.

Мадлен *(смеясь)*. Ах, я совсем забыла рассказать тебе, Чарли. Это Журдан!

Журдан *(не вылезая из шкафа)*. Да, это я, Журдан.

Шарль. А почему этот Журдан у тебя в шкафу?

Мадлен. Видишь ли, Чарли, дело в том, что он подрался с немецким интендантом.

Журдан *(вылезая)*. Это было в сентябре.

Мадлен. Интендант назвал Францию грязной девкой.

Шарль. Драка с полковым интендантом — не такое уж преступление, чтобы ты прятала его в своем шкафу.

Журдан. Но я выбил ему два зуба, сударь.

Мадлен. Мне кажется, было там выбито гораздо больше зубов, Журдан.

Журдан *(застенчиво)*. Возможно.

Мадлен. И, кроме того, вы сломали ему ребро.

Журдан. Я начал с того, что почти оторвал ему ухо. Но зачем вспоминать? Как бы то ни было, он до сих пор в лазарете...

Шарль. И все-таки, мама, прятать у себя в шкафу...

Мадлен. Ну, если говорить совсем начистоту, Чарли, тут замешан не только немец.

Шарль. Что же еще?

Журдан *(помолчав)*. Парень из этих продажных шкур... Из тех, что работают с немцами... Так вот, он вступился за интенданта... И, между нами, сударь, я убил его топором.

Пауза.

Шарль. И как вы попали сюда?

Мадлен. Твой дедушка спрятал его, Чарли.

Журдан. С тех пор мне приходится спать здесь, рядом с платьями мадам. *(Галантно.)* Это навевает приятные мысли. Но чаще я сплю со штанами и курткой дядюшки Ипполита.

Мадлен смеется.

Больница.

Мадлен. Мы очень-очень смеялись. Шарль выпил с Журданом вина. Потом Журдан пошел вниз, а мы с Шарлем просидели почти всю ночь и болтали. Мы вспоминали города, страны, моря, театры, гостиницы, нашу жизнь. Это были лучшие часы за два года... А утром, проснувшись, я пошла наверх посмотреть, как спит Шарль. Но его уже не было. Он пошел гулять по деревне. Тогда я, как всегда, спустилась в кабачок, чтобы прибрать его...

Пустой кабачок. Утро. Перевернутые стулья поставлены на столы. Мадлен подметает пол.

Стук в дверь.

Мадлен. Еще закрыто!

Вновь стук.

Мадлен. Откроется через два часа!

Грохот. В дверь стучат сапогами, прикладами.

Старик Ипполит прислушивается в своей комнате. Мадлен открывает дверь.

Входит немецкий унтер-офицер в черном мундире со свастикой. С ним немец солдат и трое штатских французов с круглыми значками.

— Идите впереди! — приказывает унтер-офицер, обращаясь к Мадлен.— Где ваша комната?

Они проходят сени, с тяжелым топотом поднимаются по ветхой лестнице, входят в комнату Мадлен. Оглядываются, начинают обыск. Один сразу подходит к шкафу.

Бледное лицо Мадлен.

Шкаф пуст.

Срывают одеяло с кровати.

Кровать пуста.

Голос Мадлен *(в темноте)*. Они перерыли весь дом и не нашли Журдана.

Комната старика Ипполита. Мебель перевернута, тюфяк, одеяло, подушка валяются на полу. Сам Ипполит сидит в своем кресле в углу. Входит взволнованная, веселая Мадлен.

Ипполит. Они ушли?

Мадлен. Слава богу, пронесло! Но Журдан, Журдан! Честное слово, ему везет!

Ипполит. Ты никому не говорила, что он прячется у нас?

Мадлен. Ты с ума сошел!

Ипполит. Значит, никому?

Мадлен *(просто)*. Ну, Чарли видел его.

Ипполит. Хорошо. Отодвинь меня!

Мадлен отодвигает кресло, и тотчас две доски пола начинают шевелиться, приподнимаясь.

Мадлен. Вылезайте, Журдан!

Она приподнимает доску и помогает Журдану вылезти из убежища под полом.

Журдан *(отряхивая волосы)*. Мне не нравится, что они пришли сюда. Надо уходить.

Ипполит. Иди пока в чулан. *(Журдан направляется к двери.)* Постой! Тебя никто не видел?

Журдан. Никто.

Ипполит. Ты не подходил к окну?

Журдан. Да нет же!

Ипполит. Ты не говорил сам с собой, не пел, не кашлял, не чихал?

Журдан. Нет, клянусь мадонной!

Ипполит. Ладно, иди. *(Дверь закрывается за Журданом.)* Катрин, наклонись ко мне, я хочу поглядеть на тебя

Мадлен наклоняется к отцу, она встревожена его тоном.

Ипполит. Ты рассказывала только своему сыну о Журдане? Больше никому?

Мадлен. Больше никому.

Ипполит. А ты рассказывала ему, что Журдан третью ночь спит под моим креслом?

Мадлен. Нет...

Ипполит *(помолчав)*. О Журдане знаем мы трое: ты, я и твой сын. И, значит, один из нас выдал его.

Мадлен *(резко)*. Ты сошел с ума на старости лет!

Ипполит. И выдал тот, кто не знал, что он ночует под моим креслом.

Мадлен и Ипполит смотрят друг на друга.

Дверь кабачка распахивается, входит возбужденный, свежий после гуляния Шарль. Кабачок чисто прибран. Стулья расставлены по местам.

Шарль. Говорят, у нас был обыск?

Ипполит уже занял место за стойкой. Мадлен перетирает стаканы.

Ипполит. Подойди сюда. Я хочу на тебя посмотреть.

Мадлен дрожащими руками закуривает сигарету.

Шарль подходит к деду.

Ипполит. Нагнись ко мне, Шарль. *(Смотрит на внука.)* Тебе понравилось у меня в доме?

Шарль. Нужно ли мне отвечать, мама?

Мадлен. Да.

Шарль *(спокойно)*. Нет, не понравилось.

Ипполит. Что же тебе не понравилось? Люди? Вино? Столы?

Шарль. Мне не понравились разговоры.

Ипполит. В кабачке? Вчера?

Шарль. Да. В кабачке. Вчера.

Ипполит. Что же тебе не понравилось в этих разговорах?

Шарль. Отвечать ему, мама?

Мадлен. Да.

Шарль *(деду)*. Я не буду отвечать тебе.

Ипполит. Я знаю, на кого он похож! Только у него не хватает вот тут круглого значка. *(Резко отстраняет внука.)* Катрин, разве ты умеешь курить?

Мадлен. Я курю иногда. В трудные минуты.

Уличка перед кабачком покрыта свежим девственным снегом. Шарль прощается с матерью. Мадлен накинула на плечи пальто. Велосипед Шарля прислонен к стене.

Шарль. Давай прощаться, мама. Мне пора...

Мадлен. Давай прощаться...

Тощий Исидор проходит мимо них, торопясь в кабачок. Он размахивает руками.

— Ты слыхала, Катрин? Немцы взяли десять заложников! Кто-то видел Журдана в деревне! Взяли старика Куртэна, взяли Грабю... Что ты скажешь?

И, не дожидаясь ответа, Исидор проходит в кабачок.

Мадлен. Пиши мне чаще, Чарли. Я хочу знать о тебе все.

Шарль. Хорошо, мама.

Курчавый толстяк с двумя приятелями спешит в кабачок.

— Мадам, вы знаете новости? Взяли десять заложников! Они будут сидеть в тюрьме, пока не найдется Журдан!

— А если Журдан не найдется через месяц, их расстреляют!

Торопливо проходят в кабачок.

Шарль. Ну, мама... *(Берет мать за руки, чтобы поцеловать ее.)*

Мадлен *(решительно)*. Шарль, скажи мне, ты никому не рассказывал о Журдане?

Шарль *(после паузы)*. Я знал, что ты в конце концов спросишь меня об этом... Если бы его прятала не ты, я сказал бы кому следует.

Мадлен *(в ужасе)*. Ты сказал бы?!

Шарль. Да! Потому что такие люди, как он, вредят Франции.

Мадлен. Народ думает иначе, Шарль!

Женский истошный крик:

— Я не хочу, чтобы мои дети издохли от голода!

Посередине улицы идет растерзанная, рыдающая женщина.

— Я не хочу, чтобы мой муж сидел в тюрьме заложником!

Она подходит к Мадлен, берет ее за плечи.

— Ты слышишь, я не хочу, чтобы его расстреляли из-за этого вшивого Журдана! Ты слышишь? Я не хочу! У меня дети!

Она отталкивает Мадлен и идет дальше по улице, крича:

— Я не хочу быть вдовой!.. Я не хочу быть вдовой!.. Я не хочу быть вдовой!..

Ее рыдающий голос замирает вдали.

Шарль. Ты слышишь, что говорит народ?

Мадлен. И тем не менее народ думает иначе, чем ты, Шарль!

Шарль. Не будем спорить, мама. На твоем месте я сегодня же выгнал бы этого Журдана.

Мадлен. Ты выгнал бы человека, которого ищут враги?

Шарль. Мама, прошу тебя, перестань заниматься политикой! Ты актриса. Ты умная женщина. Не притворяйся деревенской трактирщицей. Это тебе не идет.

Мадлен. Не идет?

Шарль. Да. И, кроме того, ты ничего не знаешь, ты так же слепа, как эти допотопные мужики.

Мадлен. Мне страшно, Шарль. Первый раз в жизни я не понимаю тебя.

Шарль. Я скоро приеду, мамочка, и тогда мы поговорим обо всем. Ничего страшного нет.

Мадлен. Слушай, мальчик мой, всю жизнь я старалась ни к чему не относиться серьезно. Иногда это было трудно. Но я старалась изо всех сил... А теперь надо быть очень, очень серьезной.

Шарль. А я люблю, когда ты остришь, мама! Скажи мне что-нибудь веселое на дорогу.

Мадлен *(серьезно)*. Я очень хочу, чтобы ты во всем был похож на таких, как Журдан и твой дедушка.

Шарль *(хохоча)*. Мама, ты прелесть. *(Целует мать, вскакивает на велосипед.)*

Мадлен молча смотрит ему вслед.

Велосипед Шарля исчезает за поворотом.

Кабачок полон, негде яблоку упасть. Но никто не играет в карты и в кости, и почти никто не пьет. В воздухе гул голосов.

С улицы входит Мадлен. К ней оборачиваются. Исидор встает из-за столика и загораживает ей дорогу. Наступает тишина.

Исидор *(строго)*. Катрин! Мы не знаем, где Журдан, хотя обыск был у тебя. Но кто бы его ни спрятал, он поступил правильно!

Питу. Журдан сделал больше, чем мы все. Он все-таки ухлопал предателя и придушил интенданта хотя бы наполовину.

Курчавый крестьянин. Нехорошо, чтобы человека повесили за то, что он сделал доброе дело!

Исидор. И еще раз: мы не знаем, кто его спрятал. Мы ничего не знаем, Катрин.

Мадлен *(спокойно, улыбаясь)*. Если вы не знаете ничего, то я знаю еще меньше. *(Идет к стойке.)*

Больница. Мадлен молчит.

Следователь *(осторожно)*. Итак, вы не узнали достоверно, кто выдал этого человека?

Мадлен. Подождите. Я расскажу все... Я думала, думала, думала о том, что случилось с Шарлем, думала днем, думала ночью... Я решила наконец больше не думать. Я решила ждать его. Но Шарль не приезжал. Тогда я сама поехала к нему. Мне удалось договориться с шофером, который ехал в Сибур и тут же возвращался обратно. Он спрятал меня под брезентом среди мешков...

Ночь. Сибур. Улица Данте, 26. Мадлен стучится в дверь.

Муж ее, в пижаме, высоко подняв медный подсвечник со свечой, открывает.

— Ты?!

Он быстро втаскивает Мадлен в дверь.

Знакомая лестница — та самая, по которой в начале картины подымался полицейский.

Муж со свечой идет впереди.

— Как ты сюда попала?

— С попутной машиной. Я хочу повидать Шарля.

— Ты получила пропуск?

— Нет.

Муж, пораженный, резко останавливается.

— Ты сошла с ума! — Он оглядывает Мадлен. Она в мучной пыли, на ней чужое помятое платье. — Если тебя увидят в Сибуре, тут же арестуют.

— С каких пор ты стал так трогательно заботиться обо мне?

Муж пожимает плечами, идет дальше. Оба входят

в столовую. На столе — разбросанные рукописи, журналы, пишущая машинка, открытая бутылка коньяка.

Мадлен. Шарль спит?

Муж. Хочешь коньяку, сумасшедшая?

Мадлен. Нет. Я не задержу тебя долго. Я ехала двое суток, но приехала на полчаса. Разбуди скорее Шарля.

Муж. Его нет дома. *(Наливает рюмку коньяка для Мадлен.)*

Мадлен. Боже мой! Как мне не везет во всем, что связано с тобой! Это какое-то проклятие!

Она садится. Потом машинально выпивает коньяк. Закуривает.

Мадлен. Слушай, у меня к тебе одна просьба.

Муж *(улыбаясь)*. Хоть тысячу, сумасшедшая.

Мадлен. Нет, только одна. Можешь ты за полчаса, не рисуясь, не паясничая, рассказать мне, что произошло с Шарлем?

Муж. Это не так легко... Впрочем, идем!

Мадлен. Куда?

Муж. В его комнату. Шарля нет дома, но вещи иногда могут рассказать больше, чем язык.

Они входят в комнату Шарля. На первый взгляд она кажется ничем не примечательной. Мадлен оглядывает ее. И вместе с ней мы видим боксерские перчатки на кровати; на довольно изящном туалетном столике духи, щетки, банки с помадой и кастет; распятие, вырезанное из кости, и бутылку коньяку; груду брошюрок с завлекательными названиями: «Я убил», «Сто двадцать способов разбогатеть», «Хорошая женщина для плохих мужчин», «Как стать сильнее других?», «Война — гигиена человечества».

Обложки журналов религиозного, либо военного содержания, либо с голыми и полуголыми женщинами.

Руки Мадлен берут один предмет за другим, перебирают книжки, бутылки, а в это время звучит голос мужа:

— Ты, я думаю, не забыла, как два года тому назад, когда сюда пришли немцы, Шарль ушел навстречу тебе с ведром бензина?.. Так вот, он вернулся только через три недели.

Мадлен. Через три недели?

Муж. Да. Немцы задержали его, как тысячи других молодых людей. Но тысячи других были отправлены в Германию, а он и еще несколько человек вернулись.

Мадлен *(резко поворачиваясь)*. Что ты хочешь этим сказать?

Муж. Пока ничего. Он вернулся какой-то странный... Потом он увлекся спортом, познакомился кое с кем из местной молодежи, у него появились деньги, и постепенно я стал замечать, что он отзывается о своих друзьях с таким же восторгом, как о тебе. Тебе это приятно?

Мадлен. Не знаю. Он вообще увлекается.

Муж. Да, я заметил, что он увлекается. Однажды я шел к своему букинисту и увидел, что стекла его лавочки выбиты, книги выброшены на тротуар, что пять или шесть молодых людей ломают шкафы и рвут книги — хорошие книги, Мадлен, — и что двое бьют самого букиниста. Среди этих милых юношей я увидел Шарля.

Мадлен. Ты сам видел Шарля?

Муж. Да. И притом весьма увлеченного своим делом. Словом, он с ними.

Мадлен. С кем?

Муж. С фашистами. *(Показывает Мадлен на обложку одного из журналов.)*

Мадлен. С немцами?

Муж. Возможно. Впрочем, у нас хватает своих.

Мадлен *(с тоской)*. Не понимаю, зачем он им?

Муж. Видишь ли, Мадлен, тем, кто делает войну, нужны не только министры и солдаты. Им нужны еще люди, готовые на все: солгать, убить, предать.

Мадлен *(в ужасе)*. Шарль может убить?!

Муж. А что говорят тебе вещи?

Мадлен еще раз оглядывает вещи.

Кастет.

Бутылка коньяку.

Пачка журналов. Брошюры.

Духи и помада.

Мадлен. Подлец!

Муж. Кто?

Мадлен. Ты, ты подлец! Ты развратил его! Ты вдохнул в него эту мерзость!

— Ты с ума сошла!

— Молчи! Я любила тебя, ты меня бросил! Все, что у меня осталось, — это мой сын. Я жила ради него, я отдала ему всю кровь, всю душу! Я вырастила его, сделала его хорошим, чистым, добрым. Двадцать лет ты не вспоминал нас. И вот теперь ты отнял его у меня.

— Клянусь тебе, я не виноват.

— Лжешь! Я слышала тебя в прошлый раз. Это ты научил его. Это твои слова отравили его, твоя смрадная душа, твой ядовитый язык!

— Если бы я знал, что мои слова будут повторять эти мерзавцы, я вырвал бы себе язык!

— Но ты не вырвал его, подлец!

— Об этом ты не можешь судить, ты слишком мало меня знаешь! *(Грубо.)* Полчаса прошло. Проводить тебя?

— Я как-нибудь доберусь сама.

Они выходят из комнаты Шарля.

— Хочешь коньяку на дорогу?

— Да!

Она сама наливает себе подряд две рюмки коньяку.

Муж *(мягко)*. Мне очень больно, Мадлен, что так получилось. Я передам Шарлю, что ты была.

Мадлен. Прощай, подлец!

Она идет к выходу. Внизу хлопает дверь.

Шаги. Мадлен замирает.

Муж. Это Шарль! Стой здесь! *(Толкает Мадлен в угол.)* Молчи и слушай. Это будет тебе полезно. *(Садится как ни в чем не бывало за свою машинку.)*

Входит Шарль с сигаретой в зубах. Он очень красив в своем шерстяном свитере и грубых спортивных башмаках. Посвистывая, смотрит на отца.

Муж. Ну, что вы делали сегодня, мой мальчик? Вы били стекла? Гонялись за коммунистами? Или хором повторяли на площади катехизис нового человека?

Шарль. Отстань! Я сто раз повторял тебе, что буду жить своим умом.

Муж. Он у тебя есть?

Шарль. С меня хватит!

Муж. Слушай, Шарль. Давай поговорим хоть раз серьезно. Все-таки я немножечко старше, немного больше читал, и соседки говорят, что я чуть-чуть умнее тебя.

Шарль. Мне надоели умные разговоры. Умников мы будем вешать на фонарях.

Муж. Браво! Кто останется? Бараны?

Шарль. Останутся сильные люди, которые будут строить новую Европу — Европу без коммунистов и без болтунов.

Муж. Представляю себе этот рай, который построят бараны, купленные на убой.

Шарль *(подходя к отцу)*. Слушай, мудрец, добрые люди научили меня, что, когда становится скучно спорить, нужно дать в морду.

Муж *(встает)*. И получить в ответ?

Шарль. Не обязательно.

Мадлен. Шарль!.. *(Выходит из угла.)*

Шарль. Мама! *(Бросается к матери.)* Откуда ты, мама?

Мадлен вдруг начинает смеяться. Она очень взволнована, но пытается скрыть это.

Шарль. Что с тобой, мама?

Мадлен. Прости меня, Чарли! Мне было ужасно смешно смотреть на тебя в роли фашиста. Надеюсь, ты не забыл, что каждый день нужно аккуратно чистить зубы?

Шарль. Мама, я не ребенок.

Мадлен. А также принимать рыбий жир и с утра проверять, лежит ли в кармане чистый носовой платок?

Шарль. Мама, ты прелесть, но я уже не ребенок!

Муж. Мадлен, может быть, мы поверим ему на слово в этом вопросе?

Мадлен. Он ребенок, который отстал от матери и заблудился. Попроси сейчас же прощения у отца за грубость!

Шарль *(пожимая плечами)*. Папа, прости меня за грубость!

Муж. Что ты, малютка! Ведь ты не успел дать мне в морду.

Мадлен. Чарли, слушай меня: я сейчас должна уходить. Ты приедешь ко мне. Немедленно. Завтра или послезавтра. Слышишь?

Шарль. Слышу, мама.

Голос Мадлен. Но Шарль не приехал ни завтра, ни послезавтра. Он вообще не приехал.

...Ночь. Деревня. Свет пробивается сквозь щели оконных ставен в кабачке Ипполита.

Голос Мадлен. Вместо него приехал Грин. В этот день деревенский лавочник справлял у нас свадьбу.

Дверь кабачка распахивается. Внутри светло, много людей.

Свадьба в разгаре. Расфранченные гости сидят вдоль огромного стола. Мужчины постарше — в слежавшихся черных сюртуках, из-под каменных манжет торчат загрубелые от работы, неотмываемо черные руки. В конце стола восседают лысый жених и зрелая, крупная невеста со скучными и встревоженными лицами. За другим концом стола — разряженный Ипполит, Мадлен и Грин.

В воздухе гул голосов, стук ножей и стаканов, густой запах нафталина, крепкого табака и жареного лука. Мальчишка, неслыханно гордый порученным ему ответственным делом, беспрерывно заводит в углу патефон.

В центре внимания — шутник Питу. Он трудится в поте лица, сознавая, что успех свадьбы наполовину зависит от него.

Питу *(кричит во весь голос)*. Где пирог? Только что здесь лежал кусок пирога! *(Через стол, невесте.)* Ты украла мой пирог! *(Идет к невесте.)*

Вокруг раздаются крики:

— Смотрите на него! Сейчас он покажет фокус! Он найдет у невесты пирог!

Питу *(невесте)*. Отдай пирог! *(Протягивает руку к вырезу платья невесты.)*

Жених *(беспокойно)*. Полегче, Питу, полегче!

Питу. Но это мой пирог! Вот я вижу его! *(Залезает невесте за пазуху и ловким движением фокусника вытаскивает оттуда кусок пирога. Аплодисменты.)* И кролик тоже там! *(Залезает глубже и вытаскивает живого кролика.)*

Аплодисменты, хохот. Особенно смеются женщины. Им приятно, что невесте очень не по себе.

Питу *(орет)*. Я представляю себе, что можно до-

стать, если полезть еще дальше! *(Делает вид, что хочет поглубже засунуть руку невесте за пазуху.)*

Жених *(вскакивая)*. Я запрещаю эти непристойные шутки! В конце концов, я здесь хозяин! *(Садится.)*

Один из гостей. Что это за свадьба, если нельзя подшутить над невестой?

Питу. Клянусь, у нее там поросенок!

Нагибается к невесте, как бы прислушиваясь. Раздается хрюкание, визг.

Гомерический хохот.

Мадлен и Грин. Тихий разговор.

Грин. Перестаньте смеяться. Поговорим наконец о деле. Ведь через три часа мы должны ехать! Итак, мы уславливаемся твердо: вы выступите в столице.

Мадлен. Не знаю. Посмотрим... Поглядите на Питу! *(Смеется, аплодирует.)*

Грин. Поверьте, мне было очень трудно уладить ваше дело. Надо выступить... Ну сделайте это, как дети принимают касторку: зажмурьтесь и заткните нос.

Мадлен. Посмотрите, он пристает теперь к этой девчонке!

Грин *(с нежностью глядя на Мадлен)*. Мадам, одно из двух: или слушайте меня, или выступайте в паре с этим идиотом Питу. Я готов организовать вам гастроли.

Мадлен. Милый Грин, сегодня мой последний день в этом доме. Мне предстоят тяжелые часы — и в Сибуре и дальше... Я боюсь встречи с Шарлем... Дайте мне еще раз посмеяться, как я смеялась на этих свадьбах в детстве. *(Смеется, аплодирует.)*

Другой конец стола.

Питу. Слушай, ты, жених! А зачем красть у бедных гостей мясо?

Жених *(в отчаянии)*. Отстань от меня!

Питу. Зачем прятать его у себя в волосах?

Жених абсолютно лыс. Питу шлепает его по лысине — и, когда поднимает руку, на лысине лежит кусок мяса с петрушкой.

Гомерический хохот, крики:

— О, этот Питу, он мог бы работать в кино!

— Я не могу есть от смеха!

И с и д о р *(давно не может вставить слово)*. Хватит, Питу. Ну, хватит! Слушайте меня! Тихо! *(Стучит по столу.)*

Все толкают друг друга локтями. Наступает относительная тишина, нарушаемая только звуками патефона.

И с и д о р. Я хочу, чтобы все выпили за здоровье наших заложников.

Ж е н и х *(быстро вскакивая)*. Прошу на моей свадьбе не говорить о политике! Это моя свадьба, а не твоя!

П и т у. Раз ты жених, делай свое дело и молчи!

Жених садится.

И с и д о р. Пусть они будут здоровы, и пусть вернутся обратно, и пусть их жены не будут вдовами!

Г о л о с а. Верно!

Все пьют. Жених пьет, беспокойно оглядываясь.

Г о л о с. Вы вовремя выпили за них!

В дверях кабачка стоит парень с круглым значком. Шум утихает.

П а р е н ь *(с похоронной торжественностью)*. Ввиду укрывательства преступника Симона Журдана двое из взятых заложников, а именно Куртэн и Грабю, повешены сегодня на рассвете.

Женский крик, общее смятение. Парень снимает шапку и крестится. Тишина.

П а р е н ь. Завтра утром будут взяты еще двадцать заложников. Мы вас предупреждали... Впрочем, можете продолжать веселиться. Жених, поцелуй свою невесту. *(Уходит.)*

Никто не шевелится. Бледные лица. Общее молчание. Слышны лишь звуки патефона.

Ж е н и х. Я говорил, что этим кончится!

И п п о л и т *(мальчишке)*. Останови патефон, дурень!

Музыка умолкает.

М а д л е н *(тихо, Грину)*. Дайте папиросу! *(Закуривает.)*

П и т у *(пытается острить)*. Хуже всего жениху: он самый важный в деревне и его возьмут первым. Он даже не успеет вздремнуть со своей невестой.

Ж е н и х *(вскакивая)*. Довольно этих кривляний! Я запрещаю тебе шутить, паяц! Надо найти Журдана и отдать его властям!

Ипполит *(спокойно)*. А где ты его найдешь?

Жених. Где? Здесь! Не считайте меня простаком. Половина гостей знает, где он!

Ипполит. Вот что, я не хочу, чтобы такая скотина, как этот жених, сидела в моем доме. Пусть берет свою грязную лоханку и убирается с ней к черту.

Жених *(угрожающе)*. Хорошо! Я уйду! *(Невесте.)* Иди за мной! *(Направляется к дверям.)*

Перепуганная невеста не знает, что делать.

Исидор *(загораживая жениху дорогу)*. Ты никуда не пойдешь!.. Он побежит к немецкому коменданту. Я вижу это по его роже.

Жених. Пусти меня!

Сильный шум. Жених рвется из рук Исидора. Сюртуки трещат. Мужчины вскакивают. Никто не замечает Журдана, который появляется в дверях.

Журдан. Тихо! Не нужно ссориться. Я сам пойду в комендатуру.

Изумленные крики:

— Журдан!

— Боже мой, Журдан!

Все встают. Грохот стульев, затем — тишина.

Журдан. Я сам пойду. Довольно двух вдов! Я не хочу, чтобы это повторялось из-за меня. Дядюшка Ипполит! Дай мне стакан вина. Я выпью на дорогу.

Мертвая тишина. Дядюшка Ипполит угрюмо наливает стакан вина.

Журдан *(беря вино)*. Спасибо, Ипполит. Столько, сколько мне осталось жить, я буду помнить тебя и Катрин. Вы хорошие люди. *(Пьет.)*

Мадлен. Подождите, Журдан! Я хочу выпить с вами. *(Идет к Журдану со стаканом вина.)*

Питу. И я хочу выпить с тобой, Журдан!

Исидор. И я!

Голоса. И я! И я!

Журдана окружают.

Голос. Руки вверх!

В дверях стоит немецкий унтер-офицер в эсэсовской форме с автоматом.

Унтер-офицер. Ну, руки вверх! Все! Ты там! Подними руки!

Держа автомат у живота, он медленно идет к Журдану.

Унтер-офицер. Ну вот, теперь больше не будет вдов!

Он проходит мимо курчавого толстяка, который, неожиданно схватив тяжелую сковородку с яичницей, ударяет гитлеровца по голове.

Испуганный женский крик.

Унтер-офицер падает. На него наваливаются несколько мужчин.

Бледная Мадлен хватает Грина за руку.

Грин *(тихо)*. Это, кажется, чересчур...

Мужчины поднимаются. Унтер-офицер лежит на полу.

Пронзительный вопль. Жених, крича от ужаса, бросается к дверям. Его кто-то хватает.

— Стой!

Общее смятение.

Питу вскакивает на стол.

Питу. Тихо! Никто не должен уйти отсюда! Заприте двери! Тихо! Может быть, он жив?

Молчание.

Питу *(курчавому, с упреком)*. Ты немного поторопился, Жак! Надо было посоветоваться с нами, прежде чем хлопать его по башке.

Жак уныло рассматривает сковороду.

Ипполит. Раз дело сделано — оно сделано.

Питу. Хорошо! Давайте думать, что делать дальше. Только не кричите и не говорите все сразу.

Гости молча, образовав большой круг, осторожно отходят от трупа, как будто сам воздух вокруг него опасен.

Исидор *(откашлявшись)*. Может быть, закопать его на огороде?

Питу. Дурень, все равно его хватятся к утру.

Жених, выскользнув из рук Исидора, бросается к двери. Она заперта. Жених с размаху садится на пол и в смертельном отчаянии охватывает руками голову.

Журдан *(застенчиво)*. Если вы позволите мне сказать, то я скажу.

Питу. Ну, скажи!

Журдан. Сколько гитлеровских солдат в нашей деревне?

Питу. Двадцать восемь.

Журдан. А сколько нас? *(Пауза.)* Вот и все, что я хотел сказать.

Молчание.

Исидор. Он, кажется, прав.

Ипполит. Он прав!

Питу. Только будем делать спокойно и тихо. Каждый убьет солдата, который у него живет.

Женщина. А у меня живет очень добрый солдат, этот старик со шрамом.

Голос. Да, он хороший человек.

Мужчина. И у меня тоже хороший немец. Он даже помогает нам.

Исидор. Что делать — война есть война!

Ипполит. Зачем они в третий раз приходят на нашу землю? Мы их не просили.

Голос. Может быть, оставить этих двух?

Питу. Давайте свяжем их, положим в сарай, и пусть они пока полежат.

Голос. Тогда свяжите и моего. Он тоже неплохой парень.

Ипполит. Где два, там и три.

Женщина. А что делать с офицером, который живет у кюре?

Исидор. Не будем беспокоить кюре. Я возьму это на себя.

Питу. А кюре пусть помолится за нас богу.

Голос. Ну хорошо, а что делать потом?

Тягостное молчание. Все переглядываются.

Исидор. А потом мы уйдем в горы, как это делают другие французы... Мало ли деревень дерутся сейчас в горах?

Голос. А они сожгут наши дома!

Питу. Да, они сожгут наши дома. *(Пауза.)* Ну, так как же?

Пауза.

Голос. Ведь решено, Питу!

Питу. Идем!

Среди гостей начинается движение. Мужчины выколачивают и прячут трубки, быстро опрокидывают в рот недопитое вино, потом идут к дверям, далеко обходя мертвого, оправляя смятые сюртуки и высунувшиеся манжеты.

Питу первый подходит к дверям и наталкивается на жениха, все еще сидящего на полу.

Питу *(громко)*. Да, а что делать с женихом?

Жених *(быстро)*. Если вы сами убьете моего солдата, то я согласен на все. Я уйду с вами! *(Вытирает с лица холодный пот.)*

Питу. Свяжем его вместе с невестой и положим к хорошим немцам. *(Наклоняется к жениху.)* Ну и свадьба! Тебе везет, дурень! Ни у одного миллионера не было такой свадьбы!

Ночная, весенняя уличка, пасмурно, грязь, лужи.

Дверь кабачка открывается, и все попарно выходят на улицу в своих праздничных одеждах. Мужчины тихо переговариваются, расходясь по деревне. Залаяла собака... другая, третья.

Голос Мадлен. Через час все было кончено.

Пустая деревня. Далекий выстрел. Заливаются собаки. Неясные тени перебегают через улицу.

Голос Мадлен. К рассвету люди стали уходить в горы. Уходили все, только мой отец решил остаться. Он говорил, что будет обузой: брать его, все равно что тащить дубовый чурбан...

Пока мы слышим голос Мадлен, люди выводят из сараев скотину, связывают узлы, меняют сюртуки на куртки, опоясываются патронташами убитых немцев, одевают детей, привязывают узелки к велосипедам.

Голос Мадлен. Отец попросил поставить перед ним вино, мясо, сыр — все то, что ему было запрещено ранее...

У пустого свадебного стола лицом к входной двери сидит Ипполит. Красный, довольный, окруженный едой и питьем, он проверяет, может ли достать, не приподнимаясь, все поставленное и положенное перед ним: бутылки с вином, нарезанное мясо, сыр, табак, трубку, заряженный револьвер.

Ипполит. Перестань огорчаться, Катрин! Я прожил хорошую жизнь и правильно умираю. Не мешай мне! Я отлично поужинаю, покурю, выпью вина, посижу, вспомню свою жизнь и убью первого немца или первого жандарма, который войдет, а может быть, и второго. Вот, смотри! *(Целится в бутылку на столе, стреляет. Бутылка разлетается.)* Хорошо? Я старый солдат!

Мадлен уже одета к отъезду. В течение всей этой сцены она беспрерывно курит, иногда начинает быстро ходить по кабачку, переставляет с места на место стаканы и бутылки, потом подходит к отцу, смотрит на него и снова шагает, ломая сигарету и тотчас закуривая новую. Грин искоса наблюдает за ней

Мадлен *(отцу, резко)*. Пойми, что всю мою остальную жизнь я каждый день буду видеть тебя: как ты сидишь и ждешь смерти. Я буду проклинать себя, что оставила тебя тут. Мне будет страшно. Ты обрекаешь меня на страшную жизнь!

Ипполит. Дурочка! Улыбайся, когда ты вспомнишь меня. Ты вспомнишь человека, который пьет вино, ест мясо и держит оружие в руках. Неужели ты хочешь, чтобы я умер, как тухлый паралитик после второго удара, беспомощный, как собака с перебитым хребтом? Нет, Катрин, я выбрал себе смерть повеселее. Открой дверь, я хочу послушать, как они будут уходить...

Мадлен открывает дверь. Врывается мощный гул. Люди уходят из деревни. Мычат коровы, блеют овцы, скрипят телеги, груженные скарбом.

Сонные дети плачут на руках у матерей. Мужчины идут с трофейными автоматами. Девочки гонят гусей.

Ипполит *(жадно слушая гул и кивая головой с очень довольным видом)*. Ну вот, хорошо! Катрин, нам пора прощаться... Давай выпьем! *(Грину.)* Сударь, выпейте с нами. Я вижу, вы хороший человек.

Мадлен быстро подходит к отцу. Грин встает.

Они пьют втроем.

Ипполит. Ну, а теперь иди! *(Грину.)* Вам тоже не стоит задерживаться, сударь!

Грин. Идем! Пора!

Мадлен. Простите меня, Грин, я не могу ехать с вами.

Грин *(бледный от гнева и очень серьезный)*. Я не

буду говорить с вами, безумная! Господин Ипполит, я считаю вас очень умным человеком, поверьте, я редко кому говорю это. Я умоляю вашу дочь немедленно ехать со мной. Она большая актриса, сударь. Она нужна не только вашей деревне. Если она пропадет, мне грош цена!

Ипполит *(закуривая трубку)*. Мы очень упрямы, сударь...

Грин. И тем не менее я прошу вас сказать свое слово.

Ипполит. Она ведь не спрашивала меня, когда удрала отсюда шестнадцати лет, и, может быть, правильно сделала, что не спросила. А впрочем, вот мой совет: Катрин, мы с тобой крепкого крестьянского корня, мы из породы Лантье. Мы всегда выбирали жизнь покрупнее и смерть повеселее. Мы родились на этой земле, и нужно жить так, чтобы наша земля хорошо о нас думала. Теперь делай как знаешь. *(Сосредоточенно сосет свою трубку.)*

Мадлен. Это твой совет, отец?

Ипполит. Да. Если это можно назвать советом.

В открытой двери появляется запыхавшийся Исидор.

— Катрин! Живей! — кричит он. — Мы отстали! Прощай, Ипполит!

Он исчезает так же внезапно, как появился.

Мадлен *(Грину)*. Вы хотите, чтобы я поехала с вами и дала спектакль?

Грин. Да.

Мадлен *(решительно)*. Хорошо! Будет спектакль! Я запомню твой совет, отец.

Она резко поворачивается, идет, останавливается у открытой двери.

Деревня уже пуста. Торопливо пробегает какой-то отставший. Далеко, за поворотом улички, замирает скрип телег, мычание скотины, плач и голоса. Начинает светать.

Ипполит *(громко)*. Подойди ко мне, Катрин!

Мадлен подходит к нему.

Ипполит. Наклонись. Я хочу еще раз посмотреть на тебя. Улыбнись! Ну вот, такой я хочу тебя запомнить. Поцелуй меня!

Мадлен целует отца.

Ипполит. Иди!

Мадлен *(со странной светлой улыбкой)*. Идем, Грин! Что с вами? Вы плачете?

Грин *(с трудом)*. Нет, мадам. Прощайте, сударь!

Он церемонно снимает шляпу и глубоко кланяется Ипполиту.

Муж Мадлен Тибо пьет кофе и читает газету в знакомой нам комнате. Шаги. Он складывает газету. Входят Мадлен и Грин. Муж встает и спокойно кланяется.

— Это вы? Не хотите ли кофе? Садитесь. Я ждал тебя все утро, Мадлен.

Мадлен *(не садясь и не снимая шляпы)*. Почему?

Муж. Я прочел в газете, что вашей деревни больше нет, и решил: либо ты никогда не придешь, либо придешь сегодня. Где твой отец?

Мадлен. Мой отец, вероятно, умер. *(Пауза.)* Где Шарль?

Муж. Жив и здоров. У него нет ни кори, ни ветряной оспы, ни детского поноса. Ты, конечно, едешь дальше?

Мадлен. Да. Где Шарль, Филипп? Его опять нет дома?

Муж *(Грину)*. Вы запаслись билетами, сударь?

Грин *(холодно)*. Они у меня здесь, в кармане, но если вы хотите поговорить вдвоем, то я поищу их на лестнице. *(Идет к двери, оборачивается.)* Мадам, у вас очень мало времени до поезда! *(Уходит.)*

Мадлен. Ну, говори, где Шарль?

Муж. Тебе действительно не везет. Впрочем, Шарль теперь редко бывает в Сибуре. Идем!

Они входят в комнату Шарля.

— У меня есть для тебя важная новость: он отошел от них.

Мадлен *(жадно)*. Отошел?

Муж. Да. Он теперь комиссионер и ничего больше. Только комиссионер. Он продает пылесосы. *(Широким жестом показывает на обстановку комнаты.)*

Комната Шарля неузнаваемо изменилась: строгий порядок, чистота. На стене — яркие коммерческие рекламы. Шесть пылесосов разной величины и формы стоят в ряд. На столе — стопка проспектов солидных фирм, каталоги, пишущая машинка, приходно-расходная книга. Это комната коммерсанта.

Мадлен *(быстро подходит к столу, перебирает каталоги, говорит с огромным облегчением)*. Я знала, что это не может долго продолжаться! Все-таки он мой сын!

Муж. Подожди радоваться.

Мадлен *(тревожно)*. Но ведь он отошел от них?

Муж *(подходя)*. И все-таки подожди радоваться.

Мадлен *(гневно)*. Но ведь ты сам сказал, что он отошел от них!

Муж. Послушай меня. Вот стоит маленький, одинокий человек — это ты, Мадлен, а перед тобой чудовищная машина, для которой нет ни добра, ни зла, ни сыновей, ни матерей, ни родины — ничего...

Мадлен. Ты говоришь о Гитлере?

Муж. Я говорю о машине. В нее вложены огромные капиталы, ее холят и оберегают финансовые и политические властелины мира. С ее конвейера сходят министры и танки, шпионы и огнеметы, священники и линкоры, газетчики и чумные бациллы. И среди прочей продукции она день и ночь выбрасывает сосиски. Одна из этих сосисок — твой сын.

Мадлен. Не понимаю, к чему ты все это говоришь?

Муж. Представь себе, моя бедная Мадлен, что твоего Шарля вызывают в некую не очень уютную комнату. Там он видит важного господина, который говорит ему: «Слушай! Гитлер еще занимает почти всю Европу, но войну он уже проиграл. Три раза приходили сюда немецкие армии. Но, для того чтобы Франция стала такой, как мы хотим, они должны будут прийти в четвертый раз. А сейчас ты должен стушеваться. Живи и работай как знаешь. Но кем бы ты ни стал — фабрикантом, судьей или даже министром, — в нужный момент ты будешь исполнять то, что мы тебе прикажем...».

Мадлен *(не поднимая головы)*. Кто этот важный господин — немец?

Муж. Нет, он француз... Я полагаю, что твой Шарль испугался и воскликнул: «Но если Германия проиграла войну, то сюда придут американцы и меня повесят на фонаре!» Думаю, что ему ответили: «Дурак! Американцы придут не для того, чтобы вешать таких, как ты, а для того, чтобы спасать их».

Мадлен *(вздыхая с облегчением)*. Слава богу! Теперь я вижу, что ты просто сошел с ума.

Муж. Не уверен. Хочешь дослушать?

Мадлен. Говори...

Муж. Думаю, что Шарль несколько приободрился и воскликнул: «Значит, я буду жить!» «Да, — ответил ему начальник, — ты будешь жить, ибо той машине, которая создала нас с тобой, нужны разные люди: и ты, и я, и французы, и немцы, и господин Крупп, и господин Пэтэн. Ты будешь по-прежнему работать на нас и делать то, что делал, но уже по-другому. Тебе скажут: «Сожги!» — и ты сожжешь, но так, чтобы не осталось даже следа твоего пальца. Тебе скажут: «Убей!» — и ты убьешь, но так, чтобы даже сам убитый на страшном суде не смог назвать имени своего убийцы. А сейчас иди и занимайся коммерцией!» С тех пор Шарль продает пылесосы. Это произошло молниеносно — в одну ночь...

Мадлен *(поднимая голову, глядит на мужа, говорит с тоской)*. Зачем ты мучаешь меня? Ведь это фантастический бред твоей больной, отравленной головы!

Муж *(угрюмо)*. Вот что, Мадлен. Я многое понял за эти два года и, кстати, кое-что полюбил... Это «кое-что» — Франция. Поверь, я знаю, что говорю.

Мадлен *(устало)*. Позови Грина...

Муж. Господин Грин! *(Идет к двери, открывает ее.)* Вы нашли ваши билеты?

Грин *(входя)*. Если вам угодно, сударь.

Мадлен. Грин, мы должны ехать сейчас?

Грин. Да, мадам. Спектакль назначен на субботу, но есть формальности.

Мадлен. Филипп! Я хочу попросить тебя так серьезно, как не просила никогда в жизни: сделай, чтобы Шарль в субботу был на моем спектакле.

Муж. Хорошо. Я сделаю все, что в человеческих силах.

Мадлен. Я еще поборюсь за него. Он будет мой! Я его знаю...

Муж *(Грину)*. Сударь! Два раза на протяжении двух месяцев я в поте лица вколачивал в голову вашей актрисе крупицы понимания жизни. Но я вижу — все отскочило, как горох.

Грин *(вежливо)*. Сочувствую вам, сударь!

Мадлен. Только бы он был на моем спектакле! Только бы он был на спектакле!

Знакомая нам театральная уборная. Все тот же изысканный парикмахер — правда, несколько поблекший, — насвистывая, завивает парик.

Дверь открывается, доносятся аплодисменты. Входит запыхавшаяся, постаревшая камеристка.

Парикмахер. Ну как она там играет?

Камеристка *(пожимая плечами)*. Играет...

Парикмахер. Не люблю этих современных костлявых актрис.

Камеристка. Тебе никто не нравится.

Парикмахер. Мне прежде всего не нравится, что она согласилась выступать при немцах.

Камеристка. Другие же выступают.

Парикмахер. Но это Мадлен Тибо!

Дверь раскрывается, доносится гул зала. Входит Мадлен Тибо. Она проходит прямо к гримировальному столу, садится, закуривает, жадно затягивается.

Мадлен *(равнодушно)*. Ну, как я играла?

Камеристка *(без воодушевления)*. Как всегда, великолепно, мадам!

Мадлен. Что говорят в городе?

Парикмахер *(уклончиво)*. Город два года гадал, выступите вы или нет, мадам.

Мадлен. И что говорят?

Камеристка *(осторожно)*. Люди немного удивляются, мадам.

Парикмахер. Люди очень удивляются, мадам.

Мадлен искоса взглядывает на него. Входит Грин.

Мадлен. Ну, как я играла, Грин?

Грин. Как всегда.

Мадлен. Вы звонили на вокзал? Который час?

Грин. Девять часов. Поезд уже пришел.

Мадлен. Значит, он сейчас приедет!

Входит равнодушный помощник режиссера.

Помощник режиссера. Приготовиться к выходу.

Мадлен. Сударь, сейчас придет молодой человек, мой сын. Пусть его посадят в первом ряду возле директорской ложи.

Помощник режиссера. Отлично.

Мадлен. Передайте, пожалуйста, на контроль: он среднего роста, шатен, голубые глаза. Я вас очень прошу! Он немного застенчив.

Помощник режиссера. Шатен, средний рост, голубые глаза, немного застенчив, первый ряд возле директорской ложи. *(Уходит, даже не оглянувшись.)*

Парикмахер. Готово, мадам.

Мадлен встает.

Камеристка. Не забудьте револьвер, мадам. *(Подает револьвер.)*

Мадлен. Спасибо, у меня есть другой... Ну, Грин, ваша мечта исполнится: в этом акте будут сломаны стулья. Я вам обещаю.

Грин *(очень значительно)*. Не надо сломанных стульев.

Мадлен. Что с вами, Грин? Я вас перестаю понимать!

Грин. Вы отлично понимаете меня.

Мадлен *(резко)*. Нет! Я не понимаю вас, Грин! *(Выходит.)*

Дверь остается открытой.

Грин *(камеристке)*. Тут есть запасной выход?

Камеристка. Есть. Там, за поворотом.

Грин. У кого ключ?

Камеристка. Висит на гвоздике.

Грин. Откройте запасной выход и будьте около него! *(Доносятся аплодисменты. Грин прислушивается.)* Она вышла на сцену...

Камеристка. Я не поняла вас, сударь.

Грин *(сердито)*. У вас бывали на спектаклях несчастные случаи?

Камеристка. Что вы, сударь! Никогда!

Грин. Однако все может случиться. *(Выходит.)*

Парикмахер и камеристка переглядываются.

Парикмахер. На этот раз я иду смотреть. Там что-то будет! *(Бежит за Грином.)*

Полутемный зрительный зал. Шарль в сопровождении капельдинера проходит в первый ряд партера и садится на приставное кресло возле директорской ложи. В директорской ложе несколько эсэсовцев.

У барьера сидит полковник охранных войск в черном мундире со свастикой.

Мадлен Тибо на сцене. Та же декорация улицы, что

и в начале фильма, тот же фонарь, тот же партнер, та же мизансцена, та же музыка.

Мадлен. Ты лжешь!

Партнер. Клянусь, я люблю только тебя.

Мадлен *(подбегая к партнеру)*. Если ты любишь только меня, то убей ее! *(Протягивает револьвер.)*

Партнер. Черт возьми, ну и баба! *(Отталкивает револьвер.)*

Мадлен. Ты боишься? Боже мой, это так просто!.. Сейчас я покажу тебе, как это делается.

Партнер в замешательстве смотрит на Мадлен: эта реплика явно не предусмотрена текстом.

Мадлен. Смотри!

Провожаемая испуганным взглядом окаменевшего партнера, она быстро идет к авансцене.

Партнер *(про себя)*. Честное слово, она сошла с ума!

Встревоженный Грин застывает около рубильника.

Пройдя вдоль всей авансцены, Мадлен останавливается перед Шарлем.

Бледный Шарль судорожно сжимает ручки кресла: он сто раз видел этот спектакль, но ни разу не видел такой мизансцены.

Глядя на Шарля, Мадлен медленно поднимает револьвер.

Шарль съеживается в кресле. Легкий недоуменный гул проносится по залу.

Мадлен делает еще шаг к директорской ложе, выходящей на авансцену, и вдруг, почти в упор, несколько раз подряд стреляет в полковника охранных войск.

Грохот опрокидываемых стульев. Крик. Весь зал вскакивает.

Шарль бросается к сцене, протягивает к матери руки. Мадлен нагибается к сыну, глядит ему в глаза.

Грин за сценой выключает рубильник.

В зрительном зале темнота, крики, выстрелы. Потом вдруг раздаются аплодисменты. В директорской ложе забегал свет карманных фонариков.

Вспышки выстрелов.

Где-то наверху запели «Марсельезу». Ее подхватывают сотни голосов.

Выстрелы из директорской ложи.

Темная узкая лестница большого дома для бедняков.

Коридор с бесконечными дверями еле освещен забранной в сетку лампочкой. Стайки детей проносятся с писком и шумом по коридору.

По чугунной лестнице, прилепившейся к каменным стенам, быстро поднимаются камеристка, Мадлен и Грин. Мадлен в чужом пальто, накинутом прямо поверх театрального костюма. С лица ее еще не снят грим.

— Сюда, мадам, сюда! — задыхаясь, бормочет камеристка. — Не споткнитесь! Здесь выбитая ступенька... Дайте руку!

Они скрываются в коридоре.

В темноте открывается дверь комнаты.

— Ну вот, мы на месте! — слышен голос камеристки. Она зажигает свет и закрывает дверь за Мадлен и Грином.

— Вот тут я живу. Садитесь, мадам! Будьте как дома, сударь.

Стены маленькой комнатки сплошь увешаны фотографиями — матовыми и блестящими, большими и маленькими, в рамках и без рамок. Это актеры. Сотни мужских и женских ослепительных улыбок на стенах. Попугай возбужденно скрипит в круглой клетке.

Мадлен прислоняется к стене. Руки ее бессильно повисают.

Грин с размаху падает в старое пестрое кресло.

— Что вы наделали, несчастная?!

— Только то, что сделал отец! Вы видели, как бросился ко мне Шарль? Он мой, Грин. Я говорила, что он будет мой! Вы видели его лицо?

Грин *(пожимая плечами)*. Я видел его лицо.

Мадлен. Он протягивал ко мне руки. Вы видели?

Грин. Я смотрел на вас, мадам.

Мадлен. Что бы со мной ни случилось, буду ли, я жива или меня повесят, — мне все равно! Он мой!

Грин. Но все-таки лучше, чтобы вас не повесили. Мадам Купо, вы обещали помочь нам.

Камеристка приходит в движение: ее руки, ноги, грудь, лицо — все устремляется к двери.

Камеристка. Я бегу за ним! Бегу! Через час он будет здесь!

Грин. Вы уверены, что ваш сын может помочь? Кто он?

Камеристка. Он электротехник, но он не только электротехник. Он знает, как устраивать такие дела... Отдыхайте и смотрите мою коллекцию.

Бросив обворожительную улыбку Грину, камеристка исчезает.

Грин. Ну что же, будем смотреть коллекцию. Может быть, это последняя коллекция, которую нам суждено разглядывать.

Четверо сидят вокруг маленького столика. Грин, камеристка, сын ее Купо, электротехник, очень крупный, медлительный, застенчивый парень. Мадлен уже разгримирована.

Купо. Мы вам поможем. Ваша сегодняшняя демонстрация была удачна. Мы обязаны помочь вам.... *(Не знает, что еще прибавить.)*

Грин. Я очень благодарен вам, сударь.

Купо. Мы переправим вас отсюда... Но придется вас разделить.

Грин. Да?

Купо *(Грину)*. Вы пойдете на улицу Брюссель, восемнадцать. Спросите Жерара, шофера. И скажете, что вы от меня. Но нужно идти немедленно.

Грин *(с улыбкой поворачиваясь к Мадлен)*. Итак, снова приходится прощаться. С точки зрения законов драматургии, это довольно монотонно.

Мадлен. И все-таки каждый раз грустно.

Купо. Прощайтесь покрепче.

Камеристка. Теперь такие времена, что, когда люди расстаются, не знаешь, через сколько лет они встретятся.

Лестница. На нее выходят Мадлен и Грин. Останавливаются. Мадлен устало улыбается.

Мадлен. Простите, Грин, что я причинила вам неприятности.

Грин. Напротив, мадам, в первый раз за двадцать лет я могу сказать от души, что полностью удовлетворен вашим спектаклем.

Мадлен. Но Шарль действительно протягивал ко мне руки?

Грин. Да, кажется, он протягивал к вам руки.

Мадлен. И у него были слезы на глазах? Правда?

Грин. Я становлюсь близорук, мадам.

Мадлен. Он был потрясен! Я в этом уверена!

Грин. Как старый скептик, я уверен только в том, что мы прощаемся с вами — и надолго.

Мадлен. Прощайте, старый и близорукий скептик! Я буду очень ждать вас.

Грин. И я тоже. Сколько бы лет это ни продлилось. *(Целует руку Мадлен, идет вниз. Длинная тень следует за ним.)*

Мадлен входит в комнату.

Мадлен. Так кончилась еще одна гастроль. Обычно я спрашиваю всех: «Ну, как я играла?»

Камеристка *(искренно, без обычной патетики)*. Скажу от всего сердца, мадам, это было изумительно! Это было действительно как удар молнии.

Купо *(застенчиво)*. Говорят, в зале потом дрались. И в фойе.

Камеристка. Дрались? Ребенок! Разве это называется дракой? Люди отрывали этим прохвостам головы! Вытягивали из них кишки! Ломали им шеи! Это был ураган, а не драка!

Купо. Конечно, вы разбудили кое-какие сердца.

Камеристка *(возмущенно)*. Можно подумать, что у тебя паралич языка! *(Мадлен.)* Вы обдали людей ведрами кипятка! Ушатами лавы. Это было как извержение вулкана!

Мадлен. Вижу, вы сдержанно относитесь к моей демонстрации, господин Купо.

Купо. Сдержанно? Это не то слово, мадам. Вы поступили смело... Но как бы вам сказать...

Камеристка. Все равно ты не сумеешь сказать как следует!

Купо. Попробую. Вот вы убили эсэсовца, даже большого эсэсовца. Но ведь он не человек, он вещь. Машина, которая делает войну, фабрикует таких тысячами. Одни в мундирах, другие в пиджаках. Они продаются и покупаются. Вы убили этого — придет другой. Нужно сломать саму машину. Это труднее.

Камеристка. Вы поняли что-нибудь, мадам?

Мадлен. Как странно, второй раз слышу это и от таких разных людей! Я постараюсь понять.

На улице раздаются выстрелы.

Купо *(поднимаясь)*. Это где-то близко...

Камеристка *(быстро загораживая дверь)*. Обойдется и без тебя! Сиди!

Купо *(спокойно)*. Я сейчас вернусь.

Камеристка. Я тебе запрещаю!

Купо *(строго)*. Мама!

Камеристка, всплеснув руками, пропускает сына в дверь, глядит на Мадлен, горестно качает головой.

Мадлен. У вас чудесный сын, мадам.

Камеристка *(скорбно)*. Да, мадам, он чудесный! Но он никогда не женится в этой стране.

Мадлен. Почему?

Камеристка. Он не сумеет объясниться в любви. Можно подумать, что у него к языку привешен кирпич. Правда, для настоящей порядочной девушки честный патриот лучше всякого болтуна...

Мадлен *(улыбаясь)*. Но в нашей стране всегда предпочтут патриота, умеющего поболтать. Так?

Лестница. Откуда-то снизу доносятся возбужденные голоса, тяжелый топот ног.

Бегом поднимается четырнадцатилетний мальчик. Он заглядывает в комнату камеристки, видит Мадлен.

Мальчик *(задыхаясь)*. Мадам! Мадам! Идите за мной!

Мадлен. Что случилось?

Мальчик. Вас хотят видеть, мадам. Не бойтесь, это внизу, у консьержки...

Комната консьержки под лестницей. Широкая кровать и комод занимают всю площадь. На кровати лежит тяжело раненный Грин. В комнате три-четыре человека. Среди них Купо. Мадлен сидит около кровати и держит Грина за руку.

Грин. Ну вот... Мы расставались на много лет, а встретились через десять минут. Смешно?

Мадлен *(потрясенная)*. Что с вами произошло?

Грин. Я шел по улице, и мне было немножко грустно... Нет, не немножко... Мне было очень грустно после нашего прощания... Я увидел, что три человека гонятся за одним... Мадам! Когда в наши дни трое гонятся за одним, то это наверняка очень хороший человек. Я толкнул его в подворотню и побежал вместо него...

Мадлен. И в вас стреляли?

Грин. Конечно. И, как видите, очень метко... Если бы вы слышали, как они ругались, когда убедились в своей ошибке! Я здорово подшутил над ними.

Мадлен *(в отчаянии)*. Зачем вы это сделали? Сумасшедший! Какая нелепость!

Грин. Нет, не нелепость... Ведь я все-таки француз, хотя три четверти жизни бродил по всему миру... Тот человек, за которым гнались, был, вероятно, нужнее меня... Я последователь вашего отца: я жил весело и выбрал себе смерть покрупнее... А выбирать надо было очень быстро...

Купо *(тихо, наклоняясь к Мадлен)*. Мадам, вам лучше уйти. Может появиться полиция.

Мадлен продолжает гладить руки Грина.

Грин *(услышав)*. Подождите. Только две минуты. Во всех пьесах умирающий имеет право на монолог... Мы очень много острили и очень мало говорили с вами, Мадлен. Каждое утро я давал слово вечером поговорить с вами серьезно. И каждый вечер отделывался остротами... Я боялся, что в моих устах серьезное покажется пошловатым. Вы знаете, о чем я хотел говорить с вами?

Мадлен. Знаю.

Грин *(совсем тихо)*. Всю жизнь я любил вас, Мадлен.

Мадлен. Знаю.

Купо. Пора, мадам!

Мадлен не слышит его. Она наклоняется к Грину и целует его в лоб. Плачет.

Грин. Спасибо... Еще полминуты... Я хочу сообщить вам приметы моих убийц... Двое наклонились ко мне. Один был высокий с усиками. Другой высокий без

усиков. А третий стоял в стороне. Я ясно видел его... *(Подчеркнуто.)* Он среднего роста, шатен, голубые глаза...

Мадлен *(в ужасе)*. Грин! *(Хватает его за руку.)*

Грин. Да! Он очень молод и очень красив, Мадлен!

Мадлен молчит, пораженная.

Грин. Я слишком люблю вас, Мадлен, чтобы не сообщить вам этого.

Больница.

Мадлен облизывает пересохшие губы.

— Дайте глоток вина...

Врач наливает немного вина в стакан.

Следователь. Были еще какие-нибудь свидетели участия вашего сына в убийстве?

Мадлен. Не торопите меня, сударь, осталось уже немного.

Следователь подает Мадлен вино.

Она жадно пьет.

Мадлен *(переводя дыхание)*. Грин умер через два часа... Купо и его друзья спрятали меня. Я узнала хороших людей — настоящих патриотов, сударь. Они много сделали для родины... Я поняла, как нужно ломать ту машину, о которой мне говорили Купо и муж... Я горжусь, что помогала этим людям.

Следователь. Это были участники движения Сопротивления?

Мадлен. Да, конечно.

Следователь. Может быть, коммунисты?

Мадлен. Большинство из них коммунисты.

Следователь. И вы работали с ними?

Мадлен. Да. Раньше я боялась их, но за эти полтора года узнала их ближе. Даю вам слово, сударь, что они сделали для освобождения Франции столько, сколько не сделал никто другой.

Следователь. Вот как?.. Впрочем, продолжайте, мадам.

Мадлен. Наконец немцев прогнали... Но я долго не решалась вернуться в Сибур... Я боялась встречи с Шарлем... В конце концов, я все-таки приехала сюда...

Сибур. Улица Данте, 26.

Мадлен в очень скромном черном платье стучит и звонит в дверь. Никто не открывает ей.

Подходит пожилая женщина, очевидно, соседка.

Соседка. Простите, вы не мадам Тибо?

Мадлен. Да, я Тибо.

Соседка. Ключ у меня. Сейчас я открою.

Она открывает дверь, и обе женщины входят.

В квартире чисто и пусто.

Соседка. Это я прибрала здесь все.

Мадлен. Господина Филиппа нет дома?

Соседка. Уже полгода, мадам. Его повесили гестаповцы.

Мадлен *(пораженная)*. Кто?

Соседка. Гестаповцы, мадам. Подумайте, перед самым уходом! Здесь все было перевернуто вверх ногами. Ломали даже паркет. Они нашли памфлеты господина Филиппа для тайной печати.

Мадлен. Филипп писал для тайной печати?

Соседка. Представьте себе, мадам! Такой спокойный человек! Он знал, что вы приедете. Он просил меня заучить и передать вам фразу, которую я не поняла. Впрочем, никогда нельзя было понять, шутит он или говорит серьезно. Верно, мадам?

Мадлен. Значит, и Филиппа нет... *(Садится.)*

Соседка. Он просил сказать, что, как вы можете убедиться сами, он с корнем вырвал себе язык, которым кичился с молодости. Подумайте только: вырвал язык! Вы что-нибудь понимаете?

Мадлен. Понимаю... *(Пауза.)* Вы не знаете, где живет сын господина Филиппа, Шарль?

Соседка. Ваш сын? Разумеется, знаю! Вы не слыхали? Он скоро женится. У него невеста с приданым.

Мадлен. Я хотела бы видеть его.

Соседка. Ну что же, если только Шарль в Сибуре, то он немедленно прибежит.

Голос Мадлен. И Шарль действительно прибежал...

Улица Данте. Торопливо подходят три веселых молодых человека. Шарль своим ключом открывает дверь.

Лицо Мадлен. Она насторожилась. Шаги по лестнице.

Входит Шарль. Мадлен вскакивает. Шарль бросается к ней, обнимает ее.

— Мама! — бормочет Шарль.

Мадлен почти спокойно гладит волосы сына. На глазах у нее слезы. Потом она чуть отодвигает Шарля, оглядывает его друзей.

— Ты пришел не один?

— Это мои друзья. Познакомься, мама!

Молодые люди раскланиваются. Оба рослые, широкоплечие. Один бритый, другой с маленькими усиками.

Бритый молодой человек. Марсель Руже, сотрудник газеты «Свободный Сибур». Простите наше вторжение, мадам.

Молодой человек с усиками. Клод Жюно! Счастлив видеть вас живой и здоровой, мадам!

Шарль. Они так хотели посмотреть на тебя, мама!

Руже. Простите мою назойливость, мадам. О, если бы вы согласились дать мне первое интервью: мадам Тибо в освобожденном Сибуре!..

Мадлен (*слабо улыбаясь*). Только не сегодня.

Руже. О, я понимаю! Но я надеюсь на завтра!

Мадлен. Хорошо. Завтра.

Руже (*сияя*). Тысяча благодарностей, мадам!

Жюно. Хватит, Руже! Дай и мне получить мой кусочек счастья. Мадам! Я судебный работник и веду дела по розыску людей, которые были связаны с врагами родины. Очень важное дело, мадам! Я полагаю, что вы могли бы дать правосудию и народу исключительно ценные сведения...

Мадлен молча смотрит на него.

Голос Мадлен. Я смотрела на него, и мне казалось, что я где-то его видела...

Жюно, улыбаясь, ждет ответа.

Голос Мадлен. И я вспомнила. Я видела его в деревне: он делал обыск, когда немцы искали Журдана.

Жюно обворожительно улыбается. Мадлен молча смотрит на него.

Жюно. Вы позволите надеяться, мадам?

Мадлен. Тоже завтра, сударь.

Жюно. Разумеется, мадам! Мы понимаем. У меня тоже есть мать.

Руже. Шарль говорил нам, что у него чудесная мать, мы знаем, что у него знаменитая мать, но мы не предполагали, что у него такая молодая мать! *(Откланиваясь, отступает к двери.)*

Жюно. И такая красивая!

Руже. И такая любезная, не в пример другим красавицам!

Молодые люди, раскланиваясь, расшаркиваясь, улыбаясь, удаляются.

Они спускаются по лестнице, открывают дверь, держат ее несколько секунд открытой, но на улицу не выходят, а громко захлопывают ее и на цыпочках поднимаются обратно по лестнице. Замирают по обе стороны двери, ведущей в столовую. Ждут.

В столовой Мадлен и Шарль сидят за столом. Шарль уже без пальто. Оба выжидательно улыбаются, прощупывают друг друга.

Мадлен *(спокойно)*. Ты хочешь есть?

Шарль *(тоже спокойно)*. Нет, мама. Тебе понравились мои приятели?

Мадлен. Налить тебе кофе?

Шарль. Да, налей... Какое несчастье с отцом!

Мадлен. Большое несчастье.

Шарль. Впрочем, он всегда был довольно странной личностью.

Мадлен. Да, он был странный. С молоком?

Шарль. Если можно.

Мадлен. Ты женишься, говорят?

Шарль. У меня очаровательная невеста. Я вас завтра познакомлю.

Мадлен *(продолжает наливать кофе, не замечая, что чашка уже полна и кофе растекается по столу)*. Буду очень рада. Хочешь печенья?

Ш а р л ь. Пожалуйста. Что ты собираешься делать?
М а д л е н. Как всегда, выступать в театре. А ты?
Ш а р л ь. Я занимаюсь коммерцией — продаю пылесосы. Но, если хочешь, я стану твоим импрессарио. *(Вдруг оживляясь.)* Мы будем ездить втроем: ты, я и моя жена!
М а д л е н *(спокойно)*. Хорошо... Но куда мы денем Грина?
Шарль молчит.
М а д л е н. Кстати, почему ты не спрашиваешь меня, как здоровье Грина?
Ш а р л ь. Как здоровье Грина?
М а д л е н. Он умер.
Шарль молчит.
М а д л е н. Почему ты не спрашиваешь меня, отчего он умер?
Ш а р л ь. Отчего он умер?
М а д л е н. Его убили.
Шарль молчит.
М а д л е н. И знаешь, кто его убил?
Ш а р л ь. Кто его убил?
М а д л е н. Ты. И те двое, которые сейчас приходили с тобой.
Шарль молчит.
М а д л е н. Хочешь еще кофе? *(Снова принимается наливать кофе в ту же переполненную чашку.)*
Ш а р л ь. Это было не так...
М а д л е н. Что — не так?
Ш а р л ь. Я не убивал его. Честное слово, я не убивал его!
М а д л е н. Ты многому научился, но лгать мне ты еще не умеешь... Надень пальто. Мы сейчас пойдем с тобой к прокурору.
Ш а р л ь *(вскакивая)*. Я не виноват ни в чем! Я расскажу тебе все! Ты поймешь!
М а д л е н. Говори!
Ш а р л ь. Пойдем в мою комнату.
М а д л е н. Зачем?
Ш а р л ь. Там тише. Нас никто не услышит.
М а д л е н. Хорошо. Пойдем в твою комнату. Она ничем не хуже этой.
Мадлен открывает дверь в комнату Шарля и ждет, пока сын пройдет вперед. Потом закрывает дверь.

Лестница. Рослые приятели Шарля стоят, прислушиваясь, по обе стороны двери.

Жюно осторожно заглядывает в столовую, она пуста.

Жюно. Он хорошо сделал, что увел ее поглубже в дом.

Руже. Но она слишком умна для него. Она не поверит ни одному его слову.

Жюно. Поверит. Каждая мать — это только мать.

Молодые люди осторожно входят в столовую, на цыпочках пересекают ее и застывают у двери, ведущей в комнату Шарля.

Прислушиваются.

Знакомая нам комната Шарля. Сейчас она почти пуста. Кровать с голым тюфяком, пустой стол, стул — и больше ничего. На этом единственном стуле сидит Мадлен — сидит очень прямо, опустив руки, подняв голову. Шарль на коленях перед ней.

Шарль. Мама, родная, ну верь же мне, верь! Когда я стоял тогда в театре и смотрел тебе в глаза, все перевернулось во мне! Я плакал! И на следующий день я порвал с ними. Я все время искал тебя, но ты исчезла.

Мадлен. Это хорошо, что ты не нашел меня, Шарль... Почему ты убил Грина?

Шарль. Я не убивал его! Мы гнались совсем за другим! Я не могу понять, как получилось, что это был Грин. Но я не стрелял! Я только стоял рядом. Только стоял рядом!

Мадлен. Спасибо за то, что ты стоял рядом.

Шарль. И потом, ведь это было в последний раз. И с тех пор я совсем отошел от политики. Я обыватель! Я жених! Понимаешь, жених! Я хочу жить и любить свою жену и тебя, мама!

Мадлен. Спасибо за то, что ты хочешь любить меня. Кому ты донес на Журдана?

Шарль. Я не доносил!

Мадлен. Ты опять лжешь. Ты приехал в деревню с этим Жюно.

Шарль. Да. Мы тогда боялись ездить поодиночке. Но он уже все знал о Журдане. Ну, может быть, я сболтнул что-нибудь, но ведь Жюно тоже теперь ото-

шел от них. Он тоже только жених, и у него есть невеста, я тебя завтра познакомлю с ней.

Мадлен. Не слишком ли много свадеб для такого маленького городка?

Шарль. Господи, ты мне не веришь! Ну как мне сделать, чтобы ты поверила? Мама, дорогая! Я так много страшного пережил за эту войну! Мне было так трудно без тебя! Так трудно! Если бы я мог вернуть все обратно!

Мадлен *(горько)*. Да, если бы вернуть обратно...

Жюно и Руже прислушиваются за дверью.

Руже. Он превосходно плачет.

Жюно. Говорю тебе, через пять минут они будут обниматься.

Руже. Посмотрим.

Шарль, все еще стоя на коленях, прижался к матери, обнял ее.

Шарль. Мы уедем с тобой отсюда. Мы уедем далеко, в Америку... Я действительно стану твоим импрессарио. Мы забудем все. Мы будем ездить по всему свету. Нас будет в мире двое, мама!

Мадлен молча гладит голову сына, перебирает его волосы. Глаза ее закрыты.

Шарль. Ты и я! Как в прежние годы... И города, города, города... И везде афиши: «Мадлен Тибо», и каждый город — уже родина... Мама! Скажи, мне что ты еще любишь меня!

Мадлен. Я люблю тебя, Шарль! Я очень, очень, очень люблю тебя, Шарль. У меня больше никого не осталось на свете. Только ты... Скажи мне, что случилось с твоим отцом?

Шарль. Не знаю.

Мадлен *(совсем тихо)*. Это ты донес на него?

Шарль. Нет... Не я...

Мадлен еще раз проводит рукой по его волосам, глубоко вздыхает, медленно, мягко отстраняет сына.

Мадлен. И снова ты лжешь мне... Ну, Шарль, надень наконец пальто. Мы идем к прокурору...

Шарль. Мама!

Мадлен. Мы идем к прокурору.

Шарль *(вскакивая)*. К здешнему прокурору? Но ведь он почти коммунист! Он обязательно засадит меня в тюрьму...

Мадлен. Я буду ждать тебя.

Шарль. На десять лет! Мама!

Мадлен. Я буду ждать тебя.

Шарль. На двадцать лет! И за что? За мальчишеские ошибки! Ведь я теперь только обыватель!

Мадлен. И это неправда. Идем.

Шарль. Я боюсь!

Мадлен. Кого ты боишься?

Шарль *(шепотом)*. Их! С кем я работал раньше...

Мадлен. Но ведь ты отошел от них?

Шарль. Да-да-да, разумеется, но, если я скажу что-нибудь про них, они найдут меня где угодно! Они найдут меня в тюрьме! Они повесят меня в камере! Они убьют тебя тоже! Слышишь? Имей это в виду — тебя тоже! Даже раньше, чем меня.

Мадлен. Ну что же, тем более нужно идти.

Шарль. Они убьют нас! Я же говорю, что они убьют нас обоих!

Мадлен *(с силой)*. Матери теряют сыновей. Одни сыновья попадают под поезд. Другие умирают от болезней. Третьи погибают на фронте, как герои... Мой сын умрет, убитый из-за угла, в минуту, когда он попытается стать порядочным человеком. Это не самая плохая смерть, Шарль. Идем!

Шарль. Я не пойду!

Мадлен. Ты пойдешь!

Шарль. Нет!

Мадлен. Тогда я пойду сама

Шарль. Ты не пойдешь!

Мадлен. Посмотрим. *(Идет к двери.)*

Шарль. Стой!

Мадлен. Отойди в сторону.

Шарль выхватывает револьвер. Мадлен останавливается и, улыбаясь, смотрит на него.

Мадлен. Ну что же, стреляй в меня, Шарль. Почему ты медлишь?

Шарль *(с прорвавшейся наконец яростью)*. Послушай, мне надоело плакать и причитать. Ты не выйдешь отсюда, пока не поклянешься, что поверила каждому моему слову!

Мадлен. Вот ты какой? Таким я тебя еще не видела... *(Оглядывает Шарля с головы до ног.)* Я не поверила ни одному твоему слову, Шарль.

Шарль. Не так легко убить свою мать. Но иногда это приходится делать.

Мадлен. А я тебе уже сказала: стреляй!

Шарль медлит.

Мадлен. Стреляй, подлец! Стреляй, трус!

Руже *(громко)*. Стреляй, на самом деле! Ну!

Жюно и Руже в открытых дверях.

Мадлен. А, здравствуйте, господа обыватели! Здравствуйте, женихи! Как поживают ваши невесты? Шарль, перед тобой стоят враги твоего народа. Стреляй в них! Или стреляй в меня. Ты должен выбрать.

Шарль стоит с револьвером в руках.

Жюно. Да, пора решать, Шарль! Ты ведь сам сказал, что ее нельзя выпускать отсюда.

Мадлен. Или ты предпочитаешь стоять в стороне, как при убийстве Грина?

Шарль молчит. Он дрожит как в лихорадке.

Мадлен. Трус! *(Идет к выходу.)*

Жюно. Трус!

Жюно три раза подряд стреляет в Мадлен.

Мадлен вздрагивает, останавливается, делает один шаг к Шарлю и тяжелой, немеющей рукой дает ему пощечину. Падает.

Руже и Жюно подходят к Мадлен.

Жюно. Конец.

Руже. Иди за нами, трус!

Шарль медленно обходит тело матери.

Больница.

Мадлен. Вот и все. Я очень устала... Дайте мне еще вина.

Следователь *(собирая исписанные листки)*. Спасибо, мадам Тибо! Я лично займусь вашим делом. Тайная шайка врагов Франции будет раскрыта, ручаюсь вам. *(Наливает ей вино.)* Последний вопрос: есть у вас в городе кто-нибудь, кому можно сообщить о несчастье с вами?

Мадлен. Никого.

Следователь. Ни родственников, ни знакомых?

Мадлен. У меня был отец, муж, друг, сын... Теперь нет никого. Я одна на свете.

Следователь. А друзья по движению Сопротивления?

Мадлен. Они далеко отсюда.

Следователь. Как грустно... Еще раз спасибо, мадам! Вашими показаниями вы сделали очень много для дела свободы и демократии. *(Кланяется, идет к выходу.)*

Мадлен *(закрывая глаза)*. Я очень устала.

Маленькая, унылая, почти пустая комната.

Три человека стремительно вскакивают со скамьи и вытягиваются в струнку перед вошедшим следователем. Это Шарль, Жюно и Руже.

Следователь бросает портфель с показаниями Мадлен на грязный, залитый чернилами канцелярский стол, неторопливо подходит к молодым людям, которые еще больше вытягиваются, и вдруг изо всей силы бьет Шарля по лицу. Шарль отлетает в сторону. Жюно и Руже вздрагивают, но продолжают стоять навытяжку.

Подождав, пока Шарль снова встанет в строй, следователь закатывает такую же сокрушительную пощечину сперва Руже, потом Жюно.

Следователь *(сквозь зубы)*. Когда три таких здоровых болвана не могут убить одну женщину, то назавтра их находят в морге. Понятно?

Жюно *(не решаясь вытереть кровь с разбитых губ)*. Но, господин капитан...

Следователь *(идет к столу, берет портфель)*. Молчать! Сидите здесь, пока я не придумаю, что с вами делать.

Шарль *(бледный и окровавленный)*. Простите, господин капитан... Она жива?

Следователь. Жива. И, если она не умрет, тебя придется повесить.

Жюно. А если она умрет?

Следователь. Если умрет?... Ну, если умрет... тогда посмотрим. Счастье ваше, что история не кончается сегодняшним днем и вы еще можете пригодиться Франции... *(отходит от стола, вновь оборачивается и добавляет)* через несколько лет.

Возникает надпись:

1955

Диктор. Мы рассказали вам историю целой человеческой жизни, а Палата депутатов все еще не закончила голосования. И истомленные репортеры по-прежнему бродили по коридорам, собирая жатву для своих газет.

Кулуары Палаты. Буфет. Табачный дым, гул голосов. Парламентарии, гости, дипломаты, газетчики и радиокомментаторы бродят, жуют бутерброды, курят и пьют. На каждого выходящего из зала заседания набрасываются с вопросами:

— Ну что там?

— Голосуют...

— Пять часов утра! Сколько же это может продолжаться?

За одним из столиков сидит человек лет тридцати, с усиками, в роговых очках. Перед ним — папка с какими-то бумагами.

Крупный, медлительный мужчина подходит к столику.

— Разрешите?

Сидящий поднимает голову — это Шарль.

Крупный мужчина садится. Вглядывается в Шарля, точно стараясь вспомнить, где он его видел. Потом говорит:

— Господин Шарль Тибо, если не ошибаюсь? Я узнал вас по карточке, которую часто видел у вашей матушки. Я — Купо, электротехник, сын камеристки.

Шарль *(неохотно)*. А! Вот как! Очень приятно. Но, по-моему, вы уже не электротехник? Если не ошибаюсь, вы мэр какого-то округа? Не помню, какого...

Купо. И тем не менее я электротехник...

Официант ставит на стол бутылку с минеральной водой. Шарль наливает два стакана.

Купо. Я хотел спросить вас: убийцы вашей матери еще не разысканы?

Шарль. Нет. *(Пьет минеральную воду.)* Ну что вы скажете обо всем этом? *(Показывает на закрытые двери зала заседаний.)*

Купо *(пожимая плечами)*. А вы?

Шарль. Отвратительная нерешительность. Они боятся, как бы немцы опять сюда не пришли. Вздор! Немцам нужен Восток, а не Запад... За плечами у нас Америка и Великобритания, а мы робеем, как деревенский парень на городской ярмарке. Где старый французский дух? Но сегодня все будет кончено, можете мне поверить. Я хорошо знаком с закулисной стороной дела: они проголосуют «за». *(Подчеркнуто спохватывается.)* Ах да, я и забыл — вам это, вероятно, не по вкусу: ведь вы коммунист?

Купо *(внимательно глядя на Шарля)*. Видите ли, господин Шарль! Я помню трех человек, которые не были коммунистами. Это ваш дед — деревенский кабатчик. Ваша мать — она всю жизнь странствовала и не знала, где ее родина. Ваш отец — он ни во что не верил. И вот, если эти люди сумели так умереть, как они умерли, значит Франция уже не та и с ней не так-то легко справиться, как бы они там ни проголосовали!.. Простите, я сяду за другой столик.

Купо пересаживается. Гул в кулуарах. Пробегают репортеры. Открывается дверь, и из зала заседаний выходит представительный мужчина. Мы узнаем в нем бывшего следователя, которому Мадлен давала показания. Репортеры подбегают к нему:

— Какие новости, господин депутат?

Бывший следователь. Терпение, господа! Терпение! Мы голосуем!

РАССКАЗ О ЛЕНИНЕ

ОТ АВТОРА

Этот сценарий представляет собой попытку кинорассказа о последних месяцах жизни Владимира Ильича Ленина.

Но эта короткая повесть отнюдь не является документом истории: автор позволил своему воображению дополнить и перегруппировать то, что явствует из документальных свидетельств. Автор рассказывает не только то, что было, но и то, что, по его глубочайшему убеждению, могло быть.

*

Весна 1923 года.

Группа людей подъехала на грузовике к воротам загородного дома в Горках. Их начальник Белов, пожилой, плотный, лысый, сказал человеку, появившемуся на звонок:

— Пригласи-ка, дружок, коменданта.

Пока приехавшие снимали с грузовика багаж, явился комендант. Белов молча предъявил ему мандат.

— Когда? — спросил, прочитав, комендант.

— Сегодня.

— Идемте.

И комендант в сопровождении Белова и нескольких людей пошел по направлению к дому.

Он открыл дверь, и все вошли внутрь. Дом был пуст. Комендант отворял, гремя связкой ключей, одну комнату за другой. Все они были чисто прибраны, все стояло на своих местах. Но в них была та необжитость, тот холод, который стоит в домах, где долго никто не жил.

— Как уехали они год назад, так все и осталось, — не без гордости сказал комендант.

Открыли последнюю дверь. Это был кабинет. Здесь все было прибрано, все на своих местах — стол, кровать, шкаф, стулья. Белов стал осматривать эту комнату с вниманием и тщательностью. Раскрыл дверцы шкафа.

Шкаф был тоже, в общем, пуст, остались в нем только какие-то обрывки газет, лоскутки — все то, что остается в шкафах после отъезда. В углу валялся непонятный предмет, сразу привлекший внимание Белова. Нечто вроде ящика с металлическими частями.

— Приемник для радио, — пояснил комендант. — Как лежал, так я его тут и оставил.

— Товарищ Белов! — позвали в этот момент. — Санитарка пришла.

Белов поспешно сунул приемник в нижний ящик и, не окончив осмотра шкафа, вышел в соседнюю комнату.

Там стояла, ожидая его, невысокая, совсем молодая девушка, почти девочка — лет семнадцати, не больше. Косы, уложенные коронкой, поношенное пальтишко, мокрые, старые башмаки.

Белов оглядел ее не спеша, внимательно и пробурчал — был он человек неразговорчивый:

— Документы.

Она заторопилась, вытащила откуда-то из внутреннего кармана пальто листок, протянула ему.

— Так, — сказал он, пробежав глазами документ. — Значит, по специальной рекомендации комсомольской ячейки, как лучшая медицинская сестра... Нуте-с... — он снова вонзил в ее лицо свой острый, пристальный взор. — Отец есть?

— Нет.

— Мать есть?

— Нет.

— Кто-нибудь близкий есть?

— Не-ет, — запнувшись, ответила девушка.

Эго была мгновенная запинка, но Белов, уловив ее, сразу насторожился и долго, пристально разглядывал медсестру.

— Точно — нет?

— Точно.

Он помолчал.

— Знаешь, при ком будешь находиться?

— Знаю.

— Ну так вот... Запомни. Волнение для него — смерть. Пока врачи не позволят, никого постороннего к нему не пускать... О политике не говорить. Ни под каким видом! Понятно? Газет не читать, о событиях не рассказывать, тоже пока доктора не позволят. И вообще, не трещать! — Он сделал рукой сердитый жест, изображающий легкомысленную болтовню. — Ясно?

Сестра утвердительно и робко качнула головой.

— Отвечаешь перед партией и революционным народом! — строго сказал Белов. — А теперь иди, готовь все, что нужно... Тебя как зовут? — крикнул он ей вслед.

— Саша.

— Действуй, Сашура! — уже ласково и ободряюще проговорил он.

Булькает в небольшой кастрюльке кипящая вода, покрывая пузырьками медицинские шприцы. Саша ловко орудует пинцетом в кипятке. Движения ее свободны, ловки, умелы. Она даже тихонько напевает себе что-то под нос.

И вдруг замерла, услышав гул автомобильного мотора. Затем быстро подбежала к окну.

С высоты второго этажа было видно, как несколько человек помогают кому-то выйти из остановившегося высокого автомобиля. Вот он вышел и слабой походкой больного, поддерживаемый под руки, медленно двинулся к дверям. Это был Ленин. Он едва шел. Вот он остановился, задохнувшись.

Это было так страшно и так не вязалось с обычным представлением о Ленине, о легкой его походке, о быстроте и энергии его движений и жестов, что Саша горестно охнула и бросилась от окна.

В тот же момент в кухню вбежала пожилая женщина.

— Камфару! — Это была Надежда Константиновна,

Саша сразу узнала ее. — Скорей, сестра! — сказала Надежда Константиновна.

Саша схватила кастрюльку со шприцами и побежала в комнаты. В комнате, соседней с кабинетом, было много народу, и все расступились перед Сашей.

Профессор сидел за ширмой, ограждавшей кровать, где лежал Ленин.

— Ну что там?! — нетерпеливо крикнул он.

Саша раскрыла ампулу и быстро прошла за ширму. Стараясь не глядеть на кровать, она протянула профессору шприц.

— Лед! — коротко приказал профессор.

И Саша устремилась из кабинета, через соседнюю комнату, где снова все взволнованно и тревожно расступились перед ней.

Ночь. Кабинет Ленина слабо освещен затененной абажуром лампой. В кресле спит профессор. У стола, что-то читая, сидит Саша — она дежурит.

Зашевелился за ширмой Ленин, послышался вздох. Саша насторожилась. Еще вздох. Саша на цыпочках направилась к ширме. Робко, чтобы не разбудить, коснулась руки Владимира Ильича — проверить пульс Вдруг Ленин открыл глаза.

Некоторое время он недоуменно вглядывался в это тревожное и робкое девичье лицо, склонившееся над ним, потом спросил:

— Это кто?

— Сестра, — пролепетала Саша. — Только вам нельзя разговаривать, — добавила она едва слышно.

— А, сестра... — повторил Владимир Ильич.

Он лежал неподвижно. Но вот что-то осветилось в уголках губ, быстрый лукавый огонек побежал к глазам. И вот уже засмеялись глаза — одни глаза — веселым, лукавым светом.

— А зовут как, сестра? — спросил Владимир Ильич.

— Саша... Только вам нельзя говорить, — снова тихо сказала Саша. — Надо слушаться, Владимир Ильич! — добавила она уже решительней и тверже.

А он смотрел на нее, на ее косички, увязанные на голове, на ее юное встревоженное и строгое лицо, и глаза его смеялись все веселей.

— Ну-с, будем знакомы, — сказал он. — Сашенция!.. Будем знакомы.

— А ведь весной, товарищи, он был вовсе плох, — слышен звонкий девичий голос. — Слабый, худой, бледный — жуть!.. Совсем не ходил. Посидит минут пять возле террасы на кресле — знаете, кресло такое на колесах... для больных — и тут же домой.

Под звук этого голоса аппарат панорамирует: огромный, в копоти, цех завода. Рабочие тесным кольцом обступили большой токарный станок, на котором, как на трибуне, стоит Саша. И слушают, затаив дыхание, каждое слово.

— Доктора день и ночь дежурили... А с каждым днем все хуже и хуже... Жестокие головные боли. Речь отнялась.

Наступило молчание. Потом чей-то голос недоверчиво переспросил:

— Как это — отнялась?

— Вот так... Вовсе не говорил. Ни слова.

Среди гробового молчания раздался сердитый голос:

— Ты что чепуху докладываешь-то?

— Честное слово, не говорил! — горячо заторопилась Саша и прижала руки к груди, как бы для вящей убедительности. — Вот оно как было, товарищи.

— Да что ты о том, что было! — яростно гаркнул кто-то. — Ты о том, что есть!

— Тише! — прикрикнул на него человек в кожанке и высоких сапогах, видимо, руководящий собранием. — Веди информацию, — обратился он к Саше.

— А сейчас уже ходит, товарищи, — сказала Саша, и радостная улыбка пробежала по ее лицу. — Каждое утро гуляет... За утро мы с ним чуть не весь парк обойдем... По грибы.

Гул прошел по цеху. Все заулыбались, жадно ловя каждое слово.

Послышались возгласы:

— Ишь ты!.. Слышь, ходит Ильич!.. По грибы!..

— Имеется резолюция! — высоко поднял руку рабочий из задних рядов.

— Не чуди! — недовольно отмахнулся от него человек в кожанке. — Продолжай! — кивнул он Саше.

— Он все тропки грибные знает! — воскликнула Саша, и все засмеялись, одобрительно и радостно переглядываясь. — Ну, правда, он в этом доме и раньше бывал: в первый раз жил там после эсеровского ранения... Вот, значит, погуляем и сядем около двух дубков. Смотрим, как в городки играют, — заключила Саша и поспешно отвела взгляд от юноши, который стоял совсем близко и не сводил с нее восторженных глаз.

— Это кто же играет-то? А?

— Из охраны ребята.

— Играют! — послышался желчный голос. — Играть-то они играют! А вот как охраняют?

— Уж это вы, товарищи, не беспокойтесь, — оживленно сказала Саша. — Там от ЦК к Ильичу такой дядька для охраны поставлен — ох! Никого не подпустит. Сквозь землю видит. Ох, ты! — добавила она под общий смех. — Ну, значит, посмотрим на городки — и домой...

И снова радостный шелест прошел по цеху. И опять все заулыбались, заговорили:

— Ну и ну!.. Выздоравливает Ильич!.. Давай, давай дальше! — с любопытством говорили рабочие.

Но в этот миг снова встал все тот же рабочий в задних рядах.

— Товарищи! — крикнул он. — Значит, вот так... Вот так, значит... Есть резолюция!.. Не перебивай! — крикнул он человеку в кожанке, который жестом пытался его остановить. — Значит, есть резолюция, чтобы Ильич поскорей выздоравливал! Товарищи доктора! Почему так медленно? Что за причина? Капиталисты радуются!.. На-кася, хрен вам в зубы, матери вашей черт! — крикнул он по адресу невидимых капиталистов и погрозил им кулаком под общее ликование цеха. — И что за болезнь за такая, дьявол ее побери, — снова выкрикнул он, побагровев от гнева, — что доктора никак с ней не справятся?!. Выздоравливай, дорогой Ильич! Ждем — не дождемся. Значит, так... Так, значит... Это одна резолюция. А теперь другая: споем-ка, товарищи, за здоровье Ленина «Третий Интернационал»!

Он затянул первую строчку, все подхватили. Мощные звуки «Интернационала» взметнулись к темной, пыльной стеклянной крыше цеха и поплыли среди стан-

ков, взывая к борьбе и жизни. Пели все. Пела Саша. А рядом с ней стоял тот самый молодой паренек, который все время глядел на нее во время ее речи. Пели самозабвенно и горячо, словно мощь этой песни могла влить новые силы в грудь Ильича и помочь ему в жестокой схватке с болезнью.

...Саша вместе с известным нам пареньком (звать его Коля) шла по двору завода. Человек в кожанке — тот самый, что руководил собранием, — шел с ними и говорил, обращаясь к Саше:

— Ну что ж, молодец!.. Нашла общий язык с пролетариатом. Разговор вышел честный, партийный. — И, обернувшись к Коле, дополнил: — Это ты, Николай, славно придумал, чтобы она рабочим о Ленине рассказала. — Он помолчал, ласково похлопал Колю по плечу и подмигнул Саше. — Ну что ж, брат, обсудили мы твой вопрос... Твое заявление в партячейку, чтобы жениться тебе на ней, — он кивнул на Сашу.

— Обсудили, товарищ Трофимов?! — Коля едва не задохнулся от волнения.

— Обсудили, — сказал тот. — Взвесили все. Активность была большая. Отказали.

— Как — отказали?! — у Коли от ужаса прилип к гортани язык.

— Повременить надо, — сердечно сказал Трофимов. — Мировая революция на носу, каждый человек на учете, а ты — жениться. Пойдут пеленки, разложишься, поддашься нэповской накипи, — с искренней ненавистью к этой накипи проговорил он, — потеряешь, брат, боевой упор. Молод!

— Как же, товарищ Трофимов, — горестно пробормотала Саша. — Ведь вы месяц назад обещали.

— Не чуди! — сказал он уже построже. — Тебе-то уж вовсе стыдно нюни-то разводить! Ты теперь рядом с Лениным, учись у него принципиальности. Что бы Ленин сказал, если бы все мы в партии поженились?! Гляди, что в Англии делается? А в Германии?.. Ну, ладно, бывайте! — прощаясь, дружелюбно закончил он.

Совершенно убитые шли Саша и Коля к выходным воротам завода. У ворот Коля остановился и забормотал, обращаясь к Саше:

— Оно, конечно, не могут они нам запретить жениться, но, может, все же, правда, полгода повременим... Правда, гляди, что делается-то? А? В Германии демонстрация... В Болгарии революция...

— Демонстрации! — вдруг яростно вскинулась на него Саша. — С ячейкой не может как следует поговорить!.. Вот уж действительно нюня! Баба! — И, резко повернувшись, Саша побежала к воротам завода.

— Так, значит, вы вчера были в Москве?! — слышен голос Ильича.

Они с Сашей гуляют по горкинскому парку.

Золотая осень. Тепло. Ленин в своем стареньком френче, в кепке. Не действует правая парализованная рука.

— Была, Владимир Ильич.

— Ну и что там?

Она мельком взглянула на него. Она знала, что, как всегда, он хотел выведать у нее новости, хоть крупиночку новостей.

— Как — что? — Саша была настороже.

— Что нового?

— Ничего.

— Совсем ничего? — иронически переспросил Ильич.

— Совсем,—отвела глаза Саша.—Смотрите, гриб!— кинулась она в сторону, стараясь скрыть смущение.

— Нет там никакого гриба!—сурово сказал Ленин. — Идите сюда. Актрисы из вас не выйдет!

Некоторое время они медленно шли. Саша молчала. Ленин искоса взглянул на нее.

— Гмм!.. — сказал он, пытаясь подойти к той же теме издалека. — Красота! Хороша осень!.. А на Волге она все-таки куда лучше. Или в Сибири. Да, даже и на Дону... Гмм. Интересно, что там сейчас делается?

— Где?

— На Волге, в Сибири, на Дону.

Но Саша, несмотря на свою задумчивость, по-прежнему была настороже.

— Да все то же, Владимир Ильич.

— Как — все то же?

— Никаких новостей.

— Так-таки никаких? — Владимир Ильич начинал сердиться.

— Никаких.

— И во всей стране — никаких?

— Никаких.

— И за границей?

— И за границей, — уныло сказала Саша. — И нельзя вам о политике думать, Владимир Ильич, — сердечно и мягко добавила она. — Вот выздоровеете, тогда доктора позволят.

— Нет, вы послушайте! — вдруг вспыхнул Ильич и весь побагровел. — Нет, как вам это понравится? Доктора позволят! О политике думать! Мне!! Может, вы вообще запретите мне думать? А?

— Да ведь это не я, Владимир Ильич... Это доктора.

— Ну и к черту! Ведь архиглупо же! Я выздоровел! Давно выздоровел! Ерунда какая-то! Дичь!

— Ну не надо, Владимир Ильич, — бормотала Саша, испуганная этим внезапным взрывом и тем, что волнение может повредить Ильичу. — Ну, миленький, ну не надо... Разве можно вам так волноваться?! Не дай бог, Мария Ильинична узнает. Или того хуже — Белов... Ну, золотенький мой, ну не надо...

— Ладно, ладно, — сказал, успокаиваясь, Ильич. — Не буду... Да ведь чепуха!.. — опять крикнул он. — Хорошо, не буду. Вон действительно гриб! — закончил он, уже совсем успокоившись.

И Саша бросилась за грибом.

— Э, да тут много их, много! — с облегчением говорила она, собирая грибы.

Ильич между тем остановился на крутом берегу реки. Вокруг, насколько хватал глаз, пылали красные, желтые, оранжевые осенние огни. И небо, мирно лежавшее над этими округлыми холмами, было прозрачное, синее, чуть холодноватое.

Ильич обернулся. Саша, пригорюнившись, сидела на траве возле грибной корзинки.

— Сашура! — окликнул он.

Она вздрогнула и встрепенулась, как человек, внезапно выведенный из глубокой думы. Вскочила на ноги.

— Что-то вы мне сегодня не нравитесь, Сашенция, — сказал Ленин. — Что-то с вами произошло...

— Что вы, Владимир Ильич! — испугалась Саша. — Ничего не произошло.

Ильич посверлил ее глазами.

— Нет, вы какая-то не такая.

— Да нет, я такая... — сказала Саша.

Теперь уже Саша быстро и искоса взглянула на своего спутника и вздохнула разок-другой, словно хотела что-то спросить, но не решалась. Наконец решилась.

— Владимир Ильич! Как вы с Надеждой Константиновной поженились? А?

— Я?

Он с изумлением посмотрел на нее. И вдруг глаза посветлели, заиграл в них мягкий, лукавый огонек, какой бывает у человека, когда вспомнится ему что-то большое, далекое, милое.

— Э... — сказал он, — история эта длинная... Познакомились мы с ней в Питере, на масленице, на Охте... На конспиративной сходке, а для-ради конспирации, помнится, были устроены блины. Ну, как бы это сказать... — смущенно проговорил он, — ну, видите ли, сказать вам по совести. я сразу влюбился... На пятом блине, — сказал он открыто и весело. — Я тогда занимался в рабочих кружках за Невской заставой... А она там учительствовала в вечерней школе. Так что встречались частенько. Ну, если уж всю правду вам говорить — каждый день. Влюбился, чего уж там!.. Но, знаете, как-то совестно было объясниться в любви, — проговорил он, прищуриваясь и улыбаясь. — Ну как же! Серьезные люди, марксисты, Маркса и Энгельса знаем почти наизусть, и вдруг вздохи, цветы... Гмм... В общем, секретничали мы с ней, пока меня не арестовали. А через год взяли ее. Меня выслали в Шушенское, а ее — под Уфу. Вот сижу я, Сашенция, в своем Шушенском и чувствую, что не могу без Надюши жить. Понимаете?

— Понимаю, Владимир Ильич! Ох, как я это понимаю! — откликнулась Саша, жадно слушая Ильича.

— Пишу ли, гуляю — а она тут!

— Да-да, тут-тут, всегда тут, — взволнованно повторила Саша: слышались ей в словах Ильича ее собственные мысли и чувства.

— Ну-с, взял наконец да написал ей письмо. Кого-то сильно ругал, вероятно, народников. А в конце при-

писал: «Будьте моей женой». Письмо было конспиративное, шло с оказией, долго, месяцев шесть... Ждал, мучился...

— Ох вы, бедненький! — вскрикнула Саша.

— Пришел наконец ответ... Помнится, она тоже кого-то сильно ругала. Думаю, что тоже народников. А в конце: «Женой — так женой!..» Вот и все. Вот вам роман марксиста! — закончил он, как бы подтрунивая над собой. — А почему вы об этом спрашиваете? — вдруг повернулся он к ней.

— Да просто так, — смешавшись, отозвалась Саша.

— Э, нет! — сказал Ильич и глянул на Сашу своим острым прищуренным глазом. — Просто так молодежь стариков не спрашивает... — он задумчиво потер здоровой ладонью подбородок и опять посмотрел на Сашу. Уж не хотите ли и вы пожениться, Сашура?

— Хочу, Владимир Ильич, — упавшим голосом пролепетала она.

— А не рано?

— Почему рано? — сказала Саша, сердито взглянув на него. — Мне семнадцать!.. Мы любим друг друга навек. Чего — рано-то? — она говорила с силой, гневом и страстью. — И вообще, рано не рано, — яростно крикнула она, будто Ленин убеждал ее в противном, — глупо или умно, можно или нельзя — мы поженимся, и конец!

Она стояла перед ним, сердитая, сжав кулаки, решительно и храбро глядя ему в глаза.

— Простите, Владимир Ильич, что я так кричу, — вдруг спохватившись, проговорила она.

— Ладно, кричите, — ответил Ильич. Он призадумался, поглядывая на Сашу, словно оценивая действительную силу ее чувства. — По-моему, так: если любишь, да по-настоящему, надо жениться.

— Да ведь не позволяют! — прошептала Саша.

— Надо бороться... А то какая же это любовь?..

Они подошли к речке и остановились.

— Да ведь это партия не позволяет, Владимир Ильич, — в отчаянии сказала Саша.

— Кто?!

— Он у меня партийный. Вот и говорят ему, что нельзя! Слишком острый момент. Что с партией будет, если все переженятся, — горестно заключила она.

Ленин так и вонзил в нее глаза.

— Какой дурак вам это сказал?! — вновь багровея, крикнул он.

— На заводе. Секретарь комячейки.

— Нет, вы подумайте! — вне себя воскликнул Ильич. — Что они именем партии делают?! А?!

Он задохнулся и долго не мог перевести дух, держась за сердце.

— Владимир Ильич! — вне себя взмолилась Саша.— Милый! Да разве вам можно так волноваться?.. И зачем я вам это все рассказала, — в отчаянии бормотала она.

— Не нойте! — прикрикнул Ильич. — Суть сейчас тут не в вас, а в партии! Сколько у нас еще тупиц и ослов!

Он быстро пошел наверх к дому. Саша едва поспевала за ним.

— Кем работает ваш жених?

— Электротехник.

Вдруг он остановился, словно внезапная мысль задержала его.

— Вот что. В пятницу Надежда Константиновна, Мария Ильинична и Белов уезжают в Москву. Приведите ко мне вашего жениха.

— Да что вы, Владимир Ильич! — закачала она головой. — Ни под каким видом. Посторонним строжайше запрещено.

— Приведите! Я ему посоветую, как говорить с этим... с секретарем, чтобы вам разрешили свадьбу.

— Нельзя! — сказала Саша решительно. — Ни за что!.. — Она робко взглянула на Ильича. — Вы действительно посоветуете?

Владимир Ильич кивнул головой.

Саша заколебалась.

— Да и как он пройдет? Через ворота его не пропустят.

— Ну, это моя печаль, — произнес Ильич. — Видите ли, товарищ Белов убежден, что он изумительный конспиратор... Что он все видит и знает... Так? Ну, а я конспиратор похлеще, — сказал самодовольно Ильич. — Я тут нашел одну лазейку в заборе, о которой не знает ни он, ни его молодцы... Идемте-ка, я покажу... Да что вы стоите? — Саша все еще пребывала в какой-то испу-

ганной нерешительности. — Идемте! В жизни надо быть смелой. А если любишь — вдвое смелей... За мной!

В пятницу под вечер Коля нетерпеливо шагал взад и вперед по полянке горкинского леса. Но вот он замер. Среди деревьев мелькнул темный поношенный Сашин жакетик. Саша сделала Коле безмолвный знак, он поспешил за ней.

Продравшись сквозь густой кустарник, они подошли к забору, ограждавшему горкинский парк. Там, в зарослях, среди крапивы и огромных лопухов, была в высоком глухом заборе дыра — два штакетника, поваленных рухнувшей от ветра сосной. Очевидно, это и был тот самый лаз, который обнаружил Ильич.

Теперь Саша и Коля быстро бежали вверх по дорожке к дому. Вдруг они отпрянули в сторону. Вдали стояли двое мужчин. Улучив момент, Саша и Коля скользнули к дому, к дверце черного хода.

Дверца вела в сени, а из сеней — к лестнице, крутой и темной.

Лестница оканчивалась небольшой площадкой. Саша тихонько приоткрыла дверь и, убедившись, что в комнате никого нет, знаком приказала Коле следовать за ней.

Вот и закрытые двери ленинского кабинета. Саша окинула Колю заботливым оком, как бы оценивая его внешний вид, быстрой рукой пригладила ему вихры, одернула его пиджачок.

— Так помни же,— прошептала она.— Ни слова с ним о политике... Ни под каким видом! Понятно?

Коля согласно кивнул головой.

Саша легонько постучала в дверь.

Кабинет Ленина, куда они вошли, был очень просторен. Недалеко от двери, за ширмой, стояла кровать. В глубине, возле огромного окна, откуда открывался чудесный вид на аллеи, стоял большой письменный стол. У стены — книжный шкаф. Ленин сидел за столом.

— А! — сказал он. — Так вот он каков, наш герой!.. Ну, садись, садись, — радушно обратился он к Коле, который в смущении мял кепку. — Вы, Саша, пойдите

посторожите, чтобы никто не вошел, а мы с ним тут потолкуем...

Саша еще раз, за спиной Ильича, погрозила Коле пальцем и приложила палец к губам. Коля мотнул головой в знак того, что он понял ее и будет тверд.

Она вышла. Быстро прошла в одну из комнат второго этажа, где из окна видны были ворота и главная аллея. Прильнула к окну. Аллея была пуста, у ворот, как всегда, находилась охрана.

...В кабинете между тем уже завязался разговор.

Ленин с живым и жадным интересом человека, изголодавшегося по новостям, слушал Колю.

— В общем, не жалуемся, Владимир Ильич, — бойко рассказывал он. — На заводе в целом неплохо... Сознательные довольны. Вот только нэп захлестывает!

— Вот как?

— В субботу три парня пришли в галстуках в клуб... Семенов, партийный, ребенка в церкви крестил... Комсомолка Телегина, Владимир Ильич, губы красит... А крановщица из сталелитейного, та и вовсе за нэпмана вышла замуж... Обсудили этот вопрос на профсоюзном собрании.

— Ну и что решили?

— Повысить рабочую бдительность ввиду остроты момента.

— А в чем же она, острота?

— Как — в чем?.. — удивленно протянул Коля. — Да ни в чем! — спохватился он вдруг. — Так... В общем, все... Владимир Ильич, — добавил он робко. — Саша мне говорила, что вы нам хотите помочь?..

— Ну, конечно, конечно... Обязательно помогу.

Владимир Ильич некоторое время молча глядел на него.

— Скажите, вы электротехник?

— Д-да...

— Есть у меня, друг мой, к вам одна просьба.

Владимир Ильич здоровой левой рукой выдвинул нижний ящик стола и откуда-то из самых дальних его глубин извлек знакомый нам ящичек — тот самый, который Белов в спешке засунул в шкаф. Это был радиоприемник.

— Вы как: в этом деле разбираетесь? Починить можете? — спросил Ленин.

— Попробуем... — неуверенно ответил Коля.

...Саша между тем внимательно смотрела в окно. Вот кто-то показался на аллее, она прильнула к стеклу, затаив дыхание. Но человек прошел к одному из флигелей и скрылся.

...Коля чинил приемник, а Владимир Ильич спрашивал его:

— Так кто же он все-таки, этот ваш секретарь?

— Да что! Человек он верный. В гражданку был комиссаром. Орден имеет, Маркса читал... Нет, мужик ничего. Но зашивается малость... Да и правда, от таких дел зашьешься!..

— А какие дела?

— Как — какие? — покрутил головой Коля. — Каждый день собрание за собранием.

— А зачем собрания?

— Что вы, Владимир Ильич? — заметил Коля, увлеченный починкой.— Как — зачем? Оппозиция-то что делает? Теперь не то, что на нашем заводе, в любой мастерской день и ночь дискуссии. На прошлой неделе у нас три дня и три ночи завод стоял, спорили без передыху.

— Вот здесь, по-моему, надо соединить, — наклонился низко-низко над приемником Ильич, чтобы скрыть волнение и не спугнуть Колю.— Кто же от оппозиции выступает?!

— Не приведи бог! — махнул рукой Николай.— И троцкисты, и мясниковцы, и шляпниковцы, и сапроновцы... Такое творится, что господи боже мой... Вот завтра опять собрание... Да что это я! — вдруг спохватился он, увидев лицо Ленина.

Некоторое время они молча глядели друг на друга, оба бледные как полотно.

И Коля забормотал:

— Чего это я... Не верьте, Владимир Ильич... Сбрехнул... Какие собрания?! Никаких собраний! Вот и готов приемничек! — заторопился он. — Антенна где у вас, Владимир Ильич? И заземление?

Но в этот миг в кабинет ворвалась Саша и крикнула:

— Белов приехал! Сюда идет!

— Спокойно! — сказал Ильич. — Положите это сюда! — он указал Коле на приемник и на нижний ящик стола.— Идите черным ходом и сразу сворачивайте в

березовую аллею. Не спешите. Я его придержу... А что касается до вашего дела — женитесь. Завтра же! На зло дуракам! Скажите, что Ленин позволил.

Коля едва успел радостно охнуть, как Саша вытащила его из кабинета.

Они кубарем скатились с лестницы. Затем выскочили из дверей, побежали по березовой аллее.

Белов уже стоял в кабинете Ленина и передавал ему письма, привезенные из Москвы.

— Это от Калинина Михаила Ивановича... Это от Дзержинского, он сам в воскресенье приедет... А это от Кржижановского... Что с вами, Владимир Ильич? — спросил он вдруг, вглядываясь в лицо Ленина.

— Ничего.

— Вы здоровы?

— Вполне.

Белов быстрым оком окинул кабинет:

— У вас никого не было?

— Кто же мог быть? — сказал, прищуриваясь, Ильич. — Заборы высокие и глухие. Начальник охраны — бывалый агент «Искры», опытный конспиратор Белов,— он указал на Белова. — Вы сколько раз при царе нелегально границу переходили?

— Семь.

— Ну вот!.. Попробуй-ка, обмани вас! Сквозь стену увидите.

— Не-ет, тут что-то не то...— говорил все более и более беспокойно Белов.

Скромненько вошла Саша и потупилась, прислонившись к косяку двери. Белов так и вонзился в нее глазами:

— Кто тут был?

— Друг мой, Григорий Михайлович, — сухо проговорил Ленин. — Насколько я понимаю, я вам уже все сказал... Прошу вас, идите позавтракайте с дороги и отдохните. А Саша мне почитает. Давайте-ка Шиллера! А, Сашенция?

Вечер того же дня. Столовая верхнего этажа. Кипит старенький самовар. За длинным столом, накрытым цветной клеенкой, сидит Надежда Константиновна. Перед ней груда вскрытых конвертов — со всего мира пишут Ильичу. Низко склонилась она над листом бумаги, быстро бежит перо.

Неподалеку от стола Мария Ильинична примеряет Саше новое платье, которое, видимо, перешивает из своего. По столовой во всю ее длину неторопливо расхаживает Белов. В руках у него стакан горячего чая в подстаканнике. Он ходит, беседует и время от времени отхлебывает чай небольшими глотками.

— Ну что ж, — говорит оживленно Мария Ильинична. — Платье вполне приличное... Да ведь и надевала-то я его всего раз пять... Вот тут заберем, — она заколола булавками. — Длина хороша... Рукава немного поднимем... Так... Так... Вот только эти оборки... — с сомнением качает она головой. — Надя, ты не знаешь — носят сейчас такие оборки или нет?.. Надя!

— А? — откликнулась Надежда Константиновна. Она оторвалась от письма и недоуменно поглядела на золовку.— Не знаю, — в раздумье сказала она, почесав кончиком ручки переносицу. — В Швейцарии, помню, они были в моде... Но ведь это было в тысяча девятьсот шестнадцатом году...

— Оставим оборки! — решила Мария Ильинична. И стала снимать с Саши истыканное булавками платье.

Белов походил по комнате, отхлебывая глоточками чай. Усмехнулся, сказал:

— Удивительный народ эти женщины!.. Ну какая, к черту, разница — идти в загс в оборках или без них?..

— Вы-то. конечно, пойдете в загс без оборок! — парировала Мария Ильинична под общий смех. Звонко смеялась и Саша, стоя за раскрытой дверью, словно за ширмой, и переодеваясь.

— Послушаю, спит ли Владимир Ильич, — сказала она, когда смех утих.

И вышла. Белов проводил ее своим острым взглядом.

— Вас удивляет, что девушка хочет быть в день своей свадьбы нарядной? — спросила Мария Ильинична.

— Нет,— отвечал Белов.— Меня удивляет не это... Меня удивляет свадьба.

— Чья? Саши?

— Да. Откуда вдруг взялся жених, если его никогда раньше не было... Экий нежданный-негаданный... Молниеносный жених.

— Откуда? — Надежда Константиновна снова оторвалась от писем. — Вы когда-нибудь что-нибудь слышали про любовь, Григорий Михайлович?

— Все это, может быть, так... — раздумчиво протянул Белов и поставил стакан на стол. — Но вот уже третий день, как Саша какая-то странная... Что-то она хитрит...

Наступило удивленное молчание. Надежда Константиновна рассмеялась:

— Это Сашура-то!.. Григорий Михайлович! — с упреком добавила она.

Вошла Саша.

— Спит, — сказала она с обычной легкой своей улыбкой. — И тихо так спит... Так спокойно.

...В кабинете Владимира Ильича действительно было тихо. Однако Ленин не спал. Он лежал на кровати. На тумбочке стоял починенный Колей радиоприемник, а на голове Ильича были наушники. Ильич жадно слушал. Разноязычные голоса мира долетали до него, глуша и гася друг друга. И все же сквозь все помехи и шумы доносился сочный, холеный дикторский баритон.

Сначала мы слышим только английские слова, потом на фоне этих приглушенных слов звучит перевод:

— ...И то, что мы уже раньше неоднократно сообщали... Не является ли все это поводом для той бури, которая началась в России и к которой, затаив дыхание, прислушивается весь цивилизованный мир? Действительно, ведь Ленин не просто болен... Всего лишь два дня назад профессор Б., прибыв из Москвы в Берлин, заявил, что дни Ленина сочтены... И, конечно, как это всегда бывает, именно в этот момент началась борьба среди его приверженцев. Троцкий против Бухарина, Бухарин против Каменева, Каменев против Шляпникова и Преображенского... То, что не могли сделать орудия, направленные против большевиков, сделают эти распри. Все колеблется, в то время как умирающий Ленин лежит без движения в Кремле. Нам кажется, что...

Ленин снял наушники, положил их на тумбочку. Откинулся на подушки. А наушники на тумбочке продолжали попискивать и гудеть...

В столовой пили чай.

— Ну вот,— говорила, улыбаясь, Надежда Константиновна Белову.— Постепенно все проясняется. Значит, оказывается, вы тоже хотели жениться... Да еще на актрисе!

— Ну, а дальше, дальше-то что? — спрашивала Саша, глядя на Белова любопытными глазами и как бы умоляя его продолжать рассказ.

— Дальше — плохо, — сказал, махнув рукой, Белов.— Поехал нелегально в Россию с литературой, сел в каталажку, сбежал, опять сел... Ну-ка, плесните еще, — сказал он, протягивая стакан Марии Ильиничне.— А когда вернулся в Швейцарию, прошло... гм... кажется, лет семь или девять. Прихожу в театр — нету моей актрисы. Где? Неизвестно. Даже не помнят такой фамилии. Нет и нет!.. Так-то вот!.. А все-таки живет же где-нибудь в мире моя актриса? А? Как вы думаете? Ведь живет? — сказал он вдруг серьезно и грустно

— Какой вы чудный, Григорий Михайлович, — воскликнула внезапно Саша, кинулась к нему и крепко обняла его. — Никто вас не знает, а вы чудный! — с силой, просто и искренне сказала она.— Ну что у вас за пуговица на пиджаке? — досадливо спросила она. — От пальто! Дайте я перешью. Снимайте, снимайте!..

— А вот и Володя! — радостно поднялась Надежда Константиновна.

И вдруг все разом смолкли. Вид у Ленина был такой, что у всех перехватило дыхание.

— Что с тобой?! — Надежда Константиновна в тревоге подошла к нему.

— Завтра мы едем в Москву, — спокойно, но глухо сказал Ильич.

Все онемели.

— Ка-ак в Москву? — проговорил наконец Белов.

— Налей-ка мне чаю, дружок,— сказал Ильич Марии Ильиничне, садясь к столу.

— Что с тобой, тебе плохо? — в волнении держа его за руки, говорила Надежда Константиновна.

— Я абсолютно здоров,— Ильич нежно поцеловал ее в лоб. — Просто мы едем в Москву.

— Надеюсь, вы шутите, Владимир Ильич? — сухо спросил Белов.

— Нисколько.

— Вы никуда не поедете! — строго молвил Белов. — Я ответственен за вас перед Политбюро. Вам нельзя ехать, доктора категорически запретили. И вы не поедете! Или я сейчас позвоню в Москву.

Вдруг Ленин встал. Мы сразу увидели в нем человека той несгибаемой силы, который всегда перед нами, когда мы думаем об Ильиче.

— Звоните куда угодно, товарищ Белов! — сказал Ленин.— Я сказал, что поеду, и значит, поеду... Надеюсь, вы меня знаете, товарищ Белов?!

Знакомый нам цех большого завода, где Саша рассказывала рабочим о Ленине. Сейчас здесь буря — идет одно из тех партийных собраний, обсуждавших вопрос об оппозиции в партии, которые характерны для конца 1923 года. Цех набит людьми. Все в движении, все кипит.

Когда открывается эта сцена, стоит невероятный шум. Крики: «Вон, долой, гони его!» — обращены к представителю оппозиции, который стоит на небольшом возвышении. Оратор держится уверенно, с достоинством. Он что-то говорит, но его слов не слышно среди крика сотен людей. Председатель — тот самый секретарь комячейки Трофимов, который запретил Коле и Саше жениться, — тщетно бьет обрубком стальной трубы о станок, пытаясь успокоить собрание. Наконец шум утихает, и оратор получает возможность продолжать.

— Товарищи! — спокойно говорит он.— Криком рабочего человека не запугаешь. Мы не нервные, мы в тюрьмах сидели. Я такой же большевик, как и вы!

И снова вихрь криков:

— Братцы, чего он вкалывает-то?!

— Довольно! — кричит разгоряченный Коля из толпы рабочих.

— Не бузи! Дай человеку сказать!

— Цекисты хвастаются успехами, — выкрикивает оратор. — Но этих успехов добился рабочий класс

вопреки ЦК и партийному аппарату. Рабочей партии аппаратчики не нужны. Нас пугают, что без аппарата партия станет неорганизованной и безликой. Ложь! Демагогия! Клевета на пролетариат! Неверие в рабочее самосознание, в классовый инстинкт масс! Прямая дорога к гибели.

— Да что ты все гибелью-то стращаешь?! Погибай сам!

— Довольно! Гляди, взопрел!

— Слазь! — кричит багровый от возбуждения Коля.

Снова невероятный шум.

И опять видно: оратор что-то говорит, но слов не слышно.

И опять Трофимов барабанит о станок обрубком трубы. А когда наступает относительная тишина, говорит:

— Товарищи! Есть указание развернуть дискуссию. Так давайте же, товарищи, развернем. Только, товарищи, дисциплинированно. Говори, товарищ, но поясней! — обратился он к оратору.— А то ты, гляди, взмок, а все еще ничего непонятно.

Шум поутих, заговорил оратор:

— Дискуссии нам нужны не временные, а постоянные!.. Перенести полемику в массы! Все декреты предварительно обсуждать в ячейках. Демократия без ограничений, вплоть до свободы фракций. Не дергать, не руководить, не обязывать!

Оратор перевел дух. И в тишине раздался чей-то недоумевающий звонкий голос:

— Братцы, да ведь такой партии контра враз фитиль вставит.

Хохот. Коля заложил в рот три пальца и пронзительно свистнул.

— Долой!

— А ты чего?— толкнул его некий парень, стоявший рядом.

— Ничего! — яростно огрызнулся Николай.

— Дай говорить!

— Кому?! Этому?!

Парень с силой ударил его кулаком в грудь. Коля отлетел от удара к стене, ринулся на противника. За каждого вступились. Началась свалка.

И среди яростного шума свалки оратор взывал:

— ЦК вступил на опасный путь. ЦК нарушает заветы Ленина, пользуясь тем, что любимый наш вождь прикован к кровати и не может постоять за себя.

— Не трожь Ленина! — рабочий грозно двинулся к оратору.

— И ЦК не трожь!

— Сымай его, братцы!

Толпа, гудя, надвигалась на оратора, а он продолжал кричать, хотя его слова были едва слышны.

— Не запугаете! Мы стоим на единственно правильном, на партийном пути. Будь Ленин здоров, он был бы с нами!

— Нет, я не с вами! — раздался вдруг громкий, сердитый голос.

Многие услышали этот возглас и удивленно оглянулись. Было видно, как кто-то в пальто, в низко надвинутой кепке пробирается к возвышению для ораторов. Его сопровождали двое: женщина в длинном платье и коренастый мужчина.

Вот он показался на возвышении. Сдернул левой рукой кепку. И только сейчас, зато сразу, почти мгновенно, весь огромный цех стих, не веря своим глазам. Долго длилась эта странная тишина. И в тишине раздался чей-то наивный, радостный голос:

— Братцы! Это же Ленин!

И вновь тишина. Толпа чего-то ждала, затаив дыхание, не веря своим глазам.

— Он!.. Ленин! — крикнул кто-то. Это был Коля.— Товарищи, Ленин! — Удивленно и радостно повторил он.

И, словно это было сигналом, буря, шквал криков и аплодисментов разорвали воздух. Люди кричали, махали фуражками, смеялись и плакали, глядя на лысого человека, который стоял на возвышении и вытирал лоб кепкой, смятой в левой руке.

Крохотная комната в Горках. Здесь Мария Ильинична и Саша. Мария Ильинична говорит по телефону с Кремлем.

— Был в Кремле?! — встревоженно повторяет она слова, которые слышит. — А затем куда-то уехал?.. И Надежда Константиновна с ним?.. Как?! Уже часа три назад?..— все более и более тревожась, гово-

рит она.— Нет, его тут нет. Я говорю, не приезжал сюда... Странно, очень странно!.. Прошу немедленно сообщить, как только вы что-нибудь узнаете...— Она положила трубку на рычаг и взволнованно зашагала по комнате... Ничего не могу понять! Это внезапное решение ехать в Москву...— Она остановилась, озаренная внезапной догадкой.— Уж не сболтнули ли ему что-нибудь?..

— Да кто ж это мог сболтнуть? — с чистосердечным недоумением откликнулась Саша.

Мария Ильинична растерянно пожала плечами, подошла к окну и остановилась, глядя в парк.

Близилась ночь. Было уже совсем темно, светились только далекие огоньки. С силой и свистом ветер гнул верхушки деревьев да гнал по траве мокрые листья, завивая их в круг и унося в осень, в тьму.

Вдруг резко зазвонил телефон.

Мария Ильинична схватила трубку.

— Да-да... Я!.. Да, Мария Ильинична... — крикнула она в нетерпении... — Как?.. Что?.. На заводе?! — Она в недоумении взглянула на Сашу, продолжая жадно слушать. — Значит, он был на заводе?

— На заводе? — ошеломленно переспросила Саша и вдруг застыла.

Смутная догадка мелькнула у нее в голове, и эта догадка с каждым мгновением росла, становилась страшной правдой.

— На заводе? — еще раз переспросила Саша побелевшими губами.

А Мария Ильинична продолжала говорить в телефон, слушая чье-то сообщение.

— Узнал о собрании?.. Не может этого быть!.. Значит, ему кто-то сказал?.. — в гневе сказала она и тут же в ужасе проговорила: —В очень плохом состоянии?.. Едет в Горки?.. — Положила трубку, едва держась на ногах.

— Я так и думала! Кто-то сболтнул... Безжалостные люди!.. — жестоко и яростно проговорила она и вышла.

Саша шагнула за ней. Ни жива ни мертва поднялась по лестнице — ноги были, как ватные. Раздался знакомый автомобильный гудок. Саша рванулась к окну. Так же, как в первой сцене, с высоты окна было видно, как Надежда Константиновна, Мария Ильинична и Белов

выводят из автомобиля обессиленного Ильича и медленно вводят его в дом — шаг за шагом, шаг за шагом...

Ночь. Мягко, почти неслышно, постукивают большие старинные часы с циферблатом, украшенным знаками зодиака. Два часа ночи.

Это уже не просторный кабинет Ильича, а небольшая комната неподалеку от кабинета. Белые занавески. На столике пузырьки с этикетками.

На кровати недвижный Ленин. Глаза его закрыты.

Рядом на стуле Надежда Константиновна. Поодаль, возле столика с лекарствами, безгласная, словно окаменевшая, Саша.

Вот Ленин зашевелился, открыл глаза.

— Надя, ты?

Лампа, затененная абажуром, бросает неясные блики на Надежду Константиновну, склонившуюся над изголовьем.

— Я, Володя.

— Ну, вот видишь, как все получилось...— немного смущенно проговорил Ильич.

Он помолчал, в то время как Надежда Константиновна поправляла подушки.

— Ничего,— сказал он.— Все будет хорошо. Все будет хорошо...

И вдруг Надежда Константиновна заплакала. Она плакала, эта сильная, мужественная женщина, плакала горько, отчаянно, припав лицом к одеялу, и рыдания сотрясали все ее тело. Он медленно вынул из-под подушки платок, нежно приподнял ее голову и стал медленно вытирать ее слезы.

— Ну что ты плачешь, дорогая моя! — тихо сказал он.— Пойми: моя болезнь — это та же тюрьма. Четыре стены. Скованы руки,— он с трудом, медленно поднял правую руку, как бы иллюстрируя эти слова.— И трудно выкарабкаться... Но помнишь, что было самое страшное в тюрьме? Смириться! Вот так и сейчас. Станешь смирным — тогда конец, я знаю себя!.. А вот поехал в Москву, побыл у рабочих, и мне уже лучше. Гораздо лучше, чем все эти месяцы. Сашенция, нуте-ка чаю!

Он приподнялся и сел на постели. Саша выбежала за чаем.

— Теперь поправлюсь,— сказал Ильич.— Только не скрывайте от меня ничего! Ведь глупо же! Чушь, ребя-

чество! Негодяи хотят расколоть партию, а вы скрываете это от меня.

Быстро вошла Саша со стаканом чая в подстаканнике. Ильич принял из ее рук стакан, отхлебнул.

— Отличный чаек! — сказал он с наслаждением. — А каковы рабочие! Как они этого крикуна разделали, А? Вот это схватка! — продолжал он в восторге.— Кстати,— вдруг обратился он к Саше.— Привет вам от Коли. Мы с ним там виделись.

— С кем, с кем? — спросила повеселевшая Надежда Константиновна.

— Видишь ли, есть на земле некий Коля... — сказал Ильич, не сводя с Саши лукавых глаз.

Он не договорил. Стакан вдруг упал на пол и вдребезги разлетелся.

Лицо Ильича побелело от приступа сильной боли. Надежда Константиновна и Саша бросились к нему. Он лежал, откинувшись на подушки.

— Ну что, ну что? — проговорил он досадливо, едва слышно.— Что вы так испугались? Ну стало чуть хуже, а сейчас опять ничего... — говорил он побелевшими губами. Он затих.

Они бесшумно сели на свои обычные места ночного дежурства.

Тишина. Чуть слышно постукивали часы.

— Тюрьма! — проговорил вдруг Ильич.

— Володя, ты спишь? — забеспокоилась Надежда Константиновна.

Он не ответил. Опять пришла тишина.

— Тюрьма! — снова негромко сказал Ильич.— И невозможно выкарабкаться... Проклятая!..

Он замолк. Тихо стучали часы. Ильич задремал. Перед ним была пустая ночная стена — в неясных и слабых бликах. Вдруг она озарилась неверным и странным светом. Что это? Тюрьма?

...Да, тюрьма — петербургская «предварилка» на Шпалерной улице. Комната для свиданий. За решеткой, отгораживающей посетителей от арестованных, стоит совсем молодая Надежда Константиновна. Сколько лет утекло с тех пор? Много! Почти вся жизнь... Видимо, в тревожном полузабытьи пришли к Владимиру Ильичу

эти обрывки пережитого и бегут, бегут в ночной тишине, сменяя друг друга.

Стоит у решетки Надежда Константиновна, пришедшая на свидание к Владимиру Ильичу. Тюремный надзиратель неторопливо расхаживает по комнате, и, когда он несколько отдаляется, Ленин начинает быстро шептать. Мы видим юное лицо Надюши и слышим голос Ленина — самого Ленина мы не видим:

— Соколовского высылают этапом в субботу, а у него нет теплых сапог. Надо, Наденька, непременно достать... Передай через родственников Петрову, что я ему написал письмо. Спрятал в книгу «Апостол Павел», на странице тридцать второй. Пусть возьмет в тюремной библиотеке... А теперь держите...

В руку Наденьки молниеносно перешел крохотный комок тонкой бумаги.

— Две листовки вчера написал...— еще комочек,— четыре письма товарищам...— еще комок,— двадцать восемь страниц моей книги,— последний комок,— проект нашей программы... Прочтите и посоветуйтесь.

И голос надзирателя, обрывающий всю эту сцену:

— Время кончилось, прерываю свидание!

...И словно сразу погасло все — опять пустая ночная стена дома в Горках в неясных отсветах лампы. Вдруг, разорвав ее, распахнулись двери. Что это? Комната? Да. Она очень мала.

...Распахнул дверь высокий мужик-сибиряк. Он в сильном подпитии. Остановился в дверях, вглядываясь мутными глазами. В комнате почти темно, свет исходит только от маленькой керосиновой лампы.

— Хозяева дома? — спросил у кого-то вошедший.— Нету? Так-так... А ты все читаешь? — сказал он, обращаясь все к тому же, невидимому нам.— Ну, читай, читай!.. Трое у меня таких ссыльных жили... Вроде тебя. Один в чахотке усох... Другой повесился. А третий пить стал, до шайтанов допился, в буран померз... А ведь тоже спервоначалу книжки читали... Тут, барин, читай — не читай, а один вашему брату конец. Это тебе не котлетки жевать! Тут дело дремучее, лес. Сибирь.

Помолчав, хохотнул и, пошатнувшись, вышел.

Теперь мы увидели того, к кому он обращал свою речь. Ленин сидел у стола при слепом свете лампы,

читал. Как ни в чем не бывало перевернул страницу, когда говоривший ушел.

За окном была черная ночь. Шумела тайга. Играл ночной сильный ветер.

...Колыхнулась комната, все поплыло и закачалось, как на волне. Море! Горячее, южное, все пропитанное светом и солнцем.

Капри. На прозрачной, как небо, волне качается старая рыбачья лодка. В лодке Ленин, Горький и каприйский рыбак Джиованни Спадаро.

Спадаро учит Ленина, как ловить рыбу «с пальца», то есть лесой без удилища.

— Кози: дринь-дринь... Капиш? — говорит Спадаро.

Заколыхалась лсска, Ленин подсек, повел ее и, выхватив рыбу из морских глубин, закричал с восторгом ребенка и азартом охотника:

— Ага! Попалась! Дринь-дринь!

И Горький и Спадаро захохотали — так заразителен был смех Ильича.

— Дринь-дринь! — говорил, смеясь, Спадаро.— Синьор Дринь-дринь! — И он стал снимать рыбу с лески.

— Хороший мужик! — сказал про Спадаро Ленин.

— Чудесный! — отозвался Горький.— Он меня о вас спрашивал. Царь не словит его, говорит...

Оба они рассмеялись.

— И ловко работает! — сказал Ленин, с удовольствием наблюдая, как Спадаро орудует крючками и лесками.— Но наши работают бойчей,— сказал он, помолчав.

— Вот это, пожалуй, сомнительно,— возразил Горький.

Ильич покосился на него:

— Гм-гм... А нс забываете вы России, голубчик, живя на этой шишке? А? Хорошо тут на Капри, а всё тюрьма. В Россию вам надо, в Россию!

...И, будто ответствуя этому призыву, побежали колеса. Поезд. Но нет, это не русский поезд — не те вагоны, да и надпись на вагоне, обозначающая маршрут, не русская. Это немецкая надпись.

Купе захудалого галицийского поезда. Дело происходит в Австро-Венгрии. В купе несколько человек — коммерсанты средней руки, военные.

Один из пассажиров, пожилой офицер из военных

чиновников, похрапывает в углу. Всхрапнув, он просыпается. Осоловело оглядывается вокруг, взгляд его останавливается на ком-то, кто, видимо, сидит на противоположной скамье.

— Кто арестованный? — спрашивает он.

Мы не видим того, к кому обращен вопрос, но слышим ответ:

— Русский. Задержан, как подданный врага.

Офицер закуривает сигару.

— Ну, господин русский,— обращается он к невидимому нам человеку,— что вы скажете о делах на войне? Не пройдет и месяца, как французы перестанут стрелять.

— И отлично! — слышен ответ.

Несколько озадаченный офицер выпускает клуб сигарного дыма.

— А еще месяца через три развалится ваша армия.

— Совсем хорошо!

— Гмм,— мычит офицер.— Оказывается, мы с вами единомышленники. Прекрасно! Не выпить ли нам?

Теперь мы видим того, к кому обращено это предложение. Это Ленин. Он сидит рядом с жандармом, вооруженным винтовкой.

— Пожалуй,— говорит он.— Но только за то, чтобы развалилась также и армия кайзера. И английская. И ваша, австрийская.

— О!

— И чтобы не только французы, но все солдаты перестали стрелять друг в друга.

— О!!

— А стреляли бы в тех, кто затеял эту войну.

Молчание. И возглас из дальнего угла:

— Вот так русский!

— Он хуже русского! — кричит офицер.— Он против войны! В тюрьму!!

...И сразу лозунги на красных полотнищах:

— Долой грабительскую войну!

— Мир, хлеб, земля и свобода!

— Мир хижинам — война дворцам!

Это площадь возле Финляндского вокзала в день возвращения Ленина в Россию. Вечер. Факелы и про-

жектора над морем голов. Вот толпа загудела, колыхнулась.

Из дверей вокзала вышел с друзьями Владимир Ильич. Остановился, снял кепку.

Какой-то солдатик потянул Ленина за рукав:

— Идем!

Внизу, в пятнадцати-двадцати шагах, на панели стоял броневик.

— Залазь, — сказал Ильичу солдатик.— Дай подсоблю.

Он подсадил Ленина на капот броневика.

— Лезь на башню! — сказал он. — Чего ты? — ответил он на недоуменный взгляд Ильича. — Это не заграница, народу тут много. Надо, чтобы всем слыхать!..

...Владимир Ильич на башне броневика, в распахнутом пальто.

— Товарищи! — начал он.— Пролетарии всего мира следят, затаив дыхание, за революционным Питером. Вспыхнула величайшая из революций.

Грянули аплодисменты. Заколыхались транспаранты, закрыли кадр. А когда он вновь приоткрылся, перед нами была все та же стена ленинской комнаты в Горках, слабо освещенная лампой. Зашевелился на кровати Ильич, Саша бросилась к нему.

— Вам плохо, Владимир Ильич?

Он открыл глаза и некоторое время молча смотрел на нее. Потом медленно провел ладонью по ее волосам.

— Славная ты моя! — сказал он.— Ох, как мне нужно выздороветь! Хотя бы еще лет на пяток... Мне надо быть с партией. Надо! Сколько еще трудного впереди. Может быть, я хоть чем-нибудь да смогу ей помочь... Ну не пять, хоть два года... Только вот эта проклятая слабость! — проговорил он и откинулся на подушки.

Встрепенулась в кресле Надежда Константиновна:

— Что?.. Что случилось?

— Ничего,— с заботой и лаской сказал Ильич.— Все отлично. Спи, моя дорогая. Это я так, спросонок...

И вот уже зима. Отряхивает снег с валенок и полушубков рабочая делегация в прихожей дома в Горках. Надежда Константиновна говорит им:

— Только ненадолго, товарищи уральцы. Я вас очень прошу. Не надо его утомлять.

Вместе с Надеждой Константиновной члены делегации проходят в просторную комнату, где стоит елка, которую Ильич устраивал для детей местных крестьян.

Люди идут на цыпочках, в полной тишине. Вдруг нерешительно останавливаются: в глубине комнаты, возле огромного окна, выходящего в заснеженный парк, сидит на передвижном кресле Ильич.

— Что ж вы, товарищи? — слышится голос Ильича.— Подходите поближе, рассаживайтесь... Вот так... Ну, как из Златоуста доехали? Как с жильем в Москве? Устроили вас? — озабоченно спрашивает Ленин.

— Все хорошо... Устроились... Да вы не беспокойтесь, Владимир Ильич,— говорили, усаживаясь, рабочие.

Но когда расселись, настало молчание. Люди смущенно покашливали, потирали ладони, не зная с чего начать разговор.

— Нуте-с, рассказывайте, рассказывайте,— заговорил, заметив смущение, Ильич.— Да чего вы так? Правда, мы еще с вами мало знакомы,— пошутил он,— но...

— Есть у нас тут один,— сказал, улыбаясь, кто-то из рабочих,— говорит, что с вами знаком.

— Кто, кто? — спросил, обводя всех глазами Ильич.

— Да вот он, Мухин [1].

Крохотная комнатка Саши. Раскрытый баул, тот самый, который был в ее руках, когда она пришла в Горки. Саша укладывает в него свои вещи. Уложила платьице, сшитое Марией Ильиничной, зубную щетку, домашние туфли, одеколон. И каждую вещь, укладываемую в баул, сопровождала тяжелым вздохом.

— Значит, прокатный цех имеет сейчас три стана,— заканчивает Мухин свой рассказ Ильичу,— красносортный, мелкосортный, листопрокатный,— продолжал

[1] Персонаж одного предыдущего в фильме кинорассказа о Ленине.

он, не замечая, что вошла Надежда Константиновна и встала за стулом Ильича, давая понять, что время беседы истекло.— А мартеновский цех мы вовсе заново выстроили. Все своими руками.

— Молодцы! — от всего сердца воскликнул Ильич.

— Захвалите, Владимир Ильич, — возразил, улыбаясь, один из рабочих.

— Сейчас хвалю, а когда-нибудь, может, и поругаемся,— весело отозвался Ильич.— Великолепно, товарищи! Господа капиталисты уверены, что мы без них ничего не сумеем сделать. Придем на поклон. Как бы им не пришлось нам кланяться,— воскликнул он.— И поклонятся, вот увидите, дайте срок! — оживленно, с сердитым блеском в глазах, говорил Ильич.

Саша, уже по-дорожному, в жакетке и косынке, стояла возле закрытых дверей чьей-то комнаты. Постучалась.

— Григорий Михайлович, можно к вам?

Вошла в комнату и в нерешительности остановилась.

Белов сидел за столом и вырезал из куска твердого дерева курительную трубку. Сразу видно, что Саша сильно взволнована:

— Григорий Михайлович... Я давно... хотела... вам... это... сказать...— она запиналась после каждого слова,— но все не решалась. Струсила! — сказала она с нескрываемым отвращением к самой себе.— А теперь решила сказать и уйти из Горок.

Белов как ни в чем не бывало продолжал строгать края трубки.

Она с трудом выдавила из себя:

— Вы ведь знаете,— был такой Коля...

Белов поднял голову, как бы припоминая.

— Действительно был такой Коля,— ответил он,— или что-то в этом роде... Ты даже, кажется, хотела пойти с ним в загс?

— Теперь все кончено, Григорий Михайлович! Навсегда!! Это ничтожество и болтун.

Белов опять принялся за трубку. Она собрала все свои силы для окончательного признания.

— Григорий Михайлович... Помните. Владимир Ильич уезжал в Москву... На завод? И вернулся совсем

больной? Так это я во всем виновата. — Она перевела дух.— Это я привела сюда в дом этого болтуна, и он все разболтал Владимиру Ильичу,— произнесла она.

— Так, так-так,— Белов внимательно осмотрел свою трубку.— А провела ты его сюда как?

— Владимир Ильич нашел в заборе пролом... Шутил над вами, — не без ехидства добавила Саша. — «Белов, мол, уверен, что он великий хитрец. Так я, говорит, хитрее его».

— Так и сказал? — Белов перестал вырезать.

— Так, Григорий Михайлович.

— Ну, вот что,— Белов снова взялся за трубку.— Заметь-ка при случае Владимиру Ильичу, что хотя он искусный подпольщик, а я всего-навсего простофиля, но я отлично все знал. И что твой Коля тут был. И что разболтал. И что приемник чинил.

— Какой приемник? — Саша ошалело уставилась на Белова.

— Вот этот самый,— Белов вынул из ящика стола знакомый нам приемник.—И, кстати сказать, отвратительно починил. Я с тех пор сам чиню.

— Вы знали о Коле? — обомлев, проговорила Саша.— И никому ничего не сказали?

— Да.

— Но как же так? Ведь это просто ужас!.. Владимиру Ильичу необходим абсолютный покой.

— Видишь ли, — Белов отложил трубку в сторону. — Сначала я тоже так думал. А потом понял, что разный бывает покой. Да разве же может жить Ленин, ничем не интересуясь, не стараясь узнать, что творится вокруг? — Белов встал, и странно было слышать силу и страсть в его обычно спокойном и тихом голосе.— Жить, как в колодце, глотая пилюли, вымаливая у смерти лишний час, словно подачку... Ленин!.. Нет!! — крикнул он, как бы обрубая самую мысль, что Ленин может так жить.— Да мы бы давно убили его, если бы отняли у него борьбу и людей!..

...— Ну, помню я этого Мухина, теперь превосходно помню!..— говорил Ленин.

Он уже был у себя в комнате. Тут же была и Надежда Константиновна.

— Такой крестьянский солдатик! Из самых захолустных... А вот теперь — мастер цеха. Златоустовский металлург! — с гордостью произнес Ильич.— Да, домны, мартены, прокат — это, конечно, отлично. А все-таки, главное — это Мухин! — с какой-то глубокой, гордой, счастливой улыбкой закончил Ильич.

— А теперь почитай мне, Надюша,—заметил Ильич.— Ничего, просто устал. Читай, дорогая.— Он опять помолчал.— Джека Лондона... «Любовь к жизни». Там, где ты утром остановилась.

Надежда Константиновна раскрыла книгу и стала читать:

— «Он сел и стал думать о самых неотложных делах. Обмотки из одеяла совсем износились, и ноги у него были содраны до живого мяса. Последнее одеяло было израсходовано. Шапка тоже пропала и вместе с ней спички, спрятанные за подкладку. Он посмотрел на часы. Они все еще шли и показывали одиннадцать часов. Должно быть, он не забывал их заводить»...

Саша на цыпочках вошла в пустой просторный кабинет Ленина. В руках у нее был радиоприемник. Пока она водворяла его в ящик письменного стола — место, очевидно, указанное ей Беловым, из соседней комнаты отдаленно звучал мерный голос Надежды Константиновны, продолжавшей читать:

«...Взошло яркое солнце, и все утро путник, спотыкаясь и падая, шел к кораблю на блистающем море. Погода была прекрасная. В этот день он сократил на три мили расстояние между собой и кораблем, а на следующий день — на две мили. К концу пятого дня до корабля все еще оставалось миль семь, а он теперь не мог пройти и мили в день...».

Саша задвинула ящик, вышла из кабинета, вошла в комнату, где были Ленин и Крупская, и тихонько села на свое обычное место.

Мы не видим ни Крупской, ни Ленина, мы видим только Сашу и слышим голос Надежды Константиновны:

— ...«До корабля оставалось теперь мили четыре, не больше. Он видел его совсем ясно, видел и лодочку с белым парусом, рассекавшую сверкающее море. Но ему не одолеть эти четыре мили. Судьба требовала от него слишком много... Он закрыл глаза и бесконечно бережно собрал все свои силы... Он крепился...».

Голос Надежды Константиновны внезапно и разом умолк. Это было так странно и неожиданно, что Саша испуганно подняла голову. Секунда мертвой и страшной тишины, и вдруг отчаянный крик Надежды Константиновны. Саша вскочила.

Книга как камень упала на пол. Упала, да так и осталась лежать.

...На экране — темнота. Длинная, долгая темнота.

И медленно из темноты стол, накрытый клеенкой. Чашки, стакан в подстаканнике, старенький самовар.

Это знакомая нам столовая, где мы видели семью Ильича и где Мария Ильинична шила какое-то платье для Саши. Теперь комната пуста — за столом ни одного человека.

Только у дверей стоят Белов, Саша и комендант. Вот комендант закрыл дверь, вложил ключ в замочную скважину.

Поворот ключа, и дверь заперта.

И еще, еще повороты ключей —одна за другой замыкаются двери горкинского дома.

Вот закрыта комната, где мы видели Ленина с рабочими и где все еще стоит елка.

Закрыта «диванная», где стоял гроб Ленина и где на полу видны остатки хвои.

Трое людей, что закрывают пустой горкинский дом, в котором уже нет Ленина, стоят в дверях просторного кабинета Ильича.

Все такой же этот кабинет. Все на месте, но Ленина нет.

Все так же далеко за окном простирается горкинский парк. Но Ленина нет.

Все так же лежат бумаги и карандаш на столе. Но Ленина нет.

И уткнулась вдруг в угол двери Саша, изо всех сил стараясь побороть рыдания...

...Затворилась за нами дверь — за нами, потому что мы остались в ленинском кабинете.

Щелкнул замок, раздался характерный звук повернутого в скважине ключа. За дверью послышались удаляющиеся шаги. Далеко-далеко хлопнула дверь, видимо, выходная. И все смолкло. Пустой, запертый дом.

Только мы одни во всем доме. Мы в кабинете. На ка-

лендаре двадцать первое января, — день смерти Ленина. На часах — они остановлены — без пяти минут шесть.

Но что это? Чей-то неясный, далекий голос начинает вдруг слышаться в тишине. Голос крепнет, растет.

— Двадцать первого января окончил свой жизненный путь товарищ Ленин. Умер человек, который основал нашу стальную партию, строил ее из года в год, вел ее под ударами царизма, обучал и закалял ее в бешеной борьбе с предателями рабочего класса, с колеблющимися, с перебежчиками...

Чей это голос? Это — радио! На столе стоит приемник, и сквозь наушники слышен голос приглушенный и скорбный, как голос страны в эти страшные дни.

— Но его физическая смерть не есть смерть его дела. Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина... Ленин живет в сердце каждого честного рабочего...

Лежат книги, которые читал Ленин. Вот и томик Лондона с рассказом «Любовь к жизни». Лежит пенсне Ленина на шнурке.

Палка Ленина — он опирался на нее, когда гулял по парку.

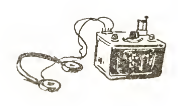
Звучит голос из радиоприемника:

— Ленин живет в сердце каждого крестьянина-бедняка. Ленин живет среди миллионов колониальных рабов.

Передвижное кресло, в котором сидел Ленин, покрытое стареньким пестрым пледом. Пузырьки лекарств с этикетками. И такая знакомая каждому — помятая серая ленинская кепка.

А голос по радио звучит все громче и громче:

— В европейской развалине мы являемся единственной страной, которая под властью рабочих и крестьян возрождается и смело смотрит в свое будущее... Боритесь, как Ленин, и, как Ленин, вы победите!..

КОММУНИСТ

Идет поезд по бесконечным просторам, мимо станций с выбитыми окнами, мимо паровозных кладбищ, заколоченных водокачек. Нависли мешочники на его вагонах. Он идет мимо платформ, забитых военным и штатским людом. Впрочем, не отличишь, кто военный, кто штатский: все в шинелях, в обмотках и башмаках.

— Эту историю, которую я хочу вам рассказать,— звучит голос повествователя,— я слышал от моей матери. Она рассказывала мне ее несколько раз, и все же многое теперь выветрилось из моей памяти, спутались даты, фамилии, вероятно, перемешались события, но все же я расскажу ее, как помню.

— Свершилась Октябрьская революция, настал трудный год. Стояли заводы, фабрики, не было топлива, электричества. Редко ходили поезда, и только мешочники кочевали по русской земле, голодной, побитой пулями, сожженной пожарами.

— И вот в эту-то грозную пору, когда, казалось, все думы были о фронте, Ленин решил начать стройку первых советских электростанций. Одна из них строилась возле деревни, которую я назову здесь Загорой.

— Весной со всех сторон сюда потянулись люди.
— С этих дней моя мать обычно и начинала рассказ.

Остановился поезд на полустанке. Повысыпали из поезда люди.

Они идут по дорогам, среди болот, среди редкого низкорослого леса, крючковатых кустов. С сундучками, пилами и топорами, обернутыми в рогожу, с плотничьими инструментами в ящиках — плотники, землекопы, каменщики. В сапогах, в военных ботинках и обмотках, в лаптях, в одежонке, оставшейся от развалившихся фронтов империалистической войны,— в штанах и шинелях, прошедших бесчисленные базары, вымененных или купленных. Много женщин в полукрестьянской, полугородской одежде.

Группы идут по большаку, рассыпаются по поселкам и призагорским селам, мельчают. Остаются одиночки.

Вот медленно ковыляет молодой парень в шинели. Идти ему трудно: болит нога. Остановился, потер ногу, опять пошел.

Впереди, далеко над лесом, всколыхнулся неясный багровый свет и заиграл под низкими серыми облаками. Парень окликнул мастерового, который шел той же дорогой и обгонял его:

— Э, браток, слышь! Ты здешний?

— Со стройки.

— Гляди, что это? Никак, пожар?

Тот равнодушно поглядел на багровый отсвет.

— Горит...

— А где?

— Надо быть, торф горит...

Хромой парень беспокойно спросил:

— Это как же — поджог? Или что?

— А кто его знает... Дело это тут частное. Может, с цигарки, а может, кто балует.

— Балует! — передернул плечами парень.— С жильем у вас как? Для приезжих?

— В землянках живут... А то по деревням... Народ тут бедный, им деньги нужны. Болотный народ! Сарпинку ткут да на торф артелями ходят.

— Так на квартиру примут?

— Постучись, может, примут.

И вот парень — это Василий Губанов — идет по улице плохонького сельца Теребеевки. Почти возле каждой избы стоят приехавшие с поездом на стройку люди и просятся на постой. Но, видать, без успеха, потому что отходят от окон и бредут дальше.

Василий свернул с улицы влево. Глухой переулок, пусто. Василий постучал в окно.

— Не стучи, нет местов!

Постучал в другую избу. Мужской голос спросил:

— А платить чем будешь?

— Чем платят? Деньгами.

— Деньгами не подойдет...

Третье окно. На стук показался невысокий мужчина, востроносый, с пугливыми глазами.

— Чего гремишь?

— Послушай, хозяин, пусти в избу... Я сахар дам.

— Без тебя полон дом народу.

— Я в ногу раненный, понимаешь? С фронта.

Мужичонка пощупал его глазами.

— А про сахар врешь ай нет?

Василий вынул из дорожного мешка кусок сахару. Мужик — звать его Федор — попробовал на зуб. Действительно — сахар без обмана и фальши.

— Заходи.

Изба неказистая. Стол, скамьи, ткацкий станок. За столом ужинают — едят из одного котелка тощие щи — двое постояльцев: молодой парень Степан и другой человек, весьма странный — длинные, как у попа, волосы, борода, усы. Степан зовет его Расстригой.

Хозяйка Анюта, совсем еще молодая женщина, в черной кофте, черной юбке, с платочком на голове, худенькая, стройная, прислуживает им. У Анюты плавные, неторопливые движения. Крепкие, упругие ноги, к которым словно приклеены зрачки Степана.

На полу спит третий постоялец — маленький, в солдатской шинели — Денис. Четвертый жилец — пожилой, солидный Семен — сидит в углу и чинит сапог, подбивая подметку тяжелым плотницким молотком.

— Гляди, Анюта,— сказал Федор и показал жене сахар.— Вон, устраивайся,— кивнул он Василию на пол рядом с Денисом. Сел за стол и взял ложку.

— Если жить у нас будешь — весь паек мне,— сказал он.— И деньжат подбросишь.

Василий вяло кивнул — видно было, что он очень устал с дороги.

— Есть хочешь — садись,— бросил Федор.— Анюта, дай ему ложку.

— Не надо,— сказал Василий.

Начал снимать сапоги. Скривился от боли.

— Ай болит? — участливо спросила Анюта.

— Побаливает.

Из бутылки, спрятанной под подкладкой пиджака, Расстрига налил себе полный стакан разбавленного спирта и плеснул чуть-чуть Федору и Степану. Выпили.

— Эй, хромой! — окликнул Расстрига.— Ты откуда? С фронта?

— С фронта.

— А верно, что генералы Харьков взяли?

— Не знаю...— Василий лег на шинель.— Не слыхал.

— Факт — взяли! — крикнул Степан.— «Не знаю»! — передразнил он Василия.— На Москву идут. Факт!—Он крутнул головой и захохотал.

Вообще был он парень смешливый, все время смеялся, и не всегда можно было понять — почему.

— А ты чего радуешься? — оторвался от своего сапога Семен, обращаясь к Степану.— Ты ведь в коммунисты хотел.

— А что ж... Может, и запишусь... Не все разом!.. Верно, Анюта? — И Степан ласково вытянул по спине пробегавшую мимо Анюту.

— Ну ты, играй! Кобель! — тонким, злым голосом крикнул Федор.

— А тебе-то что! — засмеялся Степка.— Тебя ж все одно повесят.

— Это за что? — Федор перестал жевать.

— А как же! — поддержал Степку Расстрига.— Ты помещиков громил? Громил.

— Так ить все громили.

— Ну всех вас и повесят. Разве деревьев мало?.. Правильно я говорю, солдат? — обратился Расстрига к Василию.— Деньги есть? Иди выпей.

— Неохота,— ответил Василий.

Семен отложил сапог, подошел к столу, отслюнил деньги.

— Ну-тка, мне...

Не вынимая бутылки из-под подкладки, Расстрига налил себе и ему. Выпили.

— Сильна! — крякнул Семен.— Откуда взял?

— Бог послал.

— Бог доски послал к нему на склад, а он их на спирт выменял,— сказал, хохоча, Степан.

— Ну, ты! — вскинулся на него Расстрига.— Язык-то попридержи!

— А что?

— А то! Враз обрублю!

Забормотал лежавший на полу Денис:

— Эх, эх... люди!.. Народ на фронтах помирает... А он на складу сидит... Совести нету!

Василий лежал и курил. При словах Дениса он сочувственно взглянул на него. А Степка накинулся на Дениса.

— А тебе чего надо? Аника-воин?

— Постой, постой! — грозно сказал Расстрига.— Это у кого совести нету?.. Эй,— окликнул он Дениса.— Это у меня нет?.. А у них совесть есть? Церкви закрыли, ни хоронить, ни крестить, ни до бога помолиться. Народ голый ходит.

Бегала, убирая со стола, Анюта.

— Что правда, то правда,— сказал Семен.— Дегтю нет, ситцу нет, хлеба нет...

— Долго ли дело таким вот все растащить,— бормочет с полу Денис, кивнув на Расстригу.

Тот, не говоря ни слова, вдруг со всего маху бросает в него пустую бутылку. Бутылка о стену и — вдребезги!

— Ты что? Ты кто такой? — кричит Денису Расстрига.— А?.. Кто такой? Насобачились агитировать!.. *(Федору.)* Гони его в шею!

Степка хохочет.

Федор. Слышь, что ли!.. Как тебя... Денис... Ты чего это?.. Зачем обижаешь?

Денис *(спокойно поворачивается на другой бок к стене)*. Ладно, завтра домелем...

Степан *(поддразнивая и натравливая Федора)*. Чего глядишь! Наддай ему хорошенько!

Федор — он в подпитии — встает. Анюта удерживает его.

— Не надо, Федя.

Федор. А чего он людей обижает!

Расстрига. Ладно! Таперича недолго... Бог, он все видит, мать их так!

Громкий стук в окно. Чей-то голос:

— Эй!

Федор *(Анюте, в сердцах)*. К бесу их! Скажи, что и так полно. Надоели.

Анюта *(в окно)*. Полно у нас... Полно...

Голос *(из-за окна)*. Партийные есть?

Все притихли.

Анюта. Чего-чего?

Голос. Коммунисты есть, говорю?

Анюта *(растерянно)*. Коммунисты?

Федор *(резко)*. Какие еще коммунисты! Нету тут...

Анюта *(в окно)*. Нету тут...

— Постой,— проговорил Василий. Встал, подошел к окну.— Я партийный.

— В контору, на собрание.

Молча вернулся Василий обратно, натянул сапоги. Все, раскрыв от изумления рты, глядели на него. Василий накинул на плечи шинель.

— Эй, мил человек,— забормотал Федор,— ты это... как бы это... Может, щец поешь на дорогу-то?

— Не надо. Спасибо,— сказал Василий и вышел.

Плачет-заливается грудной ребенок. Качает его на руках мать.

— А-а-а-а!..

Но младенец продолжает надсадно, надрывно, сердито пищать.

Происходит это за пологом крестьянской избы, в которой временно помещается контора загорской стройки.

А в самой избе идет партийное собрание — семь человек, включая Василия: вот и все коммунисты.

Говорит Хромченко, партийный руководитель стройки. Он чем-то напоминает Я. М. Свердлова — пенсне на шнурке, кожаная куртка. Худой, обросший, бледный от бессонных ночей.

— Что ни день — пожар на болотах,— сердито хри-

пит он.— Товарищи говорят — случайность... Но все-таки, черт побери! Случайность — раз, случайность — два... Опять же — воровство. Из Москвы нам шлют материалы, а назавтра, глядишь, они на базаре. Что это? Тоже случайность?!.. Да угомони ты его, боже мой! — крикнул он хозяйке за полог.

И хозяйка еще энергичнее заныла:

— А-а-а-а!..

А младенец еще пуще начал пищать.

— Несерьезно все это как-то у нас...— сказал Хромченко, морщась от писка.— Ведь белыми взят Харьков. Отрезан донецкий уголь... Торф нужен Москве. Электроэнергия... И вот, товарищи, мы...

Снова изба Федора. Все тут уже спят: Расстрига вместе со Степкой на одной лавке, Семен и Денис на полу. За пологом на супружеской кровати рядом с Анютой лежит Федор. Его бессонные глаза так и бегают — множество разнообразных идей толпится у него в голове.

— Анют, а Анют! — шепотом окликает он жену.

— Что?

— Слыхала про генералов-то?

— Ага.

— Беда! — охнул Федор.— Надо бы хоть сарпинку из дома вынести да в сарае зарыть. Все поспокойней. Слышь, Анюта?

— Да надо бы!..

— О господи, святые угодники! — забормотал Федор.— Спрячем сарпинку в сарай, а после Троицы поеду ее на сало менять. Под Курск.

— Это где же Курск-то он?

— Да лях его знает!.. Петька приехал, говорит, там хорошо за сарпинку дают. Как думаешь? — беспокойно спрашивал он жену.

— Не знаю, Федя... Делай как лучше.

...А в другой избе по-прежнему пищал ребенок, и Хромченко говорил:

— Нужно, товарищи, чтобы у нас на каждом участке был острый и беспощадный партийный глаз. Авдеева надо на конный двор — там из-под носа воруют. Верно

я говорю, Александр Васильевич? — обратился он к начальнику стройки.

Начальник стройки Александр Васильевич Зимний, плотный мужчина с большой окладистой бородой, суровый, немногословный, сказал:

— По-моему, так.

— И вот еще вновь прибывший товарищ... Как тебя звать? — спросил Хромченко, раскрывая партийный билет Василия.

— Губанов.

Василий встал.

— Что делать умеешь?

— Слесарить... Ну, может, плотничать помаленьку... Землю рыть... Все могу.

— А весы знаешь?

— Какие весы? — Василий в недоумении.

— Как — какие? Товары вешать.

— А зачем мне их вешать? Я рабочий, а не весовщик.

— Вот и пойдешь работать на склад, коли рабочий.

— Да на что мне ваш склад?! — Вспыхнул Василий. — Смеетесь вы, что ли? Я кровь проливал, а теперь селедками торговать!!.. Не буду! Отдай партбилет!

— Кровь проливал! — гаркнул вдруг Зимний да таким громовым голосом, что все вздрогнули и уставились на него.— На фронте! А мы что, дурака тут валяем, потвоему?! Кровь проливал! Кланяйтесь ему в ножки!.. Отдай ему партбилет! — крикнул он Хромченко.— Не хочет — не надо!

Но Хромченко отстранил руку Губанова и голосом странной силы, столь удивительной в щуплом, чахоточном человеке, сказал Василию:

— Пойдешь на склад. Понял?

•

Промозглое, туманное, болотное утро. Пропыхтел поезд узкоколейки, и вместе с ним мы проехали вдоль бескрайних торфяных участков, где работали женщины.

Вот и поселок на озере. Тут идет стройка электростанции и городка. Шагает по единственной улице городка Василий. Шагает мимо бараков, мимо Народного дома и магазинов. Все это еще только строится, все это — в будущем. Пока же шум, суматоха, хаос стройки.

Вот большой котлован, где трудятся землекопы с тачками и где полощется на ветру красный транспарант. Вверху транспаранта надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» А внизу: «Здесь будет электростанция».

Неподалеку материальный склад строительства — засыпной барак из теса. Когда Василий подошел туда, из широких дверей несколько человек выносили какие-то мешки. Другие, приехавшие с участков за разными материалами, ожидали своей очереди. Василий остановил людей, выносивших мешки.

— Погоди! Давай назад!

Удивленные и озадаченные, те подались назад, в склад.

— Положьте! — приказал Василий.

Те сбросили мешки с плеч.

— Выйдите! — указал на дверь Василий.

Ничего не понимая, грузчики переглянулись, вышли.

Василий плотно закрыл за ними дверь.

— Эй, гражданин,— удивился один из складских.— Ты чего это! Чего командуешь?

Василий не отвечал, проверяя содержимое мешков.

— Яков Пантелеевич! — позвал складской.

Из дверец конторки показался Расстрига.

— Товарищ! — строго обратился он к Василию, который уже ходил по складу, рассматривая товары и полки.— А ну, выдь отсюда.— И тут же, узнав Василия, изменил тон.— А, сосед!.. Здорово, сосед... Вам чего нужно?

Василий не ответил. Он продолжал как ни в чем не бывало ходить по складу.

— Слышь-ка, товарищ, кому говорят! — построже заметил Расстрига.— Так не положено. Здесь казенное имущество.

— Ключи у тебя? — спросил Василий.

— А что такое?

— Давай сюда.

— Гляди, я сторожей закричу!

— Ключи давай, говорю,— сказал грозно Василий и шагнул к нему.

В это время, наскучив ожиданием, забарабанили снаружи в двери нетерпеливые клиенты.

— Ну-ка, откинь засов, кликни народ,— приказал Расстрига одному из складских.

— Стой! — грянул Василий так, что складской сразу замер на месте.— Отойди от дверей!.. Вот мандат,— протянул он бумагу Расстриге.

Тот, даже не взглянув на мандат, повернулся к выходу.

— Обожди! — Василий поднял обе его руки вверх и стал обыскивать карманы.

Расстрига стоял с поднятыми руками и бормотал:

— За что обижаешь-то?.. Бога ты не боишься... Брехня это все. Брехал про меня Степка. Вот истинный бог, святая икона.

Найдя у него за подкладкой пиджака шурупы, Василий так толкнул его к дверям, что Расстрига не удержался на ногах.

— Мотай отсюда! — сказал сквозь зубы Василий.— И вы тоже! — повернулся он к складским.— И чтоб за сто верст духом твоим не пахло,— опять обратился он к Расстриге.— А если встречу — ой, берегись!!

Расстрига встал, отряхнул пыль со штанов.

— Ну это уж как придется,— негромко сказал он. Огненные глаза его так и сверкали.— Может, бог даст, еще и встренимся.

И выскользнул в дверь. Ушли и складские.

Василий открыл двери склада пошире. Оглядел очередь. Сказал:

— Ну, кому чего?

Зажужжали голоса, и первый из очереди протянул бумагу.

— Вот наряд. Гвозди.

Василий вошел в склад и в поисках гвоздей начал передвигать ящики и мешки, перекатывать бочки.

Начальник строительства Александр Васильевич Зимний шел по тому участку стройки, где производилась корчевка кустарника и мелколесья. Народу тут было немало, но работало только несколько человек, в том числе Семен и Денис. Остальные бездействовали. Степан, например, лежал и курил.

Александр Васильевич Зимний спросил:

— Почему лежат люди?

— Топоров нет.

Зимний подошел к Степке.

— Встаньте.

— А вы кто сами-то будете, не знаю, как величать? — смешливо спросил Степан, оглядывая народ и приподнимаясь на локте.

— Начальник строительства.

Степан встал и дурашливо подмигнул рабочим.

— Обознался, простите... Командиров тут много, хоть землю трамбуй.

— Топоров бы нам, товарищ начальник,— сказал Денис.— Топоров нет. Люди вон есть, а топоров не хватает.

— Как это — нет топоров? — удивился Александр Васильевич.— Ведь на днях привезли. Сейчас же ступайте на склад, там теперь такой Губанов сидит. Скажите, что я велел выдать.

— Ага. Скажу, что от вас.— Денис быстро пошел по дороге к поселку.

Степан кинулся его догонять.

— И я с ним!.. А то куришь, куришь, аж дым из ушей идет.

Возле склада стоял шум, столпилось много народу. Некоторые приехали за материалами на подводах. Слышались нетерпеливые голоса:

— Чего там возишься? Давай скорей. День тут стоять, что ли?

Наконец в дверях склада появился Василий, потный, измученный, весь в мелу и известке.

— Кто гвозди просил? Нету гвоздей.

— Как — нет? — рассердился тот, кто просил гвозди.

— А черт их знает, нету вот!

— Как — черт их знает? Который день — и все нет.

А вокруг уже слышались возгласы:

— Ты вот что, мил человек, давай отпускай олифу.

— Известку!

— Да постойте вы! — досадливо кричал первый, кто протянул Василию наряд на гвозди.— Я первый стою. Гвозди давай! — кричал он Василию.

— Погодите, товарищи, дайте разобраться.— Василий провел ладонью по потному лбу и снова исчез в недрах склада.

А вдогонку неслось:

— Что же тут, стройку остановить, пока ты разберешься?!

На складе царил беспорядок: видно было, что в поис-

ках гвоздей Василий передвинул с места чуть не все мешки и бочки. И теперь он снова начал, надрываясь, передвигать и осматривать их в надежде все же сыскать гвозди. Снаружи доносился горячий, нетерпеливый шум. А Василий, все более покрываясь известковой и меловой пылью, волочил с места на место ящики и огромные кули.

Шум за стеной превратился в протестующий рев, и в склад ввалились Денис и Степан, видать, после сильного скандала с очередью.

В полутьме они некоторое время слепо торкались о ящики и мешки.

— Эй, который тут есть Губанов?

Из-за горы товаров показался измазанный, потный, несчастный Василий.

— Гляди, Денис! — изумился Степан.— Вот он, Губанов-то кто! А Расстригу куда девали?

— Уволился,— хмуро ответил Василий.— Вам чего тут? — добавил он неприветливо.

— Видал, Денис? — в полном восторге сказал Степан.— Не успел рожу с дороги помыть, а уже на складе сидит. Ловко. Вот оно, коммунисты-то!! Запишусь. Факт — запишусь!

— Вам чего здесь надо, я спрашиваю? — озлился Василий.

— За топорами мы, друг... Вот оно что...— объяснил Денис.

— Топоры? — Василий растерянно огляделся.— Топоров чтой-то не видно...

— Как — не видно, когда их на днях привезли! — Степка удобно уселся на бочку и поощрительно кивнул.— Давай, давай, брат, ищи. Сам главный велел. Без очереди.

И снова Василий в поту стал передвигать мешки и перекатывать бочки, на сей раз в поисках топоров. Денис ему помогал. А Степка сидел на бочке, болтая ногами и выбивая по бочке ладонями дробь в такт мотиву, который он напевал.

— Слушай, Губанов, продай галифе,— крикнул он, оборвав мотив.

— Чего? — Василий вместе с Денисом отодвигал тяжелый ящик.

— В комиссары собирается,— ответил, посмеиваясь в усы, Денис.

— Чего смеешься-то? Факт! — серьезно обиделся Степка.— Вот только куплю галифе — и в партию. Как же так — в партии и без галифе!

Снаружи донесся неистовый шум. Десятки рук забарабанили в дверь. Василий вышел. И сразу тот, кто стоял первым в очереди и уже давным-давно предъявил наряд на гвозди, обрушился на него:

— Будешь ты отпускать гвозди ай нет?!

— Я сказал тебе: нету гвоздей.

— Хрен ты у него получишь! — громко, на всю толпу произнес чей-то язвительный голос.— Ты к нему с заднего хода зайди.

И тут же целый шквал криков:

— Это верно?

— Спекулянты, черти проклятые!

— Ленин сюда материалы шлет, а они их — на базар!

— На базаре вон сколько хошь гвоздей.

На крик выскочили из склада Денис и Степан.

Шквал нарастал.

— Самогонщики!

— Рабочий народ всю душу кладет, а эти...

Какой-то резвый мужичок подскочил к Василию и закричал:

— Вор ты! Вор! И морда у тебя воровская! Чего глядишь на меня?! Вор!..

— Ну ты, потише! — не сдержавшись, крикнул Василий и шагнул к мужичку.

А мужичок чуть отскочил от него и продолжал орать:

— Чего — потише!.. Мне бояться некого! Вор! Чего глядишь на меня?! На вот тебе!! — И харкнул Василию прямо в лицо.

Толпа замерла.

Василий рванулся к резвому мужичку, но Денис оттащил его, истошно крича:

— Стой, стой, братцы! Нельзя так... Он только назначен. За что вы его так сразу? Он только первый день...

Василий опомнился, резко повернулся, отбросил Дениса, вошел в склад и с силой захлопнул дверь.

Здесь в полутьме он подошел к стене и прислонился к ней головой. На глазах у него были слезы.

Так он стоял некоторое время, мотая головой, стиснув зубы.

Потом утер обеими ладонями лицо от плевка, вытер глаза, пошел к дверям, открыл их.

— Ну, кто за олифой!.. Давай!

Изба Федора. Как и в предыдущую ночь, все уже улеглись по своим местам, нет только Расстриги и Степана. Василий сидит за столом, читает книжку при свете коптилки. За пологом Федор и Анюта. И снова бегают бессонные Федоровы глаза.

— Нынче Чернобородый рассказывал,— бормочет он. — Ленин, говорит, сбежал. Слыхала?..

— Может, брешут...

— О господи, матерь божья!.. Мозга за мозгу заходит... Не дай бог на самом деле помещики возвернутся... Допрыгались мы, едрена вошь! До революции. До самой, до мировой!.. Нет, надо немедля сарпинку зарыть... Спит он? — кивает Федор в сторону Василия.

Анюта осторожно отодвигает полог.

— Сидит.

— А, прах его! — И он адресуется к Василию: — За чтение, товарищ хороший, особая плата. Маслице нынче кусается.

— Ладно, дам денег на масло.

И Василий продолжает читать.

— Посторожи его тут, чтобы не вышел,— шепчет Федор.— А я мигом. Лопата в сарае?

— Там...

...Читает книгу Василий. Шевелит губами, как это делают не очень-то ловкие в грамоте люди.

Из-за полога появляется одетый Федор и проскальзывает в сени, косясь на Василия. За ним появляется и Анюта. Притворяется, что делает что-то по хозяйству: передвигает кастрюли, перетирает тарелки, все время поглядывая на гостя. Василий отрывается от книги.

— Чего не спишь, хозяйка?

— Дело есть...

Опять гремит кастрюлями, ходит по комнате. Останавливается около стола.

— А ты что читаешь?

— Книгу.

Показывает обложку. Увитое пламенем и знаменами заглавие: «Коммунистический Манифест».

— Это об чем?

— Да про многое тут...— уклончиво и смущенно говорит Василий.— Сразу не разберешь...

— А зачем тогда читаешь?

— Значит, нужно: коммунист я. Понятно тебе?

Молчание.

— А не боишься?

— Чего это?

— Что коммунист. Придут белые, убьют.

— Если смерти бояться, тогда ничего в жизни не повернешь.

— Чудно.

Анюта отошла и завозилась возле печи, подметая сор. Вдруг Василий встал с табуретки, направился к двери.

Легче пуха Анюта тоже метнулась к дверям. Тревожно спросила:

— Ты куда?

— А что?.. За кисетом.

Вынул из кармана куртки, висевшей возле двери, кисет и стал скручивать цигарку. Анюта зорко и тревожно следила за ним, боясь, как бы он не вышел.

Но Василий вернулся к столу.

Сел, закурил, затянулся. Спросил:

— И не скушно тебе тут? Шла бы на стройку — ведь рядом. Люди, знаешь, как там нужны!

— Чего это я пойду? — произнесла, обидевшись, Анюта.— От свово дома-то? Я мужья жена. У нас хозяйство.

— Хозяйство! — передразнил Василий.— Так вот тут век и будете киснуть... А там гляди, что народ делает. Сколько женщин работает, таких вон, как ты...

На этот раз передразнила Анюта:

— Женщин!.. Знаем мы это. Одно баловство.

Она помолчала, потом спросила:

— А ты сам чего же на стройке-то делаешь?

— Да разное,— смутился Василий.— Вот завтра в Москву посылают, строительство обеспечить.— Солидно кашлянул он.— Дениса с собой возьму! — Он кивнул на спящего Дениса.— Так что дел много.

Глаза их встретились, и Анюта быстро отвела взгляд.

— Ну, ладно, туши да спи,— строго сказала она.
Повернулась и пошла за полог.

Булыжная Каланчевская площадь. Толпа пассажиров высадилась с поезда, и на площади суматоха, шум, крики папиросников, продающих «Яву» рассыпную, милицейские свистки, вопли извозчиков.

У трамвайной остановки море людей. Трамвайчики — маленькие, одновагонные — задыхаются от пассажиров: люди висят на подножках, на буферах.

На остановке в ожидании трамвая Александр Васильевич Зимний передает Василию и Денису ордера на всевозможные материалы для стройки.

— Это на скобяные изделия... Это на гвозди... Это на мел...— говорит он.— Получайте и нынче же обратно в Загору.

Подходит трамвай. Он переполнен, кажется, что никому уже больше не удастся в него втиснуться. Но люди все же втискиваются. Втискивается и Зимний. Трамвай трогается. Зимний, уцепившись одной рукой за поручни, а другой придерживая фуражку, повис на подножке. Он кричит:

— Если что заест — буду в Главэнерго на Мясницкой, а потом на совещании в Кремле.

Трамвай, позванивая, увозит начальника стройки.

Василий в сопровождении Дениса всходит по мраморной лестнице с мраморными стенами, заклеенными газетами и объявлениями. Это — некогда шикарный барский особняк. Ныне здесь учреждение, ведающее производством и распределением строительных материалов. И все тут — в том числе и зимний сад, куда вошли Василий и Денис и где еще стоят пальмы и даже рояль розового дерева, но уже стучат машинки и висит плакатик «Рукопожатия отменяются», — являет собой странный и живописный гибрид ушедшего барства и советского учреждения.

Заведующий перебирает ордера, которые ему вручает Василий.

— Вот это все можете получить... А гвоздей сейчас нет.

— Как это? А нам, аккурат, главное гвозди нужны.
— Что поделаешь? Гвоздей нет. Попробуйте на Варварке.

В разных учреждениях видим мы Василия и Дениса. Но, где бы ни помещались эти учреждения — в былом ресторане, в бывшей молочной Чичкина, даже в часовне,— гвоздей нигде нет.

Вечереет. Василий у телефона.
— Главэнерго?.. Товарища Зимнего мне. Александра Васильевича.
...Сотрудник Главэнерго:
— Нет его. Он в Кремле.
...Василий кладет трубку телефона на рычаг и делает энергичный жест, адресуясь к Денису: идем, мол, за мной.

У ворот Кремля караульная будка. Часовой с винтовкой, на штык которой нанизано множество пропусков. Подходят Василий и Денис.
Василий *(часовому)*. Слышь, друг. Нам пройти нужно.
Часовой. Пропуск есть?
Василий. Был бы, тут и разговору бы не было.
Часовой. А нет — значит, не пройдете.
Денис *(просительно и торопливо)*. Начальник наш тут... Зимний фамилия... Может, слыхали?
Часовой. А нам что зимний, что летний... Пропусков нет? Отходи! Нам разговаривать не положено.
Василий *(терпеливо, стараясь сдержать раздражение)*. Ты не спеши. Ты послушай. Из Загоры мы... Слыхал небось про Загору? *(Часовой утвердительно кивает головой.)* Большущую станцию электрическую там строим. А станции материалы нужны. Вот затем мы сюда и идем. Понял?
Караульный согласно покачивает головой в такт словам Василия. И Василий радостно говорит Денису, кивнув на ворота:
— Идем, Денис.
Делают несколько шагов по направлению к воротам.

Часовой *(преграждая путь)*. Стой!

Василий. Что такое?

Часовой. Предъяви пропуск!

Василий в досаде отходит, садится на тротуар. Теперь вступает в разговор с часовым Денис.

— Давай так, браток... Горе у нас — гвоздей на станции нет. Прямо — зарез...

Часовой *(презрительно)*. Какие тебе тут гвозди? Это Кремль, правительство. Сюда, садовая голова, только по государственным делам ходят.

Денис. А у нас какие же? Ведь не мне гвозди нужны. Народу.

Часовой *(непоколебимо)*. Пропуск давай.

Василий аж вскочил с тротуара. Плюнул в гневе.

— Тьфу!.. Что ты, кукла, наладил! Что мы — жулики тебе, что ли? Земля горит, стройка встанет, а ты здесь стоишь как неживой!! — *(Со страстной укоризной.)* — Нынче мы с тобой тут, а завтра вместе будем кровь проливать. Что же мы мировую-то революцию по пропускам будем делать?! Сознание надо иметь! — Направляется к воротам.— Идем, Денис.

Часовой. Стой! Назад!

Василий и Денис отошли. Сели на тротуар. Но Василий не смог усидеть. Снова встал. Подошел к часовому, сказал сердечно, уже без злобы, с открытой душой:

— Слушай, друг. Мы только нынче с Загоры приехали. С рассвету бегаем за гвоздями, не присели еще, не жрамши. *(Часовой внимательно слушал и кивал головой.)* И все без толку... А там народ день и ночь работает, разутый, голодный,— только чтобы скорей станцию выстроить, чтобы фабрики для фронта работали... Не привезем сегодня гвоздей — встанет стройка. А начальник наш тут. Ну, теперь понял все? Пошли, Денис!

В третий раз они направились к воротам.

Часовой. Стой! *(Толкнул Василия прикладом.)* И уходи вовсе отсюда.

Василий *(вспыхнув)*. Не уйду!

Часовой *(вскидывает винтовку)*. Уходи, говорят!

Василий. Не уйду!!

Часовой *(делает затвором винтовки движение)*. Стрелять буду!

В а с и л и й *(в ярости)*. На, стреляй, мать твою неза-мать! Стреляй!

Подходит человек в кожанке — работник управления делами Совнаркома.

Изумленно спрашивает:

— Что тут такое?

И сразу Денис и Василий начинают наперебой говорить:

— Из Загоры мы...

— У нас поручение.

— Начальник наш тут... заседает.

Ч е л о в е к в к о ж а н к е. Из Загоры! Это какой же начальник? Не Зимний ли? Пройдемте со мной. *(Часовому.)* Пропустите.

Ч а с о в о й *(с облегчением)*. Вот это дело другое. *(Василию, передразнивая.)* Поручение!.. У меня, брат, тоже поручение.

Василий проходит с человеком в кожанке. Денис на минутку задерживается, кладет в угол дорожный заплечный мешок и говорит часовому:

— А ты посторожь, милок, коль при тебе винтовка.

И вот все трое в приемной председателя Совнаркома. Человек в кожанке говорит пожилой женщине, сидящей за столом:

— Лидия Николаевна, здесь на совещании должен быть товарищ Зимний.

— Он тут.

— К нему товарищи из Загоры.

— Посидите, товарищи,— говорит Лидия Николаевна.— Как только перерыв — тут же вызову.

Денис и Василий садятся. Робко оглядываются. Обстановка самая обыкновенная, много телефонов. Стучат большие стенные часы.

...Те же часы, но прошел уже час. Денис спит, прикорнув к мягкой спинке кресла: видно, что ему на редкость удобно и хорошо. Василий бодрствует, нервничает, нетерпеливо поглядывает на стрелки.

Зазвонил звонок — Лидию Николаевну вызывали в кабинет. Она встала и ушла, оставив дверь приоткрытой.

Василий поднялся, подошел к дверям. Оттуда доносились неясные голоса. Василий чуть пошире приоткрыл двери, заглянул. А потом осторожно, стараясь не шуметь вошел.

В кабинете было очень много народу. Никто не заметил Василия, потому что в момент, когда он вошел, все глаза были обращены к седому человеку, стоявшему около огромной карты РСФСР.

Подтянутый, строгий, в крахмальном воротничке, столь необычном среди гимнастерок и косовороток, он держал в руке деревянную указку.

Это было совещание по плану электрификации страны, по строительству электростанций, по тому самому плану, который спустя некоторое время получил наименование плана ГОЭЛРО.

Когда Василий вошел, седой человек в крахмальном воротничке говорил:

— Задача не только в том, чтобы построить тридцать или, скажем, пятьдесят электрических станций... Задача в том, чтобы создать систему электрических станций по единому плану, охватывающему всю страну. Опираясь на эту систему, мы Архимедовым рычагом поднимем все заводы и фабрики, транспорт, шахты, деревню, повернем всю Россию по-новому...

Василий остановился в дверях, вслушиваясь в слова седого человека.

— Вот наметки этой единой системы. Первым делом Донецкий бассейн,— продолжал тот.— Здесь будут построены две электрические станции. Станция номер один — Штеровка, место крупных залежей антрацита.— Он коснулся своей указкой кружка на карте под номером один. — Станция номер два — Лисичанская. Она обслужит район, богатый длиннопламенными углями и каменной солью. Номер третий — Днепропетровская, возле города Александровска...— Указка его коснулась кружка в том самом месте, где впоследствии был сооружен Днепрогэс.

Василий стоял, забыв обо всем, глядя на карту как завороженный.

— Но об этой станции,— сказал седой человек,— следует поговорить особо.

Он пошел в противоположный угол кабинета, где отдельно висела карта днепровских порогов.

Все головы повернулись за ним, и в поле зрения присутствующих, в том числе и Зимнего, попал Василий.

Зимний так и ахнул. Быстро подошел к Василию. Испуганным шепотом спросил:

— Ты зачем здесь?

Василий опомнился, смешался.

— Вас ищем, товарищ Зимний,— тихо сказал он.— Все получили, а гвоздей нет.

— Иди, иди, я скоро выйду,— заторопил Зимний и стал подталкивать его к дверям.

В этот момент прозвучал суровый и резкий голос:

— В чем там дело?

— Это ко мне, из Загоры,— проговорил быстро Зимний.— Простите, Владимир Ильич.

Василий в изумлении оглянулся. За столом председателя сидел Ленин.

Ленин переспросил:

— Из Загоры? А что случилось?

— Да со снабжением тут...— сказал торопливо Зимний.— Добыть кое-что не можем.

— Что же именно? — обратился Ленин к Василию.

— Беда, Владимир Ильич! — ответил Василий, открыто, тревожно и выжидательно глядя на Ленина.— Гвоздей нет. А у меня на складу что ни день, то шум: «Гвозди давай!»

Теперь уже и докладчик и все присутствующие слушали этот разговор.

— На Солянку надо, в Металлоснаб,— подсказал кто-то.

— Был! — досадливо отмахнулся Василий.— И на Солянке, и на Мясницкой, и на Варварке. Нигде нету!

— А к Соколовскому заходил? На Смоленский бульвар?

— Вот это верно,— подхватил Ленин.

Василий растерянно развел руками, как бы извиняясь за свою оплошность, крякнул, повернулся и пошел к выходу.

— Постойте, товарищ,— окликнул его Ленин.

Василий остановился.

— Сейчас мы проверим, есть ли там гвозди,— сказал Ленин, поднимая трубку.

И, пока он глядел в телефонный указатель, лежавший под стеклом на столе, и называл телефонистке номер, Василий, окончательно растерявшись, извиняющимся тоном говорил, обращаясь ко всем и утирая фуражкой пот с лица:

— Все достал, а гвоздей нигде нет... Хоть тресни!

— Товарищ Соколовский?..— спросил в трубку Владимир Ильич.— Здравствуйте. Говорит Ленин. Товарищ Соколовский, нам для Загоры гвозди нужны... Нет? — Ленин огорченно и озабоченно посмотрел на Василия и покачал головой.— Очень, очень нужны, товарищ Соколовский... Ничего нет?.. Чрезвычайно нужны!.. Совсем нет?.. Думаете, у Вацетиса? Хорошо, позвоним Вацетису.

И, сверившись с телефонным списком, назвал другой номер.

— Товарищ Вацетис?.. Здравствуйте... Ленин. Гвозди есть у вас?

Вацетис, видимо, что-то объяснял, потому что Ленин некоторое время молча слушал. Василий горячо зашептал:

— Владимир Ильич, скажите, что мы ему заместо гвоздей можем олифу дать. На олифу сменять.

И, обратившись ко всем, он, поясняя, уже веселей добавил:

— Олифы у нас — завались!

— На олифу можем сменять,— повторил в телефонную трубку Ленин.— Да ведь Загора — это тоже дело важнейшее, государственное! — в гневе воскликнул он, видимо, отвечая на какую-то реплику.— Значит, все-таки есть?! — радостно переспросил он. — Вот видите — поднажал, и нашлись гвозди! — с упреком добавил он.

— Нам бы еще топоров бы... а? Топоров...— зашептал Ленину Василий, но Зимний дернул его за рукав, и он смолк.

— Зайдет к вам,— сказал в трубку Ленин,— зайдет к вам товарищ... Как фамилия?

— Губанов.

— Товарищ Губанов. Так вы уж с ним поладьте.

Ленин положил трубку, оживленно улыбаясь, провел ладонью по голове. Сказал Василию, прищурившись:

— А насчет топоров — поднажмите на него сами. Он поддается.

И обратился к докладчику:

— Какой номер Загоры по вашему плану, Юрий Максимович?

— Шестнадцатый.

— Д-да! — сказал Ленин, кивнув на карту докладчика.— Номер первый, второй, третий — это еще все-таки планы, а шестнадцатый — вот он! Уже живет, уже гвозди просит! — с глубокой нежностью проговорил Ильич. — Как у вас с продовольствием? — спросил он Василия.

Денис между тем по-прежнему дремал в приемной. Звонили телефоны, говорил секретарь, но Денис ничего не слышал. Вот он клюнул носом, очнулся, испуганно огляделся. Стеснительно спросил:

— Виноват... Не храпел я тут?

— Нет,— улыбаясь, ответила Лидия Николаевна.

— Притомился я за войну, хозяйка. Все спать хочется.

Вбежал сияющий Василий.

— Денис! Кричи, брат, ура! Есть гвозди!.. Ленин достал.

— Тише, товарищ,— остановила его Лидия Николаевна.

Василий горячо зашептал:

— Слышь! Тебе за продовольствием ехать.

— Куда? — спросил потрясенный Денис.

— На юг. Сейчас мандат выпишут.

— Царица небесная!

...А в зале продолжалось совещание. Седой человек говорил:

— И если использовать силу падения воды на Днепровских порогах, то можно создать тут не только гидроэлектростанцию невиданной мощности, но и сделать весь Днепр судоходным.

В Загоре, в поселке на озере, возле материального склада шла разгрузка товаров. Их привез из Москвы Василий. Сейчас он в запарке бегал, распоряжался.

Вечером, усталый, он пришел в избу Федора. Здесь никого из мужчин не было. В углу избы стирала Анюта.

При входе Василия она выпрямилась. Оправила поспешной рукой волосы и юбку.

— Здравствуйте,— вежливо приветствовал ее Василий. И, оглядевшись, спросил: — А где народ?

— Народу нет. Хозяин уехал.

— Вот те да! Далеко?

— За мукой... А может, и сало привезет...

— Ловко! А остальные где?

— Остальным отказал.

— Чего это?

— Чтоб не ночевали здесь без него,— сказала она потупившись.

Они помолчали.

— А ты что же это? — сказала она, не поднимая глаз.— Куда пропал? Вроде съехал от нас, а вещи тут...

— Да не съезжал я... Дела... Только нынче пригнал из Москвы эшелон, выгрузился и — сюда!..

Он отрезал ломоть хлеба, посолил. Спросил — может, серьезно, а может, и шутя:

— Вспоминала ты обо мне?

— Как же! — сказала она, усмехнувшись.— Больно надо! О каждом вспоминать! — И опять принялась за стирку.

— А я вот помнил. Подарки привез: Федору твоему табак,— он извлек из мешка пачку махорки,— а тебе вот шарфик.

Он вынул пестрый лоскуток, развернул его. Она подошла и стала рассматривать шарф с восхищением и ребяческим любопытством.

Они стояли теперь совсем рядом.

— Да ты надень, примерь,— попросил он.

Она вытерла об юбку мокрые руки и легко и быстро накинула на голову шарф. Посмотрелась в зеркало, поправила волосы, еще раз посмотрелась, поворачивая голову то влево, то вправо.

Засмеялась, сорвала шарф, побежала за полог и вернулась уже без шарфа.

— Покормить тебя? — оживленно предложила она.

— Не надо. У меня хлеб есть. Где мой сундук?

— Под лавкой.

Он вытащил сундучок из-под лавки, раскрыл его, стал перебирать свои нехитрые пожитки. Она подошла, заглянула из-за его плеча.

На крышке сундучка было приклеено несколько фронтовых фотографий и большая фотокарточка девушки.

— Жена, что ли? — спросила Анюта.

— Нет.

— Невеста?

— Да, вроде невесты.

Анюта посмотрела на карточку, пока он перебирал вещи. Потом спросила:

— Любит она тебя?

Он усмехнулся.

— Целовалась... пока жизнь гладко шла. А ушел на фронт — и писать забыла. Разве это любовь?

— Значит, не стоил! — лукаво откликнулась Анюта.

— Может, и так... — согласился Василий. — Любовь — штука хитрая...

Он помолчал, видимо, соображая, что еще можно сказать о любви, покачал головой.

— Сильная штука!

— И мельком взглянул на нее. Глаза ее сразу метнулись в сторону. И словно что-то внезапное, странное, едва ощутимое пробежало по комнате и бросило неясную тень на их лица. Анюта потупилась. Потом вдруг быстро ушла за полог и села на кровать.

— Ты что? — позвал он.

Она молчала.

— Анюта!

Она молчала.

Он сделал шаг — не в сторону полога, а к сундучку. Но скрипнула половица, Анюте показалось, что он направляется к пологу, и она вскочила.

— Уходи! — сказала она.

— То есть как это?

— Не велел Федор тут быть. Уходи.

— Ну, коли не велел, значит, не велел,— сказал, помолчав, Василий и стал укладывать сундучок.

В этот момент раздались шаги. Вошел Степан. Увидев Василия, он несколько смешался.

— А, с комприветом! — проговорил он

— Ты чего? — спросила его, появляясь из-за полога, Анюта.

— Полотенец забыл.

— Какой полотенец? А где же? — растерянно сказала Анюта.— Нет тут твоего полотенца.

— Ну нет — значит так посидим,— развязно бросил Степан.

Он сел. Наступило молчание. Анюта, встав на табуретку, стала натягивать веревки для белья. Степан жадно, не отрываясь, следил за ее голыми икрами.

— Прибыл, значит? — спросил он, переводя глаза на Василия.

— Прибыл.

— А где жить собираешься?

— Тебе-то какая забота?

— А такая забота, что нельзя тебе здесь. Федька не приказал.

— А ты зачем тут?

— Слыхал, полотенец ищу.— Он снова долго смотрел на крепкие икры Анюты. Потом опять перевел взгляд на Василия.— Ну, ладно,— Степан вынул из кармана колоду карт, перетасовал.— Давай на судьбу. Пусть карта скажет... Иди тащи! — обратился он к Анюте.— Чур моя черная.

— Чего это? — Она удивленно смотрела на него.

— Тащи, тащи.— Он подмигнул Василию.

Анюта потянулась к колоде, недоуменно глядя на Василия. Василий поднялся.

— Ступай отсюда! — сказал он Степану.

— Это еще почему?

— Слыхал, что сказано! — Василий сделал шаг по направлению к Степану.

— Ты комиссарить-то брось! — крикнул тот.— Видали начальство, рак те заешь!

— Уходи, говорю!

Анюта, обомлев, следила за этим диалогом. Степан обвел глазами обоих.

— Ага! — сказал он.— Понятно! Вот она зачем мировая революция-то понадобилась. Вот он, Маркс-то, где! Ладно, валяй, я не гордый. Я и вторым могу.

Василий с силой ударил его по лицу. Степан закричал, утирая ладонями кровь:

— Ну, ты! Руки держи при себе! Чего пристал?

Василий снова бросился на него. Степан метнулся к двери, продолжая кричать:

— Сволочь! Подумаешь, галифе надел!.. Еще посмотрим, у кого они будут пошире!

Выскочил за дверь.

Василий, тяжело дыша, сел на скамью. Анюта стояла бледная как полотно. Потом ушла за полог.

Василий поднялся, подошел к сундучку, закрыл крышку, защелкнул замок.

Взял мешок, долго завязывал узел. Взвалил мешок на спину, пошел к дверям. Остановился.

— Прощай! — сказал он.

Она не ответила.

— Запри за мной дверь.

Она опять ничего не ответила. Василий постоял, постоял, поднял сундучок и вышел.

Базар в каком-то городе, вроде Курска. Продают все, что душе угодно: повидло, узконосые модные ботинки, пшенную кашу, страусовые перья, мыло, мужские цилиндры, селедки, часы, пистолеты, будуарные статуэтки, ржаной хлеб и т. д. Крик стоит такой, что ничего нельзя разобрать. Все время слышна стрельба из винтовок и пулеметов, подчас приближается, подчас удаляется.

Среди базара мы видим осатанелого от торговых дел Федора. За спиной его огромный, тяжелый мешок выменянных продуктов, в руке кусок оставшейся сарпинки. Пот льет градом, он орет:

— Сарпинка! Сарпинка! Последний остаток. А ну давай, налетай!

Недалекий разрыв снаряда. Все падают, падает и Федор с мешком за плечами и с куском сарпинки в руках.

Поднимается вместе со всем базаром и тут же продолжает кричать:

— А вот сарпинка! Вот она!

Подходит какой-то гражданин:

— Что за сарпинка?

— Вроде ситцу... Но лучше... Сам делал...

— Дрянь!.. — говорит покупатель, пощупав сарпинку.

— Избави бог, гражданин. Как может быть дрянь?! Что я, в бога не верую? Крепка! Вот попробуй.

Он берет на зуб сарпинку и притворно рвет ее, мотая головой, словно конь. Гражданин тоже берет на зуб и тоже мотает головой.

— Слаба!

— Она-то? Да господи ж! Хоть пинжак шей!

Разрыв снаряда. Базар падает наземь. Кто-то орет:

— Братцы, белые на Садовой!

Начинается бегство с базара. Остаются на базаре немногие — самые стойкие и решительные, для которых все нипочем, кроме торговли.

Среди них Федор. Едва поднявшись, он бросается на поиски исчезнувшего покупателя, с которым почти договорился:

— Эй, гражданин! Да где же ты? Господин хороший! Куда ты делся, матери твоей черт!.. Парень, не видал такого длинного, морда, как у собаки?..

— Что это у тебя? — подошел новый покупатель.

Опять, уже совсем близко, бухнул снаряд. И уже весь базар побежал по направлению к недалекой железнодорожной станции. Бежал и Федор. Бежал он из-за тяжелого груза плохо, спотыкался, рядом с ним бежал новый покупатель. И на бегу продолжалась торговля.

— Два фунта сала.

— Четыре.

— Три, черт с тобой!

— Подбрось половинку-то!

— Три!

Где-то близко заработали пулеметы.

— Бери, паралик! — крикнул Федор.— От сатана, разорил,— на бегу бормотал он.— Хоть с голоду помирай, да и только!

Покупатель, не останавливаясь, вынул из мешка кусок сала. Федор на бегу прикинул на ладони его вес.

— Обмишурил, собака,— сказал он беззлобно, потому что, несмотря на клятвы и вопли свои, выгодно продал сарпинку.

Ударили пулеметы. И Федор с мешком за плечами устремился к железнодорожным путям. Нырнул под вагон, снова вынырнул, снова нырнул, и, так как где-то рядом бил пулемет, стал карабкаться на площадку

одного из вагонов какого-то товарного поезда, который в этот момент отходил.

Поезд убыстрял ход, выстрелы стали утихать, станция осталась далеко позади.

...Когда поезд подошел к следующей станции и остановился, дверь одного из товарных вагонов тихонько приотворилась, из нее выглянул Денис. Увидев, что где-то здесь можно разжиться кипяточком, он вернулся в вагон за чайником. Тут мы увидели, что вагон набит мешками с продовольствием: сахаром, крупой, мукой, маслом, сухарями. Денис взял чайник, спрыгнул на землю да вдруг так и обмер: на площадке вагона сидел Федор.

Федор тоже увидел его. Некоторое время они ошалело смотрели друг на друга, не веря своим глазам.

— Погоди... Никак, Федор... Ты, што ль?..

— Аль Денис?.. Господи боже мой... Он и есть!

Они долго радостно обнимались.

— Ты, брат, откуда? — спрашивал Денис.

— Да вот за харчами ездил... Сарпинку менял. Ух, брат ты мой, и умучился, не приведи бог! Зато еды теперь Анютке моей на всю зиму хватит. А ты чего тут?

— Конвоиром... Вагоны сопровождаю.

— Какие вагоны?

Денис кивнул на вагоны.

— А что в них? — спросил Федор.

Денис подумал, посмотрел на него и сказал уклончиво:

— Да разное тут... Для Загоры.

Федор недоверчиво скосил на него глаза.

— А где обмотки твои?

Действительно, Денис был без обмоток и шапки.

— Проелся. На хлеб выменял. И шапку тоже.

— Да, худо, брат.— Федор соболезнующе покачал головой.

— Зато теперь вон как обернулось! — оживленно заметил Денис.— Тебя встрел. А то совсем с голодухи было подох.

— Да, это уж верно... Повезло тебе... Хорошо, что встрел.

Поезд тронулся. Оба влезли на площадку.

— Слыхал, говорят, белые близко,— сказал Денис.

— Что — говорят! Я сам видел.

— Ох, мать честная,— сокрушенно промолвил Денис,— все прут и прут...

Федор махнул рукой и стал разворачивать мешок с едой. У Дениса набежала слюна.

— Ну, давай,— сказал он.— Что там у тебя?

— Все есть. Запасся. Мучица есть. Крупу взял, сахар. Есть сальце.

Федор вынул аппетитный кусок сала и стал нарезать его на маленькие прозрачные куски.

— Давно, грешник, сальца не ел,— сказал Денис, глотая слюну.— И хлебушка дашь?

— Можно и хлебушка.

Денис протянул руку. Федор отодвинул сало и хлеб.

— Э, брат, постой... А как мы сладим с тобой?

— Как это — сладим?

— Милай, это все денежки стоит.

— Да у меня ж ничего нет,— пробормотал ошеломленный Денис.

— Ну, а как же, милок, задарма-то! — спокойно сказал Федор, жуя хлеб с салом.— Войди в мое положение.

Денис отвернулся. Некоторое время они ехали молча. Постукивали колеса, пролетали пустые поля, леса, хаты с соломенными крышами. Федор ел с большим аппетитом и поглядывал на солдатские ботинки Дениса. Потом спросил:

— А щиблеты у тебя как? Прохудились?

— Да вроде бы крепкие,— без особого интереса ответил тот, оглядывая свои ботинки.— Почему прохудились? Года еще не ношу.

— С виду поболе носишь,— возразил Федор.— Ладно, скидай, дам за них сала. Согласен?

Денис подумал-подумал, покосился на сало, вздохнул и стал разуваться.

Федор взял в руки ботинки, критически оглядел их, постукал согнутым пальцем по подошве, отставил в сторону. Не спеша отрезал кусок сала, протянул его Денису вместе с хлебом. Добродушно сказал:

— Ешь на здоровье, Христос с тобой... Ты не серчай. Я ведь тоже ее, салу-то, из-под пули брал. Стреляют,

матери их черт! Везде фронты. С Ростова жмут, с Волги жмут, с-под Питера жмут. Горе!..

— Так ехали эти два приятеля обратно домой на север,— слышим мы голос повествователя.— С одним из них — Федором — мне так и не довелось ни разу в жизни поговорить. А Дениса я знал хорошо. Он любил рассказывать о тех удивительных днях.

Тревожное, буйное время! Белые наступали со всех сторон, Республика задыхалась. Был издан приказ о всеобщей мобилизации. Миллионы рабочих и беднейших крестьян уходили на фронт. Фронтов было столько, что трудно их перечислить, но тех, кто шел воевать с врагом, перечислить было еще труднее.

Мы видим огромную привокзальную площадь, заполненную мобилизованными. Слышим оратора, который выкрикивает слова простуженным, надорванным голосом — много раз за эти дни и ночи говорил он свою речь:

— Товарищи! Великие испытания выпали на долю рабочего класса... Враги пролетариата...

Сменяя друг друга, перед нами другие ораторы перед другими мобилизованными — в цехах, на перронах вокзалов, на сельских площадях.

Шли воевать и загорцы.

По улице поселка на озере мимо выросших за это время бараков, домов, лавок, Народного дома, мимо будущего здания электростанции, кирпичная коробка которой уже поднялась над тем местом, где ранее рыли котлован, идет колонна мобилизованных на фронт рабочих. Далеко разносится боевая революционная песня:

Не согнет нас беда и не сломит нужда,
Даже пушки не властны над нами!
Никогда, никогда, никогда, никогда
Коммунары не станут рабами.

А в конторе строительства, которая помещалась уже не в избе, а в специально отстроенном помещении, гневно вышагивал Василий.

— Это что же вы делаете?! — кричит он, обращаясь к Хромченко.— Разве так делают? Ленин на фронт народ подымает, а я на складе сижу. Это что, по-партийному? Ну ладно, нога болела, а сейчас что?..

— Не можем тебя отпустить, товарищ Губанов. Вот я ведь сижу здесь.

— Да что вы себя равняете?! Вы, простите меня,— старик. А я?.. Совестно мне, понимаете, совестно! Перед бабами и то совестно!..

— Ну, коли так — сам ты баба! — разъярился маленький Хромченко.— Тебя партия хозяйствовать поставила, понятно тебе?! Не я, а партия. Значит, все! Значит, надо этому делу учиться. Не век будем воевать. На вот, возьми.— Он бросил Василию какую-то книжку.

— Что это?

— Учебник. Учись счетные книги вести.

— Да что вы, шутки строите надо мной! — рявкнул Василий.— Вот навязался на мою голову этот склад!! Всю жизнь споганил!

Он швырнул книжку в угол и вышел, хлопнув дверью.

А колонна мобилизованных шла мимо села Теребеевки. Жители высыпали на улицу, стояли у ворот и калиток. Бабы утирали слезы, иные выли по древнему обычаю. Некоторые выносили уходящим хлеб, лук, воду.

Боевая песня продолжала греметь.

Будем драться мы все без покоя и сна,
Знамя красное вьется над нами.
Никогда, никогда, никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!..

В толпе стояла Анюта и глядела на уходящих, словно искала кого-то. Вот она увидела в колонне Степана. Он тоже увидел ее.

— Эй, мужья жена! — закричал он во все горло, заглушая песню.— Чего глаза пялишь? Ваську ищешь? Не бойсь, тут его не найдешь. Васька твой в складу окопался!

Песня спуталась. Все начали искать глазами ту, к которой обращался Степан.

— Вон, вон она! — кричал Степан.— Ишь, зараза, с кладовщиком спит. Возле масла. Гляди, ребята!

Анюта стояла ни жива ни мертва, не зная, куда деваться. Потом глухо выкрикнула:

— Что ты?.. Христос с тобой!

— Христос, он всегда со мной! А с тобой кто, складская задвижка?!

Зешелестел смех. Смеялись и уходящие и провожающие. Женщины — односельчанки Анюты — с ужасом и любопытством глядели на нее.

Анюта вдруг судорожно всхлипнула и побежала. Народ расступался перед ней, и она бежала, как по просеке. А издали доносился голос Степана:

— Что? Убегла? Айда за ней, братцы. Всем воюющим фронтом. Она никому не откажет.

— Будя ломаться-то,— сурово сказал Степану шедший сзади рабочий.

— А тебе чего! — вскинулся на него Степан.

— Хватит, тебе говорят! — сказал другой рабочий и толкнул Степана кулаком в затылок.

Колонна шла мерным шагом все дальше и дальше, пока не скрылась в клубах поднятой ею пыли.

— После такого позора,— говорит повествователь,— Анюта не могла оставаться в селе. Она решила уйти. У нее не было ни родных, ни знакомых. И она решила уйти на стройку.

Однажды утром Василий, как всегда, отпускал материалы со склада. Очередь приехавших с разных участков стройки была по обыкновению большая. Василий отпустил кому-то кровельное железо, получил расписку, крикнул:

— Следующий!

В склад вошел мужчина, за ним шла женщина. Это была Анюта в рабочей измазанной спецовке. Василий замер, изумленный до крайности: меньше всего он ожидал увидеть здесь, на стройке, Анюту.

Увидев Василия, она повернула к выходу.

— Анюта! — крикнул Василий.— Куда ты?

Она остановилась. Он подошел.

— Ты как тут? — спросил он.

Глядя куда-то в сторону — на бочки с олифой, а может, на связки лопат, — она сухо передразнила:

— Как!.. Работаю. И живу тут... Вот наряд на известку.

— Где работаешь-то?.. Анюта?..

Она стояла перед ним строгая, хмуря брови, такая по-девичьи тонкая в своей спецовке и тяжелых мужских ботинках на деревянной подошве.

— На стройке, где ж? Ну что, отпускать будешь или так будем стоять? — с недоброй усмешкой добавила она.

— Сейчас, сейчас,— залепетал он, глядя в наряд и ничего не видя.

Стал таскать мешки.

— Это ты молодец, что на стройку пришла,— сказал он, свалив мешок на весы.— И я тебе советовал, помнишь?

Она сердито метнула на него глазами и ничего не ответила.

Он снова полез за мешками.

— Как же ты хозяйство решила оставить? — спросил он, стараясь изо всех сил побороть неловкость.— А говорила — дом...

Она снова на миг зло посмотрела на него.

— Ну что, интересно тебе тут у нас? — заторопился он.

— Какой тут может быть интерес? — небрежно откликнулась Анюта.— Работа и работа... Мешки складские дашь или как? — деловито и холодно добавила она.

— Свои дам — складские.

Мужичонка стал выносить из склада мешки.

Анюта двинулась за ним.

— Постой, Анюта! — поспешно окликнул ее Василий.

Она остановилась с холодным, небрежным видом.

— Живешь-то где?

— Где! В бараке!

— В каком?

— В каком! В обыкновенном.

— Далече отсюда?

— Тебе-то что?

— Ну как же... Мы с тобой вроде знакомы.

— Какое еще знакомство! — сжав губы, сказала Анюта.— Ни к чему это! Все отпустил?

— Все... Распишись.

— Я неграмотная.

— Нехорошо,— сказал ласково Василий.— Надо это дело ликвидировать. Учиться, Анюта, надо, не век будем воевать,— повторил он слова Хромченко.— Ставь крест.

Она послюнила карандаш, примерилась, еще раз послюнила и аккуратно поставила на наряде крест. Сухо проговорила:

— Можно идти?

— Можно... Как Федор? Приехал?

Ничего не ответив, она ушла, даже не посмотрев в его сторону.

Небольшая железнодорожная станция в средней России. Подходит санитарный поезд, идущий к Москве. На вагонах красные кресты, а на площадках — вооруженные красноармейцы, охраняющие вагоны от непрошеных пассажиров, осаждающих поезд на каждой остановке. Вот и сейчас красноармейцы отбивают бурный натиск толпы.

Начальника станции, проходящего по путям, атакует другая толпа — всевозможные уполномоченные и чрезвычайные уполномоченные, требующие, просящие, умоляющие о прицепке к поезду вагонов, которые они сопровождают.

Первый *(интеллигент)*. Товарищ начальник. Вот уже неделя, как я здесь сижу. Поймите, я везу лом для артиллерийских заводов. Лом! Я вас очень прошу.

Второй отталкивает первого. Потрясает мандатом под самым носом начальника.

— Ты грамотный или нет?! Гляди — мандат!!

Третий. Да погоди ты с мандатом! У меня — уголь. Для Москвы уголь. Понятно? Уголь!

Сквозь эту толпу отчаянно проталкивается Денис. В его руках тоже мандат. Но куда меньших размеров, чем у остальных. Он пытается протиснуться к начальнику, но его оттирают, и он опять оказывается сзади. Опять продвигается вперед. При этом он все время оглядывается на свои два вагона, которые безнадежно стоят неподалеку в тупике: в сохранности ли они, не покусился ли на их неприкосновенность Федор, сидящий у костерика, возле их колес.

Наконец убедившись, что пробиться к начальнику невозможно, Денис кое-как выбирается из толпы, и,

по-прежнему тревожно оглядываясь на свои вагоны, догоняет сцепщика, который хлопочет возле состава. Рядом — маневровый паровозик.

— Слушай, брат! Будь человеком! Прицепи меня.— Денис кивает на вагоны, стоящие в тупике.— Продовольствие с юга везу. Народ у меня голодает.

— Чудак-человек, чего ты ко мне-то? К начальству иди.

— Да ведь не пробьюсь. Пятый день тут стою...

— А я-то что могу?

Сцепщик дает свисток паровозику, вскакивает на его подножку. Паровозик трогается.

Денис печально возвращается к своим вагонам, где Федор варит на костерике кашу, размешивая ее ложкой.

— Ну что? — спрашивает Федор.

Денис безнадежно машет рукой.

— Ни хрена ты не можешь! — гневно говорит Федор, пробуя кашу с ложки на вкус.— Квелый какой-то! И везешь, видать, требуху, что тебя нигде не цепляют. Что везешь-то? Хоть раз можешь толком сказать?

— Говорят тебе — ящики для Загоры. Понятно?

— Ящики-то — понятно, а что в ящиках — непонятно. Неужели не глянул? Нет в тебе к жизни интересу, Денис.

— Может, оно и так...

Федор опустил ложку в кашу, с наслаждением глотнул. Полез за солью. Денис глядел на котелок глазами давно не евшего человека.

— Вот смотрю я на тебя,— продолжал Федор, соля кашу,— и чего тебя по дорогам носит? Что ты тут трешься? Землю ты получил. Ехал бы домой, пахал бы да сеял.

— Сейчас нельзя,— мотнул головой Денис.— Как тут уедешь? Гляди, что кругом. Эдак один уедет, другой уедет, глядь, революцию-то и зашибут.

Федор попробовал, достаточно ли солона каша.

— Да,— задумчиво произнес он.— Могёт быть... А помещик вернется, он тогда... Да... Это ты верно. Без революции нам тоже, брат, этого... Не того... Тоже нельзя.

Он опустил ложку в кашу, поднес ее ко рту, затем вторую ложку, третью. Каша дымилась, от нее шел аромат неизъяснимой силы. Денис посидел, покосился на

кашу. Потом молча стащил с себя гимнастерку, молча протянул ее Федору и молча полез за ложкой.

Стучат колеса, идет поезд. Но не тот, которым едут Денис и Федор, а другой, груженный кирпичом для Загоры.

На одной из платформ на кирпичах лежит Василий, курит цигарку и читает, держа перед собой учебник:

— «Дебетом называется сумма, которая получается в итоге... Кредитом называется сумма, которую мы получаем в итоге...».

Закрыл книжку, зажав пальцем нужную страницу, попытался повторить наизусть:

— «Дебетом называется сумма, которая... которая...» Тьфу, чтоб ты погибла!

Сплюнул в сердцах цигарку — она так и взвилась за поездом,— взъерошил волосы, крякнул, раскрыл книгу и снова начал зубрить:

— «Дебетом называется сумма...».

Засвистел паровоз, мерно стучали колеса.

...В этот вечерний час в конторе строительства горела лампа. Здесь шли занятия кружка по ликвидации неграмотности. За канцелярскими столами сидели вихрастые парни, а также несколько женщин в платочках, повязанных по самые брови. Среди них была и Анюта. Одна из девушек стояла у доски и писала: «Мы не рабы. Не бары мы»...

Это был текст из букваря, и, когда девушка написала его, все повторили хором:

— «Мы не рабы... Не бары мы»...

Дверь широко распахнулась, вбежал Василий.

— Где Зимний?

— Не знаем. Дома, наверно,— ответила молодая учительница.

— А вы здесь что делаете?

— Ликбез...

— А, вот оно что! — сказал, широко улыбаясь, Василий.

Так улыбался он всегда, когда видел, что делается что-то хорошее, нужное.

Анюта вспыхнула при его появлении, но он не заметил ее.

— Та-ак,— сказал он.— Вот, видите ли, дело какое, товарищи ликвидирующие. Привел я эшелон кирпича. Сорок платформ. Надо их сегодня в ночь выгрузить — завтра в стены класть нечего. Вы ребята сознательные. Актив. Бери каждый по бараку и подымай народ на субботник во имя революции... А ты сыпь, растолкай гармонистов! — обратился он к одному из парней.

Семейный барак. Некоторые уже спят, другие готовятся ко сну. Чадит керосиновая лампа без стекла. Женщины латают белье, кормят грудью детей и баюкают их. Мужчины чинят сапоги, что-то мастерят, налаживают.

Две женщины:

— Нельзя, говорит, в бараке козу держать.

— А ты бы ему: как же, мол, с детьми без козы? Сухой, мол, ты черт, а не комендант!

— Не тревожьтесь, бабоньки, — откликнулся остренький мужичок.— Отменят коз — мы баб доить будем!

— Ах ты, охальник! Вот мы тебя веником,— заговорили, хохоча, бабы.

Вошел в барак Василий. Сказал:

— Здорово, семейные!.. Ох, и душно же у вас, братцы.

— Ничего, мы довольны,— смешливо откликнулся кто-то.— Лучше нашего воздуха не найдешь.

— Семейный! — подтвердил Василий под общий смех.

— А я хотел вас наружу, на свежий воздух позвать,— сказал он, когда смех утих.

Все сразу насторожились.

— Иль снова субботник?

— Угадали. Помочь надо. Эшелон с кирпичом пришел.

Послышались резкие голоса:

— Чего еще?

— Сейчас...

— Это ночью-то?

— Субботником нагружать, субботником разгружать!.. Когда ж это кончится! — крикнула женщина.

— Рано о конце думать, тетка. Еще только начали.— Василий подошел к лежащему на нарах Семену.

— Здорово, Семен. Давай, брат, вставай.

— Больно шустрый! — ответил Семен.— Я каменщик. Я кирпич в стены кладу, этому я ученый. А разгружать — пущай чернорабочие разгружают. Не мое это дело!

— Ученый! — насмешливо сказал Василий и подмигнул бараку.— Как это так — не твое? Видали ученого? Не его это дело! А как, по-твоему, Ленин ученей тебя?

— Не знаю...— хмуро сказал Семен.— Я с ним не мерился.

— Ну, я и без примерки скажу, что он не глупей,— возразил снова под общий смех Василий.— Так вот Ленин сказал, что народу теперь до всего дело. Все теперь — наше дело. И с генералами воевать. И вот электрическую станцию строить. Наше дело — вот тетке кофту купить,— он указал на женщину в рваной одежде.— Наше дело — заставить Сойкина в профсоюз взнос уплатить,— и Василий под общий хохот указал на мужика, сострившего насчет бабьего молока.

— Это — на-кася! — возразил Сойкин.

И опять долго смеялись. Настроение было уже веселое, легкое.

— Так как же, товарищи? — спросил Василий.

— Может, завтра все-таки? Днем-то оно посветлей, чем ночью.

— Завтра нельзя. Завтра надо этот кирпич в стены класть. Пошли, товарищи?

Помолчали, переглядываясь.

— Ну, если уж поднял,— ответил Сойкин не очень охотно,— так не укладываться же обратно.

И стал обуваться.

А в это время один из ликбезовцев — паренек лет восемнадцати — уже выводил из другого барака людей на субботник.

В тот же час в темном женском бараке стояла Анюта. Все спали. Анюта тихо позвала:

— Бабы!

Ответа не было.

— Слышь, бабоньки?

Кто-то из женщин зашевелился и сердито спросил:

— Ну чего тебе?

Анюта подошла к спрашивающей.

— Малаша, там кирпич привезли,— заговорила она торопливо.— На субботник зовут. Слышь, бабы?.. Субботник устраивают. Подсобить просят.

Сердитые голоса вразнобой:

— Кто просит-то?

— Ложись спать. У них каждый день суббота.

— Как же спать? — заговорила упрямо Анюта. — Говорю, кирпич привезли, в ночь разгрузить надо.— Она помолчала, обдумывая, что еще сказать, и добавила:— Сказывают, во имя революции.

— Какая еще тебе революция?.. Ночь, давай спи.

Малаша снова легла. Другие тоже опять накрылись дерюжками и овчинами.

— Ну, я не знаю,— беспомощно развела руками Анюта и села на нары.

В это время раздался такой громовой стук в окно, что бабы вскочили как оглашенные. Это шла на субботник группа мужчин во главе с восемнадцатилетним пареньком-ликбезовцем. Тот, кто стучал в окно, крикнул:

— Вставай, бабий пол! Вишь, мужики на ходу!

Бойкая девка по имени Катя крикнула:

— Вам только по ночам и работать!

Засмеялись — и тут, в бараке, и там, снаружи.

— Да ну их к лешему! — сказала Малаша, не поднимаясь.— Пущай одни спину ломают.

И все женщины опять улеглись на нары.

— Бабы! — взывала Анюта и ходила вдоль нар, неуверенно теребя лежащих.— Фрося... Малаша... Катя... Нельзя так... Вон сколько народу пошло. А мы?..

Свет факелов озарял мутную болотную тьму. При свете факелов, растянувшихся во всю длину эшелона, шел субботник. Иные платформы уже разгружались подошедшими людьми, другие группы людей только еще подходили. Василий распределял людей, направлял их к месту работы. Подошла Анюта с несколькими женщинами, в числе которых была и Катя.

— А нам куда?

Увидев ее, Василий радостно удивился:

— Анюта!.. И ты тут? Сколько вас? — спросил он, оглядывая небольшой бабий отряд.

— Немного...— виновато произнесла Анюта.— Больше не собралось...

— Погоди,— оживленно сказал Василий.— Куда же мне вас определить?

И он повел женщин вдоль состава, отыскивая для них вагон. Они шли по дороге, как бы пробитой во тьме, среди неясного мерцания факелов.

Разгружали торфяницы, электрики, слесари, каменщики, разгружали конторщики. Люди были утомлены после дневного труда, работали тяжело, устало. Среди других работали Зимний и Хромченко.

Василий подвел Анюту и ее спутниц к одной из открытых платформ с кирпичом.

— Вот эту и разгружайте... Цепочкой... Становись, Анюта, за старшую.

— А сам куда? — спросила бойкая Катя.

— Как — куда? Народ идет, всех надо расставить. А что, без меня не сумеете?

— Суметь-то сумеем, да на пару теплей,— возразила, играя глазами, Катя.

Василий весело хлопнул Катю по аппетитной спине и ушел. Малаша сердито сказала:

— Бесстыжая ты! Чего липнешь?

— А что? Он мужик в самый раз, — резко ответила Катя. — А то сморщишься, вроде тебя, да так не спытаешь, как парни голубят.

— Будет тебе! — гневно повернулась Анюта к Кате. — Давай становись.

...Василий шел вдоль состава. Ему было видно, что люди утомлены, невеселы и работа идет не так ладно, как должна идти.

— Что ж мы не бойко? — крикнул он на весь эшелон, стараясь подбодрить людей, поднять дух. — Где гармонисты? Давай владимирскую.

Гармонист заиграл владимирскую, плясовую. Под задорную музыку работа действительно пошла вроде слаженнее и веселее.

Картина трудной ночной работы, вагоны, факелы, рельсы, люди.

Негромкий голос повествователя:

— Моя мать рассказывала об этом субботнике с особым волнением — может быть, потому, что это был час, когда вдруг разом переломилась вся ее жизнь: почти в каждой жизни есть такой день, такой час. Я хорошо запомнил этот ее рассказ, и много раз в трудный миг вставали передо мной эти факелы, эта промозглая ночь, и люди, голодные, оборванные, таскавшие кирпичи до утра во имя рабочего класса и мировой революции.

Брезжил рассвет, уже обозначались в бледном тумане контуры вагонов, деревьев и кустов. Отзвучали песни, погасли факелы, кое-где уже кончили работу. Усталые люди брели к поселку. Возле других платформ еще кипела работа. В этот рассветный час Анюта подошла к Василию, трудившемуся на разгрузке одного из вагонов.

— Мы разгрузили, — сказала она сдержанно, не глядя на него, как всегда. — Можно идти?

— Разгрузили? Ну молодцы!

— Значит, идти? — официально повторила она.

— Погоди, — сказал он, стараясь ее удержать. — Встань-ка сюда, подсоби. Тут не долго.

Она помедлила, пожала плечами и встала в цепочку. Он был последним в цепочке. Теперь Анюта встала за ним и оказалась последней. Она принимала от него кирпичи и складывала их в ряды. Некоторое время они работали молча — он все глядел на нее, а она смотрела вбок, в сторону, даже тогда, когда принимала от него кирпич. И только иногда, когда он отворачивался, бросала на него быстрый взгляд.

— Анюта — сказал он наконец. — Что ты хмурая? Все в землю глядишь. Иль что случилось?

С минуту она не отвечала, принимая от него кирпичи. Потом сурово, не глядя сказала:

— А то разве нет?.. Ославил меня перед всем народом. И мне еще радоваться!

— Кто ославил?! — Остолбенел Василий, задержав в руке переданный кирпич.

— Эй! — крикнул ему тот, кто стоял перед ним. — Спишь?

Василий встрепенулся и стал быстро передавать кирпич за кирпичом.

— Кто ославил-то? — повторил он, обращаясь к Анюте.

— Сам знаешь, кто! — резко сказала Анюта. — Из свово дому уйтить!..

— Ничего не пойму. Об чем ты? — Обомлел Василий и снова застыл с кирпичом в руке. — Как так — уйти? Почему?

— Эй! — толкнул его в спину тот, кто стоял впереди.

— Обожди, — кивнул Василий Анюте, — окончим, тогда толком поговорим.

И он стал быстро принимать кирпичи от своего соседа.

Только-только началось утро. Низко плыл туман, и его рваные клочья били по кустам, по траве, по ногам. Разгорался день, и туман, серый и вязкий, был где-то внутри, в сердцевине своей, окрашен странным розовым светом. Пели птицы. Далеко по селам кричали петухи.

Эшелон был разгружен, последние участники субботника устало брели домой, чтобы перехватить часок-другой сна. Поодаль тропкой в болотном мелколесье шли Василий и Анюта. Анюта, видимо, уже рассказала ему инцидент со Степаном, потому что Василий гневно хмурился, бил прутом по голенищам и говорил:

— Ах, Степка! Ну погоди, сучий сын! А чего ж ты молчала? — сердито спрашивал он. — Неужто поверила, что я мог на тебя такое наговорить?

— Не знаю, — с той же сухостью возразила она. — Не знаю уж, кому верить, а кому нет.

Он вдруг взял ее руку и рывком притянул к себе.

— Не знаешь?.. А ты не в землю, а в глаза мне гляди.

— Пусти! — Она попыталась вырвать руку. — Пусти руку-то!

Но он нежно и сильно повернул ее к себе.

— Слушай!.. Хочешь, всю правду скажу?

— Уйди! — яростно заговорила она. — Слышь, уйди!.. Привыкли руками баловаться!..

Она с силой оттолкнула его.

— Выходит, Степке нельзя, а тебе можно! Не тронь! У меня муж есть.

— Да я все понимаю, все... — в тоске заговорил Василий. — Что мужья жена — понимаю. И что не время сейчас, и что революция... Все понимаю. А совладать с собой не могу. Хожу как чумной.

И он вдруг схватил ее и прижал к себе так, что она, тонкая, хрупкая, казалось, вот-вот сломится.

— Не гулять я с тобой хочу, дура! Люблю тебя. Вот оно как. Люблю!

И отпустил ее, отошел. Она пошатнулась, оперлась спиной о березку и стояла так некоторое время, тяжело дыша. Далеко-далеко пропел петух. Василий двинулся к ней.

— Не трожь, слышишь! — проговорила Анюта. — Я кричать буду. Слышишь?

И столько прелести было в ее тонкой фигуре, в этом сердитом свете удивительных глаз, что он, не помня себя, снова сжал ее, пригвоздя голову поцелуем к березе. Она стала медленно соскальзывать по стволу вниз и уже не яростно, а умоляя, забормотала:

— Не надо... Не надо... Худо нам будет... И так люди бог знает что говорят...

И сползала все ниже и ниже.

И уже совсем сползла наземь, но вдруг последним усилием вырвалась и бросилась бежать.

— Стой! — крикнул он.

Она сразу остановилась.

— Завтра буду тут ждать. Как луна взойдет. Слышишь?

Не отвечая, она опять изо всех сил побежала, карабкаясь на пригорок. Сорвалась, заскользила вниз, увлекая за собой камни, хватаясь за траву, чтобы остановиться. И опять стала торопливо карабкаться вверх, будто за ней гнались.

— Буду ждать! — еще раз крикнул Василий. — Как луна взойдет. Слышь, Анюта?

Но Анюта все бежала и бежала.

Вечер следующего дня.

Прогудел тонкий голосок паровой установки на Загоре. Это был сигнал к окончанию работ. Трудовой

день завершился. Отовсюду к жилым баракам потянулись люди. Шли с торфяных болот торфяницы, шли со строительных участков каменщики, плотники, слесари, столяры, шли лесорубы расчищавшие лес...

Столовая переполнена. Люди сидят тесно, впритирку. Едят утомленно, не торопясь, собирая крошки от хлеба.

Еда — вобла, немного похлебки.

...Возле жилого барака ужинают семейные. Едят картошку, макая ее в соль: тоже молча, степенно, не торопясь.

...И в бараке, пристроившись на нарах, на ящиках, едят усталые, голодные люди.

Час отдыха, час еды!

Облизала ложку старуха, повернулась к углу, где не было иконы, и набожно перекрестилась.

...Ночь. Тишина. Знакомый нам женский барак. Все уже спят.

Только Анюта лежит на спине, руки под голову, и недвижно глядит в потолок. Сонный ропот, похрапывание. Проснулся ребенок, пискнул, послышались невнятные слова баюканья, и снова тишина.

Медленно, каким-то неясным, как бы далеким сиянием начинает озаряться темный переплет окна. Вот уже посветлел край стены, край стола: неясное голубое мерцание вошло в сонный барак и поползло по стенам и потолку, по кадушке с водой, по нарам. Это всходила луна.

Анюта рывком поднялась и села на нарах.

— Что ты?.. Куда?.. — забормотала спросонья Катя.

— Никуда. Спи.

И снова легла. А луна взбиралась все выше и выше. Уже полбарака было озарено ее призрачным, легким светом. Все то, что скрывалось во тьме, постепенно проступало теперь наружу — такое привычное, знакомое и все же такое странное, новое в этом холодном, нездешнем сиянии.

Анна встала и начала быстро одеваться.

— Чего это? А? Куда? — опять спросонья забеспокоилась Катя.

— Пойду на село.

— Ночью? Это еще зачем? — от удивления Катя сразу проснулась

— Погляжу, не приехал ли Федор...

— Ой, врешь ты чегой-то, баба, — протянула, подумав Катя.

Но Анюта уже быстро шла к выходу.

Залитые лунным светом, курились болота. Кричали лягушки, серебрилась осока, и даже скрюченный болотный кустарник казался таинственным и прекрасным, каким кажется грубое театральное полотно, преображенное огнями софитов.

Анюта как вихрь взлетела на тот самый холмик, куда в страхе карабкалась вчера, убегая от Василия. Остановилась. Все вокруг казалось огненно-синим. Тени, резкие, острые, легли на траву, на деревья, да так и застыли. Громко крикнула ночная болотная птица и продолжала свой горестный клич через ровные промежутки.

Задыхаясь, Анюта прижала руки к груди. Медленно обвела глазами болото, далекий лес, словно прощаясь с прошлым, где все было так ясно и точно. Затянула потуже платок. Стала спускаться. И остановилась как вкопанная, увидев Василия. Он стоял на вчерашней поляне и курил папиросу.

Анюта охнула, опустилась на траву, закрыла лицо руками. Некоторое время она сидела так, помотывая головой, как от сильной боли. Потом тихонько отвела руки.

Перед ней внизу расстилалась поляна. Луна озаряла ее. Василий стоял, прислонившись к березе. Тень от легкого облака гуляла по траве и кустам, то заслоняя, то открывая ее.

И вдруг, слабо вскрикнув, Анна бросилась опрометью назад. Она бежала как ветер, ничего не видя вокруг, стараясь уйти от страшного наваждения, которое охватило ее, смяло, лишило сил и едва не привело к Василию. Она бежала болотами, лесом, лугами. Все было тихо, празднично лунно, и только горячее женское сердце металось, изнемогая, среди ночного покоя да кричала болотная птица.

А Василий ждал на поляне и курил папиросу за папиросой.

Анюта вышла к родному селу. Тут на юру стояла с седых времен старая сельская церковь. Окна ее теперь были заколочены, ржавые двери настежь раскрыты, словно взывая к тем, кто, усталый и обремененный, плутал в ночи.

Анюта вбежала в церковь. В недавнее время здесь, очевидно, был склад, всюду валялись старые бочки, обломки ящиков, всякая рухлядь. Лунный луч, клубившийся где-то в прорезях купола, светил слабо, словно голубая свеча. Сельский бог, держа на ладони голубя, загороженный ящиками из-под повидла, едва вырисовывался в темноте рядом с иконой божьей матери, созданной местным иконописцем.

Анюта рухнула на пол среди соломы, обрывков шпагата, смятых окурков и неистово стала молиться, припадая в рыданиях к темным плитам.

— Господи, святый боже, святый крепкий, святый бессмертный!..

Нет, это не была молитва робкой души, трепещущей и напуганной. Это была мольба души сильной, страстной, которая билась насмерть в этот час, чтобы сломить в себе эту страсть. И поклоны ее были неистовы, и слова метались по этой удивительной церкви в какой-то яростной хрипоте. Это была молитва женщины, которую сжигала любовь, мольба о погибели этой любви, но каждое слово мольбы делало эту любовь еще более страстной и непобедимой.

...Померк лунный свет, ночь кончалась, потянуло холодом и туманом. Василий шагал по поляне. Затем взошел на пригорок, где недавно стояла Анюта. Огляделся вокруг. Анюты нигде не было видно.

Не было видно теперь и лунных болот, синего, странного света, не было слышно лягушек. Отовсюду, словно из пор земли, поднимался туман, надвигаясь, как туча, застилая собой все.

Василий печально вздохнул и побрел своей дорогой. В рабочем поселке все окна были темны, светилось только одно окно Хромченко.

Василий подошел, увидел, что Хромченко сидит за столом, постучал.

— Входи!

Хромченко что-то писал. Прихода Василия он, конечно, никак не мог ожидать. Спросил удивленно:

— Ты чего рано?

— Поговорить надо.

Хромченко отодвинул лист исписанной бумаги:

— Говори.

Василий походил по комнате, закурил.

— Скажите, товарищ Хромченко. Как будет при коммунизме насчет любви? Будет любовь или нет?

— Вот так вопрос! — сказал Хромченко, засмеялся и закурил. — Ты, значит, для этого спозаранку поднялся? Иди досыпай — будет любовь!..

Но Василий не принял шутки. Опять походил.

— Ну, а если так? Замужняя женщина, а ты полюбил ее?

Помолчал.

— Сманить хочешь... Жить с ней, с замужней? Как это? — В мучительном ожидании спросил он. — Вяжется это с коммунизмом? А?

— Задача! — не то серьезно, не то комически вздохнул Хромченко и поскреб затылок. — В марксистской теории, брат, на это ответа нет. Но если уж зашел разговор, то скажу: нехорошо с замужней. Нечисто. Надо в себе это побороть.

— А если нельзя побороть? Если жгет день и ночь?

— Ну «жгет», «жгет», — усмехнулся Хромченко. — Это уж, брат, романтика... Какие же мы коммунисты, если с пустым баловством не справимся. Охота вздыхать — влюбись в девку!

— Да я не об девках сейчас! — в ярости крикнул Василий. — Чтоб они провалились совсем! Любовь, ведь она не спрашивает: есть у ей муж или нет! Жгет, дыхнуть не могу!.. И что за теория, раз об этом ничего нету?! Какая это теория!

— Да ты погоди, погоди!..

— Вот с тобой говорю, а только об ней и думаю... — продолжал, не слушая, Василий. — Почему не пришла? Где она? Что с ней, с бедной? Вот и ответь, если ты марксист!..

...В тот же рассветный час Анюта укладывала в бараке свой сундучок. Укладывалась тихо, стараясь никого не разбудить. Но, когда сундучок был уложен и закрыт, она легонько толкнула спавшую Катю.

— Слушай, Катя, скажешь дяде Семену, что я совсем ухожу из артели.

— Это еще почему? — изумилась Катя, протирая заспанные глаза.

— Так нужно, — молвила Анюта. — Пойду на болото работать, на торф.

— Сдурела?! — крикнула Катя.

— Нет, нет, так нужно... так нужно... — повторила Анюта, взяла сундучок, пошла, остановилась и промолвила как бы невзначай. — А если этот... знаешь, со склада... будет спрашивать, где я... скажи, мол, не знаю... Ничего, мол, не знаю... Ладно?

Комната Хромченко. Теперь уже Василий сидел за столом, низко опустив голову, а Хромченко шагал из угла в угол.

— Ты пойми — разве я против любви? — говорил он. — Но ведь ты коммунист, человек, на которого смотрит народ, по тебе проверяет — правду мы в жизнь несем или грязь и только брешем о правде... А мы будем жен от мужей уводить, с чужими бабами путаться!.. Хорошо это, как, по-твоему? Что народ о нас скажет? Вред это партии, а?

Василий долго молчал, потом встал и решительно, как отрубил, сказал:

— Точка! Все!.. Выдеру эту блажь из себя... Может, оно и к лучшему!..

Но вид у него был такой несчастный, что Хромченко подошел, обнял его.

— И вообще, друг, — сказал он проникновенно, — время ли сейчас до всего до этого?.. Ну скажи по совести — время? Рабочий класс ведет бой, какого еще не видала история. А в сражение, брат, надо идти со спокойной душой. Что ты за боец, если у тебя в душе суматоха?.. Никудышный боец! Рано еще нам, брат, до гитар и лобзаний. Ясно? Чай будем пить?

Василий не отвечал. Хромченко снял с керосинки чайник, разлил чай по кружкам.

— Хорошо, — сказал тихо Василий.— Но скажи мне тогда, Андреич, почему это человек...

Он не успел закончить вопроса. Раздался громовой стук в окно, и вслед за этим чей-то отчаянный крик:

— Иван Андреич! Вставай! Ленин убит!

И сразу замелькали огни в поселке, на озере. Повыбегали из бараков полуодетые люди, заметались. Кто-то изо всех сил бил в железный рельс — сигнал тревоги и бедствия. И этот грозный, надсадный набат гулял над людьми и домами.

На маленькой железнодорожной станции, где стоял поезд с вагонами Дениса, толпа в смятении хлынула куда-то. Люди бежали мимо Дениса и Федора, и каждого пробегавшего Денис в ужасе вопрошал:

— Неужто убили? Неужто правда убили?

Люди не отвечали. Безнадежно махая рукой, они пробегали мимо.

Все бежали к поезду из Москвы, который медленно подходил к платформе.

— Да побеги ты, ради Христа, узнай! — взмолился Денис, обращаясь к Федору. — Ну что ты стоишь, как идол!

— Стоишь! — передразнил Федор, который и сам-то едва был в силах бороться с желанием бежать на станцию и все узнать. А мешки?.. Беги сам!

— Не могу я оставить вагоны, — убеждал, чуть не плача, Денис. — А мешки я постерегу.

Но Федор стоял в нерешительности.

И снова прыгал Денис, как привязанный, возле своих знаменитых вагонов и молил каждого, кто пробегал:

— Мил человек, не могу отойти... Христом-богом прошу — вернись и скажи, что там такое!..

Наконец Федор не выдержал.

— Ладно, пойду!.. Только смотри мне!.. — с угрозой сказал он Денису, кивнув на мешки.

И побежал через рельсы на станцию.

Московский поезд уже остановился. Большая толпа окружила паровоз. Помощник машиниста бросал в толпу связки газет, в то время как машинист кричал:

— Не верьте, граждане, клевете!.. Ленин жив, только ранен!.. Жив Ленин!.. Не верьте империалистам!.. Жив!..

Радостный гул пошел по толпе. Люди, чужие друг другу, в рабочих куртках, в шинелях, в армяках, обнимались.

И надо всем этим разносился голос машиниста:

— Товарищи! Враги хотели убить того, кто отдал всю свою жизнь рабочему классу... Хотят в крови утопить свободу. Не выйдет, товарищи... Ленин жив, только ранен. Никакой паники! Слухам не верить!.. Ленин жив!.. Жив!!!

Федор опоздал и стоял в толпе далеко от оратора, голос машиниста был ему едва слышен, и Федор в тревоге и нетерпении спрашивал каждого:

— Что он говорит? Жив? Да? Жив?

И наконец опрометью бросился обратно к вагону, в восторге крича на ходу Денису:

— Жив!..

Они долго на радостях обнимались. Денис утирал слезы счастья, размазывая их ладонью по щеке.

Загудел паровоз, московский поезд ушел. Люди, оживленно переговариваясь, читая газеты, покидали платформу.

— Да, вот это радость так радость! — говорил Федор, развязывая знакомый нам мешок с провизией.— А я и вправду думал, что убили его... Такой человек!.. Аж сердце обмерло... Есть на радостях будешь?

— Да уж не прочь, — стеснительно отозвался Денис.

— Такой человек! — продолжал Федор, вынимая провизию из мешка. — И сколько он для людей сотворил!.. Ведь это подумать!.. Салу тебе или как?

— А я уж и сам не знаю, — сказал Денис, растерянно оглядывая остатки своей одежды. — Не знаю, чего и сымать... одни штаны только и остались. Неловко...

Федор оглядел штаны Дениса.

— Что за неловко! — успокоительно сказал он. — Небось не престольный праздник... Теперь до дому уже недалече...

Чуть брезжило, кричали петухи, когда Денис, пробираясь со станции к главному поселку загорской

стройки на озере, подошел к крайнему бараку. Он пробирался, пугливо оглядываясь, боясь попасться кому-нибудь на глаза, так как был в одном исподнем белье: все остальное его обмундирование перешло к Федору за харчи в пути.

Окна в крайнем бараке были темны: все спали на стройке в этот глухой час. В потемках Денис вошел в сени, нащупал дверь, вошел в барак. Протянув руки, чтобы не наткнуться на что-нибудь, он сделал несколько шагов вперед, налетел на табуретку, рванул в сторону, опрокинул ведро. На нарах зашевелились, и сонный женский голос спросил:

— Кто там?

С испуга Денис подался назад и сел на кого-то, лежавшего на нарах. Женщина с визгом вскочила и завопила:

— Батюшки! Кто это?

Совсем очумев, Денис бормотал:

— Господи! Кудый-то я? Никак, женщины?!

Барак зашевелился, послышались испуганные женские голоса, чиркнула спичка, колыхнулся огонек на фитиле, и Денис, помертвев от ужаса и стыда, убедился, что он попал в женский барак.

Слышались возмущенные возгласы:

— Мушшина!

— Ты к кому пришел?

— Ты кого тут ищешь?

— Бабы держи его!

Денис кинулся к двери, но две дюжие женщины, бросились ему наперерез и вытолкнули на середину барака.

— Глядь, бабочки, он враз в ночном виде, чтоб зря не мешкать! — крикнула Катя.

Тут только разглядел барак туалет несчастного Дениса. Грянул неистовый хохот.

— Ах ты бесстыжий кот, нахальная твоя рожа!

В Дениса полетели самые различные предметы — легкие и тяжелые: сапоги, кастрюли, жестяные кружки...

Он отбивался, прикрывая голову и взывая:

— Постойте, бабы! Товарищи! Убьете ведь... Да разве я об чем таком думаю? Да я без мыслей, бабоньки...

— Без мыслей! А штаны где?

Новый взрыв громового хохота. Денис продолжал в смятении объяснять:

— Я, братцы, с дороги... Прохарчил одежонку... Барак-то, думал, мужской... Вот и свернул за одежей... Я, братцы, продукты привез на стройку.

Это последнее заявление сразу оборвало шум и смех. Все насторожились, затихли. Послышались недоверчивые вопросы:

— Какие продукты?

— Откудова?

— Что брешешь-то?

— Ей-богу, — заговорил Денис. — И мука и крупа. Всему народу гостинец! — радостно заключил он.

Все в недоумении молча глядели на Дениса, не зная, верить ему или нет.

— Ты что же, сам продукты вез, а штаны на продукты сменял? — недоверчиво протянул кто-то.

— Так то ж не мое... То ж я народу вез, — сказал, оглядываясь, Денис.

— Ты хоть прикройся-то малость, — уже совсем другим тоном сказала Малаша и кинула ему одеяло.

Денис стал поспешно обматываться одеялом. Бабы окружили его:

— Ты вот что... не плети. Ты правду говори...

— Да, истинный бог, привез, — крестился Денис. — И сахар привез.

— Слышите, бабы?

— И пшена привез, — со счастливой улыбкой твердил Денис.— И копченое сало... И гречку... Вон на станции.

Весь барак зашумел от радости. Катя с размаху набежала на Дениса, обняла его и влепила поцелуй.

— Ах ты, родимый ты мой!

Снова хохот.

— А мы чуть не убили!..

— Качай его, бабы, — крикнула Катя.

И замотанный в одеяло Денис стал взлетать, подбрасываемый восторженно гудевшим бараком.

Под вечер, задами, чтобы не узнали односельчане, какой продукт и в каком количестве он привез, пробирался Федор к своей избе в деревеньке Теребеевке.

Остановился в изумлении. Окна его избы были крест-накрест заколочены. На дверях висел большой ржавый замок, но замочное кольцо было выворочено, и дверь приоткрыта.

Федор осторожно и испуганно вошел в избу. Она казалась пустой. Из-за полога, где стояла супружеская кровать, доносился громкий мужской храп.

Федор так и застыл на месте, услышав этот храп. Затем, сбросив тяжелый мешок, кинулся за полог. Там, на кровати Федора и Анюты, спал Степан в галифе и новых сапогах.

Федор яростно пнул его ногой в бок. Степан вскочил, ошалело уставился на Федора.

— А, явился! — не очень дружелюбно приветствовал он хозяина.

Федор свирепо оглядел все кругом в поисках Анюты. Обшарил кровать, заглянул под кровать, рванул занавеску.

— Где жена? — грозно рявкнул он. — Анюта где?

— Анютка? — переспросил Степан, усмехнувшись.— А я почем знаю?

— Как это не знаешь? А ты чего здесь? — со злобой, ревниво и грозно добивался Федор.

— Я-то! — Степан спокойно закрутил цигарку.— Я-то, брат, поначалу на фронт подался. А потом нашлись люди добрые, надоумили. Тоже кишки мотать за ради чего неохота. Ну, вернулся. Селиться негде, живу вот тут. — Он указал на супружескую кровать Федора

— Да я не о тебе спрашиваю, прах тебя побери!— гаркнул вне себя Федор. — Я об жене. Что с ней? Говори толком, собака! Куды мою жену дели?

Федор рванулся к Степке, схватил его за ворот рубахи.

— Ну ты, полегче, — заметил Степан, высвобождаясь.

Он встал, потянулся, вышел из-за полога. Федор неотступно следовал за ним. Степан посмотрел на мешки, привезенные Федором, взглянул в его настороженные, злые глаза и сообщил:

— Плевала теперь на тебя твоя Анютка. На стройке она. С начальством живет.

— С каким начальством?

— Помнишь, столовался тут у тебя один... комму-

нист. — Степан развязал мешок Федора, вынул оттуда сало. Рванул зубами. — Так она теперь с ним и по ночам Карла Маркса читает.

— Брешешь! — захрипел Федор. — Брешешь, пес!

Его нельзя было узнать. Он был страшен. Глаза налились кровью, руки дрожали.

— А чего мне? Вон у народа спроси.

— Перекрестись!

— На вот, — перекрестился Степан.

Федор вдруг сразу обмяк, сел на скамейку.

— Что же это? — забормотал он в отчаянии. За что же это? А, Степа? Ведь так любил ее, так любил... Такие страданья принял—смотри, сколько привез... Стреляли в меня, мучился, а все вез... Все для нее... — Всхлипнул. — За что же так? А? За что, господи?

— Потому и вертит хвостом, что все для нее. — Степан съел уже половину бруска сала. — Нашел тоже! Стегать их надо!

— Ну ладно, Анютка! — захрипел Федор и поднялся с лавки.— Теперь убью!

И он начал торкаться по углам, что-то ища.

— Чего ищешь? — Степан вынул из кармана галифе наган. — На-ка вот.

Федор отшатнулся.

— Что ты, окстись! Мы своим средством. Где вожжи?

Он опять заметался по избе. Взгляд его упал на загаженный окурками, сором, пустыми бутылками пол.

— Что ты с избой натворил-то? Боров! — сердито крикнул он. — И сало мое отдай! — загремел он, только сейчас заметив, что Степан ест сало. — А это убери, — он кивнул на наган.

Он нашел наконец вожжи, стал их энергично разматывать.

— Дурак ты, дурак! — презрительно констатировал Степка, пряча наган. — Разве одними вожжами теперь с бабой справишься?

Федор сел, глядя на вожжи. Потом поднял глаза на Степана и вдруг, утирая слезы, сказал:

— Подсоби, Степан. Век буду бога молить. Слышишь, Степушка, подсоби.

— Ладно, сделаемся... Как потемнеет, съездим, возьмем ее. Беги за телегой.

Торфяные болота протянулись до самого горизонта. Тяжела была тут работа женщин-торфяниц, но работали они хорошо. Среди них уверенно, споро, весело работала и Анюта.

Уже вечерело, и близился конец рабочего дня, когда по лесной тропке прискакал к торфяницам верховой и крикнул:

— Эй, на болоте! Как пошабашите, все к центральной конторе. Продовольствие привезли, подарки выдавать будем. А потом кино.

Радостный хор голосов прошел по болоту.

...Оживленно было в женском бараке, раскинутом на торфяных массивах. Работницы готовились к поездке на центральный участок стройки: отмывали руки, причесывались, надевали чистые кофты. Мелькали белые платочки. Царила радостная, веселая суматоха.

Анюта, не торопясь, утиралась полотенцем.

Вбежала запыхавшаяся девчонка:

— Скорей! «Кукушка» подошла.

Все еще больше засуетились. Одна лишь Анюта медленно утирала лицо.

— А ты чего возишься? — крикнула ей мимоходом товарка. — Аль опять не поедешь?

— Да ну их! — ответила Анюта.

— И почемуй-то, девки, наша Анюта никогда на центральный участок не ездит? — крикнула бойкая девушка. — Разочарование у ней в кино или как?

Засмеялись. Кто-то сказал:

— А ведь верно!

Анюта как-то странно засуетилась, стараясь скрыть смущение.

— Устала я, вот и все...

Бойкая девушка подбежала к Анюте, обняла ее.

— Поедем, Анюта! Нешто так можно жить? Все работа, работа... Ведь ты же красавица! Погляди на себя. — Она пододвинула осколок дешевого мутного зеркальца.

Анюта пожала плечами, нехотя взглянула в зеркальце, нехотя провела пальцами по бровям. И вдруг озорная искра пробежала в ее глазах.

— А может, правда поехать? — негромко сказала она.

Словно какая-то острая мысль вдруг прожгла ее, — она встряхнула головой, улыбнулась в зеркало легкой, беспечной усмешкой и стала расчесывать волосы деревянным гребешком.

...В это время Федор и Степан угрюмо ехали на телеге по лесной разбитой дороге.

...Анюта уже оделась в праздничное платьице. Было сейчас в ней что-то совсем иное, такое, чего мы еще ни разу не видели в ней, что-то горячее, легкое, оживленное. Она вынула из сундучка белый платок, примерила, кинула обратно, порылась еще и извлекла шарф, который подарил ей Василий, набросила на плечи.

Снова взглянула на себя в зеркальце, поправила шарф и выбежала вместе с другими из барака.

...Хохоча, взбирались торфяницы на платформы «кукушки». Анюта уже сидела на платформе, ее соседка что-то рассказывала ей, и обе смеялись, когда подбежала еще одна из торфяниц:

— Анюта! Фокина! Где Фокина?

— Я здесь, — встрепенулась Анюта.

— Тебя там спрашивают.

— Кто спрашивает?

— Вон, за бараком... Какой-то мужчина.

— Мужчина?

Странная мысль о Василии пронзила Анюту. Не помня себя, легче пуха соскочила она с платформы. Побежала к поляне. Вдруг чей-то голос из-за угла окликнул ее.

— Анюта!

Остановилась, помертвев. Это был Федор.

— Иди-ка сюда, — сказал он, указывая на рощу.

Анюта нашла в себе силы с притворной радостью сказать: — Федя! Приехал!

— А ну-тка, пройдем, — не отвечая, проговорил муж.

Женщина шла за ним, испуганная, непонимающая.

Он подвел ее к деревьям, за которыми прятался Степан. Глухо сказал:

— Ну, говори!

— Чего говорить? — побледнела она. — Что ты, Федя?

— Сказывай, с кем путалась, душу твою раздери! С кем спишь, говори. Убью! — вдруг заревел он.

Анюта в испуге подалась назад, он наотмашь ударил ее кулаком. Удар отбросил ее в сторону Степана, и тот с такой силой хватил по затылку, что она снова оказалась отброшенной к Федору, который на этот раз изо всех сил обрушил кулак на ее лицо. Анюта схватилась руками за лицо и упала.

Подскочил Степан и начал пинать ее ногами, приговаривая:

— Бей ее, бей!.. Чего стоишь?! Бей!

И Федор тоже прыгал около Анюты и пинал ногами.

Запоздавшая торфяница, пробегая к «кукушке», увидела это избиение.

— Караул! — Торфяница бросилась к станции. — Ба-а-бы!

— Скручивай! — крикнул Степка Федору. — Тащи к телеге!

Они скрутили Анюту вожжами и поволокли по земле в чащу, в лес. В это время раздался свисток, «кукушка» тронулась, а опоздавшая торфяница истошно кричала, догоняя ее:

— Товарищи! Граждане! Бабу бьют! Нюрку Фокину убивают!

Несколько человек — мужчины и женщины — повыскакивали на ходу с «кукушки», бросились к баракам.

Но телега уже умчалась, подпрыгивая на кочках. Федор держал связанную Анюту, а Степан изо всех сил нахлестывал лошадь.

На центральном участке, возле конторы, выдавали всем рабочим продовольственные подарки из продуктов, привезенных Денисом. Бурлило веселье, как на Первомай. Пели песни, плясали, водили хороводы. Заливалась гармошка. Особо выдавали подарки ребятишкам, и их курьезная очередь колыхалась возле ларька.

В мужском бараке рабочие, обступив Дениса, одевали его.

Каждый наперебой предлагал ему свою гимнастерку, косоворотку или пиджак.

— Да что ты ему даешь! Не видишь — велико ему... На-кась, мою примерь...

И Денис, стесняющийся и счастливый, примерял еще одну гимнастерку. Он был уже в брюках, но без сапог. А вокруг раздавались голоса:

— Вот это враз...

— А ну-тка, прикинь теперь это!

Вошел Василий с новыми сапогами.

— Попробуй-ка! Влезешь?

Денис, так и не подобрав гимнастерки, бросился примерять сапоги.

...Мимо хороводов, гармошек, ребятишек, мимо празднично одетых людей бежала Катя. Прибежала на склад.

— Губанов здесь?

— Нету... Он в третий барак побежал, с сапогами...

А в мужском бараке ребята по-прежнему стояли вокруг Дениса, который уже обмотал босые ноги портянками и сейчас натягивал сапоги. Смотрели с таким интересом, будто Денис фокусник, будто дело происходило в театре. Денис натянул сапоги, прошелся, поправил голенища, опять прошелся. Сказал удовлетворенно:

— В аккурат! Только великоваты.

Вбежала Катя.

— Губанов тут?

— Тут, — откликнулся Василий.

Она сделала ему знак отойти в сторону и, едва переводя дух, зашептала:

— Слышь ты! Бабы с торфа приехали, говорят, муж Анютку избил. Гляди, до смерти доколотят, у нас так бывает...

— Как — избил? — Василий побледнел. — Где это?

— На болотах... Двое их было... Говорят, связали и на телеге увезли... Видать, домой, в деревню...

— Та-ак, — сказал Василий.

И, постояв немного, быстро вышел из барака.

В избе Федора дым стоял коромыслом. Собралась лихая компания: были тут и Степан, и Расстрига, и

некий Чернобородый, и еще несколько дезертиров из местных крестьян. Пили самогон, лопали сало, привезенное Федором. Сам Федор, навеселе, потный, вихрастый, рассказывал о своих похождениях.

— Да что ты мне говоришь! — кричал он. — Я сам их видел. Вот как тебя. Тут они, а я тут...

— Да кто ж это были? — допытывался Расстрига.— Немцы? Наши? А может, французы?

— А пес их знает. Я оттеда убег.

— И конница у них есть?.. И артиллерия? — сыпались вопросы.

— Если б не было, разве я бы побёг?.. Ой, братцы, братцы!.. Все видел, везде сарпинку менял, думал, сгодится, впрок. А теперь, — он безнадежно махнул рукой, — жизнь вперекос пошла, ничего мне не нужно. Ешьте! Жрите! Мне теперь все равно! А бабу свою я все одно убью. — Он хватил стакан самогона и вышел за полог.

. .

Здесь на кровати, избитая, со связанными руками, лежала Анюта. Глаза ее были закрыты.

— Анюта, спишь?

Она медленно открыла глаза и снова закрыла их. Страшный синяк затенял один глаз.

Федор долго смотрел на нее. Потом вдруг как-то странно сморщился, всхлипнул и опустился на сундук.

— Что ж ты наделала?! — в смертельной тоске забормотал он. — Господи боже мой! Куды ж деваться теперь? Все прахом, вся жизнь!

Анюта не отвечала. Глаза ее были закрыты.

— А может, брешут люди? — в великой надежде и любви спросил Федор. — Знаешь, народ-то .. Народ-то он, знаешь!.. Анюта? Дай-ка, я тебя развяжу.

Он зубами распутал узлы, стягивавшие ей руки. Наклонился к ней, пытаясь заглянуть в глаза.

— Слышь меня? Может, и вправду брешут?.. Ну, может, и было что, да не любишь ты его вовсе... — совсем тихо забормотал он. — А? Анюта? Скажи, я прощу... Ведь не любишь?

Она медленно открыла глаза и долго смотрела на Федора, словно видела его впервые. Ни страха, ни смятения не было в этом взгляде.

— Люблю, — проговорила она.

Федор окаменел. Потом изо всех сил ударил ее по лицу. Помедлил и еще раз ударил. Вышел.

В избе встретил его новый взрыв шума, говора.

Анюта полежала немного неподвижно, потом приподнялась. С трудом — она была жестоко избита — раскрыла окно. Перегнулась через подоконник, свалилась вниз во двор. Поднялась. Побрела к калитке. Все это делалось медленно, с огромным напряжением сил; все время казалось, что вот-вот выдаст Анюту какой-нибудь случайный шорох, вот-вот за полог войдет опять Федор или кто-нибудь из пирующих.

Ночь была темная, шумели деревья. Недолгое время она шла по темной болотной тропе, потом рухнула навзничь.

Так, на тропе, и нашел ее Василий, бежавший во весь дух к Теребеевке. Бросился к ней, приподнял. Она открыла глаза, отшатнулась, дрожа, и вдруг, узнав, прижалась к нему всем своим избитым, исполосованным телом.

— Ты!.. Ты?.. — в исступлении бормотала она. — Ты?.. Ты?.. Ты...

Он держал ее в объятиях, целовал ее волосы, изуродованное лицо, а она говорила, торопясь, задыхаясь, трепеща от нежности и любви:

— Куды ж ты скрылся?.. Что ж не искал меня? Что ж не кликнул? Аль разлюбил? Аль не любишь?

— Люблю, — говорил он и целовал ее с такой силой, что они затихали надолго.— Люблю!..

— Говори, говори! — жадно шептала она. — Говори!.. Да обойми меня! Слышь, обойми! — повторяла она в нетерпении.

И снова, как тогда в церкви, увидели мы все неистовство страсти, бушевавшей в этой женщине, такой тихой и робкой на вид.

А он говорил:

— Люблю!.. Измаялся без тебя!.. Извелся!..

Вокруг была темная болотная ночь, накрапывал мелкий дождь, ударяя о ветви ели, которые укрывали их. Он обнимал ее все горячей, а она жалась к нему тесней и тесней.

— Желанный мой!.. Пусть бьют... пусть убьют!.. Кровинка моя!

— Так в эту темную ночь решилась судьба их любви, — говорит повествователь. — С тех пор они уже не расставались. Это были моя мать и мой отец.

Прошел год, самый тяжелый год для Республики. Белые приближались к Москве. Нашей армии не хватало винтовок, снарядов. У населения не было одежды и дров, не стало и хлеба.

Мы видим пустые московские улицы, заколоченные витрины. Вот прогремел одинокий трамвайчик, увешанный людьми. Мигнул электрический свет в окнах домов, еще раз мигнул, пожелтел и погас.

Тьма, безлюдье. И молчаливая, длинная, бессонная очередь женщин и детей возле хлебного магазина.

Такая же длинная очередь женщин и детей: Это уже Загора. Очередь видна из окна конторы, возле которого стоит Зимний. В конторе партийное собрание заговорцев.

Зимний отвел глаза от окна, стукнул карандашом о стол и спросил:

— Ну так как, товарищи коммунисты, будем решать? Надо решать, товарищи.

И один из присутствующих сказал то, что, очевидно, говорилось на этом собрании много раз:

— Да какое же может быть тут другое решение?! Поезда встали. Связи с Москвой никакой. Хлеба нет, ничего нет. Какое еще решение?!

И Хромченко, бледный, осунувшийся, закричал:

— Нет! Не могу! Нельзя, товарищи. Нельзя так! Как же можно сейчас закрыть стройку? Ведь совсем немного осталось.

Другой из присутствующих, видимо, фельдшер, потому что пальто было у него наброшено поверх белого халата, забормотал:

— Тиф, Андрей Иванович! Тиф... Народ валом мрет...

— Эка невидаль — тиф! — крикнул Хромченко и закашлялся. — Тиф, он теперь всюду. Вот с хлебом что делать? — продолжал он в отчаянии. — Хлеб где? Ну чего молчишь? — обратился он к одному из партийцев по фамилии Авдеев.

— Что ж еще говорить-то! — хрипло отвечал Авдеев. — Я уже объяснял: вышел к нам из Москвы эшелон с мукой... И нету его.

Раздался нетерпеливый голос:

— Где ж он, черт тебя побери!

— Откуда я знаю, — Авдеев слабо развел руками, — застрял где-то... То ли мост взорван, то ли еще что...

— Как так — не знаешь? Тебе поручено, а ты не знаешь?! — вспыхнул Василий.

Кто-то схватил Авдеева за ворот, подтолкнул его к окну, сунул носом в стекло:

— Гляди, что делается-то!!

За окном все в том же безмолвии стояла у хлебного магазина очередь, которая, казалось, стала еще длиннее.

— Видишь? — яростно спросил Авдеева тот, кто подтолкнул к окну.

— Вижу, — тихо сказал Авдеев.

Оглядел всех горячечными глазами, помотал головой, отошел от окна, покачнулся, тяжело сел на стул и опустил голову на руки.

— Простите, товарищи, болен я,— прохрипел он.

Встал Василий.

— Ладно, я этот эшелон найду.

На него поглядели с недоумением.

— Где это ты будешь его искать?

— Нужно найти — значит, найду! И все тут. Точка!

— Поезда-то не ходят, — возразил кто-то. — Может, он, эшелон, за восемьдесят верст встал.

— Слушай, Губанов,— сухо сказал Хромченко,— я уже слыхал один раз от тебя это твое: «Точка!» Так помни — тут ведь не по бабьему делу. Тут дело такое: будет хлеб — будем строить. А нет — придется действительно стройку закрыть. Ясно?

— Можно идти? — спросил Василий и вышел.

Он жил в каморке при складе. Здесь стояла простая железная койка, покрытая шинелью. Неструганный ящик из-под товара заменял стол, не было ни вещей, ни мебели — голые стены. И все же в чем-то неуловимом, неясном чувствовалось присутствие женщины. Какая-то робкая, чисто женская попытка создать уют, обжитость,

изгнать холод голых, неприветливых стен. Вот шарф, некогда подаренный Василием, — он наброшен на ящик, заменяющий стол. Вот букетик полевых цветов в жестяной банке. Синий женский передник на гвозде.

Василий торопливо подбросил щепок в печурку, разжег их, поставил греться воду.

Внезапно в раскрытом оконце мелькнула чья-то тень. Василий поднял глаза. В оконце стоял Федор, страшно похудевший, обросший. Василий даже не сразу узнал его. А узнав, остолбенел от неожиданности.

Они довольно долго оглядывали друг друга.

Наконец Федор сказал:

— Что? Не узнал? Год не видались.

— Да вроде как бы и год, — отозвался, стараясь скрыть смущение, Василий.

Взял с полки три картофелины и бросил их в воду.

Федор неторопливо оглядел голые стены каморки, ящик, покрытый шарфом, койку, застланную шинелью.

— Значит, все строите? — язвительно спросил он, кивнув в сторону стройки.

— Строим.

— В тифу-то? В голоде?.. И до каких пор?

— Пока не выстроим.

— Чудно. — Федор развернул узелок. Там были большая краюха хлеба и два огурца.—На вот, возьми,— сказал он.

Василий взглянул на краюху.

— Не надо.

— Не об тебе речь, — сердито проговорил Федор и поглядел на женский передник. — Может, кому и сгодится.

— Не надо.

— Ну, не надо, нам больше останется, — ответил Федор и опять завернул в тряпочку краюху и огурцы.

Отошел от оконца, словно вовсе решил уйти. Потом вдруг вернулся и поманил Василия пальцем.

Тот удивился, но подошел. Федор осторожно огляделся по сторонам.

— Ты вот что... Скажи начальству своему... Чтоб это... Чтоб, значит, побереглось... Неровен час — подпалят...

— Что подпалят? — насторожился Василий.

— А вот это... чего настроили.

— Кто подпалит?

— Мало ли кто: разный народ. Сам слышал. И люди слыхали.

Василий насторожился, оглядел Федора, а потом сердито сказал:

— Брешешь ты все! Ступай отсюда!

— Ну гляди, дело ваше.

Василий резко повернулся спиной к окошку, давая понять, что разговор окончен. Подошел к печурке, где в кипящей воде варились три картофелины. Но Федор не уходил. Он молчал.

Молчал и Василий...

— Говорят, родила? — проговорил наконец Федор и кивнул на передник.

— Да... Позавчера родила. Сын у нас.

Федор наклонил голову. Долго стоял так. А потом крякнул, взял свой узелок и молча пошел прочь.

Тогда Василий позвал через дверь паренька, игравшего во дворе:

— Митька! Кликни-ка мне дядю Дениса.

Вынул огрызок карандаша, помусолил, подумал, еще раз помусолил и стал писать, с трудом выводя неровные, разбегающиеся строки:

«Аннушка, пишет тебе твой Василий. Аннушка, нет мне ни сна, ни покоя, изболелась душа, думавши о тебе...».

И вот мы уже слышим голос Анюты, продолжающей читать по складам это письмо.

Родильный барак. Возле ее кровати сидит Денис и держит в руках узелок. Анюта читает письмо Василия, на глазах у нее слезы. Рядом с ней на подушке спит новорожденный.

А вокруг стоят, подперев пальцами щеку, другие женщины, и на глазах у них тоже слезы.

— «...Аннушка, ягодка моя, — читает Анюта по складам. — Береги себя. Знай, что если что, так и мне без тебя не жить. — Она всхлипнула и утерла слезу рукавом рубахи. — На-род... на-род новую себе жизнь строит, — продолжает она, волнуясь и сбиваясь, — и мы с ним. И ни об чем... об чем... не жалей... А за сына еще раз тебе спасибо».

Улыбка так и засияла у нее на устах, и тут же она опять всхлипнула. Завздыхали, завсхлипывали и бабы.

— Ну, погоди, погоди,— сказал тоже растроганный Денис.— Погоди, не плачь!.. Не плачь, тебе говорят!.. Вот — гостинец тебе от него.

Он развернул узелок. Там лежали три картофелины и кусок хлеба из лебеды. Она взяла эти картофелины и этот хлеб и глядела на них так, как глядят женщины на самый желанный, самый чудесный подарок.

— Дорогой ты мой! — только и могла она вымолвить и зарыдала.

...А Василий тем временем шел по шпалам в поисках застрявшего эшелона. Стоял холодный день, трава была рыжая, мертвая, мокрая, а там, где не было травы, чернела глубокая вязкая слякоть. Моросил дождь, рывками ударял ветер.

Вокруг были болота, среди них тонкая бровка насыпи, и по насыпи, со шпалы на шпалу шагал человек в старой шинели и в картузе.

В больнице возле кровати Анюты сидел теперь один Денис.

— Боюсь я, Денис Иваныч, — в тревоге говорила она. — Как мне с сыном-то быть. Ведь незаконный он... А? И крестить. Вася не даст. Денис Иваныч? — Некрещеный?.. А?

— Э, милая,— покачал головой Денис,— люди вон наново сотворенье мира затеяли, а ты все об своем, об старом...

— Вот и Вася так говорит, — с сомнением сказала Анюта. — А я не знаю... Скажи мне, Денис Иваныч, — со страстной надеждой продолжала она. — Я тебе верю. Скажи, вправду будет новая жизнь? А?.. Вправду ему,— она изо всех сил прижала к себе младенца,— будет лучше, чем нам?

Денис сидел молча, словно советовался с совестью своей, прежде чем дать ответ.

— Полагать надо — вправду, — ответил он.

— Вот и верю, а как же поверить! — в смятении продолжала Анюта. — Ведь гляди, что вокруг-то: голод, смерть, вши.

И опять некоторое время Денис сидел молча в глубоком раздумье.

— Это что! — молвил он наконец. — Голод уймем, вошь подохнет... Совсем другой оборот жизни пойдет...

— Пойдет? — Анюта жадно ловила каждое его слово.

— Вон станцию выстроим. Завод, фабрики... Тогда хоть год скачи, а вшу не найдешь... А только я тебе, милая, так скажу: не та вошь страшна, что за пазухой, а та, что в душе живет. Ведь оно как у людей? «Лишь бы я!.. Все бы мне!..» А нет у него, подлеца, свово интереса, так он, прости господи, всему свету вон какой резон кажет, — Денис, иллюстрируя свою мысль, изо всех сил хлопнул себя по ягодицам. — Вот ведь как! Вот она, вошь-то где!.. Изведем ее — будет у твово сына новая жизнь, будет с него людям прок. А нет, — он махнул рукой, — вошь она и есть вошь — крести ее или не крести!.. Так-то, голубка!..

Между тем Василий по-прежнему шел вдоль железной дороги. Догорел день, настали сумерки, занепогодила ночь, а он все шел и шел. Ветер гнал вкривь и вкось дождевые капли. Мелькнул огонек, заслоняемый качающимися соснами.

Станция. Но эшелона тут не было, и Василий пошел дальше.

На рассвете — мутном, ненастном — он добрел наконец до полустанка, где стоял затерявшийся эшелон. Паровоз заглох, вокруг не было ни души.

Тщетно под ветром и дождем бегал Василий вокруг эшелона, оглядывал вагонные площадки и окликал:

— Эй, есть тут жив-человек?

Площадки пусты — на одной лишь темнела связка кондукторских фонарей.

В окне полустанка светил тусклый огонек. Василий поспешил туда.

В крохотной, сильно обкуренной, грязной комнате начальника полустанка спали на полу машинист, его помощник, кочегар, кондукторы, охрана.

— Куда эшелон? В Загору?

Поднялся один из спавших, видимо, машинист, и долго кашлял и харкал спросонья, пока ответил:

— Ну, на Загору.

— Это вы что ж?! — яростно заговорил Василий.— Саботаж разводите! Так, что ли, понимать? Почему эшелон стоит?

Все проснулись, но ответил опять машинист и опять после долгого утреннего отхаркивания курящего человека.

— Дров нет... Кто-то мост подрубил на Опалихе .. Мы там трое суток под парами стояли... Вот и вышли дрова.

— Как нет дров — кругом лес?

— А нам не лес — нам дрова нужны, — возразил саркастически машинист и запалил цигарку. — Обещались подать. Подадут — поедем.

— А вы что — баре тут? — стараясь сдержаться, сказал Василий. — Сами нарубить не можете? На Загоре народ помирает без хлеба, а они тут дрыхнут!!

— Полегше! — сердито откликнулся кто-то. — Откуда взялся?

— А ну, вставай мигом! — рявкнул Василий.

Никто не встал. Засмеялись.

— Шлепнуть бы вас! — в бешенстве проворчал Василий.

Он подошел к начальнику полустанка, который лежал на единственной койке в форменном пальто и форменной красной фуражке.

— Здешний? Чтоб через пять минут были тут топоры! Понял?!

— Да где я тебе их возьму? — развел руками начальник, не поднимаясь с койки. — Вон топор, — указал он в угол за дверью, — бери, если приспичило. Вон и пила.

Василий взял топор и пилу и вышел, изо всех сил хлопнув дверью.

— Он контуженный! — крикнул ему вслед кто-то из кондукторов и повернулся на другой бок.

Утихли, задремывая, и остальные.

Закашлял машинист, гася цигарку и щурясь от дыма. А когда кашель стих, стали явственно различимы мерные и сильные удары топора, доносившиеся снару-

жи. Все заворочались, некоторые накрылись с головой шинелями.

Но стук топора продолжался — сильный, отчетливый, проникавший сквозь стены и сквозь шинели.

Машинист крякнул и стал натягивать сапоги. Вышел. Остановился возле крылечка по своей нужде.

В серой пелене болотного дождя Василий, сильно взмахивая топором, подрубал дерево. Вот оно грохнуло оземь. Василий поплевал на руки и принялся за другое.

— Эй ты, мил человек, — сказал машинист, застегивая ширинку. — Знаешь, сколько дров надо, чтобы до Загоры доехать? Тут пять ден рубить надо.

— Пять надо — пять рубить буду, — ответил Василий. — Не твоя печаль. Ты иди досыпай свое, дармоед...

— Ну, руби, руби...

И машинист ушел обратно в комнату начальника полустанка.

Кто-то спросил его там:

— Неужто ж, правда, один рубит?

— Рубит.

Машинист сел на скамейку, свернул цигарку. Теперь никто уже не спал, все слушали доносившиеся снаружи удары топора. Вот упало дерево и резко хлестнуло по крыше, словно ударил огромный жгут. И опять удар топора, снова удар.

Василий рубил. Он скинул шинельку, спина была мокрая, пар валил от рубахи. Рубил он неумело, дело это было для него непривычное. Но цель, во имя которой он один на один валил деревья, придавала ему силу, и велика была эта сила, хоть и не спал он всю ночь.

...И вот уже срублено несколько деревьев, обрублены у них ветки.

Солнце стоит высоко. На крыльцо полустанка опять вышел машинист, с ним еще несколько человек. Они стояли и смотрели, как Василий работает. Он рубил все еще сильно, но уже чувствовалась усталость. Иногда

топор соскальзывал: все чаще и чаще останавливался Василий, чтобы утереть пот.

Начальник полустанка сказал:

— Ладно дурить! Куда тебе одному, разве можно? Зайди отдохни, поешь.

Василий даже не обернулся.

Те опять ушли в дежурку.

Расселись по скамьям. И опять донесся до них стук топора, но уже неровный, какой-то судорожный, неритмичный, словно дыхание человека, которого держат за горло.

— Слушай, — сердито сказал машинист начальнику полустанка, — а где, в самом деле, топоры-то достать? А?

— Да бес их знает... Разве, может, на хуторах...

— Петька, сгоняй до хуторов, — приказал машинист.

Петька и еще один паренек из паровозной бригады вышли.

— И пилы! Пилы! — закричали им вслед.

Парни выбежали из дежурки и пробежали мимо Василия. Он в это время приспосабливал одно из деревьев к распилке.

Подтащил его к другому дереву и теперь старался навалить один ствол на другой, чтобы было сподручней пилить. Работал он из последних сил. Споткнулся, поднимая колом дерево, упал, встал весь в грязи, опять поддел колом ствол и, шатаясь, навалил его на другой. Взял пилу.

Это была пила, приспособленная для работы двух человек.

Пилить было неловко, пила сгибалась, соскакивала с надреза. Но Василий опять вставлял ее в надрез и снова упрямо пилил. Пот лил с него градом. Видно было, что работает он уже в полном изнеможении. Его пошатывало.

Опять появились на крыльце машинист и другие.

— Дай-кась, чудак,— сказал машинист и взялся за противоположную ручку пилы.

Работать сразу стало куда ловчее. Отпилили кругляк, принялись пилить другой. Один из кондукторов взял топор и, надсадно крякнув, стал рубить дерево.

...А к ночи, в сумерках, уже и машинист, и кондуктора, и охрана, и Василий, да и сам начальник полустанка, всем миром, валили и пилили деревья.

Дождь сыпал и сыпал. Совсем стемнело.

— Шабаш! — сказал машинист.

Все побросали топоры и пилы. Все, кроме Василия, продолжавшего пилить.

— Идем, брат, шабаш! — сказал Василию машинист. — Сам видишь — темень. Утром докончим.

Василий отрицательно покачал головой.

— Никуда не пойду.

— Что ж ты, всю ночь пилить будешь?

— Ну и буду.

— Сдохнешь ведь, — сказал кто-то.

— Людям хлеб нужен, понятно тебе? — прохрипел Василий.

Он был страшен. Глаза ввалились от усталости, он едва стоял на ногах.

— Хлеб! Или не будет Загоры. Понятно тебе?

Больше он не мог проговорить ни слова и только махнул рукой.

— Вот черт упрямый, — в совершенном изумлении молвил машинист.

Отбросил цигарку, сплюнул и снова взялся за пилу. Другие, подумав, мало-помалу опять принялись за работу.

Шел дождь, шумел в соснах ветер. Шумел он и тогда, когда начало рассветать.

Ранним утром Анюта с ребенком стояла у окошка больницы. Денек, как всегда в этих местах, был хмурый, но целый мир — пусть хмурый — расстилался за окном. Сын Анюты в первый раз в жизни глядел на него, и она знакомила сына с этим огромным миром, как знакомят вновь пришедшего гостя с давно известными местами.

— Вон это лес, — говорила она. — А вон там облачко... А это станция, там мамка твоя работает и папка тоже... Вишь, какая большая станция выросла. Вот и ты у нас такой вырастешь... Будешь в каменном доме жить. И никто тебя не обидит... Не прибьет, как твою мамку били.

Сын вдруг заплакал, сердито, без слез, как плачут совсем крохотные дети.

— Ну-ну-ну,— заговорила, улыбаясь, Анюта: ей был радостен голос сына даже в плаче. — Ну, умненький, ну, послушненький... Вон, гляди, собачка... Пойди к нам, собачка!.. А это народ идет... Видишь?

Действительно, из окна было видно, что по дороге, от стройки, идет народ. По мере того как толпа приближалась, становилось ясно, что это какая-то странная, необычная толпа.

Люди шли, нагруженные мешками, котомками, узлами, с кричащими детьми на руках. Некоторые несли пилы, завернутые в рогожу, топоры, сундучки с инструментом.

Народ шел молча, сосредоточенно — слышен был лишь нестройный топот.

— Что это? — в тревоге спросила Анюта у женщин в палате.— Смотрите, народ какой-то идет...

Женщины мигом прильнули к окну.

Анюта растворила раму.

— Куда? Люди!

Никто не ответил ей. По-прежнему шли молча, понурившись, только ребятишки плакали да брехали собаки.

В палату вбежала женщина.

— Бабы, народ уходит! — затараторила она. — Побросали работу... Человек двести, а может, поболе.

— Как— уходят? Куда?

— А кто его знает... Совсем уходят!

— Как же быть, бабы? — проговорила в испуге Анюта. — Надо бы побежать, сказать... Эх, Васи моего нет! — горестно добавила она.

...А народ уже вышел из поселка на дорогу.

Утро было теперь прозрачное, холодное, золотое. Шумели в воздухе галки, напуганные необычным движением. Вдруг передние ряды встали. Задние напирали, но впереди никто не двигался. Причина была в том, что перед толпой стоял Хромченко — маленький, в пенсне со шнурком, шляпе, с хилой бородкой.

Сзади в толпе кричали:

— Чего встали? Чего там?

Хромченко крикнул так, что толпа сразу смолкла.

— Стойте, товарищи! Погодите! Это вы куда?

Толпа стояла молча. Кто-то откликнулся:

— Уходим мы — вот куда!

— То есть как — уходите? Как это понимать? Это что ж — дезертирство? Ну, уйдете, а подумали вы о том, что будет? Что остановится стройка, встанет Загора. Подумали вы об этом? О революции вы подумали?

— Э, милай! — звучал женский голос. — Как же ее делать-то, революцию, на осьмушку-то хлеба?

— Работали, сколько могли. Пока силы были.

— А на фронтах?! — закричал Хромченко. — Там ведь тоже голод. Но там еще и кровь, товарищи... По всей стране кровь, разруха. И только в одном месте строим — здесь!.. Один огонек в темноте. Неужто задуем его? Неужели погасим? Это же подлость, товарищи!

— Ты вот что, Иван Андреич, — строго сказал Семен. — Ты народ не кори. Народ тут ночей не спал, детей хоронил, а работал... А теперь нету сил. Не ушли бы — сил нету! Понятно?

— Да погоди ты! — отчаянно воззвал Хромченко. — Ведь эшелон с хлебом идет, товарищи!

Но настроение толпы уже стало резким, недружелюбным.

— Покуда твой эшелон дойдет — ноги протянем!

— Давай, народ, двигай!

Задние ряды поднаперли, подтолкнули передних, и толпа тронулась, обтекая Хромченко, который стоял, словно островок, среди этого потока шапок, котомок, мешков.

...Шумит-бежит паровоз среди болот: идет на Загору тот самый эшелон с мукой, который стоял без дров на полустанке. На тендере, полном дров, спит непробудным сном Василий.

Сидит у окошка паровоза знакомый нам машинист с неизменной цигаркой в зубах. Скользит хмурый мелкий лес, перелески, осока.

Тонкий столб дыма повис над лесом. Машинист окликнул помощника:

— Гляди, что это?

— Для костра велик,— определил помощник, вглядевшись. — Не пожар ли?

— Кажись, на Загорё. А ну, разбуди молодца.

Кочегар влез на тендер и принялся расталкивать Василия. Но тот спал мертвым сном.

— Спит, не добудишься, — кочегар махнул рукой и слез с тендера.

Толпа, уходившая со стройки,— та самая, которую уговаривал Хромченко, — вышла из леса и растянулась длинной усталой цепочкой, когда раздался чей-то голос:

— Гляди, ребята! Что это?

Остановились, обернулись. В небе висел уже довольно густой дымный хвост. Несколько человек взбежали на пригорок.

— Никак, Теребеевка, — крикнул кто-то.

— Не электростанция ли?

— Точно! На озере!

— Ой, матерь божья, святые угодники, — забормотали бабы, и быстро замелькали их руки, очерчивая кресты. — Ой, господи, спаси и помилуй!..

Рельсы плавно скользили среди сплошной стены леса, а когда паровоз выбежал на простор, сразу стала видна огромная шапка черного дыма, разметавшегося по небу.

— Кажись, правда, Загора, — сказал в тревоге машинист. — Давай буди! — нетерпеливо обратился он к кочегару.

Тот опять влез на тендер и наконец растолкал Василия.

Василий замычал, открыл глаза, приподнялся и снова лег.

— Глянь-ка, брат, не у вас ли горит?

Губанов сразу вскочил на ноги. Встал во весь рост на тендере.

— Где горит?

Теперь уже видны были грозные тучи дыма. Даже за много верст от пожара ощущалась его страшная, гибельная мощь.

— Загора горит! — не своим голосом крикнул Василий, спрыгнул вниз к машинисту. — У нас это... Загора горит...

И он схватился за голову, вспомнив предупреждение Федора.

— Поджог... Подожгли, сволочи! — бормотал он. — Чего тянешь, давай гони! — крикнул он машинисту.

— Подкинь дров, — приказал машинист кочегару.

И кочегар вместе с Губановым начали бросать дрова в топку.

К небу взвился новый, пронизанный огнем султан дыма — так бывает на пожаре, когда рухнет крыша или займется новое здание.

Тот же султан дыма увидела и толпа. Она продолжала стоять на пригорке, следя за пожаром.

И словно это был сигнал к действию, потому что кто-то сказал:

— Как же, братцы, быть-то? Ведь сгорит!

— Ну-тка, бабы, постереги вещички, — обернулся Семен.

Несколько баб сразу заговорили:

— Давай сюда, давай, милок... Разве ж можно...

Большая группа мужчин во главе с Семеном быстро направилась в сторону пожара. Затем, через некоторое время, отделилась другая и тоже двинулась к озеру. А вскоре и вся толпа, которая недавно кричала Хромченко, что сил нет и что на осьмушку не проживешь, спешила обратно в Загору, где пожар, несмотря на всю свою силу, казалось, еще только разгорался.

Возле вещей осталось несколько крестившихся баб, дети и старики. Одна старуха, стоя на коленях на земле, клала поклоны прямо в грязь и не переставая крестилась дрожащими старческими руками.

Машинист включил тормоза, подходя к сто первой версте. Вагоны лязгнули буферами, эшелон замедлил свой бег.

Василий еще на ходу соскочил со ступенек паровоза и кинулся было к месту пожара.

Вдруг кто-то налетел на него, его окружили. Васи-

лий даже сразу не понял, в чем дело. Его схватили, скрутили руки назад.

— Куда, голубок? — спросил человек, в котором можно было узнать Расстригу. Василий ошалело оглянулся и увидел, что на паровозе уже орудуют какие-то люди под командой Степана, что машинист и кочегар, сброшенные с паровоза, тяжело плюхнулись в грязь.

А тем временем другие люди во главе с Чернобородым уже сбивали с вагонов пломбы и ловили убегавших кондукторов.

Широко раздвинулись вагонные двери, и один мешок за другим полетели на насыпь. Из лесу вымахнули телеги, которые бандиты прятали там. Шайка стала набрасывать в телеги мешки с мукой.

Не в силах выдержать этого зрелища, Василий рванулся. Но его крепко держали.

— Эй, не балуй!! — громко прикрикнул Расстрига.

Он схватил Василия за плечи и развернул его лицом к бушевавшему пожару.

— Ты лучше сюда гляди!.. Обещал тебе встретиться, вот и встретились. Или не по душе?

— Эх, лопухи же мы, лопухи! — со страшной злобой процедил Василий. — Ведь чуял я... Душа чуяла... Давно бы к стенке вас всех!..

— Цыц, нехристь! — отозвался Расстрига и толкнул Василия кулаком в затылок. — Гляди, тебе говорят.

И только один человек, не принадлежавший к шайке, видел эту сцену — помощник машиниста, которому удалось соскочить с другой стороны паровозной площадки и спрятаться в осоке. Теперь, не замеченный бандитами, он скользнул на животе по кочкам и пополз изо всех сил по направлению к горевшей Загоре.

...Горела Загора. Горели бараки, Народный дом, склад, где работал и жил Василий, столовая, подстанция, лавки, конный двор. Люди вытаскивали свои пожитки из тех немногих бараков, до которых еще не добралось пламя. Другие, стоя на крышах, поливали их водой из ведер.

До электростанции огонь еще не дополз. Ее лихорадочно окапывали загорцы, в том числе Зимний и Хромченко. Был тут и Денис.

Вот Зимний вытер черный пот, оглядел раскинувшееся перед ним безбрежное море огня и сказал дрогнувшим голосом Денису:

— На нашей территории, брат, дают нам бой!.. А?

Денис разогнулся, обтер руки о новые обгоревшие штаны, поглядел на пожар и сказал:

— Ну, что это за бой!.. Вот если бы оттеда еще стреляли!

И побежал вдоль открытой траншеи, крича:

— Давай-давай!.. Не дрейфь, братцы!..

Перед ним, беспощадно приближаясь к зданию электростанции, гудела стена огня.

Помощник машиниста, которому удалось спрыгнуть с паровоза, бежал вдоль этой стены огня: мимо пожитков, вытащенных на траву, мимо кричавших детей, мимо черных, измазанных в саже людей, тушивших пожар.

И всех спрашивал:

— Где тут начальство? Кому тут сказать?

Но никто в пылу работ, в том числе и Семен, который выводил из конюшни дико ржавших лошадей, не обращал на него внимания.

Помощник машиниста подбежал к группе женщин, выволакивавших матрасы и койки из бревенчатого дома, не тронутого огнем. Это был родильный барак, и среди женщин была Анюта. Новорожденные, в том числе и сын Анюты, лежали тут же на траве.

Анюта только что вынесла на носилках стонавшую роженицу, когда появился помощник машиниста.

— Кому тут сказать? Где начальство найти, мать честная?

— А что такое? — спросила Анюта.

— Поезд грабят. Людей убивают. Кому сказать?

— Какой поезд?

Помощник машиниста не ответил и только безнадежно махнул рукой.

— Начальство на электростанции ищи, — показала рукой одна из женщин. — Беги туда.

Помощник машиниста исчез в дыму. Анюта снова взялась было за носилки с роженицей, но вдруг замерла.

— Эй, человек! Какой поезд?

Но человека уже и видно-то не было...
Анюта, помертвев от испуга, кинулась к бабам.
— Какой поезд-то?! Ведь поезда-то не ходят... Не с хлебом ли эшелон? Бабы!! Не Вася ли мой?

...Теперь уже мешки с мукой летели на насыпь из всех вагонов. Нагруженные телеги одна за другой отъезжали в лес. Но множество мешков падали под откос, разбивались, мука рассыпалась по траве, по лужам.

Командовали операцией Степан и Расстрига.

И Василий, которого по-прежнему держали за скрученные на спине руки, вынужден был бессильно глядеть на этот грабеж. Дрожь ненависти и злобы била его. Но вот, изловчившись и улучив момент, он снова рванулся. Парни, которые не ждали такого рывка, выпустили его. Он бросился к ближней телеге, вскочил на нее, с ходу сбил мужика, стоявшего на телеге:

— Не дам! Не пущу!

Кто-то попытался вспрыгнуть за ним на телегу, но Василий страшным ударом ноги отбросил его. За ним другого, третьего. Кому-то удалось все же схватить Губанова и опрокинуть. Стащили на землю, навалились. Он дрался руками, ногами, зубами. Вот подвернулся Расстрига, Василий ударил его головой в зубы, тот рухнул. Подбежал Степан и выхватил знакомый нам наган.

Однако дерущиеся слились в клубок, где нельзя было разобрать, кто враг, а кто свой. И Степан метался вокруг этого клубка, тряся наганом, взывая:

— А ну, дай место, дай место... Поверни его... Отступись!.. Дай-ка мне с ним, с заразой, поговорить!..

И, уловив момент, когда Василий был открыт, Степан в упор выстрелил в него, Василия точно хлестнуло горячим ударом бича. Он метнулся в сторону, закружил, рванулся к Степану. Но тот отскочил и резнул из револьвера еще раз. Василий упал, забился в грязи и в мучной пыли. Однако сила жизни была в нем так велика, что через секунду он все же стал медленно подниматься.

— Держи его! — в ужасе завопил Степан.

На Василия накинулись, свалили навзничь, в лужу, стали избивать чем попало, чудовищным смертным боем.

А Степан прыгал вокруг и палил непонятно куда из своего нагана.

Казалось, все было кончено. Но последним судорожным усилием Василий вдруг сбросил с себя тела и головы, налипшие на него, и протянул вперед руки, как бы взывая о чем-то или желая что-то спросить. И тут же Степан всадил ему прямо в лицо последнюю пулю. Василий скользнул как-то боком и стих. Он был мертв.

А из лесу наперерез бандитам уже бежал из горящей Загоры народ с дрекольем и топорами.

Бандиты, грабившие задние вагоны, первыми пустились наутек на телегах, прямо по кочкам. Подпрыгивали телеги, падали в болото мешки.

Вот загорцы перехватили одну телегу, застрявшую в болоте, потом другую.

На третьей Семен поймал Чернобородого и изо всех сил ударил его колом. Чернобородого, словно пушинку, смахнуло в болото. Семен еще раз сработал своим колом. А народ кричал:

— Так их, злодеев!.. Тащи их в полымя!.. Чтобы помнили, контры, как поджигать!!

Расстрига, визжа, бежал среди кустов, петляя, как заяц, и его долго не могли схватить. Но вот попался и он. Его подняли за руки и ноги, взмахнули им раз-другой и ударили головой о сосну.

Перехватили и Степана, удиравшего на телеге, нагруженной мешками. Попытались снять с телеги. Но он все выше, все круче взбирался на мешки, вопя:

— Это не я, братцы!.. Вот крест святой — не я... Это они подожгли!.. Не виновен я! Это они, гады, подговорили, подбили меня... Да нешто я против? У меня папенька рабочий. Не надо меня убивать!.. Я в сиротском доме рос... Братцы-товарищи!.. Православные християне!..

Его за ворот стащили с мешков. Медленно сползал он по мешкам вниз головой — сперва проползла фуражка, за ней гимнастерка, затем галифе... И как только полностью вырисовались во всем блеске эти знаменитые галифе, движение его тела сразу приостановилось. Так и застыли огромные Степкины галифе на фоне осеннего свежего неба.

Потушен пожар, сгорел почти весь поселок на озере. Как всегда после пожара, копошились на еще дымившихся пепелищах люди, вытаскивая из-под пепла обгоревшие вещи, согнутые пламенем койки, обломки и обрывки чего-то, а чего — невозможно было понять.

От многих зданий остались только черные печные трубы — странные и неестественно длинные среди пустой, тоже черной, еще горячей земли.

И у Зимнего с Хромченко, проходивших среди развалин, было то чувство, которое ощущаешь, когда, закончив тяжелый и долгий путь, вдруг видишь, что все надо начинать сначала.

— А уцелело сколько? — спрашивал Хромченко.

— Девять домов, — ответил отрывисто Зимний, —да и те... — он махнул рукой.

— Придется землянки рыть?

— Видимо, да.

Они проходили мимо обгоревшего продовольственного склада. Сюда свозили отбитую у бандитов муку — мешки в беспорядке были навалены у входа. Артель Семена спешно заделывала рухнувшую стену склада.

— А, Семен! — окликнул Хромченко, стараясь придать своему голосу бодрый тон. — Ты, значит, тут?

— Значит, тут, — хмуро ответил Семен.

— Выходит, остался?

Семен ничего не ответил. Он продолжал работать.

— А остальные как?

— Все тут...

— Ну, и как дальше думаете?

— Думаем так, что наперед надо меньше ушами хлопать,— сердито отчеканил Семен.— Особливо начальству.

Хромченко смущенно хмыкнул, снял пенсне и стал протирать его платком.

К Зимнему, который во время разговора Хромченко и Семена ушел вперед, подбежал человек.

— Александр Васильевич. Москва к телефону.

— Да ну? — радостно отозвался Зимний и быстро пошел к полусгоревшему зданию конторы.

В конторе все было свалено, разбито, разбросано, как всегда после пожара. Одна из стен обвалилась.

Ее прикрывал брезент, трепыхавшийся на ветру. Столы сдвинуты, папки валялись на полу.

Зимний нетерпеливо схватил телефонную трубку.

...Знакомая нам приемная Совнаркома в Кремле. Дежурный сказал в телефон:

— Товарищ Зимний? Сейчас с вами будет говорить Владимир Ильич.

...В конторе строительства Зимний взволнованно и нетерпеливо крикнул:

— Тише, товарищи!.. Прекратите стук!..

Все умолкли, а Зимний заговорил в трубку:

— Владимир Ильич?.. Здравствуйте... Да, Владимир Ильич, был пожар... Поджог...— Он мялся, не зная, говорить ли Ленину всю правду. — Да, кое-что сгорело... Несколько бараков. — Часть заготовленного торфа... Но, в общем, ничего страшного.

Кабинет Ленина в Кремле. Вид у Ленина крайне утомленный. Он сильно изменился с тех пор, как мы видели его в том же кабинете. Осунулся. Ему нездоровится. Нахохлившись, сидит он у телефона, иногда закрывая глаза, как бы отдыхая от света лампы.

После слов Зимнего о том, что, в общем, ничего страшного не произошло, Ленин коротко и недовольно кашлянул.

— Вы вот что, товарищ Зимний, — сказал он круто. — Насколько я понимаю, вы собираетесь нас успокаивать? Так вы нас не успокаивайте. Говорите правду — то, что есть. Перечислите, что сгорело.

И, слушая Зимнего, который, очевидно, начал рассказывать подробности пожара, Ленин отрывисто говорил:

— Так, так... так... так...

Когда Зимний кончил, Ленин поправил на столе бумаги рукой, которая после ранения действовала не очень ладно, и спросил:

— Ну, а народ как? Не уходит от вас народ?

— Кое-кто уходил, Владимир Ильич... А в пожар все вернулись.

И вдруг осунувшееся, усталое лицо Ленина посветлело, на нем заиграла улыбка.

— Да? Ну, вот это хорошо. Это, пожалуй, самое важное.

Некоторое время в его глазах еще светился отблеск улыбки. Затем погас, черты лица стали резче.

— Человеческие жертвы есть?

— Особых жертв нет. Есть ожоги, ранения... Только один погиб от руки бандитов. Защищал хлеб. Губанов такой, коммунист. Может, помните?

Ленин нахмурил лоб, припоминая.

— Губанов?.. Не знаю.

Чувствовалось, что он очень хочет вспомнить, но вспомнить трудно: слишком много проходит каждый день людей, судеб, событий.

— Вы ему еще гвозди помогали достать, — непривычно быстро и горячо заговорил Зимний. — Молодой такой... Помните?

Ленин провел здоровой рукой по щеке. Качнул головой.

— Нет, не помню, — печально, с упреком себе сказал он и примолк. — Д-да... Теряем людей... Хороших людей теряем, Александр Васильевич, негромко проговорил он, помолчав, как если бы образ всех тех, кто пролил свою кровь за Советскую власть, встал перед ним.

И снова умолк. Настала долгая пауза, и Зимний слышал только гул телефона, как будто гудели провода.

— Если есть семья у товарища Губанова, Александр Васильевич, — снова услышал он тихий ленинский голос, — то позаботьтесь... Обязательно позаботьтесь.

И Владимир Ильич медленно положил трубку.

— Дорогие мои товарищи! Сегодня мы хороним Васю Губанова, нашего дорогого друга, которого мы все так любили и знали так хорошо. Кто такой Вася Губанов? Родился в рабочей семье. Двенадцати лет пошел на завод, потом революция, гражданская война... Ранили его. А потом пришел сюда, к нам, в Загору... Вот и вся его жизнь. Вся, товарищи!..

Это речь, которую Хромченко говорит над раскрытой могилой Василия. Рядом простой гроб, наскоро сбитый из досок и грубо окрашенный в красный цвет. Много народу. Большинство стоит у гроба, но некоторые разместились поодаль, среди могил.

И, как всегда на похоронах, в группах людей, стоящих поодаль, идет свой громкий разговор.

— А где же оркестр? Надо бы музыку.

— Клуб-то сгорел. Где ж ее, музыку, взять?

Другая группа.

— А с теми что?

— Есть слух — выехал ревтрибунал из Москвы.

— Не судить их — шкуру надо с них живьем содрать!!!

И тут же:

— Говорят, у него баба с дитем осталась?

— Вон она...

Мы видим Анюту. Окруженная группой торфяниц, среди которых Катя и Малаша, она тоже стоит поодаль от могилы. Стоит как каменная. И только безысходным отчаянием горят ее сухие глаза.

Доносятся слова Хромченко:

— Это был простой воронежский парень — таких тысячи и десятки тысяч. Мечта о народном счастье привела его в партию. И он стал ее верным солдатом. Он пришел к нам не в час торжества и победы, а в час, когда каждый боец на счету, когда быть членом партии — значит, идти на смерть! Не пайков, не чинов ждал он от партии, он искал в ней правду, которую надо добыть с винтовкой в руках. И столько было в нем силы, упорства, что, казалось, даже смерть не сломит его...

Метнулась Анюта — словно рванули ее эти слова. И снова окостенела, судорожно глотнув воздух, — у нее перехватило дыхание. А с могилы донеслись заключительные слова:

— Клянемся тебе добыть эту правду, товарищ Губанов, чтобы исполнилась твоя мечта!

Толпа зашевелилась — видимо, гроб начали опускать.

— Да подойди поближе-то, — тянула Катя Анюту за рукав. — Чего ты стоишь тут?

Анюта двинулась и снова остановилась.

— Нет... Нельзя мне... Невенчанные мы с Васей.

— Что ты несешь! Теперь не царский режим! Ах, горе мое, горе мое! — крикнула Катя.

Застучали комья земли о крышку гроба. Вдруг из толпы прозвучал голос:

— Позвольте мне.

Люди раздались, к могиле выбрался человек — знакомый нам машинист паровоза. Снял шапку, постоял, помолчал.

И все тоже молчали, удивленно глядя на него.

— Я здесь человек чужой, — начал он наконец. — Машинист я, с поезда... Никого я вас тут не знаю... и парня этого не знал... Только видел я, как он дрова рубил, как для народа старался. — Машинист говорил с запинкой, с большими паузами, с трудом подыскивая слова. — Вот кабы все мы так... да всегда бы!.. — проговорил он и опять смолк. — Прощай, брат! — заключил он неловко после молчания.

И опять полетели на крышку гроба комья земли.

До группы, где стояла Анюта, явственно доносился этот дробный стук земли. Анюта побледнела и пошатнулась. Ее подхватили.

— Дайте бутылку... Где водичка-то? — бормотала Катя.

Стучала, падая в могилу, земля.

...И вот уже вырос свежий могильный холм. Народ расходился. Анюта, осунувшаяся, с ввалившимися глазами, по-прежнему стояла поодаль. Ее сын был на руках у одной из торфяниц.

— Ну-ну, Анюта, — приговаривала, всхлипывая, Катя. — Теперь уж... Что уж теперь... Теперь уж ничего не поделаешь. — Повторила она, поддерживая Анюту под руки.

Подошел от могилы Денис, Анюта метнулась к нему, прижалась головой к его груди.

— Денис Иваныч! Как же без Васи? Без Васи-то? А? — лепетала она.

Он обнял ее. Тихонько гладил по голове, думая о том, что сказать этой несчастной женщине.

— Что же тебе сказать, хорошая ты моя? — проговорил он, как бы подведя итог своей трудной думе. — Поди миллион слов есть на свете. А такого, чтобы уте-

шить тебя, не найти. Какие уж тут, как бы сказать, слова!..

Подошла Катя.

— Пойдем, Анюта... Пойдем... Тебе и кормить пора.

Анюта вырвала руки из рук Кати, взяла сына.

— Идите, бабы. Спасибо вам. Денис Иваныч, можно мне тут одной побыть?

— Побудь, голубка моя, побудь...

Денис дал знак бабам, и все они вместе с ним пошли с кладбища.

А Анюта с ребенком на руках подошла к могиле. Остановилась.

...Уже стемнело, кончался короткий, осенний день, а Анюта все еще стояла перед могилой. Проснулся у нее на руках и заплакал ребенок. Она перекрестилась и пошла к воротам. Вдруг кто-то окликнул:

— Анюта!

Она вздрогнула от неожиданности, повернулась, поправила платок.

Неподалеку стоял ее муж Федор.

— Чего тебе? — негромко спросила она.

Горестный, он уставился в землю, не зная, с чего начать.

Потом, повздыхав, проговорил:

— Ну так как?.. Что теперь делать будем?... Вот оно как все вывернулось-то!..

Не ответив, она пошла к выходу с кладбища, он за ней.

В воротах сказал:

— Ведь я к чему? Жить-то где теперь будешь? Ведь сгорело все... А у нас с тобой дом... Печь натоплена... И хлеб есть, и пшено на всю зиму припасено... А?.. Анюта?..

Они вышли из кладбищенских ворот. Ободренный молчанием жены, Федор уже увереннее продолжал:

— И мальчонка без батьки-то, а?.. А я ему заместо отца буду... Пущай живет. Ведь любовь у меня к тебе, любовь!.. — с огромной нежностью и отчаянием сказал он.

Она медленно покачала головой.

— Нет, Федя. Ни к чему это...

— Ведь помрешь! — завопил Федор. — Ничего же нет!.. Холод ведь... Крыши, и той нет!..

Она покачала головой.

— Ничего... не помру... Как люди, так и я.

И ускорила шаг. До перекрестка они шли молча. Тут дороги расходились: одна вела в Загору, другая — в Теребеевку.

— Шел бы ты лучше на стройку,— сказала тихо Анюта. — Гляди, ведь все сызнова надо... Руки-то, ой как нужны!

Он подумал, вздохнул.

— Нет!.. У нас у самих делов много... Сарай надо чинить, картошку копать...

Она некоторое время смотрела на него, глубоко задумавшись. Потом повернулась и пошла по дороге в Загору.

А Федор постоял, посмотрел ей вслед и двинулся по дороге в Теребеевку.

Он шел вдоль осенних трясин, тяжко чавкая в грязи сапогами. Оглянулся, чтобы в последний раз взглянуть на Анюту.

Анюта шла с сыном на руках. Тонкий черный дымок потушенного, но еще не угасшего пожарища вился впереди.

— На этом обрывается рассказ моей матери, — слышится голос повествователя. — Я не знал моего отца, но он с удивительной ясностью стоит предо мной, этот скромный, упрямый, нескладный, неистовый человек, о котором с гордостью можно сказать: коммунист!

Накрапывал дождь. Бежали по небу холодные быстрые тучи.

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Фильм по сценарию «ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ», написанному Е. Габриловичем совместно с Ю. Райзманом, поставлен на киностудии «Мосфильм» в 1936 году.

Режиссер-постановщик — Ю. Райзман. Оператор — Д. Фельдман. Художник — А. Уткин. Композитор — А. Веприк. Звукооператор — В. Богданкевич.

Роли исполняют: Захаркин, отец — И. Пельтцер, Захаркина, мать — М. Яроцкая, Захаркин Петр — Н. Дорохин, Захаркин Кузьма — А. Консовский, Захаркин Илья — В. Попов, Леонтьев, отец — Н. Рыбников, Леонтьев Алексей — С. Вечеслов, Леонтьев Шура — Л. Князев, Леонтьева Лена — Т. Окуневская, Михайлов — В. Грибков.

Фильм по сценарию «МАШЕНЬКА» поставлен на киностудии «Мосфильм» в 1942 году.

Режиссер постановщик — Ю. Райзман. Оператор — Е. Андриканис. Художники — И. Шпинель, М. Тиунов. Музыкальное оформление Б. Вольского. Звукооператор — Б. Зорин.

Роли исполняют: Машенька — В. Караваева, Алеша — М. Кузнецов, Клава — Д. Панкратова, Вера — В. Алтайская.

По сценарию «ЖЕНА» на киностудии «Мосфильм» в 1955 году поставлен фильм «УРОК ЖИЗНИ».

Режиссер-постановщик — Ю. Райзман. Главный оператор — С. Урусевский. Художник — Л. Шенгелия. Композитор — А. Филиппенко. Звукооператор — С. Минервин.

Роли исполняют: Наташа — В. Калинина, Сергей Ромашко — И. Переверзев, Рая — О. Аросева, Костя — Г. Куликов, Лиля — М. Юрьева, Вася — В. Авдюшко, Лиза — И. Акташева, Сутейкин — Ф. Шиманский, Петр Замковой — Е. Весник.

Фильм по сценарию «УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ ДАНТЕ», написанному Е. Габриловичем совместно с М. Роммом, поставлен на киностудии «Мосфильм» в 1956 году.

Режиссер-постановщик — М. Ромм. Оператор — Б. Волчек. Художник — А. Пархоменко. Композитор — Б. Чайковский. Звукооператор — В. Лещев.

Роли исполняют: Катрин Лантье, по сцене Мадлен Тибо, — Е. Козырева, Шарль, ее сын — М. Козаков, Ипполит, ее отец — Н. Комиссаров, Филипп, ее муж — М. Штраух, Грин, ее импресса-

рио — Р. Плятт, Журдан — В. Муравьев, Питу — Г. Вицин, Жак — А. Пелевин, Исидор — А. Кубацкий, жених — П. Шпрингфельд, мадам Купо — Е. Понсова, ее сын — Л. Губанов, партнер Мадлен в спектакле — Г. Юдин, Жюно — О. Голубицкий, Руже — В. Гафт, следователь — А. Шатов.

Сценарий «РАССКАЗ О ЛЕНИНЕ» вошел как второй эпизод под названием «Последняя осень» в фильм «РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ», поставленный на «Мосфильме» в 1957 году.

Режиссер-постановщик — С. Юткевич. Операторы — Е. Андриканис, А. Ахметова, А. Москвин, В. Фастович. Художники — А. Бергер, П. Киселев. Музыкальное оформление А. Ройтмана. Звукооператор — Б. Вольский.

Роли исполняют: В. И. Ленин — М. Штраух, Н. К. Крупская — М. Пастухова, М. И. Ульянова — А. Лисянская, Саша — Л. Крылова, Коля — А. Белявский, Белов — И. Воронов.

Фильм по сценарию «КОММУНИСТ» поставлен на киностудии «Мосфильм» в 1957 году.

Режиссер-постановщик — Ю. Райзман. Операторы — А. Шеленков, Чен Ю-Лан. Художники — М. Богданов, Г. Мясников. Композитор — Р. Щедрин. Звукооператор — С. Минервин.

Роли исполняют: В. И. Ленин — Б. Смирнов, Василий Губанов — Е. Урбанский, Анюта Фокина — С. Павлова, Федор Фокин — Е. Шутов, Денис Иванович — С. Яковлев, Степан — В. Зубков, Расстрига — В. Колпаков, Зимний — В. Адлеров, Хромченко — А. Смирнов.

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Иосифович Габрилович
КНИГА СЦЕНАРИЕВ

Редактор *А. Г. Назарова*
Оформление художников *И. П. Виноградова* и *Л. Г. Виноградовой*
Художественный редактор *Э. Э. Ринчино*
Технический редактор *И. Г. Румянцева*
Корректор *В. А. Струнова*

Подписано к печати 15/XI 1958 г.
Сдано в производство 8/XII 1958 г.
По оригиналу-макету
Форм. бум. $84 \times 108^1/_{32}$. Печ. л. 13,313 (условных 21,83)
Уч.-издат. л. 21,61. Тираж 10 000 экз. Ш10119

«Искусство», Москва И-51, Цветной бульвар, 25
Изд. № 15223. Зак. тип. № 1065

20-я типография Московского городского совнархоза
Москва, Ново-Алексеевская, 52
Цена 13 р. 90 к.